

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/90

На пороге
«тихоокеанского века»

□

Встречи в Сеуле

□

Меры по оздоровлению
экономики

□

Меч или хризантема

□

Хроника гибели
Линь Бяо

□

Величайший оракул
Востока

□

Секреты японской кухни

ЦИГУН И СПОРТ

Первый совместный советско-китайский журнал

По договоренности с Международной научной ассоциацией ЦИГУН (КНР) в 1991 году журнал «Проблемы Дальнего Востока» планирует выпустить в качестве приложения китайский журнал «ЦИГУН И СПОРТ» в переводе на русский язык.

Искусство «ЦИГУН» — это лучший способ
укрепления здоровья,
— поддержания высокого
морального духа,
— развития потенциальной
энергии организма,
— проведения эффективной
цигун-терапии.

О порядке приобретения и подписки на журнал «ЦИГУН И СПОРТ» на 1991 год мы сообщим вам в следующих номерах «ПДВ».

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/90

Научный и общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

Издается с марта 1972 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУЛЬС РЕГИОНА

М. Л. ТИТАРЕНКО. Ситуация в АТР и советско-южнокорейские отношения 3
В. Б. ВОРОНЦОВ. Встречи в Сеуле: размышления политолога 11
К. СУГИМОРИ. Экономическое сотрудничество СССР и Японии: выводы на будущее 19

ДИАЛОГИ И ДИСКУССИИ

М. ХАРОН. Перемены в мире и на Тихом океане: взгляд из АСЕАН 31

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

Г. А. ГАНШИН, И. А. БАЛЮК. Меры по оздоровлению экономики и потребительский рынок 40
В. А. КУЧЕРЕНКО. Опыт компьютеризации экономики 47
В. Б. ПОЛЯКОВ. Рисковые инвестиции 54

ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

У. ЧЖЭНЬКУНЬ. Теория «начальной стадии социализма» и характер экономической реформы 61
Л. А. БЕРЕЗНЫЙ. Об одном аспекте теории «начальной стадии социализма» 64

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К 45-ЛЕТИЮ РАЗГРОМА МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ

И. Б. ЧЕРНЯВСКИЙ. Меч или хризантема 69
В. Т. ВЛАСОВ. Страницы из дневника 75
Ю. Н. ГРАДОВ. Караван на перевале (окончание) 85

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ИСТОРИИ

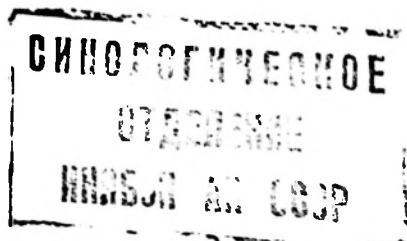
В. Н. УСОВ. Хроника гибели Линь Бяо 96

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

С. Л. ТИХВИНСКИЙ. Китай в моей жизни 103
Г. В. МЕЛИХОВ. Зарисовки старого Харбина (продолжение) 113

ПРОФИЛИ

И. Э. ЦИПЕРОВИЧ. Воспоминания о Викторе Вельгусе 119

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Е. ХИЯМА. Планы покушения на Сталина (продолжение) 131

КЛУБ КОНФУЦИЯ

А. И. КОБЗЕВ. Величайший оракул Востока 138

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

Ю. Е. БУГАЕВ. Школа каратэ (занятие второе) 160

С. Б. МАРКАРЬЯН, Э. В. МОЛОДЯКОВА. Японская кухня: экзотика и рациональность 164

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Л. Г. АРЕШИДЗЕ. Японские советологи о перспективах перестройки 170

Г. Д. СУХАРЧУК. Размышления по поводу «Судьбы китайского Бонапарта» 180

В. А. ГРИНЮК. «Тэнко» — смена курса 187

В. С. КУЗНЕЦОВ. КВЖД и развитие Маньчжурии 196

Н. Е. БОРЕВСКАЯ. Цай Юаньпэй — борец за демократические свободы 202

ПЕРЕД ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЕЗДКОЙ

С. Н. НЕВЕРОВ. И одна фраза поможет понять друг друга... 207

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

А. С. КОСТЯЕВА. Из истории тайных союзов 214

Л. М. ГУДОШНИКОВ. Новый юридический ежегодник 217

М. В. СОФРОНОВ. Теоретическая грамматика китайского языка 221

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале,
не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848,
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

Редакционная коллегия:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Н. КАШИН, И. И. КОВАЛЕНКО, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1990

М. ТИТАРЕНКО

От редакции: в апреле 1990 г. состоялся третий семинар ученых ИДВ АН СССР и Института СССР и Китая Ханьянского университета, посвященный анализу состояния и перспектив развития обстановки на Корейском полуострове и советско-южнокорейских отношений. Участники семинара стремились определить пути оздоровления ситуации на Корейском полуострове, углубления взаимопонимания и сотрудничества между Советским Союзом и Республикой Корея, развития и углубления диалога между Севером и Югом Кореи. В основу данной статьи положено выступление М. Л. Титаренко на семинаре.

С о времени первой встречи советских и южнокорейских ученых осенью 1988 г. в советско-корейских отношениях произошел заметный прогресс. Если в сентябре 1988 г. можно было говорить лишь о перспективах советско-южнокорейских связей, то ныне на повестку дня предлагается анализ их состояния, изучение конкретных объективных и субъективных факторов, содействующих или препятствующих развитию отношений между нашими странами. Наблюдается прогресс, хотя и незначительный, в контактах между Севером и Югом Кореи.

Принципиальная позиция Института Дальнего Востока АН СССР состоит в следующем: мы выступаем за то, чтобы Республика Корея становилась одним из достойных партнеров Советского Союза как с точки зрения взаимовыгодных двусторонних связей, так и с точки зрения взаимодействия на международной арене. С этой позиции мы ведем поиски возможных путей к расширению экономического и других форм сотрудничества, подходов к нормализации двусторонних отношений без ущерба для третьих стран и к достижению взаимопонимания и взаимодействия по международно-политическим вопросам. Следует подчеркнуть, что со стороны Советского Союза в этом направлении нет никаких препятствий субъективного характера. Мы поддерживаем линию правительства Республики Корея на нормализацию отношений с восточноевропейскими странами, с социалистическими государствами Азии и стремимся к тому, чтобы советско-южнокорейские отношения развивались поэтапно по восходящей линии.

Институт Дальнего Востока готов в меру своих сил и своего авторитета содействовать развитию связей и взаимопонимания между нашими странами и народами. В этом мы особую роль отводим ученым и средствам массовой информации. Орган Института журнал «Проблемы Дальнего Востока» регулярно публикует объективные статьи по корейской проблеме, в том числе работы южнокорейских коллег, и будет делать это и впредь.

Нынешняя ситуация в мире в целом и в азиатско-тихоокеанском регионе в частности развивается, на наш взгляд, преимущественно в направлении, благоприятном для позитивных подвижек на Корейском полуострове, от которых во многом зависит перспектива советско-южнокорейских отношений. Новые позитивные моменты в политической и военно-стратегической ситуации в Азии и на Дальнем Востоке в основном связаны как с улучшением общей атмосферы в советско-американских отношениях, прогрессом в области разоружения в Европе, так и проявлениями реализма в политике

ряда стран АТР, прежде всего Советского Союза и его друзей (МНР, КНДР, СРВ), а также Китая. СССР достаточно убедительно продемонстрировал политическую волю, предпринял решительные практические шаги, направленные на снижение уровня военного противостояния в Азии и политического решения существующих конфликтных ситуаций на основе баланса интересов.

Во внутренней политике Советский Союз переживает сейчас революционные перемены, охватывающие все сферы человеческой жизни — духовную, политическую, экономическую. Отбрасывая многие стереотипы прошлого и оставаясь в то же время верными избранным семь десятилетий назад идеалам, мы строим как бы заново демократическое правовое государство, осуществляем глубокие реформы политической системы, создаем самоуправляющееся социалистическое общество. На преодоление трудностей и сложностей в развитии нашего общества нацелена программа поэтапных экономических мер Советского правительства, которые предусматривают стабилизацию экономики в 1990—1992 гг., а также стратегический поворот в 1992—1995 гг. к новой экономической модели, в основу которой будут положены многообразие форм собственности, принципы регулируемого рынка, свободный выбор хозяйственных партнеров, гибкий механизм ценообразования.

Разумеется, перестройка является нашим внутренним делом, и мы ее никому не навязываем. Она необходима прежде всего советскому народу. И какие бы трудности ни возникали на этом пути, мы будем твердо идти к обновлению своего общества, ибо альтернативы перестройке у нас нет. Но мы убеждены в том, что от наших успехов выиграет все мировое сообщество. Внутренняя политика диктует необходимость широкого и всестороннего сотрудничества с зарубежными странами, проведения курса на привлечение к развитию нашей экономики иностранных партнеров, зарубежного бизнеса, их опыта управления, технологий и капиталов. Новое политическое мышление предполагает признание приоритета общечеловеческих ценностей, курс на демократизацию и деидеологизацию межгосударственных отношений, поиск баланса интересов всех государств.

Сегодня мы уже видим конкретные результаты подхода к решению международных проблем с позиций нового мышления. В отношениях между членами мирового сообщества все шире утверждается доверие, постепенно снижается напряжение, вызванное конфронтацией таких мощных военно-политических блоков, как ОВД и НАТО. Идет процесс углубления взаимопонимания между двумя сверхдержавами: СССР и США, постепенно уходит в прошлое «холодная война».

Советско-американский Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности положил начало процессу реального ядерного разоружения. Успешно ведутся советско-американские переговоры о заключении соглашения по 50-процентному сокращению стратегических наступательных вооружений. В самое ближайшее время в Вене будет подписано соглашение по ограничению обычных вооружений и вооруженных сил в Европе от Атлантики до Урала. На завершающем этапе находится выработка конвенции о запрещении химического оружия. Темпы перемен, происходящих в Восточной Европе, поражают наше воображение. Все мы были свидетелями разрушения стены, разделяющей восточную и западную части Берлина, которая долгое время символизировала разделение Европы.

Если говорить о советской политике в АТР, то и правительство, и общественность СССР выступают за то, чтобы этот регион стал зоной мира и широкого взаимовыгодного сотрудничества. Важным вкладом в оздоровление ситуации в Азии является нормализация советско-китайских отношений и возобновление конструктивного диалога между СССР и Японией. В одностороннем порядке Советским Союзом осуществляются шаги по значительному сокращению своих вооруженных сил в его азиатской части, в скором времени будут полностью выведены наши войска из Монгольской Народной Республики. СССР отказался от использования военной базы в бухте Камрань во Вьетнаме. Мы предлагаем начать обсуждение проблемы ограничения деятельности и сокращения военно-морских сил в районе Тихого океана. Продуктивно идут советско-китайские переговоры о сокращении вооруженных сил двух стран, размещенных вдоль границы. Крупным событием, отвечающим интересам как народов двух стран, так и всех государств АТР, стал визит весной 1990 г. премьер-министра КНР Ли Пэна в Советский Союз. Состоявшиеся переговоры дали новый импульс всему спектру советско-китайских отношений, стабильно и динамично развивающихся на принципиально новой

основе после встречи в верхах в Пекине в мае 1989 г.

Мы надеемся на благополучное продвижение к завершающей стадии камбоджийского урегулирования. Советский Союз готов всячески содействовать достижению справедливого, взаимоприемлемого решения на основе разумных компромиссов, баланса интересов, с учетом сложившихся в Индокитае реалий.

Таким образом, признаки разрядки наблюдаются и в Азии, о чем свидетельствуют нормализация советско-китайских отношений и определенное улучшение советско-японских отношений, а также набирающий, хотя и крайне медленно, темпы диалог Севера и Юга Кореи. Обретает все более реальные черты урегулирование в Юго-Восточной Азии.

Однако «холодная война» в Азии еще не ушла в прошлое, порожденные ею очаги напряженности продолжают отравлять международную атмосферу. По-прежнему ориентированы на конфронтацию военно-стратегические связи США, Японии и Южной Кореи, по-прежнему сохраняется напряженность на Корейском полуострове, да и проблема территориальных претензий в советско-японских отношениях отнюдь не снята с повестки дня.

Сегодня в международных отношениях азиатско-тихоокеанского региона происходят весьма противоречивые процессы. С одной стороны, здесь намечилось улучшение общей политической атмосферы, обозначились пути урегулирования региональных конфликтов, повышается культура двусторонних отношений. Большинство стран региона проявляют стремление добиваться обеспечения собственной безопасности не военными, а политическими средствами. С другой стороны, международная обстановка в АТР остается весьма непростой. Если не считать односторонних акций СССР, то в целом здесь пока не снижается уровень военного противостояния. Многие страны по-прежнему втянуты в дорогостоящий и опасный процесс наращивания вооружений. Мы хорошо видим те региональные проблемы, в которых пока нет существенного продвижения. Не используются имеющиеся возможности для налаживания общерегионального сотрудничества на равноправной основе, без какой-либо дискриминации.

Учитывая реальную ситуацию, Советский Союз настойчиво подтверждает и стремится продвигать идею создания в АТР многостороннего переговорного механизма, который позволил бы каждому расположенному здесь государству принимать участие в обсуждении проблем региона и их урегулировании.

При этом мы исходим из убеждения, что достижение взаимного доверия и безопасности откроет двери для более широкого торгово-экономического сотрудничества. СССР выступает за то, чтобы поднять свои связи с тихоокеанскими государствами — как на двусторонней, так и на многосторонней основе — на новый, более высокий уровень.

Именно с этих позиций хотелось бы остановиться на рассмотрении проблем Корейского полуострова. Прежде всего следует выразить наше убеждение в том, что конструктивный подход к урегулированию на Корейском полуострове на основе трезвого учета существующих здесь реалий, на принципах национального примирения и баланса интересов, несомненно, создаст необходимые условия для обеспечения мира и стабильности на полуострове. Конечно, предстоит преодолеть немалые препятствия, но намечавшаяся в мире общая тенденция к разрядке и разоружению неизбежно будет вести к урегулированию в Корее, где политические, военные и экономические вопросы переплетаются в один узел застарелого конфликта.

Что касается урегулирования конфликтных ситуаций, где бы они ни возникали, советские политологи исходят из бесспорного, на наш взгляд, положения, что конфликты могут быть погашены лишь в том случае, когда находятся подходы и пути, удовлетворяющие интересы всех конфликтующих сторон. В международных конфликтах, как правило, неприемлемы какие-либо решения, которые ведут к тому, что одна сторона выигрывает, а другая проигрывает. Здесь необходим консенсус, для достижения которого требуются взаимные уступки, разумный компромисс во имя общей благородной цели — мира, безопасности и стабильности.

Следует отметить, что конечная цель мирного урегулирования на Корейском полуострове — воссоединение в той или иной форме — представляется нам хотя и не близкой, но вполне реальной. Если шаг за шагом убрать с той и другой стороны барьеры военной конфронтации, то мы, я думаю, убедимся в том, что в вопросе объединения

позиции правительств Юга и Севера не столь антагонистичны, как кажется. По мере роста контактов между ними враждебность и недоверие, несомненно, будут уступать место сотрудничеству, мирному соревнованию и мирному объединению.

В этой связи хотелось бы затронуть следующий момент, который, думается, весьма важен. Для того чтобы указанные выше возможности стали реальностью, и Югу, и Северу необходимо выработать нормы поведения в межгосударственных отношениях, то есть научиться уважать и проявлять терпимость к взглядам и позициям друг друга, деидеологизировать свои взаимоотношения. Как представляется, важно, чтобы стороны отказались от установившейся традиции набирать пропагандистские очки на проблеме воссоединения, а набирали бы очки за счет реальных, пусть небольших, практических шагов, способствующих развитию конструктивного диалога Север — Юг и их сотрудничества.

Конечно, государствам одной нации, различающимся своим социально-экономическим строем и внешнеполитическими ориентациями, избегать споров и конфликтов непросто. Но это необходимо во имя решения в дальнейшем проблемы национального воссоединения. И если каждая из корейских сторон будет действовать в духе терпимости, сдержанности и компромисса, иными словами, научится жить в соответствии с принципами мирного сосуществования, можно будет найти пути решения любых разногласий, по крайней мере наличие таких разногласий не будет рассматриваться как повод для конфронтации и отказа от диалога и развития сотрудничества.

Если говорить о Советском Союзе, то его подход к нынешним корейским проблемам не является застывшим, он развивается в духе нового политического мышления, с учетом диалога между Севером и Югом и изменений общей ситуации в мире. Однако остается неизменным наше искреннее стремление способствовать мирному урегулированию, налаживанию доверительных и честных отношений и мирному воссоединению корейского народа в соответствии с волей самих корейцев Севера и Юга, без какого-либо вмешательства, внешнего давления и тем более какого-либо насилия.

Мы поддерживаем инициативы, выдвинутые президентом КНДР в новогодней речи 1 января 1990 г., которые, по нашему мнению, заслуживают самого серьезного внимания в той ее части, где говорится о намерении КНДР активно продолжать диалог с властями Юга, вести межпарламентские и иные переговоры, прилагать усилия для проведения консультативного совещания национального единства с участием представителей властей, политических партий, общественных организаций Севера и Юга. Полагаю, в новогодних инициативах президента Ким Ир Сена есть такие новые моменты, которые, несомненно, несут заряд конструктивизма.

Заслуживает внимания, с нашей точки зрения, и ряд предложений, сделанных президентом Ро Дэ У, в частности по открытию прямого товарообмена между Севером и Югом страны и проведению встречи высших руководителей обоих государств.

Нам известны также идеи американо-южнокорейских семинаров по этой проблеме. Многие, как видно, будут зависеть от тех усилий, которые будут предприняты противостоящими сторонами: КНДР, Республикой Корея и Соединенными Штатами — в ближайшем будущем. В последнее время имели место высказывания некоторых официальных и неофициальных политиков в пользу сокращения или вывода войск США с территории Кореи. Но, к сожалению, высказывались и другие, прямо противоположные суждения и намерения.

Будущее Корейского полуострова во многом зависит от того, какую позицию будут занимать США в отношении переговоров с КНДР. Главное, чтобы стороны приступили к переговорам, не оговаривая этот шаг предварительными условиями, имея в виду определенные цели, программу урегулирования, даже если подходы сторон будут в чем-то различаться. На наш взгляд, пути и средства достижения главных целей в общих чертах довольно реалистично вырисовываются из идей и предложений, выдвинутых профессором Дж. Гудби из Международного центра стратегических исследований при Стэнфордском университете США, который на основе европейского опыта разработал конкретную программу мирного урегулирования на Корейском полуострове, включающую меры доверия между противостоящими сторонами, поэтапное сокращение вооруженных сил Севера и Юга при одновременном поэтапном выводе войск США и устраниении ядерного оружия из Южной Кореи; заключение мирного договора вместо

соглашения о перемирии; подписание декларации о ненападении (неприменении силы); соответствующие международные гарантии. Известно, что доклад профессора Дж. Гудби представлен правительствам Юга и Севера Кореи, намечено его обсуждение на встрече ученых США, КНДР и Республики Корея.

Мы обсуждали этот документ с американскими коллегами на встрече, которая проходила в Институте Дальнего Востока 22—24 января 1990 г., и в принципе поддержали изложенные в нем идеи и предложения.

В плане решения задачи ослабления напряженности и укрепления безопасности во всем азиатско-тихоокеанском регионе участники этой встречи высказывались за то, чтобы идеи, касающиеся безопасности и сотрудничества на Корейском полуострове, распространить и на другие районы АТР. Выдвигалось предложение о созыве конференции США, СССР и КНР по вопросам безопасности и сотрудничества. Такая конференция, по мнению американских коллег, могла бы: 1) дать импульс переговорам между Югом и Севером Кореи, оказать позитивное влияние на развитие ситуации в Корее; 2) позволить обсудить вопрос о неприменении силы и отказе от угрозы силой и гарантиях такого соглашения; 3) достичь договоренности о прекращении поставок вооружений и военного снаряжения Югу и Северу Кореи, об ограничении масштабов военных маневров типа «Тим спирит» и др. Впоследствии круг вопросов, относящихся к безопасности и сотрудничеству в АТР, может быть расширен и включать, например, проблему слишком плотного размещения военных кораблей в западной части Тихого океана и другие меры по сокращению военного противостояния в регионе. На следующем этапе к переговорам могли бы подключиться обе Кореи, Япония и другие заинтересованные государства.

При обсуждении корейского вопроса на советско-американском семинаре было отмечено, что в позициях противостоящих в Корее сторон по вопросам мирного урегулирования в последнее время происходят позитивные подвижки в сторону их согласия обсуждать наряду с мерами политического доверия вопросы устранения военной конфронтации и угрозы возникновения военного конфликта на Корейском полуострове. Мы приветствовали бы такого рода развитие событий.

Возвращаясь к вопросу о состоянии и перспективах советско-южнокорейских отношений, хотел бы еще раз отметить, что в развитии этих отношений сделаны немалые и важные шаги. Как представляется, мы уже уходим от прежней политической конфронтации, переходим к конструктивному диалогу по вопросам многосторонних контактов, связей, сотрудничества в области экономики, культуры, спорта и в других областях. Конечно, нельзя сказать, что мы полностью удовлетворены достигнутыми результатами, особенно в области экономического обмена. Мы зачастую все еще топчемся на месте или же двигаемся слишком малыми и неуверенными шагами. Это, безусловно, зависит не только от южнокорейской стороны. В Советском Союзе в настоящее время, как уже отмечалось, решаются сложные и трудные задачи перестройки в экономике в целом и в области внешнеэкономической политики в частности. Поэтому мы пока, как и прежде, возлагаем большие надежды на инициативность, заинтересованность и компетентность южнокорейского бизнеса и ждем от него более существенного прорыва в советско-южнокорейском экономическом сотрудничестве.

В развитии советско-южнокорейских торгово-экономических отношений с самого начала просматриваются две тенденции: большие ожидания, которые не полностью реализуются в жизни, и, во-вторых, сильное сдерживающее влияние политических факторов. После того как в 1988 г. М. С. Горбачев заявил в Красноярске о готовности развивать торгово-экономические отношения с Южной Кореей, в этих отношениях наступил вначале своего рода бум. Однако сейчас чувствуется, что усиливаются настроения неудовлетворенности состоянием торгово-экономических связей, темпами решения ряда практических вопросов, в результате чего появляются разочарование и в известной мере ослабление веры в благоприятные перспективы в рассматриваемой области.

Для дальнейшего поступательного движения вперед, на наш взгляд, имеются, однако, благоприятные предпосылки фундаментального характера. Препятствие всего можно сказать об объективной заинтересованности СССР и Южной Кореи во взаимном развитии экономических обменов. Эта заинтересованность должна помочь преодолеть различные трудности и заминки на выбранном пути, трезво видеть, что такого рода

трудности в деле дальнейшей интенсификации взаимных связей объективно неизбежны.

Во-вторых, имеет место высокая степень взаимодополняемости экономик СССР и Южной Кореи. Здесь, мы считаем, просматриваются три угла зрения. Первый — взаимодополняемость по линии «сырье — готовая промышленная продукция». Эта линия уже получила первоначальное развитие и будет играть важную роль в будущем. В целом мы за сотрудничество в этой области. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что поставки сырья с советского Дальнего Востока не должны превращаться в единственный и главный канал советско-южнокорейских экономических отношений. Должны активно развиваться и другие направления взаимных связей. Уверен, что рано или поздно мы подойдем к пониманию того, что поставки невозобновляемых ресурсов с Дальнего Востока должны балансироваться возобновляемыми ресурсами в виде капиталов, технологии, управленческого опыта и т. п. из Южной Кореи. На весы этого баланса необходимо положить и все формы совместного предпринимательства советских и южнокорейских партнеров. К тому же следует помнить, что в целом взаимодополняемость по линии «сырье — готовая промышленная продукция» не в состоянии будет длительное время поддерживать расширение взаимных связей.

Еще одна линия экономического сотрудничества — обмена фундаментальными и прикладными знаниями, а также технологиями, необходимыми нашим странам. Южная Корея могла бы получать советскую высокосложную технологию, в том числе из конверсируемых военных отраслей, которой она не располагает. В свою очередь советская промышленность, особенно в отраслях, производящих массовую стандартную продукцию бытового назначения, заинтересована в сотрудничестве с южнокорейскими фирмами. Южная Корея выходит на качественно новый этап развития своего научно-технического потенциала, что является фундаментом ее успешного развития в будущем. В связи с этим она не может не быть заинтересована в широких научно-технических связях со странами, располагающими крупным научно-техническим потенциалом, в том числе Советским Союзом. Важным направлением взаимного сотрудничества в области науки и техники является коммерциализация открытий и изобретений, реализация их в жизнь. Думается, что южнокорейские фирмы могли бы оказать здесь немалое содействие советской стороне, одновременно приобщаясь к ее научно-техническим достижениям.

В-третьих, важен факт принадлежности СССР и Южной Кореи азиатско-тихоокеанскому региону, где развиваются мощные интеграционные процессы. Являясь, по существу, соседями, две страны, хотя и в разной степени, втянуты в эти процессы и в еще большей степени будут участвовать в них в будущем. В том интеграционном ядре, которое складывается в АТР, СССР и Южная Корея могли бы сбалансированно дополнять друг друга в отношениях с другими странами, смягчать неизбежные трудности и перекося, которые возникают в тех случаях, когда в интеграционных процессах участвуют очень разные по размерам и экономическому потенциалу страны. Другими словами, для диверсификации связей Южной Кореи в АТР Советский Союз мог бы сыграть важную роль. То же самое можно сказать и о Южной Корее применительно к СССР.

Разумеется, элементы политической нестабильности, сохраняющаяся административная неразбериха в экономике в условиях перехода от сверхцентрализованного планирования к смешанной планово-рыночной экономике, к конвертируемости рубля порождают немало трудностей для привлечения к оперативному решению проблем сотрудничества корейских бизнесменов. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что прогресс в перестройке, принятие закона о собственности, создающего юридические гарантии для собственности иностранных граждан и организаций на советской территории, продвижение в налаживании транспортных связей, открытие прямой авиалинии Москва — Сеул и создание в обеих столицах консульских служб — все это облегчает развитие контактов и сотрудничества.

Нельзя не остановиться на политических факторах, влияющих на советско-южнокорейские экономические отношения. Думается, важно не превращать эти факторы в инструмент торможения. В силу понятных для Южной Кореи причин Советский Союз не может в настоящее время пойти на полное устранение в политической области тех барьеров, которые, по мнению южнокорейской стороны, необходимо устранить. В свою очередь СССР не может не принимать во внимание и позицию Южной Кореи

касательно политических аспектов взаимоотношений и относится к этой позиции самым серьезным образом. Представляется, что, исходя из этого взаимного понимания, основывающегося на глубокой заинтересованности в развитии взаимных торгово-экономических связей, двум сторонам было бы желательно идти вперед в расширении своего сотрудничества, в наполнении капитала доверия. В нем взаимодействовали бы все элементы, но таким образом, что продвижение в одном направлении способствовало бы успеху на другом, — а не наоборот.

Мы понимаем проявления определенных нерешительности и осторожности южнокорейской стороны в развитии экономического сотрудничества с Советским Союзом и прежде всего ее стремление к тому, чтобы советско-южнокорейские отношения не нанесли ущерб сложившимся отношениям Южной Кореи с США и Японией. В этом смысле можно согласиться с мнением профессора Ю Се Хи о том, что для Южной Кореи корейско-американские отношения более важны, чем корейско-советские. Мы не можем, однако, согласиться с высказываемыми соображениями о том, что у Советского Союза «существует намерение ослабить в этом регионе политическое, военное и экономическое влияние США». Мы — реалисты и развиваем отношения с Соединенными Штатами с учетом существующих реальностей.

Без сомнения, что в обозримом будущем США сохраняют за собой первое место в числе приоритетов Южной Кореи — и как военно-политический союзник, и как экономический партнер. Мы понимаем также, какое значение для Южной Кореи имеют ее экономические связи с Японией. И Советский Союз не может ставить перед собой столь нереальные, практически неосуществимые цели, как ослабление влияния США и Японии в Южной Корее и в регионе в целом. Реальным может представляться обратное — воздействие США и Японии на пределы развития советско-южнокорейских отношений. Учитывая сильную зависимость Южной Кореи от США в вопросах экономики и безопасности, определенные американские круги могут сильно ограничивать свободу действий Южной Кореи в проведении ее политики в отношении Советского Союза и других социалистических стран и даже поставить непреодолимый заслон на этом пути.

Вместе с тем в контексте тех сдвигов внутри и вокруг Корейского полуострова, о которых говорилось выше, мы видим, что постепенно пробивается на поверхность тенденция к видоизменению и сокращению американского военного присутствия в Корее. Но это происходит под воздействием общественного мнения как в США, так и южнокорейского населения, а также новых веяний в прагматично мыслящих американских правящих кругах. Словом, здесь нет никаких «козней Москвы». Мы считаем, что полный уход американских войск вместе с ядерным оружием с Юга Корейского полуострова наилучшим образом послужил бы успеху межкорейского мирного диалога, а следовательно, делу мира и безопасности в Корее, на Дальнем Востоке в целом. Мы говорим об этом в полный голос, со всей убежденностью, без какой-либо тайной мысли об ослаблении влияния США.

Думаю, что никто сейчас не заинтересован в том, чтобы стабильность и экономическое развитие были нарушены политическими или военными конфликтами или растущей волной протекционизма. Мы должны стремиться к созданию благоприятной обстановки, способствующей торговле и инвестициям, и делать все возможное, чтобы регион Дальнего Востока не оставался ареной вооруженного сотрудничества или военной конфронтации.

Следует подчеркнуть, что в Советском Союзе, конечно, не хотели бы, чтобы Южная Корея ставила развитие своих отношений с СССР в жесткую зависимость от характера развития советско-американских отношений. Сейчас идут переговоры и по вопросам расширения экономического сотрудничества между СССР и США, которые выльются, как мы ожидаем, в весьма впечатляющие конкретные договоренности и соглашения. Если же Южная Корея предпочтет участие в проектах освоения советского Дальнего Востока и Сибири совместно с США и Японией, то мы будем это только приветствовать, так же как и сотрудничество в этом деле с КНР и КНДР.

Если давать общую оценку нынешнего состояния советско-южнокорейских отношений, то можно сказать, что в целом развитие их идет по восходящей линии: от отдельных контактов неполитического характера к экономическому обмену и от экономического сотрудничества к политическим контактам. Мы придаем важное значение состоявшимся переговорам между бывшим председателем Демократической

партии за объединение Ким Ен Самом и делегацией ИМЭМО АН СССР в Москве и Сеуле, которые никак нельзя назвать неполитическими. Далеко за рамки неполитических связей выходит учреждение при представительствах ТПП СССР и КОТРА Республики Корея в Москве и Сеуле консульских групп, возглавляемых дипломатами высокого ранга. А ученые-политологи должны действовать так, чтобы такого рода процессы в советско-южнокорейских отношениях становились необратимыми, имея в виду в перспективе возможность установления дипломатических отношений между нашими странами.

Должен сказать, что в этом отношении мы идем впереди тех весьма скромных подвижек, которые происходят в отношениях между США и КНДР. Мы призываем своих американских коллег исходить в их корейской политике из признания реальностей на полуострове, признания реального факта существования двух корейских государств. К этому мы призываем и наших северокорейских друзей, хотя они пока не считают проблему взаимного признания столь важной для решения проблемы объединения. Более важным в отношении между Югом и Севером, с их точки зрения, является не взаимное признание, а уважение идеологий и социальных систем друг друга. Может быть, с точки зрения перспектив объединения такой подход является оправданным. Мы с уважением относимся к стремлению корейцев к национальному воссоединению и полагаем, что им виднее, как этого добиваться. Но мы исходим из своего убеждения в том, что признание между всеми действующими лицами на Корейском полуострове — ключ к созданию переговорного механизма для решения проблемы мирного урегулирования и создания необходимых условий мирного решения корейской проблемы. Советский Союз и ряд других социалистических стран уже сделали существенные шаги в этом направлении. Будем надеяться, что здравый смысл возобладает и в корейской политике США и других друзей Республики Корея.

Мы придаем самоценностное значение нашим деловым контактам с Сеулом и развиваем прямые отношения с Южной Кореей без оглядки на то, как будут вести себя США в отношении КНДР. Вместе с тем мы считаем, что эти шаги должны осуществляться поэтапно и не наносить ущерба суверенитету и достоинству КНДР. Мы призывали и призываем США и их партнеров, включая Южную Корею и Японию, уважать суверенитет и достоинство КНДР, не вмешиваться в ее внутренние дела.

Неоднократно приходилось слышать от наших южнокорейских коллег о том, что они не желают, чтобы отношения между Москвой и Пхеньяном ухудшались из-за развития советско-южнокорейских отношений, и высказываются за то, что лучше всего всем нам жить на принципах международной справедливости, разумного компромисса. С этим нельзя не согласиться. Вместе с тем со стороны южнокорейских коллег нередко высказывается явное неудовлетворение добрыми отношениями Советского Союза с КНДР, особенно военным сотрудничеством, которое, как заявил директор Института парламентских и политических отношений Южной Кореи О Се Мун в интервью газете «Известия», «не вписывается в рамки нового мышления»¹. Однако нельзя забывать, что советское военное сотрудничество с КНДР — это выполнение ранее принятых обязательств, и оно предопределяется военным сотрудничеством США и Республики Корея.

О наших отношениях с КНДР можно сказать так: СССР и КНДР исторически связаны дружбой, сотрудничеством и союзническими обязательствами, и мы будем стремиться развивать отношения добрососедского сотрудничества с ней с учетом объективно сложившихся реальностей. А они состоят в том, что демаркационная линия разделила Корею на два государства, каждое из которых имеет свою систему ценностей, свою идеологию и общественную систему, наконец, свои проблемы. Объединение в таких условиях не может быть легким, быстрым, и путь к нему — это путь мирного диалога, взаимной терпимости в условиях мирного сосуществования. Возможность продвижения корейцев Севера и Юга к воссоединению, как отмечалось выше, мы видим в гармонизации общенациональных и общечеловеческих интересов, в смягчении классовых антагонизмов, в отказе сторон от идеологического противоборства.

С учетом этих реальностей Советский Союз занял справедливую, оптимально взвешенную позицию, пытается налаживать и развивать добрые взаимовыгодные отношения с обоими реально существующими корейскими государствами, избегая какого-либо вмешательства в их внутренние дела.

Встречи в Сеуле: размышления политолога

В. ВОРОНЦОВ

Юбилей восстания

21 апреля. Вечер. Мой корейский знакомый, как полагается хозяину, пригласил меня встретиться с журналистами — ветеранами, собравшимися в зале мемориала, созданного по случаю 30-й годовщины студенческого движения. Ветераны называют его революцией, пик которой 19 апреля 1960 г. обозначил конец политической карьеры президента Ли Сын Мана, стоявшего у истоков образования Республики Корея.

Вокруг имени Ли Сын Мана сталкиваются сегодня различные точки зрения, отражающие сложные, зачастую противоречивые тенденции в развитии современной общественной жизни страны. В Университете Пэчжэ, где будущий президент первой республики провел свои молодые годы, студенты устроили впечатляющую манифестацию, после чего памятник Ли Сын Ману стал неузнаваемым, на шумных митингах предали анафеме его имя. И в то же время почитатели доктора Ли готовят многотомное издание, посвященное политической истории лисынмановской власти.

Ярко выраженная неприязнь студенчества к имени Ли Сын Мана неразрывно связана с ростом антиамериканских настроений среди бунтующей молодежи, в ее основе лежит и память об антилисынмановском движении на рубеже 60-х гг.

Биографы первого президента Южной Кореи в свое время написали немало страниц, раскрыв тесные связи своего героя сначала с американскими миссионерами, а затем и с официальным Вашингтоном.

В 9 лет Ли попал, пожалуй, в первую свою беду — сказались последствия эпидемии оспы, и мальчик потерял зрение. Родители сбились с ног в поисках волшебника, способного исцелить их любимое чадо. Родственники посоветовали обратиться к иностранному доктору из среды американских миссионеров. Родители долго размышляли. Они дали своему сыну имя в буддийском храме, воспитывали его в духе кодекса как конфуцианской морали, так и буддизма, ежегодно приносили в день рождения жертвоприношения к стенам храма... А теперь доверить судьбу сына «заморскому дьяволу»? Но другого выхода не было. Лекарство, выданное чужеземным доктором, помогло, и вскоре обрадованный ребенок закричал во весь голос: «Я могу видеть!» Волшебником оказался американский миссионер Хорас Аллен. Такова одна из легенд.

Невольно приходит мысль: а ведь все начиналось с вездесущих миссионеров, разными путями прибывших в Корею: то ли повинувшись зову всевышнего, веры, то ли плененных страстью к перемене мест, либо просто в поисках благополучия, а то и ради — что греха таить — элементарной наживы. Любопытный посетитель домика Ли Сын Мана не может не обратить внимание на принадлежавшие хозяину семейные реликвии: дипломы Университетов Вашингтонского, Гарвардского, Принстонского (докторская степень) и, конечно же, Пэчжэ.

На первое приглашение пойти учиться в созданную американским миссионером Генри Аппензелером школу Пэчжэ Ли Сын Ман отвечал: «Пусть они изменят закон земли и неба, но я никогда не предам религию своей матери». Но ветер с Запада оказался сильнее заветов матери, оберегавшей сына от дурного глаза «белого дьявола». Поступившие в Пэчжэ ученики горячо обсуждали идеи американских свобод. Лозунги американской революции возбуждали в среде корейского юношества не только интерес, но и стремление к подражанию им. Равенство для всех — призыв, перекочевавший с лозунгов американской революции в проповеди миссионеров, будоражил умы. Новые учителя, однако, не видели в Корее силы, способной воплотить на практике эти идеи. Что же могли ожидать корейцы от США? Миссионеры разъясняли: элементарное образование, навыки в ремеслах и сельском хо-

зьяствие. А демократия? Корея не подготовлена к демократии (в том понимании, каким ее представлял Новый Свет) — это тезис, выдвигаемый миссионерами, конечно, не мог не вызывать у слушателей Пэчжо чувства обиды, которое усиливалось по мере роста их национального самосознания.

Два года учебы в Пэчжо сделали свое дело: для Ли Сын Мана центр мироздания переместился на Запад. Бессилие Кореи перед лицом взрослого влияния Японии волновало многих корейцев. Одни видели в «вестернизации» страны путь спасения, другие полагались на «разумную» политику королевского двора, третьи — отдавали себя целиком во власть религии, видя в ней спасение от земной суеты, четвертые твердо вставали на путь освободительной антияпонской борьбы «Ыйбён», принявшей форму широкого партизанского движения. Ли Сын Ман предпочел политическую эмиграцию, которая и привела его через Вашингтон в кресло первого президента Южной Кореи.

Домик Ли Сын Мана в Сеуле живет памятью о своем хозяине. Мемориал бережно хранят его родственники, для которых один из источников поддержания порядка здесь — продажа сувениров в местной лавчонке. На наши вопросы отвечает сын Ли Сын Мана — профессор Ли Инсу.

— Как долго Вы, как приемный сын Ли Сын Мана, находились рядом с ним?

— Не долго, с 1961 по 1965 г., но достаточно, чтобы узнать его. И конечно, сын не согласен с теми, кто говорит о Ли Сын Мане как о диктаторе. Нет, он не может спокойно относиться к многочисленным обвинениям, выдвинутым против его отца в различных тайных заговорах против политических противников, в подавлении гражданских прав и т. д. Напротив, говорит профессор, отец был националистом, патриотом, боровшимся против «проамериканских оппортунистов».

— А как же материалы УСС (Стратегическая разведка США периода второй мировой войны), свидетельствующие о тесных связях тайных служб Вашингтона с Ли Сын Маном еще до освобождения Кореи? Ли Инсу улыбается: США слишком мало знали о Корее, доктор Ли выступал как советник, эксперт Вашингтона по корейским делам.

Апрельское восстание 1960 г.? Наследник признает в качестве одной из важных причин волнений «плохую организацию выборов», фальсификацию, коррупцию. Да и потом отец находился в то время на пороге глубокой старости. Шутка ли — 85 лет. А это не могло не вызывать соответствующую реакцию молодежи.

Различные, порой противоположные взгляды на историю, демократию, ее возможности в еще, казалось бы, совсем недавно, если иметь в виду исторические категории, освободившейся от ига колониализма стране.

Иных уж нет, у других серебром покрыло голову... Но нахлынувшие воспоминания уносят присутствующих в зале мемориала в те далекие дни 1960 г. Его зовут — Дэ Бум Чунг, фотокорреспондент «Сеге таймс». Молодой фотокор среди бушующего моря демонстрантов. Он фиксировал события, а сегодня обращается языком черно-белой фотографии к новому поколению: смотрите, как мы боролись с диктатурой. На лицах студентов отчаянная решимость, горят костры, сжигается имущество высокопоставленных должностных лиц, повсюду лозунги: долой Ли Сын Мана. Над бушующей толпой демонстрантов поднялся молодой паренек в военной форме. Армия, — объясняют мне — была на стороне восставших. Да, американский историк Карл Бергер оказался прав, когда написал: «Зловещим предзнаменованием этого дня (последнего дня власти. — Авт.) для Ли Сын Мана и его сторонников были терпимость и дружеское отношение армейских частей к демонстрантам».

Что вызывает столь бурный политический энтузиазм молодежи? Нет, не только конфликт поколений. Лишь в Сеуле во время антилисынмановского восстания было убито 130 и ранено около 800 человек. Это был социальный взрыв, в него оказались вовлеченными представители различных слоев населения, различных политических убеждений и возрастов. Газета «Хангук ильбо» познакомила читателя с юбилейным материалом, сопроводив его фотографией 30-летней давности. На ней — учащийся средней школы Ли Ен Мин с залитым кровью лицом. Нашел ли сегодня свое место в жизни тот пылкий юноша, бесстрашно

вставший под пули лисынмановской полиции? Университет, работа юристом, а сегодня он уважаемый мэр г. Пэчён. Сколько их, перегоревших в молодости пламенем восстания занимают сегодня ведущие места в бизнесе, в политическом истеблишменте.

На семинаре в Университете Хангук меня убеждали в неизменности природы человека, его натуры, склонности решать социальные проблемы силовым путем. Но сама корейская действительность не всегда подтверждала столь суровые обобщения истории человеческого бытия. Даже во времена политических кризисов представители средних слоев, интеллигенции демонстрировали свое стремление решать обострившиеся противоречия с помощью гибких реформ.

Как начиналось

Мы — в просторном кабинете Председателя Международного, частного экономического совета Кореи (ИПЕК). Эта организация курирует торговые связи со странами Восточной Европы, СССР, КНР. Символично, что в соседнем здании — Представительство торговой палаты СССР.

Хозяин кабинета как бы предвещает вопрос: как начинался стремительный подъем экономики Южной Кореи? Капитаны южнокорейского бизнеса меньше склонны обращать внимание на политические бури в стране, они предпочитают смотреть в корень. Может быть, я и субъективен, — говорит Председатель ИПЕК г-н Ли Хан Бин, но мне, работавшему в молодые годы в администрации Ли Сын Мана, видятся истоки нынешнего развития Рес-

публики еще с тех времен. Мы должны были с чего-то начинать большой путь. Ли краток. Прежде всего аграрная реформа.

Положение корейской деревни накануне освобождения действительно представлялось жалким: аренда земли в различных видах и формах охватывала до 75 % крестьянских хозяйств, большинство бедняков вынужденно становилось на путь аренды. Голод и нищета были постоянными спутниками в жизни корейского крестьянина.

В основу проведенной под эгидой США в 1951 г. аграрной реформы как в Южной Корее, так, кстати, и на Тайване лежал один из основных принципов — распределение земель за выкуп, что должно было поставить сельского жителя в положение фермера. Гнет феодальных пережитков в деревне таким образом значительно ослаблялся. Помещики, получив за землю выкуп, стали вкладывать капитал в промышленные предприятия, принадлежавшие ранее японцам, а разорившийся арендатор пополнял дешевую рабочую силу на этих предприятиях, что становилось в свою очередь важным стимулом для развития трудоемких отраслей промышленности, нацеленной главным образом на экспорт. Реформа содействовала переходу страны на рубеже 70-х гг. к осуществлению программы продовольственного самообеспечения. Но проблемы, конечно, остались, и немалые. 5 процентов населения владеет и сейчас 65,2 процента земли, находящейся в распоряжении частного сектора. Отсюда, естественно, глубокое социальное неравенство. Без ограничения крупного частного землевладения невозможно обеспечить социальную стабильность — об этом здесь серьезно думают, говорят, обсуждая проект соответствующего закона.

В Сеуле нередко можно встретить лозунг: «Разделим рис». Он имеет как практическое, так и чисто символическое значение. Усиление конкуренции на мировых рынках сельскохозяйственной продукции ударило по фермеру, судьба которого оказалась в тесной зависимости от сбыта своей продукции. Надежда связана с помощью города. Создание различных благотворительных фондов в ответ на призыв «разделить рис» призвано решить как бы двойную задачу: пойти навстречу тревогам фермера и разделить прибавочный продукт среди неимущих, чем несколько пригасить накал политических страстей. Недаром в Корее говорят: «Кинешь хлеб — и тебе кинут хлеб, а кинешь камнем, то и в тебя — камнем».

После освобождения промышленные предприятия стали на некоторое время государственной собственностью, которая затем была продана частным владельцам, что — подчеркивали в беседе представители фирмы «Самсун» — сыграло значительную роль в развитии рыночных отношений. Те, кто работал в лисынмановской администрации, вспоминают о разнообразии примененных тогда средств и методов: здесь и продажа государственных акций, бон. долларов, товаров по высокому ценам, и привлечение денег путем различных мер к вкладам в банки, усовершенствование налоговой системы и т. д. Это, говорили собеседники, способствовало изъятию денег из оборота, стабилизации финансового положения в стране.

— Ну а разве США не сыграли роль стимулятора развития южнокорейской экономики? Конечно, последовал ответ: они предоставили различного рода займы, даже безвозмездную помощь. Мы понимаем опасения Ваших лидеров в отношении иностранных займов, говорили нам, но этот путь прошли все государства, играющие видную роль в международных экономических отношениях, ставшие кредиторами и, кстати сказать, оставшиеся также и должниками. Понадобилось 30 долгих лет, резюмировал Ли Хан Бин, для создания механизма налоговой системы, стабилизации бюджета, нормального функционирования кредитных отношений, обеспечения конвертируемости воны.

Начало было положено.

На новом уровне развития экономики возникают иные проблемы: предстоит проделать огромную работу в сфере финансовой реформы, либерализовать и усовершенствовать контроль над иностранной валютой, над притоком и оттоком капитала, решать проблемы стабилизации обменного курса и создания зрелого валютного рынка и т. д. Помощник министра финансов США Ч. Далара, посетив весной Южную Корею, сделал насторожившие Сеул выводы: «Финансовый сектор Южной Кореи отстает от остальных сфер вашей экономики. Если в этом секторе не будет проведена модернизация, если он не будет развиваться, если он не станет более конкурентоспособным, экономика Южной Кореи когда-нибудь в будущем будет страдать». Такого рода перспектива не устраивает деловой Сеул, и он ищет пути для поддержания динамизма своей экономики, в том числе и в отношениях со странами Восточной Европы.

Демократия: накопление потенциала

Пока осуществлялись меры по стабилизации экономики, страна не раз оказывалась ввергнутой в пучину острого политического кризиса. Осуществлявшиеся реформы тяжким бременем ложились на плечи особенно малообеспеченных семей. Мы затыгивали пояса, чтобы выжить, — говорили лидеры империи «Самсуи». Процесс приспособления общества к усложняющейся диалектике развития мирового рынка неумолимо потребовал преодоления диктаторских форм правления. Казалось, что конец политической карьеры д-ра Ли Сын Мана станет началом нового этапа демократического развития страны, но предстояла еще долгая дорога, прежде чем корейцы начали по-новому воспринимать идеи политического свобод. Страна, длительное время находившаяся под колониальным игмом, не знавшая демократии, медленно, порой мучительно, шаг за шагом проверяла жизнность демократических институтов, без которых ограничиваются возможности взаимодействия с внешним миром в условиях развивающейся высокими темпами научно-технической революции.

Вслед за апрельскими событиями в мае 1961 г. к власти пришел генерал Пак Чжон Хи, и вскоре он в оправдание своей откровенной диктатуры открыто заявил: страна еще не созрела для демократии. И это была правда. Но дух независимости, традиции свободолюбия, невзирая на отсутствие демократических институтов, не были подвластны времени; они оживали с новой силой в политических потрясениях, заставляя правящие круги идти на некоторые уступки демократическим силам. Это в свою очередь, отражаясь в общественном движении, подрывало политическую стабильность государства, а следовательно, наносило ущерб его экономическому развитию. Самым тяжелым в этом замкнутом круге было сохранить соответствующий баланс между мерами по удовлетворению потребностей развития экономики и шагами по поддержанию стабильности. Ясно было одно: экономический застой накапливал разрушительный для общества потенциал.

Когда говорят о парадоксе президента Пак Чжон Хи, имея в виду бурно развивающуюся экономическую систему при «жесточайшей диктатуре», то нередко забывают, что в условиях этой диктатуры действовали — порой активно — оппозиционные партии и благодаря оппозиции (демократическая партия) происходило усовершенствование механизма управления, периодически освобождавшегося от ржавчины беззакония и коррупции.

К Пак Чжон Хи, как и к Ли Сын Ману, здесь относятся, конечно, по-разному, но большинство дает высокую оценку его активной деятельности в области реформ. История знала немало диктаторов, но наиболее жестокие и коварные прежде всего думали о своем благополучии, различными средствами обеспечивали личную безопасность, что не сумели сделать как Ли Сын Ман, так и генерал Пак Чжон Хи. И этим воспользовался начальник южнокорейского ЦРУ Ким Чэ Джу, разрядивший во время обеда свой пистолет в президента Пака. Правление наследника Пака генерала Чон Ду Хвана закончилось в 1988 г. признанием вины за допущенные беззакония и с этого момента, полагают некоторые журналисты, начался поворот общества к демократизации. Вряд ли можно одно покаяние генерала считать точкой отсчета этого поворота. Традиционная корейская культура «забытой», как некогда утверждалось на Западе, нации, давно уже взаимодействовала с иными цивилизациями, стремясь воспринять все лучшее, что вырабатывала передовая общественная мысль на различных перекрестках развития мировой истории.

Мы, представители делегации Института Дальнего Востока АН СССР, приглашены на завтрак помощником Президента в один из первоклассных отелей Сеула. Мне нравится, — говорит хозяин, — принимать здесь своих гостей... Небольшая комната, отделенная от остального зала огромным стеклом, примечательна тем, что на стене висит портрет Со Чже Пхилья — одного из видных представителей либерального дворянского движения конца прошлого века. Рядом с ним потемневший от времени, но бережно хранимый под стеклом экземпляр газеты «Независимость» («Инденденс»). Со Чже Пхиль! Это он возглавлял движение корейских реформаторов, выступивших в начале 80-х гг. прошлого века против сословных привилегий, за отмену налогов в пользу двора, призывавших к развитию промышленности, торговли. И это было тогда, когда Корею пытались разорвать на клочки и японские, и китайские колонизаторы. Движение реформаторов, будучи разгромленным, оставило заметный след в общественном сознании корейцев. Со Чже Пхиль, бежавший с соратниками в США, вернулся на родину, стал преподавать в Пчэжэ. Его возвращение в Корею совпало с трагическими событиями, посеявшими в душе представителей различных поколений корейцев семена ненависти и горькой обиды. В апреле 1895 г. японо-китай-

ская война закончилась победой Японии, японские позиции в Корее окрепли, а 8 октября 1895 г. группа озлобленных японцев ворвалась в королевский дворец. В одной из комнат они нашли королеву Мин, несколько кинжалов пронзили ее тело, труп, завернутый в одеяла, облили маслом и сожгли в саду, дабы замести следы преступления.

Разбойничьи методы колонизаторов вызвали гнев в среде различных слоев корейского общества: от крестьянина до яньбаня (знать.— Авт.). Появилась плодородная почва для восприятия идей американской революции, о которых стал открыто говорить Со Чже Пхиль в среде просвещенной части корейского общества. Со Чже Пхиль стоял у истоков деятельности политического глуба «Чондон», на базе которого и возникло Общество независимости («Тоннип Хёпхве»). Здесь явно отдают дань тем, кто на рубеже XX в. выступал с прогрессивными для того времени идеями ломки феодальных порядков, за реформы, подобные тем, которые осуществлялись в развитых капиталистических государствах.

Ли Сын Ман — его нередко называют учеником Со Чже Пхилья, следуя заветам своих наставников, обратился к Вашингтону за помощью. Во время своей первой поездки в США осенью 1904 г. он попал на прием к родоначальнику политики «открытых дверей» — государственному секретарю Джону Хэю. Тот уклончиво отвечал на поставленные вопросы. «Я сделаю все,— говорил госсекретарь,— чтобы выполнить договорные обязательства». Только позднее стало известно, что подразумевал Хэй, когда говорил о договорных обязательствах. Протоколом переговоров военного министра США Тафта и японского премьера Кацура Вашингтон признавал свободу действий Японии в Корее, а Япония подтверждала отсутствие у нее каких-либо претензий на Филиппины.

Когда мы говорим об истоках демократии в Корее, то не можем игнорировать весьма противоречивое воздействие американского исторического и политического опыта на ее общественную мысль. Лучшие представители образованной части корейского общества не остались безучастными к идеям американской революции, в чем, как в зеркале, отразилось общемировое значение этой революции, как и последующих — в России и в Китае, пусть различных по своей природе, но столь близких по благородству порывов их участников. Но не могла не оставить в памяти ряда поколений корейцев тяжкий след безжалостная политика официального Вашингтона, открывшая, по существу, Японии дорогу к установлению колониального режима на Корейском полуострове. Здесь, видимо, следует искать истоки как демократии, так и воинственного, порой, антиамериканизма в корейском обществе, особенно у корейской молодежи.

Москва — Сеул: в начале пути

16 апреля с. г. по инициативе Ханьянского Университета (Сеул) и Института Дальнего Востока АН СССР (Москва) встретились советские и южнокорейские ученые. Обсуждалось современное состояние и перспективы двусторонних отношений. Есть ли общие подходы? Конечно, они проявили себя в оценках влияния общемировой ситуации, прежде всего диалога между СССР и США, на советско-южнокорейские отношения, в фундаментальных изменениях в стратегическом мышлении как в Советском Союзе, так и в США, хотя, отмечалось, американская стратегия в Северо-Восточной Азии испытывает на себе серьезный груз старого силового мышления. Если тигру нельзя без гор, рыбе без воды, то в нынешний суровый век нам никак нельзя без нового мышления. Только новый взгляд на мир, свободный как от догматического коммунизма, так и догматического антикоммунизма, может содействовать созданию благоприятного политического климата для снятия напряженности на Корейском полуострове.

Вокруг отношений между Сеулом и Москвой немало спекуляций, как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических.

Здесь связывают с визитом в Москву в прошлом году председателя Демократической партии за воссоединение, а после создания объединенной партии сопредседателя правящей Демократическо-либеральной партии Ким Ен Сама отставку одного из видных деятелей Партии справедливости (правящей до объединения партии Ро Дэ У) — Пак Чер Она и даже начало кризиса в правящей партии.

В своих отношениях с Сеулом мы находимся в начале пути, и решения советской стороны в этом направлении могут соответствовать взаимным интересам, если будут основаны на серьезном анализе внутривнутриполитической обстановки в Республике Корея. Со своими оценками расстановки общественно-политических сил в Республике, восприятия ими значения отношений между Москвой и Сеулом познакомил участников семинара

профессор Си Хе Ю (Ханьянский Университет), и в его сообщении, как и в беседах с другими коллегами, можно было уловить известную обеспокоенность по поводу попыток использовать внешнеполитические акции для внутривнутриполитических целей. Своеобразной реакцией на кризис в правящей партии стала активизация находящейся в оппозиции Партии мира и демократии Ким Тэ Чжуна. Оппозиция заявила: ПЛД объявляет в связи с визитом в Москву Ким Ен Сама о начале контактов с социалистической страной в то время, как в Республике действует антикоммунистический закон, по которому посылают в тюрьмы ни в чем не повинных людей. В недрах оппозиции вызрела идея создания новой партии демократическо-республиканской. Программные требования?

- покончить с вторжением в политику разведывательных служб,
- освобождение политзаключенных,
- прекращение подавления демократических сил и содействие развитию малого бизнеса, стабилизации цен.

...В кабинете заместителя министра иностранных дел посла Ли Ён Биня шел спокойный разговор об отношениях между Москвой и Сеулом. Главное стратегическое направление нашей политики, разъясняет хозяин кабинета, не связано с тем, кто принимает участие в текущем диалоге. Основное — как преодолеть наслоения «холодной войны», жертвой которой, по существу, и стала Южная Корея. До перестройки в СССР мы не имели контактов, а теперь действительно настало время переговоров между Москвой и Сеулом.

Замечая: Ваш предшественник всего лишь год тому назад был уж очень тверд в решимости добиться скорейшего признания Сеула со стороны Москвы.

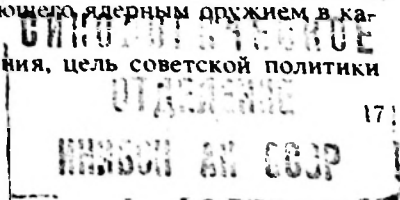
Ли улынулся: мы отличаемся друг от друга, у него был свой подход, у меня — другой. Наши позиции в сфере дипломатии довольно прочны, мы поддерживаем дипломатические отношения со 160 странами мира, примерно 80 из них имеют представительства и в Сеуле и в Пхеньяне. Сама дипломатическая практика, как Вы видите, подводит к признанию существующих на Корейском полуострове реальностей. В последнее время большая группа государств Восточной Европы установила дипотношения с Сеулом. Отмечу, — продолжает дипломат, — мы с уважением относимся к связям восточноевропейских государств с КНДР и не хотим развивать с ними диалог за счет интересов во взаимоотношениях этих государств с Пхеньяном.

Политические деятели, ученые, дипломаты — за мирное развитие внутрикорейского диалога. Пребывание американских войск на Юге Кореи? Рано или поздно они должны быть выведены с корейской земли. Большинство собеседников связывает решение этого вопроса с образованием системы надежных гарантий как на международном, так и внутрикорейском уровне. А гарантии — подчеркивали в МИД(е) — необходимы, поскольку отсутствует официальное признание Сеула со стороны Пхеньяна.

В чем смысл новой советской политики в отношении Южной Кореи? На этот вопрос по-разному отвечали участники встречи ученых из Москвы и Сеула. Наши эксперты говорили об объективной для советской стороны потребности развивать обоюдовыгодные связи со всеми государствами, будь то большими или малыми, обеспечить условия для успешного продвижения перестроечных процессов в Советском Союзе, содействовать стабилизации положения на Корейском полуострове, созданию благоприятных условий для развития мирного диалога между Сеулом и Пхеньяном.

Некоторые корейские ученые ссылались на американские оценки целей советской политики в отношении Сеула. Советская стратегия, согласно такого рода оценкам, направлена не более и не менее как на подрыв современной силовой структуры в противовес американским интересам, точнее, чтобы «выдворить» США с Корейского полуострова. Перестройка в Советском Союзе, как и в международных отношениях — возражали ученые из Москвы, — процесс объективный, вряд ли следует преувеличивать пожелания отдельных лидеров, пусть самых могущественных, в этом процессе. Ведь даже в годы «холодной войны» распалась СЕАТО, остались на бумаге планы создания АЗПАК. А разве не показателем в этом отношении кризис АНЗЮС. И вряд ли следует думать, что судьба этих военно-политических образований зависела от воли СССР и США. Когда русские ремонтируют свой дом, для них важен покой вокруг дома. Затем возник вопрос: в чем состоят интересы США? В том ли, чтобы усилить военно-политическое давление на Советский Союз, вести дело к изоляции СССР? Если да, то благоприятна ли для Вашингтона перспектива хаоса в Советском Союзе, прихода к власти диктатора, располагающего ядерным оружием в качестве средства давления на другие страны?

Корейские ученые оценивали и другую, с их точки зрения, цель советской политики

на Корейском полуострове — увеличение советского военного влияния на КНДР. Такого рода позиция может вызвать сомнения в свете развития процесса демократизации в Советском Союзе, в результате которого будет сооружена преграда на пути милитаризации отношений СССР с другими странами.

Будущее советско-южнокорейских отношений зависит — уверены здесь многие — от судьбы перестройки в Советском Союзе. Что главное в перестройке? Социалистический рынок? Эти и другие многочисленные вопросы задавали автору этих строк на семинаре в Университете Хангук, на который пригласил меня президент Общества славяноведения, доктор политологии, директор института СССР и Восточной Европы г-н Кий Ён Су. В зале собрались преподаватели, студенты одного из наиболее крупных университетов Сеула, их вопросы показывают широкую палитру красок, причудливо отражающую многообразие позиций, мнений... Не обошлось, безусловно, без вопросов, характеризующих леворадикальные настроения в здешней студенческой среде.

Деловых людей тревожит будущее южнокорейской экономики. Усиливающаяся конкуренция на западных рынках, ограничительные в отношении Сеула меры западных партнеров толкают южнокорейский бизнес к сотрудничеству с Советским Союзом. Объем нашей торговли с Сеулом в 1989 г. оценивался в 600 млн. долл., а в 1990 г., как здесь предполагают, достигнет 1 млрд. долл. Ученые и бизнесмены откровенно говорят о неподготовленности сторон к столь быстрым темпам развития торгово-экономических отношений. Мой старый знакомый г-н Чан Юн Бан положил начало деятельности ряда совместных предприятий в нашей стране. А сегодня он, беседуя со мной, пытается будто бы теоретически объяснить неудачи на советском рынке. Я еще раз убеждаюсь, — говорит он, что без рынка, без конкуренции трудно, если вообще возможно, чего-либо добиться. Рождение нашего емкого внутреннего рынка — не в одночасье, а постепенное, скорее всего, в болезненных родовых муках, возможно в условиях упрочения нашей взаимозависимости с мировым хозяйством.

Находясь в Южной Корее, особенно остро ощущаешь роль нашего искусства — музыки, оперы, балета, средств массовой информации в создании благоприятного климата для развития советско-южнокорейских отношений. Сеул буквально покорен высоким искусством наших артистов. Мы платим огромные деньги, от 70 до 200 с лишним долларов, за билет, — говорит мой знакомый профессор. Я не мог пройти мимо такого события, и мы с женой взяли два билета по 110 долл. Советские артисты — лучшие дипломаты, под влиянием их волшебства буквально на глазах меняется среди населения Республики Корея имидж вашей страны. Президент корпорации «Хангук ильбо» Чан Канг Чже стал спонсором культурного обмена между нашими странами. Он выражает готовность и дальше содействовать этому благородному делу.

Уже написано немало страниц о сегодняшней Корее. Но всегда ли наши ошибки в оценках корейской ситуации незаметно проходят мимо тех, кто формирует здешнее общественное мнение? На семинаре в Университете Хангук мне задали, прямо скажу, неожиданный вопрос. В последнее время на страницах советской печати появилось немало материалов, критически оценивающих положение в КНДР, а также историю советско-корейских взаимоотношений. Связано ли это со специальными указаниями сверху? Пришлось высказать свою точку зрения. Публикация такого рода материалов отнюдь не связана ни с какими указаниями, рекомендациями сверху. Это скорее реакция на прежнее табу в освещении деликатных сторон корейской действительности. Против этого вывода аудитория Университета Хангук не возражала.

Сегодня, как никогда, возможно, ранее повышается роль средств массовой информации в деле формирования общественного мнения относительно развития советско-южнокорейских отношений. Мы отдаем себе отчет, что наши приоритеты в отношениях с Сеулом связаны с гуманистическими, общечеловеческими ценностями, которые неразрывны с общественными интересами наших стран. Что может сегодня иметь большую актуальность, как не мировая стабильность? Что может быть важнее предотвращения военно-политических кризисов, экономических и экологических катастроф? Тесное взаимодействие общечеловеческих и национальных интересов приводит к поиску положительных ответов на такого рода вопросы, перед которыми уступают политические, а, порой, и экономические идеалы.

*Сеул — Москва
апрель — май 1990 г.*

Экономическое сотрудничество СССР и Японии: выводы на будущее

К. СУГИМОРИ

Важнейшей предпосылкой для успешного развития японо-советских отношений, вне всякого сомнения, является подписание мирного договора между нашими двумя странами. Вместе с тем важную роль всегда играли и играют торгово-экономические, научные, культурные связи, расширение контактов в гуманитарной области. Особое место занимают торгово-экономические отношения как наиболее эффективное средство упрочения и политического фундамента в двусторонних отношениях.

Несмотря на определенную роль в диалоге между Японией и СССР, экономические связи по-прежнему развиваются с большим напряжением, преодолеть которое и по сей день не удается ни той, ни другой стороне. Это лишний раз было продемонстрировано на проходившем в августе 1989 г. в Москве советско-японском симпозиуме экономистов**. Результаты обсуждения нынешних проблем двусторонних экономических отношений не удовлетворили ни японских, ни советских участников дискуссии, ибо, помимо констатации наличия множества трудноразрешимых проблем, стороны не смогли определить сколько-нибудь эффективные меры по их преодолению.

В 1988 г. объем товарооборота между Японией и СССР вырос по сравнению с 1987 г. на 20 % и составил в долларовом исчислении 5,9 млрд., что стало рекордным показателем за всю историю двусторонних экономических отношений. Однако в пересчете на вены прирост товарооборота был намного скромнее, тогда как реальный поток товаров вообще сократился по многим позициям. По сравнению с динамично развивающейся японо-китайской торговлей, которая в 1988 г. достигала почти 20-миллиардной отметки, торговля с СССР для многих японских «сого сёся» (универсальные торговые компании) представляется весьма несущественной по масштабам операций. Это означает, что японский рынок может без особого труда вообще обходиться без торгового обмена с СССР, и прежде всего по импортным закупкам.

Основа любого бизнеса — наличие взаимного интереса партнеров. В советско-японской торговле налицо определенная заинтересованность советской стороны в закупках на японском рынке готовой промышленной продукции. Однако для японских деловых кругов такая существует лишь в отношении весьма ограниченно-го круга товарных позиций — драгоценных и редкоземельных металлов и сплавов из них. В торговле с СССР японские фирмы, по существу, идут на уступки советским партнерам, закупая у них те или иные виды товаров, которые не имеют большого значения для экономики Японии. В этом смысле трудно ожидать большого прироста товарооборота по традиционным товарам советского экспорта. Си-

Кодзи Сугимори, генеральный секретарь Японской ассоциации культурных связей с зарубежными странами.

* Статья дана с небольшими сокращениями (опущены данные взаимной торговли в 1988 г. и т. п.), вызванными более ранними публикациями по некоторым аспектам темы («ПДВ», 1989, № 5, и др.).

** Имеется в виду XII совместное совещание Советско-японского и Японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству, Москва, 23—25 августа 1989 г.

туация в двусторонних экономических отношениях складывается сложная и запутанная.

Более того, перестроечные процессы в советской экономике и политической жизни, начавшиеся в середине 80-х годов с приходом М. С. Горбачева, не оказали позитивного воздействия на изменение положения в торговле с Японией. В ходе начавшихся преобразований в советском обществе, его экономическом механизме устоявшиеся формы торгово-экономического обмена с Японией оказались разбалансированными в результате путаницы в расчетах. Советско-японские экономические связи даже по сравнению с предшествующим периодом сократились, а принятие новых законов о внешнеэкономических связях, о создании совместных с иностранным капиталом предприятий, о самостоятельности советских предприятий и т. п. не оказало сколько-нибудь заметного положительного эффекта на стабилизацию и расширение советско-японской торговли.

II

Торговля между двумя странами всегда находилась на низком уровне; еще царская Россия не проявляла большого интереса к ее развитию: так, в 1900 г. во внешнеторговом обороте Японии на ее долю приходилось всего 0,2 %.

Для Японии торговля с Россией и СССР никогда не рассматривалась как важный элемент экономического развития. Японские интересы всегда концентрировались вокруг стратегического фактора — близости от Японских островов великой державы, с которой необходимо поддерживать определенный уровень отношений во имя интересов национальной безопасности. Япония как суверенное государство на протяжении всей истории испытывала внешнее политическое и военное давление.

Исторические проблемы и заботы японского правительства в области укрепления оборонного потенциала вряд ли понятны СССР как одной из великих держав мира. Даже обычные военные маневры, проводимые СССР или США в непосредственной близости от японских берегов, ввергают их население в состояние тревоги. Японцы поэтому склонны драматизировать внешнюю угрозу со стороны СССР и всегда излишне эмоционально реагируют на усиление советского военного потенциала на Дальнем Востоке. Военные круги Японии исходили и исходят из объективного фактора соседства с великой державой в лице России и СССР. В довоенный период напряженность между двумя странами поддерживалась на высоком уровне. В этих условиях взаимной конфронтации не могло быть и речи о формировании стабильной базы торгово-экономических отношений.

В послевоенный период японское правительство, прислушиваясь к мнению деловых кругов, заинтересованных в развитии торговых контактов со всеми странами, включая и СССР, стало предпринимать меры по оздоровлению советско-японских отношений. Уже во второй половине 60-х годов по инициативе Кэйданрэн японское правительство санкционировало участие представителей деловых кругов Японии в работе Совместного советско-японского экономического комитета. Создание и практическая деятельность этого комитета имели свои положительные результаты. В первой половине 70-х годов советско-японские экономические связи заметно оживились. В Японии все громче стали раздаваться голоса о необходимости дальнейшего развития диалога между двумя странами, в том числе и в экономической области. После первого нефтяного кризиса 1973 г. японская сторона заметно активизировала свой интерес к советскому рынку и проектам сотрудничества в освоении природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, была проявлена готовность помочь СССР в разработке нефтяных месторождений в восточных районах.

В середине 70-х годов одновременно с поисками новых стабильных рынков снабжения энергоносителями правительство и предпринимательские круги начали разрабатывать новую энергосберегающую и материалоемкую технологию, с тем чтобы по возможности ослабить зависимость Японии от импорта нефти, цены на которую повысились в несколько раз. Япония искала выход из сложившейся ситуации.

Одним из путей решения сложных энергетических проблем стала политика энергосбережения, уменьшения потребления энергоносителей. Были разработаны конкретные меры по экономии расхода электроэнергии на рекламу, ограничено пользова-

ние телевизионными приемниками после 11 часов вечера, снижена предельная скорость автотранспорта в черте города и т. п. Этому же служила структурная перестройка промышленности, освоение новых видов энергии.

Меры правительства и предпринимательских кругов в области энергосбережения дали результаты — потребление энергоносителей в Японии сократилось. При том что за период с 1973 по 1988 г. производство промышленной продукции выросло в 3 раза, потребление энергоносителей увеличилось не более чем в 0,2 раза. Япония в этот период увеличила производство энергии, получаемой от АЭС, а также за счет использования сжиженного природного газа. Объемы закупаемой на внешних рынках сырой нефти сократились с 286,6 млн. кл в 1973 г. до 185,3 млн. кл в 1988 г.

Уменьшение потребления энергоносителей в японской промышленности и городском хозяйстве сопровождалось радикальными изменениями в технологии производства, что к концу 80-х годов привело Японию на новые рубежи научно-технического прогресса, способствовало тому, что она стала одним из признанных экономических лидеров в мире.

Важным результатом политики энергосбережения и перестройки промышленной структуры в Японии стало ослабление зависимости страны от импорта нефти из внешних источников, диверсификация ее закупок. Созданная из представителей предпринимательских кругов Японии «группа по сырью» осуществляла в опоре на политических деятелей страны новую активную дипломатию сотрудничества с другими государствами. В итоге сегодня Япония закупает нефть не только в странах Ближнего и Среднего Востока, но и в Индонезии, Мексике и Китае, на Аляске.

Участники «группы по сырью» проявляли интерес и к разработке нефтяных и газовых месторождений на территории СССР. В результате визита в СССР в 1973 г. японского премьер-министра Какуэя Танака были проведены переговоры по сотрудничеству в разработке месторождений нефти и газа в Сибири и на Дальнем Востоке.

И хотя впоследствии ажиотаж вокруг нефтяной проблемы постепенно утих и прогнозы «Римского клуба» о быстром истощении нефтяных запасов в мире оказались недостоверными и способствовали лишь резкому повышению цен на энергоносители, Япония с выгодой для себя использовала ситуацию, перестроив промышленность на энерго- и материалосберегающую технологию, значительно повысила конкурентоспособность своей продукции. В результате экономического подъема в Японии в 80-е годы произошел рост курса иены к доллару, что способствовало уменьшению для японской стороны выплаты за импортные закупки на мировом рынке в долларовом исчислении и в целом имело для Японии положительный эффект, если судить по значительному росту японского экспорта в последние годы.

В настоящее время японская сторона заметно ослабила интерес к продолжению переговоров с СССР о сотрудничестве в разработке проектов по освоению природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Советский Союз в свою очередь не смог изыскать для сотрудничества с Японией ничего иного, кроме того как вернуться к проектам сотрудничества в Сибири и на Дальнем Востоке, пригласить японские фирмы к участию в развитии производительных сил восточных районов. Последние, однако, имея гарантии в области сырьевого снабжения из разных источников, не заинтересованы в продолжении диалога по этим вопросам. По существу, советско-японские экономические отношения вступили в период, когда все сложнее оказывается найти области совместных интересов как для японской, так и для советской стороны. Оживление в двусторонних связях, наметившееся в первой половине 70-х годов, сошло на нет к концу 80-х.

III

В октябре 1984 г. в Токио состоялось очередное заседание «круглого стола» советской и японской общественности, на котором присутствовал и автор статьи. С японской стороны основной доклад сделал директор Института по изучению проблем японской промышленности Судзо Инаба. Он является одним из авторов

новой экономической политики Японии на длительную перспективу. В своем докладе на конференции «круглого стола» С. Инаба подчеркнул, что Япония впредь не будет заинтересована в осуществлении совместных крупномасштабных проектов с СССР по освоению энергетических ресурсов Сибири и Дальнего Востока и поэтому необходимо думать о содержании советско-японских экономических отношений в будущем, о новых идеях и подходах к их развитию. Внимание в первую очередь должно быть сосредоточено на радикальном изменении структуры товарообмена между двумя странами с акцентом на резкое увеличение импорта советской стороной товаров широкого потребления из Японии. Япония будет стремиться изыскать возможности по закупке и переработке сырой нефти и природного газа и СССР, разумеется в случае, если советская сторона будет в этом заинтересована. Если обе стороны ищут возможности для перестройки структуры взаимной торговли, то рост товарооборота даст ощутимые результаты. Профессор С. Инаба полагает, что решающую роль в активизации советско-японской торговли может сыграть Советский Союз, который должен найти новые источники пополнения своих валютных запасов, в том числе и на путях расширения экспорта в другие промышленно развитые или развивающиеся страны. Со своей стороны Япония готова будет увеличить экспорт в СССР не только готовой промышленной продукции, но и новой технологии, ноу-хау и т. п.

На конференции «круглого стола» присутствовал тогдашний заместитель министра внешней торговли СССР Сушков. Обмениваясь впечатлениями от доклада и предложений, сделанных тогда профессором Сюдзо Инаба, Сушков заметил, что представлять будущее советско-японских экономических отношений по такому сценарию — малопродуктивно и нереально. Похоже, на том этапе советская сторона не имела сколько-нибудь серьезных намерений по изменению структуры двусторонних экономических связей, отличных от традиционно сложившихся стереотипов. Удивительно, как кое-кто из ответственных работников внешней торговли СССР и по сей день не выбрасывает из головы проекты сотрудничества десятилетней давности.

В 70-е годы в целом советско-японские экономические отношения развивались поступательно, хотя в области непосредственно торгового обмена не были созданы необходимые заделы на будущее. Советскую сторону в тот период вполне устраивало, что в 1975 г. на долю СССР во всем объеме японского экспорта приходилось по стоимости 2,9 %, а импорта — 2,0 %. Сложившаяся тогда структура товарооборота, а именно: поставки из СССР в Японию леса и лесоматериалов, нефти и нефтепродуктов, угля в обмен на закупки на японском рынке черных металлов, машин и оборудования, а также товаров широкого потребления, — не претерпела радикальных изменений и поныне.

IV

Ажиотаж среди японских деловых кругов в отношении проектов освоения природных богатств Сибири и Дальнего Востока в конце 80-х годов практически спал, вместе с тем интерес к развитию практического диалога с СССР не затухает. Он поддерживается, даже несмотря на то, что удельный вес СССР как торгового партнера Японии снизился до 1 % всего объема товарооборота страны, а деятельность комитетов советско-японского экономического сотрудничества в последние годы явно не демонстрирует большого динамизма. Предпринимательским кругам Японии всегда было присуще чувство здорового оптимизма в отношении возможностей использования любого, даже самого сложного рынка, поэтому нет оснований смотреть в будущее советско-японского экономического сотрудничества пессимистично.

Разумеется, надо реально видеть границы возможного расширения двусторонних экономических отношений, пик которых, вероятно, приходится на конец 80-х годов. Однако очевидно и то, что Япония заинтересована поддержать экономически средствами структурные преобразования в СССР.

Будущее торговли между Японией и СССР связано прежде всего с изменением структуры товарооборота. Положение, при котором СССР будет и дальше ориентироваться на экспорт в Японию леса и лесоматериалов, золота, алюминия и

других сырьевых материалов и на закупки в Японии проката черных металлов, машин и оборудования, далее нетерпимо.

В то же время, заявив о желании использовать иностранный капитал, СССР не обеспечил условия для выгодного инвестирования. Поэтому японские инвесторы не бросаются «сломя голову» вкладывать капитал в советскую экономику, предпочитая Соединенные Штаты и Западную Европу, отличающиеся стабильным инвестиционным климатом. СССР наспех принимает решения по таким серьезным вопросам, как создание смешанных предприятий, проекты составляются весьма небрежно. В этих условиях закономерным выглядит негативное отношение японских бизнесменов к организации совместного предпринимательства на советском рынке. Кроме того, в Японии считают, что СССР еще не вышел по условиям инвестиционного климата на уровень международных стандартов.

Предположим, что японская фирма заинтересована в создании в СССР совместного предприятия. Но при этом ее руководство тут же задумывается над вопросом, гарантирован ли перевод прибылей в Японию, не захочет ли советская сторона, используя японскую технологию и капитал, производить продукцию высокого качества для последующего экспорта ее в третьи страны, пополняя тем самым собственные валютные запасы и расплачиваясь таким способом с самой японской фирмой. Ведь последняя и без всего этого может самостоятельно выходить на внешние рынки, не прибегая к столь трудоемкой по затратам схеме производства прибыли. Продукция, изготовленная в Японии, пользуется спросом, поскольку у данной фирмы хорошая репутация на международном рынке. Вступая в производственные отношения с советским предприятием, фирма не уверена, сумеет ли она сохранить на высоком уровне международных стандартов качество выпускаемых товаров, а следовательно, не уверена в успехе всего дела. Эти аксиомы предпринимательской деятельности советская сторона обычно оставляет без внимания.

V

В сентябре 1989 г. в Москве на встрече с заместителем председателя Совета Министров СССР Абалкиным обсуждались актуальные проблемы дальнейшего развития советско-японских экономических отношений. Было отмечено, что первые признаки разрегулированности механизма двусторонних экономических отношений обнаружались еще в начале 80-х годов, о чем стороны говорили в ходе заседаний комитетов экономического сотрудничества. С тех пор на протяжении всего периода 80-х годов как японская, так и советская сторона не раз возвращались к этой проблеме, однако, помимо констатации фактов ухудшения положения в двусторонней торговле и экономических связях, дело не двигалось.

Мнение деловых кругов Японии, которое сформулировал автор на встрече с Абалкиным в сентябре 1989 г., сводится к следующему. Во-первых, японская сторона заинтересована в том, чтобы официальные представители СССР откровенно заявили о своих планах и возможностях по расширению торговли с Японией. Очертив круг интересов как СССР, так и Японии в двустороннем экономическом диалоге, легче будет подобрать новую модель двустороннего партнерства. Во-вторых, для Японии очевидно, что наступило время отказаться от старых подходов к взаимной торговле и выбрать совершенно новые схемы сотрудничества, не практиковавшиеся ранее. В-третьих, деловые круги Японии исходят из целесообразности планировать экономические связи с СССР по трем основным направлениям — в долгосрочной перспективе, в среднесрочном варианте сотрудничества и краткосрочные.

Прежде всего необходимо подходить к будущему советско-японскому экономическому сотрудничеству не столько с узких позиций двусторонних отношений, сколько в контексте многостороннего сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе. Это значит, что торговля и экономические связи между Японией и СССР могут стать частью активизации экономических контактов между такими странами региона, как Китай, КНДР, Южная Корея, Тайвань, и всеми другими государствами, заинтересованными во внутрорегиональном сотрудничестве.

Многостороннему сотрудничеству в этом районе мира способствуют определенные тенденции к смягчению напряженности в отношениях, которые стали наблю-

даться в последние годы. Проведение летней Олимпиады в Сеуле в 1988 г. и участие в ней многих стран данного региона, открытие для посещения иностранцами Владивостока явились своеобразным символом нового политического мышления для стран АТР. В этих условиях в последние годы значительное развитие получили отношения между СССР и КНР в разных областях экономической, политической и культурной жизни, начал развиваться диалог между СССР и КНР, с одной стороны, и правительством, деловыми кругами Южной Кореи — с другой. Разумеется, еще рано говорить о полном взаимопонимании сторон и совпадении позиций. Даже десять лет назад трудно было представить, что в этом районе произойдут столь значительные изменения в политическом климате в сторону смягчения напряженности, когда можно будет начать диалог в торговой области.

В настоящее время в АТР проживает около 2 млрд. человек. Имеется развитая промышленная база, необходимая инфраструктура, сырьевая база, квалифицированная рабочая сила. Крупные города связаны между собой воздушным сообщением с радиусом полета в пределах двух часов. Транспортные перевозки могут осуществляться наиболее дешевым морским транспортом по маршрутам, пролегающим в акватории Японского моря и Тихого океана.

Вместе с тем нельзя не видеть, что дальневосточные районы СССР, выходящие к побережью Тихого океана, оказались наименее развитыми в экономическом отношении районами страны. Здесь проживает всего 16 млн. человек, ощущается острый дефицит квалифицированной рабочей силы, узость внутреннего рынка затрудняет реализацию планов по расширению сбыта готовой продукции, сильно отстает развитие сети инфраструктурных сооружений. В этих сложных условиях трудно рассчитывать на эффективное вложение капитала в дальнейшее развитие советского Дальнего Востока. В Японии не исключают возможность подключения государства к программам экономической помощи СССР для активизации производительных сил районов Дальнего Востока, так как частный капитал не в состоянии взять на себя малорентабельные проекты сотрудничества. Более того, этот район, слабо развитый в экономическом отношении, требует не столько реализации отдельных проектов промышленного строительства, сколько комплексного подхода к развитию всех аспектов промышленной и социальной базы.

Перспективным районом будущего советско-японского экономического сотрудничества может стать Западная и Восточная Сибирь. Здесь можно будет вести разговор о дальнейшем развитии сети инфраструктурных сооружений, используя такой благоприятный фактор, как наличие больших запасов дешевой электроэнергии. В будущем возможно наладить экспорт электроэнергии в такие соседние страны, как Китай, Корея, Япония. Кроме того, избыток электроэнергии в районах Восточной Сибири можно направить в районы Дальнего Востока, Приморья, где ощущается острый ее недостаток. Японская технология передачи электроэнергии на большие расстояния при минимальных потерях здесь могла бы найти применение. В районе можно было бы построить ряд атомных электростанций, создав стабильный резерв электроэнергии на будущее. Развитие многостороннего сотрудничества в области производства и передачи электроэнергии в районах Сибири и Дальнего Востока можно рассматривать как весьма реальное, а потому — перспективное. Окружающие страны этого района испытывают дефицит в снабжении электроэнергией своей развивающейся промышленности. Спрос на нее может определять и будущие контуры взаимовыгодного сотрудничества.

Развитие энергетической базы на стабильной основе создаст хорошие предпосылки для решения и других задач сотрудничества, и прежде всего в области промышленного производства. Этот фактор важен и с точки зрения решения продовольственной проблемы снабжения населения крайних районов Севера и Дальнего Востока, к реализации которой японская сторона могла бы присоединиться. Развитие производства электроэнергии может способствовать и созданию новых для данного района сетей информации.

Другим важным направлением советско-японского или многостороннего сотрудничества в этом районе могло бы стать приложение усилий для разработки редкоземельных металлов, столь необходимых для производства новых конструктивных материалов. Проекты сотрудничества могли бы использовать создание сети

кооперирующихся между собой предприятий СССР, КНР, Японии, КНДР, Южной Кореи, Тайваня.

Большое значение представляет собой проект строительства новой линии железной дороги вдоль «шелкового пути», связывающей не только разные страны, но и разные современные промышленные предприятия. Улучшение транспортной сети окажет, безусловно, стимулирующее воздействие на развитие новых отраслей промышленности, включая электронику, станкостроение и т. п. В этом заинтересованы и СССР, и Китай, а также другие страны региона. Этот фактор создаст предпосылки для «повторного освоения Сибири» и будет иметь важное значение для японского рынка.

Вместе с тем все вышеназванные направления будущего сотрудничества как на двусторонней, так и на многосторонней основе станут реальными лишь при скорейшем переходе советской экономики на рыночную систему хозяйствования. Сотрудничество СССР с Японией, равно как и с другими развивающимися странами АТР, будет способствовать ускорению этого процесса. Американская сторона также заинтересована поддержать именно такой сценарий развития сотрудничества и готова принять участие в нем как равноправный партнер. Последнее означает, что будет снижена и политическая напряженность в регионе, поскольку все великие державы, в том числе СССР, КНР и США, будут заинтересованы в сохранении стратегической стабильности в этом районе мира.

VI

В условиях начавшейся в середине 80-х годов перестройки советское руководство сосредоточило внимание на первоочередном решении двух проблем — ускорение развития сельскохозяйственного производства и насыщение потребительского рынка товарами повседневного спроса. Япония в рамках сотрудничества могла бы сыграть определенную положительную роль в реализации этих первоочередных задач.

Хорошо известно, что СССР испытывает трудности в развитии сельского хозяйства. Причем проблемы не ограничиваются исключительно производством сельскохозяйственной продукции, но также включают в себя вопросы хранения собранного урожая, его транспортировку, системы реализации на потребительском рынке. В соответствии с публикуемыми данными около 50 % ежегодного улова рыбы в СССР просто пропадает при транспортировке с места добычи до места потребления. В таком же положении находится и урожай зерновых.

Продовольственная проблема в СССР в последнее время превратилась в политическую, так как нехватка продуктов питания вызывает у населения чувство недоверия к правительству страны. Правительство, чтобы разрядить обстановку и улучшить снабжение продовольственными товарами, встало на путь широких импортных закупок этого вида товаров. Японская сторона предлагает СССР помощь в увеличении производства продуктов питания прежде всего за счет совершенствования систем хранения и транспортировки продовольствия. Развивая связи с Японией в этой области, СССР уже в ближайшие годы только благодаря экономии на потерях продуктов питания сумел бы компенсировать недостающую часть продовольственных запасов и заметно смягчить напряженность в этом вопросе. Такой подход способствовал бы и укреплению политического доверия к руководству со стороны населения, стабилизировал бы внутривнутриполитическую ситуацию. Наконец, это сэкономит валюту, которую СССР вынужден расходовать на закупки продовольствия на мировом рынке.

Такой вид экономического сотрудничества с СССР можно назвать «сотрудничеством, вызванным острой необходимостью», что само по себе является новым видом экономических связей между двумя странами.

Япония разработала передовую технологию в области хранения и транспортировки улова рыбы. Она включает в себя целый комплекс мер по предотвращению порчи рыбы, систему ее доставки потребителю с использованием новых видов упаковки, строительство специальных помещений-хранилищ по принципу «воздушной палатки», замораживание и охлаждение продукта. Советская сторона, сократив импорт продовольствия, могла бы выделить валюту на закупку в Японии специаль-

ной технологии хранения и переработки некоторых видов продовольствия и длительное время пользоваться ею, экономя валютные запасы. Япония могла бы предоставить СССР долгосрочный заем для закупки соответствующего оборудования и ноу-хау.

Разумеется, японская сторона учитывает в своих экономических отношениях с СССР стратегические аспекты сотрудничества, то есть стремится не допустить усиления зависимости от советского рынка. Например, импорт из СССР электроэнергии несет в себе не только экономический эффект для японской стороны, но также предполагает и некоторую «привязку» отдельных предприятий, части городского хозяйства к источнику энергоснабжения, расположенному на территории другой страны. Последнее обстоятельство повышает уровень зависимости Японии от СССР, то есть ослабляет национальную обороноспособность. С другой стороны, Япония как член КОКОМ также не свободна в экспорте продукции высокой технологии в СССР, ибо при этом возможно усиление оборонного потенциала СССР, что также не отвечает национальным интересам Японии и является серьезным ограничителем в двусторонних экономических связях.

Правда, при этом взаимосвязь и взаимовыгодность от сотрудничества тесно переплетаются в единой увязке. СССР заинтересован в получении от Японии новейшей технологии, высококачественной продукции обрабатывающих отраслей, опыта использования малых энергий. Об этом писали газеты «Правда» и «Известия», излагая соображения японского экономиста Моримото. Однако японская сторона, хотя и видит определенные выгоды от передачи СССР технологии и сложной продукции, не всегда может пойти на ее экспорт в СССР.

Сотрудничество между СССР и Японией в области автомобилестроения также является перспективным. Интересы советской стороны здесь связаны с возможностью повышения эффективности всего народного хозяйства, снижением потребления проката черных металлов, электроэнергии и т. п.

Япония также может оказать содействие СССР в увеличении производства товаров народного потребления. При этом возможно не только сотрудничество на двусторонней основе, но и на многосторонней с подключением фирм Южной Кореи, Гонконга, а также КНР.

Очевидно, что первое время СССР будет испытывать большие трудности в оплате всех расходов за предоставление технологии в твердой валюте. Но, расширяя компенсационные сделки и накапливая валютные запасы путем их экономного расходования, проблему можно решить. В принципе в случае успешной деятельности совместных советско-японских предприятий, равно как и предприятий, созданных на многосторонней основе по реализации продукции на рынках третьих стран, вопрос о притоке валютных поступлений перестанет быть столь сложным.

В СССР, судя по всему, еще не научились до конца понимать, что рыночная экономика — это экономика жесткой конкурентной борьбы. В частности, чрезвычайно высокие требования предъявляются к качеству выпускаемой продукции. В Японии распространено мнение, что в СССР крайне мало промышленных предприятий, продукция которых отвечала бы уровню мировых стандартов качества. Исключения составляют лишь сырьевые товары, которые к тому же не подвергались обработке на советских предприятиях. Сильное отставание советских предприятий по выпуску качественной продукции — одна из основных причин больших трудностей в деятельности совместных предприятий, рассчитанных на получение конвертируемой валюты от реализации изготовленной на них продукции. Уровень брака в СССР превышает японский в 10 млн. раз. Учитывая столь огромный разрыв в качестве продукции, японские предприниматели не считают в настоящее время выгодным принимать участие в создании совместных предприятий в СССР.

Кроме того, имеется еще одна серьезная проблема, затрудняющая японским инвесторам вывоз капитала в СССР. Промышленные предприятия в СССР размещены крайне нерационально, они рассредоточены на большой территории, что затрудняет управление ими. Необходимо в ближайшие годы произвести перегруппировку предприятий в наиболее важных отраслях советской промышленности, а также разработать новую инвестиционную политику. В противном случае сомнительно рассчитывать на эффективное применение иностранной технологии и приток иностранных капиталовложений. В условиях расширения самостоятельности предприя-

тий в СССР вопрос о правильном использовании иностранной валюты также не представляется однозначным. Не исключено, что валютные поступления могут быть использованы не только на цели расширения производства. Перед руководителями советских предприятий впереди еще много нерешенных и неясных проблем.

VII

Как уже отмечалось, в структуре японского экспорта в СССР преобладают машины и оборудование, товары широкого потребления, тогда как импорт из СССР в основном представлен товарами сырьевой группы. Япония также начала выводить капитал в СССР. Однако важно подчеркнуть, что такая схема экономических связей сильно отличается по своему содержанию от модели участия Японии в международном разделении труда, где уже давно преобладают не вертикальное, а горизонтальное сотрудничество и кооперация. Для Японии торгово-экономические отношения с СССР не только занимают незначительный удельный вес по своему объему, но, что более важно, заметно контрастируют со сложившимися отношениями с другими странами. Для будущего двустороннего советско-японского экономического сотрудничества важно перейти от вертикального к горизонтальному принципу товарообмена и кооперации.

Кроме того, целесообразно, наконец, упорядочить долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные проекты сотрудничества. В настоящее время у советской стороны нет ясного представления о приоритетах в развитии экономических связей с Японией. Начавшиеся в СССР процессы перестройки экономического механизма, в частности предоставление большей хозяйственной самостоятельности предприятиям, могут внести еще больше неразберихи в двусторонние экономические отношения. Поэтому прежде всего необходимо в самые короткие сроки отладить механизм двусторонних экономических связей с целью углубления взаимопонимания с обеих сторон относительно настоящих и будущих перспектив и возможностей сотрудничества.

Для этого представляется полезным вначале очертить четко круг отраслей советской экономики, для которых связи с японским рынком имеют решающее значение. На последующем этапе создать в рамках возможного наиболее благоприятные для них условия по расширению контактов с японскими фирмами. Важное значение, разумеется, имеет улучшение политического климата двусторонних отношений, что, вероятно, станет реальным после визита М. С. Горбачева в Японию и переговоров на высшем уровне с японскими руководителями.

В СССР нередко появляются заявления, что Япония-де опоздала с развитием полномасштабных экономических отношений по сравнению с другими странами Запада. По мнению японской стороны, это не соответствует действительности. Дело в том, что экономические связи Японии с СССР крайне невелики и Япония не ожидает их значительного прироста в будущем. В советско-японском экономическом сотрудничестве много нерешенных проблем и потому деловые круги Японии не слишком омрачены отсутствием прогресса. Более того, торговля и экономическое сотрудничество должны быть взаимовыгодны, но пока японская сторона шла на значительные уступки Советскому Союзу.

На пути развития внешнеэкономических связей в СССР стоят множественные бюрократические препоны. Без их устранения или по крайней мере ослабления трудно вообще рассчитывать на динамизацию советско-японских торговых отношений даже при самом благоприятном стечении других обстоятельств. Советские учреждения чрезвычайно много времени тратят на разного рода согласования, уточнения и т. п., вместо того чтобы в возможно более короткие сроки изучить и дать квалифицированную оценку предложениям японских фирм по расширению сотрудничества. В двусторонних экономических переговорах уже давно пора отказаться от общих фраз и рассуждений о взаимовыгодности сотрудничества, а перейти к обсуждению конкретных проектов, предварительно хорошо обсчитанных и взвешенных.

В СССР объявлено о намерении расширить импорт иностранного капитала, создать совместные предприятия, обустроить специальные экономические зоны, увеличить масштабы заемных средств, кредитов и пр. Однако конкретных предложе-

ний с советской стороны поступает мало. А ведь именно советская сторона должна выступать с предложениями, в том числе и на японском направлении, а не ждать, когда это сделают за нее японские представители. Именно СССР должен предоставлять партнерам достоверные сведения экономического порядка о наличии рабочей силы, необходимой для реализации того или иного проекта, сырьевой базы, энергетического обеспечения и т. п. Советскому Союзу необходимо заявить о юридических гарантиях внешним инвесторам капитала, с тем чтобы заинтересовать их благоприятным инвестиционным климатом. В действительности, однако, всего этого нет, что, безусловно, серьезно сдерживает широкое участие японских деловых кругов в экономических связях с СССР.

Действующие в настоящее время совместные советско-японские промышленные предприятия функционируют в основном по японской технологии, используют японское оборудование. Советская сторона поставляет лишь сырье. Большая часть произведенной продукции экспортируется в Японию. Смешанные предприятия работают в таких областях, как переработка морепродуктов, производство фанеры, лесоматериалов и щепы.

Советская сторона обратилась ко многим странам Запада с просьбой вывозить в СССР производительный капитал. При этом СССР предполагал, что подобное предложение заинтересует многих партнеров в промышленно развитых странах. Однако СССР не обеспечил благоприятный инвестиционный климат для создания таких предприятий, и прежде всего отсутствуют четкие правовые гарантии на вложенный капитал и перевод прибылей. Западные коммерсанты привыкли рисковать в коммерческих делах, но любой риск построен на использовании точной информации и точном расчете.

VIII

Одной из перспективных областей советско-японского сотрудничества может стать туризм. На территории СССР расположено много культурных и исторических памятников, представляющих большой познавательный интерес для западного туриста. Однако и эта область советско-японского сотрудничества может реализовать свой потенциал лишь при условии проведения кардинальных экономических преобразований в СССР. Туризм может быть эффективной областью сотрудничества, если СССР наладит четкую работу сферы услуг. Но и в этой области советская сторона все еще заметно отстает от западных стран.

Туризм как отрасль, приносящая иностранную валюту, предполагает прежде всего создание практически неограниченных возможностей для полного удовлетворения туристов. Туристы, отправляющиеся в незнакомые им страны, весьма чувствительны ко любым накладкам и негостеприимству принимающей их страны. При этом во многих случаях в зарубежные путешествия отправляются недостаточно обеспеченные в материальном отношении слои общества, со сложившимися вкусами, привычками и требованиями к обслуживанию. К сожалению, путешествие в СССР связывается у японцев с большими проблемами. В их основе лежит неэффективная экономическая система, которая не может обеспечить достаточный уровень обслуживания.

В СССР отсутствует представление о том, что такое современный иностранный туризм, какие требования предъявляются к нему в других странах. Советская сторона не использует известных ей ноу-хау в этой области. И даже создание совместных с Западом предприятий в сфере туризма в целом не может повысить низкий уровень сервиса в стране. Индустрия туризма в СССР все еще является отсталой отраслью экономики. Высокий класс обслуживания туристов ограничен в Москве лишь гостиницами «Международная» и «Космос».

За последние годы в адрес Интуриста СССР можно услышать множество нареканий, так как уже вошли в систему и свои при заказе номеров в гостинице, и отказ от бронирования билетов, и невежливость обслуживающего персонала. Претензии в адрес Интуриста предъявляют и многие японские туристические фирмы. В 1988 г. из Японии выехало более 10 млн. туристов и только 30 тыс. пожелали посетить СССР. По возвращении в Японию они заявили, что больше не

хотели бы совершить туристическую поездку в СССР. Американцы, посетившие СССР как туристы, считают, что поездка туда — это просто «безумие».

Реальность такова, что пока еще трудно говорить о создании совместных советско-японских предприятий в сфере услуг. Варианты, которые предлагает советская сторона, не устраивают японские фирмы. Эти варианты сводятся к следующему: Япония вкладывает свой капитал и ноу-хау в строительство, обслуживание и эксплуатацию в СССР гостиничных комплексов, где за валюту будут останавливаться иностранные туристы. Поскольку сфера услуг — это не только гостиницы, но и предоставление принимающей страной сервиса в широком смысле слова, такие условия не могут заинтересовать японские фирмы.

Вместе с тем это не означает, что в области туризма вообще нет перспектив для сотрудничества обеих стран. Просто необходимы новые идеи, новые варианты, а также важно создать специальный комитет или группу из представителей Японии и СССР, которые будут заниматься исключительно этими проблемами.

Советско-японское сотрудничество могло бы охватить и эксплуатацию Транссибирской железнодорожной магистрали, связывающей Японию со странами Европы. Япония перевозит в европейские страны большое количество запасных частей и комплекующих деталей. Многие японские фирмы предпочитают использовать железнодорожный транспорт по территории СССР до его западных границ.

В этой области в последние годы также обнаружилось немало проблем. Рыночная экономика как в Японии, так и в странах Западной Европы заметно повысила элемент плановости, включающий в себя стабильное снабжение сырьем, запасными деталями и т. п. Создание необходимых производственных запасов предполагает четкую работу всех звеньев, но прежде всего транспортного. Однако работа железнодорожного транспорта в СССР, особенно в последнее время, не удовлетворяет не только советские предприятия и организации, есть нарекания и в плане международного сотрудничества. Например, японские фирмы не могут получить точную информацию о сроках прибытия их грузов, перевозимых по территории СССР в страны Западной Европы.

Слабая компьютеризация работы железнодорожного транспорта в СССР затрудняет контроль и управление грузовых перевозок. Время пребывания груза в пути в СССР практически невозможно точно определить. Другими словами, железные дороги в СССР уже не являются надежным и дешевым видом транспорта. Советская сторона теряет немало валютных поступлений от сбоев в работе железных дорог.

Поступательному развитию советско-японского экономического сотрудничества все еще препятствует немало объективных и субъективных проблем организации хозяйственной жизни в самом СССР. Разумеется, в случае их разрешения фундамент двусторонних экономических связей может значительно укрепиться, стороны смогут рассчитывать на получение взаимной выгоды от них. Однако вплоть до настоящего времени СССР больше склоняется к получению любым путем односторонних выгод для себя и мало заботится об интересах партнеров по сотрудничеству. В результате диалог в экономической области развивается с большими трудностями.

IX

Подводя итоги, можно отметить следующие моменты. Во-первых, логика экономического сотрудничества предполагает наличие доверия в политической области. Однако между Японией и СССР существует немало еще не решенных проблем именно в этой области, включая и территориальную. Спустя 44 года после окончания войны между двумя странами отсутствует мирный договор. Развивать экономические связи в этих условиях достаточно сложно. Без предварительного урегулирования политических отношений нельзя рассчитывать на стабильные и долгосрочные торгово-экономические контакты.

Во-вторых, в Японии сознают, что советская сторона, как и японская, представляет себе всю сложность накопившихся проблем. Вместе с тем для Японии желательно ускорить подписание мирного договора в преддверии визита М. Горбачева в Японию в 1991 г. Тем временем возможно развивать экономические связи, искать пути для их углубления и расширения.

В-третьих, в СССР все еще отсутствуют объективные условия для ускорения развития экономического диалога с Японией — этот процесс сильно бюрократизирован, в нем не чувствуется приток свежих идей и участие думающих специалистов. В СССР острый дефицит менеджеров, владеющих основами современного управления. По мере увеличения их числа советско-японское экономическое сотрудничество может получить новый импульс. В настоящее время в СССР, безусловно, есть и хорошие специалисты-техники и специалисты-управленцы. Советская сторона организывает у себя «школы современного бизнеса», что само по себе правильно. Но при этом забывается тот простой факт, что истинных менеджеров и специалистов по управлению готовят не в школах. Их готовит сама жизнь, производственная практика в конкретных социально-экономических условиях. В Японии никогда не готовили менеджеров в школах, где обучение велось по американским стандартам, ибо никакая американская система не может включить в себя традиционный элемент японского сознания. И наоборот, американцы трудно воспринимают своеобразие японской системы управления и организации производства. Хороших специалистов готовит сама жизнь в данной конкретной стране. Об этом следует всегда помнить, когда организуется очередная школа бизнесменов в СССР.

Есть все основания предполагать, что в будущем советско-японское экономическое сотрудничество будет успешно развиваться, опираясь на прошлый и настоящий опыт. Другого пути просто не существует между странами-соседями; как бы труден ни был этот путь, его надо пройти. Решение сложных проблем в этой области находится в руках специалистов, которым поручена их реализация. Надо смотреть на будущее советско-японских отношений с оптимизмом.

Перевод с японского языка Л. Арешидзе

СИС: социум, информация, статистика

Таинственная болезнь убивает тайландских рабочих

Болезнь, ставшая за последние годы причиной смерти более 200 тайландских рабочих в Сингапуре, распространилась и на другие страны АСЕАН. 18 тайландцев, работавших в Брунее и двое в Малайзии неожиданно скончались во сне.

Название для таинственной болезни уже есть — «синдром неожиданной необъясненной смерти», однако никому еще не удалось ответить на вопрос, почему ее жертвами становятся исключительно молодые выходцы из Северо-Восточного Таиланда и почему они без видимых на то причин внезапно умирают во сне.

Бангкок бьет тревогу. Создан специальный комитет по изучению причин таинственных смертей. А пока специалисты-медики обучают тайландских рабочих в Сингапуре простейшим методам реанимации.

М. ХАРОН

Сегодня нашу рубрику «Диалоги и дискуссии» продолжает статья Чрезвычайного и Полномоченного Посла Малайзии в Советском Союзе Мохамеда Харона. В ее основу положено выступление М. Харона в Институте Дальнего Востока АН СССР. Возможно, читатели не во всем будут согласны с точкой зрения малайзийского дипломата, но, как отмечает сам г-н посол, он надеется, что его публикация вызовет «оживленные дискуссии», а в них, мы надеемся, рождается истина.

* * *

Соображения, которыми мне хочется поделиться, вероятно, вызовут оживленную дискуссию. Мои суждения могут показаться несколько необычными — особенно для дипломатического представителя. Надеюсь, Вы мне это простите, ибо возможная нетрадиционность в подходах — позитивный результат гласности, которая оказывает влияние на всех, кому повезло жить в столь интересное время.

Мир вступил в новый переходный период, и мне хотелось бы изложить свое понимание его основных характеристик, которые будут определять курс исторического развития в XXI веке, а также рассмотреть возможные позиции Малайзии и ее партнеров по АСЕАН.

Каких наиболее серьезных перемен следует ожидать в 90-е годы? Поскольку история не всегда следует мудрости Махатмы Ганди, который считал, что жизнь — это не просто ускорение развития, а нечто большее, то перемен будет довольно много, они будут весьма объемными, интенсивными и, к счастью, в основном благоприятными. Рассмотрим в первую очередь позитивные структурные изменения, которые очевидны и оказывают явно конструктивное воздействие на формирование более процветающего, спокойного и стабильного мира.

Переход к демократическому плюрализму

Наиболее вдохновляющая тенденция — это переход к более развитому демократическому плюрализму и рынку: в странах рыночной экономики; в глобальном масштабе; что наиболее примечательно, в странах административно-командной экономической системы. Эти процессы, начавшиеся изнутри, самостоятельно, по воле народов, придают новое звучание известной «теории домино».

Можно, конечно, представить себе обстоятельства, при которых эта тенденция оказалась бы обратимой, но в обозримом будущем это едва ли возможно. От сибирских просторов, через Восточную Европу и до Тьерра-дель-Фуэго — повсюду налицо эрозия слепых веры и преданности. И в умах, и в делах людей происходит отступление тоталитаризма и административно-командной экономической системы как метода мышления и метода действия.

Кажется, Руссо говорил, что нет ничего могущественнее идеи, когда наступает ее время. Сейчас, может быть, кое-кто и возразит — дескать, нет ничего беспомощнее идеи, чье время пришло и ушло. Конечно, в этой тенденции могут быть и негативные факторы, и сама она в своем развитии может зайти слишком далеко, а тоталитаризм правых не лучше тоталитаризма левых. Развитие событий в наши дни может иметь в будущем негативные последствия для стран АСЕАН. Но победа прагматизма над догматизмом, закат «века идеологии» в традиционно историческом понимании этого

слова, снижение накала страстей в политике и отказ от догматизма в международных отношениях будут иметь в общем благоприятный эффект и для АСЕАН, и для «мировой деревни» в целом.

Затухание 70-летней «войны» и перспективы «разрядки-II».

Подъем прагматических сил в КНР до их подавления (возможно, временного) на площади Тяньаньмынь в июне 1989 г. способствовал трансформации многих ключевых элементов 70-летней «войны» между Востоком и Западом, которая во многом определяла ход мировой истории в XX веке. Подъем прагматических сил в СССР, а также соответствующий пересмотр национальных приоритетов в США и других странах могут положить конец этой «войне» еще до наступления XXI века.

Прекращение любого затянувшегося конфликта в мировой истории всегда связано с переоценкой национальных приоритетов. Причиной тому — психологическое и материальное истощение (по крайней мере одной из конфликтующих сторон), а также осознание (более чем у одной из конфликтующих сторон) того факта, что есть другие важные проблемы, более серьезные противники и сторонники.

Совершенно очевидно, что после второй мировой войны ни в США, ни в СССР, в отличие от побежденных стран — Японии и Западной Германии, экономика не развивалась исключительно в мирных целях. Ввиду относительной узости экономической базы СССР стране пришлось поддерживать полувоенную экономику, в результате чего советские ракеты с потрясающей точностью могут доставлять мегатонные заряды в любую точку земного шара, в то время как сельское хозяйство не в состоянии обеспечить семейный ужин даже для москвичей. Соединенные Штаты также заплатили высокую цену за гонку вооружений.

Новая ситуация в отдельных странах и на международной арене в целом, новые настроения и новые приоритеты позволяют надеяться на дальнейшее ослабление 70-летней «войны» в 90-е годы, а «разрядка-II» началась еще до конца 80-х годов. Таковы основные позитивные процессы в мире, которые создают хорошие возможности для экономического и политического развития мира в XXI веке.

Дальнейшее снижение уровня применимости, полезности и эффективности обычной военной силы

Любому специалисту в области международных отношений становится ясно, что, несмотря на то, что две сверхдержавы (СССР и США) достигли пика своей военной мощи, их политическое влияние в мире падает. Военное производство набирает скорость — сейчас строительство авианосца немногим отличается от строительства комплекса высотных зданий (с введением в эксплуатацию объекта через два-три года после начала его строительства), — и потому сверхдержавы будут осваивать новые военные вершины. Однако, несмотря на это, следует ожидать дальнейшего снижения их роли и влияния в международных делах. Во многом это является результатом развития новой структуры международных отношений, которая окажет конструктивное воздействие на мировые процессы в XXI веке вследствие исторически обусловленного снижения уровня полезности и эффективности обычных военных сил и обычной (неядерной) войны.

Такая ситуация вызвана множеством причин. Обычная война становится все более незаконной и дорогостоящей и все менее эффективной в достижении желаемого результата. Давно прошли те времена, когда война считалась благородным делом, которому даже элита жертвовала лучшие годы своей молодости. Сейчас война и в глазах отдельного человека, и всего мирового сообщества, и даже самих ее инициаторов стала актом, направленным против человечества в целом.

Были времена, когда военная победа стоила дешевле, чем первые выстрелы в среднемасштабной современной войне. В настоящее время имеется столько же причин жертвовать ногой или рукой, что и в прошлом. Но, как показали события в Афганистане, Камбодже, многие другие современные войны, нынешние схватки приобрели совершенно иной характер, превратились в сложное и грязное дело — при этом человеческая жизнь стала более ценной, а массы уже не так легко подчиняются приказу «лечь — встать».

Прошу понять меня правильно. Я не утверждаю, что когда-нибудь все мечи будут

перекованы на орала и люди перестанут восвать. Порох всегда нужно держать сухим. Во всякой войне есть много иррационального, и это не такое уж необычное явление.

Конфликты будут возникать и в будущем, и, возможно, нередко. Но ввиду изменений самой сущности силы для разрешения будущих конфликтов все активнее будут применяться не военные, а экономические, финансовые и другие средства. В нашем далеко не идеальном мире это послужит на благо человечеству.

Темпы мира

Несомненно также, что растущее осознание бесполезности и неэффективности применения обычной военной силы, поворот к внутриэкономическим реформам, ослабление идеологического запала, необходимость мира и спокойствия в важных регионах земного шара — все это привело к установлению мирного периода во многих частях света. Преувеличивать, конечно, не следует, но справедливо было бы отметить, что сейчас, впервые за долгое время, земной шар охвачен своего рода эпидемией мира. Говорят, у войны есть свои темпы. Свои темпы есть и у мира. Думается, что в 90-е годы, несмотря на новые обычные войны, темпы мира будут нарастать.

Следует отметить, что как у войны есть свои отрицательные последствия, так и у мира есть свой огромный положительный эффект — он несет не только колоссальные политические выгоды, но и колоссальные экономические преимущества.

Модернизация в пяти глобальных центрах силы

Следующая позитивная тенденция, которая также распространится на 90-е годы, может быть названа «модернизацией» в пяти центрах современной глобальной силы. Этот процесс начался с «четырех модернизаций» в Китае. Затем последовала перестройка в Советском Союзе. Вследствие воздействия многих факторов мы стали свидетелями «второго открытия» Японии, где процесс внутренних перемен по своим результатам может стать равнозначным первому открытию Японии после реставрации Мэйдзи. Поскольку этот процесс несет для Японии большие преимущества, он, видимо, будет необратимым — по крайней мере в обозримом будущем.

В настоящее время Европейское сообщество стремится создать к 1992 г. единый европейский рынок и более того — единую Европу. Процесс модернизации пяти современных центров силы примет законченный характер, когда Соединенные Штаты начнут свою программу внутренних реформ и переустройства. Может быть, господин Буш еще этого не знает, но такой процесс в США начнется довольно скоро. В Соединенных Штатах, как и в других четырех мировых центрах, действует определенная внутренняя логика развития, которой неминуемо подчиняется также то, что еще не решено и не готово.

Американцы — не тот народ, чтобы безмятежно и безразлично взирать на резкое падение влияния и роли своей страны. И те, кто возвещает о неизбежном снижении роли и могущества США, должны приготовиться к обратному — к новому подъему этой обретшей новую энергию нации. Это также произойдет до наступления XXI века.

Первостепенное значение экономики в новую эру развития

В настоящее время четыре из пяти мировых центров признают первостепенность решения экономических задач. Первой на этот путь встала Япония. Эта тенденция охватила и так называемые новые индустриальные страны (НИС), и страны АСЕАН, которые давно поняли, что борьба за развитие и успехи — это краеугольный камень своей комплексной безопасности и комплексного процветания. Когда такая шкала приоритетов начнет действовать и в Соединенных Штатах, в мире воцарится «эра развития», которая уже делает первые шаги.

Эра развития, в которой первостепенная роль отведена экономике, наступит еще и потому, что с конца 80-х — начала 90-х годов главная внешняя угроза для большинства стран мира будет носить экономический характер.

Политические негативы

Дабы не быть неправильно понятым, позволю себе отметить, что конец XX века отнюдь не будет периодом полного отсутствия политических проблем для Малайзии и других стран АСЕАН. Имеются оправданные опасения по поводу возможного вывода вооруженных сил США с баз в Кларк-Филдс и Субик-Бэй, а также возможности несбалансированного стратегического ухода США с Тихого океана или более общего «отступления» американцев на Американский континент. Ситуация ухода в свою «крепость» может возникнуть не только в связи с развитием событий в Европе. Не исключается конфликт на различных уровнях в Южно-Китайском море.

Неудачи в СССР, который сейчас испытывает наиболее болезненные последствия «стратегического распространения», могут ослабить или увести в сторону титанические усилия советского руководства, направленные на экономическое развитие, и вновь нацелить его на первоочередное развитие и наращивание военной мощи. Неизбежное в этом случае разочарование и чувство обманутости может осложнить процесс «раздела бремени военных расходов» и возрождения Америки. Милитаризация Японии — экономической сверхдержавы, воплощающей до сих пор «стратегическое нераспространение», может разрушить ее выдающийся вклад как образцовой страны в международные отношения.

Следует также учитывать так называемый закон неожиданного. «Закон неожиданного» гласит, что даже в природе, где множество факторов работают во благо, всегда есть возможность того, что какой-нибудь один фактор, одно событие может свести на нет работу остальных. Один фактор может повернуть ход истории или направить его в совершенно неожиданном направлении. Какое-либо событие в Восточной Европе, где в результате гласности и перестройки происходят драматические перемены, может накалить общую ситуацию. Какие-либо события на Ближнем Востоке, один сумасшедший с бомбой, одна техническая неполадка, единичный инцидент в Северо-Восточной Азии — любое такого рода событие может серьезно осложнить положение в мире.

Не следует также полагать, что закон неожиданного действует лишь в военных или политических вопросах. Было бы неразумным не задумываться о том, какую форму примут грядущие экономические процессы и каковы перспективы на будущее, когда великие державы и их мегаконсорциумы будут формировать торговые блоки и новые сферы влияния.

Очевидно, что нынешние и будущие политические и экономические тенденции 90-х годов предоставят человечеству исторические по своим масштабам возможности.

Экономические позитивы

Прежде чем перейти к рассмотрению наиболее мрачных экономических факторов, которые будут продолжать действовать почти до самого конца XX века, хочу заверить, что не являюсь сторонником идеи неуправляемой экономической обреченности и весьма далек от безнадежного пессимизма.

Многое в экономической сфере должно восприниматься нами с благодарностью. Предсказания бедствий вследствие возникших в 1987 г. трудностей оказались несостоятельными. Можно ожидать дальнейшего международного сотрудничества между экономически великими державами, между экономическими сверхдержавами, направленного на поддержание того процветания, которым были отмечены последние 7 лет.

Неизвестно, как долго удастся удерживать темпы инфляции. Сейчас в странах ОЭСР наблюдается ползучая инфляция. Но, по-видимому, в предстоящие месяцы ее удастся приостановить. Международные процентные ставки также ползут вверх. Но и с ними, вероятно, до конца года удастся справиться.

К счастью для всего мира и особенно для стран Тихоокеанского бассейна, экономический динамизм региона не ослабевает. Смещение центра экономического притяжения на Тихий океан в течение последних 20 лет дает все основания для оптимизма, и оно, несомненно, будет продолжаться. При любых предсказуемых ныне обстоятельствах тихоокеанский регион и в XXI веке будет зоной величайшего динамизма. Конечно, не следует недооценивать Европы и возможные планы создания экономической «Большой Европы» (с участием восточноевропейских стран); но в любом случае уже взойшла и разгорается звезда тихоокеанского века.

Что бы ни случилось в других регионах мира, нам следует благодарить судьбу за

свой «тихоокеанский адрес», за то, что мы находимся там, где есть экономика Японии, экономика Китая и где находятся четыре НИС Азии. Несомненно, что в грядущую эру замедленного экономического роста, когда двигателей такого роста будет гораздо меньше, чем сейчас, динамично развивающаяся экономика этих стран едва ли выдохнется.

В то же время можно предположить, что существуют и более долгосрочные структурные факторы, имеющие тенденцию к дальнейшему развитию, в силу которых едва ли можно будет обеспечить тот бум и процветание, на которые надеется послевоенное поколение людей во многих быстро развивающихся странах мира.

Снижение мировых темпов экономического роста

Ниже будет рассмотрен ряд причин, которые не позволяют нам слишком оптимистично взирать на перспективы мирового экономического роста. Прежде всего приходится констатировать неоспоримый факт: несмотря на недолговременные цикличные подъемы в экономическом развитии, пик мирового экономического роста уже остался позади, и сейчас развитие идет, так сказать, «под гору».

По данным Всемирного банка*, в «золотой век» 60-х годов среднегодовые темпы экономического развития в промышленно развитых странах достигли 5 %. В 70-х годах они составили всего 3,1 %, а в период 1980—1987 гг. произошло дальнейшее их снижение до 2,5 %. По прогнозам Всемирного банка, в 1987—1995 гг. среднегодовые темпы роста промышленно развитых стран составят 2,3 %, что намного ниже 3-процентного прироста, необходимого странам, находящимся в развитии, для покрытия их долга и поддержания уровня цен на потребительские товары.

Показатели темпов общемирового экономического роста также отражают структурное замедление темпов экономического развития. В «золотой век» 60-х годов среднегодовые темпы мирового экономического роста составляли 5 %, в первой половине 70-х годов среднегодовой рост мирового ВВП снизился до 4, во второй половине 70-х — 3,5, а в первой половине 80-х упал до 2 %.

Конечно, мир в целом (за исключением большинства развивающихся стран) в последнее время жил неплохо — в основном благодаря любезной щедрости Соединенных Штатов, которые набирали в долг бесчисленные средства и играли в мире кейнсианскую роль, которую, как известно и США и остальному миру, вечно играть невозможно.

В настоящее время ни одна из авторитетных организации не прогнозирует возрастание темпов роста в рамках ОЭСР или в мировом масштабе на предстоящие годы. Однако сколько-нибудь длительное продолжение подобной летаргии может повлечь за собой целый ряд экономических и политических осложнений.

Снижение темпов развития международной торговли

Мир стоит перед лицом еще одной всеобъемлющей экономической угрозы — современная международная торговля находится в структурном упадке. Тем, кто бодро ссылается на 4-процентный прирост общемирового торгового оборота в последние два года, следует напомнить, что в «золотой век» 60-х годов, когда вперед вырвалась Япония, средние темпы роста мирового оборота составляли 8 %, а в трудные 70-е, когда зависимые от внешней торговли НИС стали развивать экспорториентированную экономику, среднемировые темпы роста торговли составили 6,2 %. Среднегодовые темпы роста международной торговли в 1980—1987 гг. составили 3,2 %.

В предстоящие годы не следует исключать возможности торгового кризиса. Если нам не удастся достичь прогресса в переговорах ГАТТ, и если мы не выполним на деле то, что зафиксировано на бумаге в уругвайском раунде переговоров, мы просто подведем весь мир.

Протекционизм на марше

Структурное снижение темпов экономического роста и роста объемов торговли, разумеется, не следует отделять от высоких темпов роста протекционизма, «золотой век»

* World Bank's World Development Report, 1988.

которого может наступить в 90-е годы. Мы можем и должны обойтись без такого «золотого века». Однако весьма трудно предположить, что именно сможет предотвратить, нейтрализовать или остановить рост протекционистских мер.

Со временем все более растет искушение найти убежище от суровых законов рынка. Как и раньше, утверждается, что протекционизм необходим для защиты нарождающейся, молодой промышленности; однако этот аргумент применяется повсеместно и без разбора, особенно в развивающихся странах. При этом не учитывается тот факт, что некоторые промышленно-экономические «дети» обречены на вечное детство, если не столкнутся с конкуренцией. Что касается развитых стран, то там сейчас слишком часто прибегают к протекционизму для защиты не молодой, а дряхлой, стареющей и больной экономики.

Если протекционизм получил столь существенное развитие в период относительно быстрого экономического роста и относительно быстрого роста международной торговли (особенно в сравнении с тем, что нас ожидает), то каковы его возможности в обозримом будущем, когда будет наблюдаться дальнейшее снижение темпов роста экономики и торговли?

Система свободной торговли уже подверглась значительной эрозии и стоит перед лицом серьезнейшей угрозы. Необходимо остановиться, оглядеться, может быть, отойти назад — иначе сползание вниз будет продолжаться. На ближайшее будущее перспективы представляются весьма неблагоприятными.

Чрезмерная подвижность валютных курсов

Третья угроза, с которой мы сталкиваемся, — чрезмерная подвижность валютных курсов. Все мы ожидали, что в результате международного сотрудничества членов «большой пятерки» и их центральных банков, в результате многочисленных усилий, принимаемых в течение столь длительного времени, можно будет рассчитывать хотя бы на кратковременную передышку. Однако до тех пор, пока не будет исправлен огромный международный торгово-платежный дисбаланс, рассчитывать на валютную стабильность не приходится. Выравнивание такого дисбаланса в ближайшем и среднесрочном будущем невозможно.

Примечательно, что отход от твердой системы валютных курсов ввиду их чрезмерной подвижности произошел в 70-е годы. Однако взлеты и падения тех лет представляются плавными спусками и подъемами по сравнению с нынешними резкими зигзагообразными колебаниями. Тем, кто должен покупать и продавать на международных рынках, кому приходится вкладывать, брать и давать в долг, выплачивать долги, не нужно напоминать о серьезности валютной ситуации в настоящее время и в будущем.

Перечень экономических болезней мира можно было бы дополнить рассуждениями о международном долговом кризисе, об огромном бюджетном дефиците США, о широкой хронической пропасти между уровнем потребления и накопления в американской экономике, о серьезнейшем торгово-финансовом дисбалансе.

Не буду говорить о том, какую опасность для нас и для других регионов мира представляет столкновение экономических сил, являющихся друзьями АСЕАН, — Японии, США и ЕЭС. Необходимо лишь подчеркнуть, что многое в нашем будущем будет зависеть от результата столкновения между международным экономическим сотрудничеством и международным экономическим конфликтом. Пока эти два процесса развиваются с одинаковой скоростью, и для нас было бы крайне неразумным пребывать в спокоевствии.

Хотелось бы поделиться чувством отчаяния, которое вызывают и продолжающийся экономический застой в большинстве стран Юга, и тот факт, что многие из беднейших государств мира испытывают экономический спад, превосходящий по масштабам великую депрессию 30-х годов, охватившую тогда богатые страны. Хронически больная экономика большинства стран «третьего мира», которая не излечится и в 90-е годы, создает серьезные структурные политические проблемы и, более того, серьезные структурные проблемы мировой экономики (не знаю, следует ли говорить об этом здесь — у вас достаточно своих проблем. Но не является ли это одной из крупнейших правственных проблем нашего времени? И много ли удастся сделать до начала XXI века?).

Не буду далее распространяться по этому и другим вопросам. Но считаю своим долгом уделить хотя бы некоторое внимание возможной перспективе подъема экономии-

ческих или торговых блоков, а также подлинному краху экономического роста, который может произойти уже в этом году.

Крах экономического роста

Трудно сказать, когда именно состоится этот крах и насколько «жесткой» будет «посадка». Но совершенно определенно следует ожидать существенного торможения экономического роста США. Можно с уверенностью сказать, что рано или поздно в экономике Соединенных Штатов наступит спад. Едва ли удастся избежать спада в мировой экономике, и еще менее вероятно, что удастся избежать существенного торможения темпов глобального экономического роста на протяжении достаточно длительного времени.

Логика здесь простая. Современная экономическая история США не знает непрерывного экономического роста. После второй мировой войны мы наблюдали в Соединенных Штатах восемь периодов экономического подъема и семь периодов спада. К настоящему времени в США уже семь лет длится период подъема — это самый долгий период подъема, и поэтому довольно скоро следует ожидать период следующего спада.

Масштабы глобального экономического спада и торможения темпов глобального экономического роста будут зависеть от глубины и продолжительности экономического спада в США. Возможных источников обеспечения роста будет недостаточно. Ввиду множества болезней мировой экономики спад и торможение мировых темпов роста продлятся достаточно долго.

Сферы экономического влияния (торговые блоки)

Рассмотрим теперь явление, которое в случае своей реализации может стать источником серьезного беспокойства. Имеется ввиду развитие торговых или экономических блоков, то есть экономического эквивалента политическим сферам влияния, на которые был разделен мир в эпоху империализма.

По данному вопросу высказывалось множество суждений, в которых зачастую содержалась большая доля преувеличения. В настоящее время явно назрела необходимость отделить тактику от стратегии и выяснить, где иллюзии, а где реальности. Но сейчас настолько велика опасность просчета, переход от стратега к субстанции, настолько велика опасность случайного или рассчитанного наступления эры неимпериализма, что нельзя игнорировать ни предположения, ни преувеличения.

Думается, мы уже достаточно подробно рассмотрели перспективы и проблемы, стоящие перед миром. Сейчас было бы целесообразным выяснить, что может предпринять АСЕАН для решения хотя бы некоторых из этих проблем в XXI веке.

Прежде всего необходимо уделять первостепенное внимание решению наших внутренних проблем — это наша первая и последняя линия экономической обороны. Необходимо также отметить, что наши страны слишком малы, незначительны и беспомощны, для того чтобы играть сколько-нибудь серьезную роль в решении большинства из названных проблем. Но ни мощь, ни беспомощность не могут быть вечными, и малым слабым странам необходимо «переболеть» своей беспомощностью. Не так уж нравственно страдать и болеть молча.

Трудно представить, насколько активную роль в международных делах могут играть малые страны, если они развивают мудрые и творческие подходы к решению проблем. И хотя мало кому удастся изменить негативный ход событий, каждая страна должна к этому стремиться.

Реакция региона: приближение времени активного сотрудничества

Если говорить о нашем регионе и о развитии регионального сотрудничества, то нам удалось сыграть в этом процессе активную роль. Столь же активную роль мы можем играть и в будущем.

23 года назад была основана АСЕАН, в результате чего изменился облик Юго-Восточной Азии. То, что сейчас является сообществом АСЕАН, некогда представляло группу стран, которые ничего не знали, да и не особенно стремились знать, друг о друге; некоторые из них не имели никаких отношений между собой, а другие даже находились в состоянии полувойны. Создание АСЕАН явилось первым примером регионального

примирения и регионального сотрудничества. Нынешние результаты: зона мира и свободы, мир без диктата, успешные усилия по созданию мира и стабильности в послевоенный период—говорят сами за себя. АСЕАН признана во всем мире, и это признание совершенно заслуженно.

Представляется, что наступает время, когда государства Юго-Восточной Азии смогут начать второй раунд регионального примирения и сотрудничества, используя при этом все преимущества позитивного соотношения политических сил, когда мы должны будем возобновить процесс, столь грубо прерванный вторжением в Камбоджу. Сегодня АСЕАН предстоит приступить к рассмотрению процесса «динамичного сотрудничества» со странами Юго-Восточной Азии, не являющимися членами Ассоциации. Ситуация для начала такого сотрудничества почти назрела, и надо лишь дождаться благоприятного момента и стечения обстоятельств для ее реализации.

Стремясь к динамичному сотрудничеству, мы не должны уделять слишком большого внимания структурно-организационным вопросам. Прежде всего следует сконцентрировать внимание на работе по существу и на развитии самого процесса. И не следует удивляться, если еще до середины 90-х годов будет создан форум Юго-Восточной Азии, на котором соберутся все десять стран нашего региона.

Кроме того, в настоящее время, когда развивается процесс примирения между Китаем и Советским Союзом, когда Вьетнам активно стремится к урегулированию отношений с КНР, когда вывод вьетнамских войск пробил брешь в тупике камбоджийской проблемы, АСЕАН пора использовать все преимущества позитивного соотношения факторов вокруг Камбоджи и активизировать усилия с целью прекращения этой трагедии. При этом не следует пугаться ужесточения позиций сторон, ибо это обычный маневр, применяемый при приближении времени переговоров и достижения компромисса.

Что касается самой АСЕАН, то при всей наивности надежд на нерушимую солидарность как естественную реакцию на возникшую серьезную угрозу, следует ожидать существенного прогресса в области экономического сотрудничества. На Манильской встрече на высшем уровне уже были предприняты серьезные шаги в этом направлении, и следует далее идти тем же курсом.

Как говорилось выше, век Тихого океана уже наступил. Какие позиции должна занять АСЕАН? Размышляя над этим вопросом с конца 70-х годов, я пришел к выводу, что страны АСЕАН уже прошли определенный путь во взаимном узнавании, в укреплении своей независимости. И думается, что те, кто мечтает о Тихоокеанском сообществе, стали не только взрослее, но и мудрее.

Однако цели и задачи АСЕАН остаются неизменными. Прежде всего, мы считаем, что процесс развития тихоокеанского регионализма должен быть открытым. Мы не хотим служить крепостью Европы или Америки, мы также не должны воздвигать тихоокеанской крепости. Мы должны быть готовы к динамичному сотрудничеству со всеми странами — и с Европейским сообществом, и со всеми теми, кто будет вносить свой вклад в развитие глобализма.

Во-вторых, если говорить о структуре тихоокеанского регионализма, то мы не должны ограничивать участие в Тихоокеанском сообществе. Для того чтобы способствовать глобальному мирному процессу, для укрепления позитивных политических факторов и противодействия негативным экономическим факторам, мы должны не просто «принять» Советский Союз, но и обязаны привлечь его к конструктивному участию в общетихоокеанском процессе, ибо невозможно стимулировать позитивные процессы, целенаправленно препятствуя их развитию.

Нам следует способствовать подключению к этому процессу стран Латинской Америки, также являющихся частью Тихоокеанского бассейна. Развивающиеся страны должны играть столь же законную и достойную роль, что и Соединенные Штаты, Япония, Китай.

В-третьих, необходимо уделять первостепенное внимание не структуре, а сути процесса. Как представляется, попытки создать сейчас тихоокеанский вариант ОЭСР или всеобъемлющую тихоокеанскую организацию были бы преждевременными.

В-четвертых, как представляется, следует сосредоточиться на экономических и функциональных вопросах и отложить в сторону вопросы политического и стратегического характера.

В-пятых, следует создать необходимую психологическую инфраструктуру взаимного уважения между слабыми и сильными, между богатыми и бедными, между развитыми и

развивающимися странами. Работы в этом направлении нужно продолжать.

В-шестых, и это очень важно для АСЕАН, необходимо обеспечить невозможность каких-либо действий по ослаблению или подрыву Ассоциации.

Глобализм

Государства АСЕАН могут вносить свой вклад в усилия ООН по поддержанию и установлению мира (например, малайзийские солдаты входят в силы по поддержанию мира на Ближнем Востоке и Намибии). Мы горды тем, что именно у нас состоялась последняя встреча на высшем уровне стран Содружества, и тем, что у нас будет проходить первая в истории встреча на высшем уровне «великих 15». АСЕАН может внести большой вклад в глобальный мирный процесс, активно способствуя решению камбоджийской проблемы. Мы можем сыграть свою роль в обеспечении глобального консенсуса по созданию открытой торговой системы.

Иногда высказывается мнение, что время нового международного экономического порядка, к счастью, прошло. На деле же оно еще не наступило, и необходимо, чтобы находящиеся в более благополучном положении страны Юга наконец начали что-то делать для создания такого порядка.

Малайзия — это малая развивающаяся страна с ограниченными ресурсами. Мы горды тем, что несмотря на свои малые размеры и ограниченные ресурсы, мы оказываем экономическую и техническую помощь 43 государствам Юга. Мы стремимся внести свой вклад в сотрудничество по линии Юг — Юг наряду с нашими усилиями по активному участию в развитии отношений «Север — Юг».

Сферы влияния

С полной определенностью можно сказать, что будущее Ассоциации во многом зависит от нашей способности в полной мере использовать динамизм Японии. Малайзия усматривает колоссальные возможности, вытекающие из, так сказать, японского шанса.

«Японский шанс» может быть конструктивно использован по пяти направлениям. Открытие японских рынков — это процесс исторической значимости, который создает огромные возможности для АСЕАН. Второе, очень важное для Ассоциации направление — процесс перемещения промышленных предприятий в эру высокого курса иены. Мы успешно работали в этой области и раньше и должны еще более успешно работать в будущем. Третье направление связано с деятельностью Организации развития Азии*, в которой Япония очень скоро займет лидирующие позиции. Четвертое направление связано с развитием туризма, пятое — с развитием технологии и технологического обмена.

Нам необходимо в максимально полной мере использовать эти возможности. Однако без соответствующей подготовки мы можем создать ситуацию, которая не будет соответствовать долгосрочным интересам ни Японии, ни АСЕАН. Поэтому одновременно с развитием наших инициатив, связанных с Японией, нам необходимо вовлекать в этот процесс и все великие державы и активно использовать динамизм Южной Кореи, Тайваня и Гонконга.

Несомненно, активные действия каждого из трех миров могут обогатить наше взаимодействие с «первым миром», со «вторым миром» и с «третьим миром».

В предстоящие годы нам необходимо стремиться к установлению не только здорового баланса политического присутствия различных сил, но и здорового баланса экономического присутствия различных сил в регионе.

Несмотря на все проблемы прошлого, сообщество АСЕАН вошло в новую эру надежды и прогресса. На своем пути в прошлом мы сталкивались с трудностями, иногда падали, но всегда поднимались и шли дальше. Я верю, что мы сможем справиться и с трудностями будущего. Надо быть готовыми к суровым ударам, и, конечно, еще не раз придется падать под их тяжестью. Но я уверен, что каждый раз мы будем в силах подняться и пойти дальше.

Перевод с английского языка Т. А. Каргановой

* Organization of Development in Asia — ODA.

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

Меры по оздоровлению экономики и потребительский рынок

Г. ГАНШИН,
И. БАЛЮК

На состоявшейся в марте 1990 г. третьей сессии ВСНП седьмого созыва руководства Китая был вновь подтвержден курс на продолжение экономической реформы. Со всей определенностью было указано, что неизменными условиями реализации этого курса являются оздоровление экономики, стабилизация социально-экономической и политической обстановки в стране. Немаловажное место в комплексе мер, направленных на «упорядочение» экономики, «усмирение» инфляции, отведено улучшению состояния рынка «с упором на структурное регулирование и повышение эффективности»¹.

Экономическая реформа в КНР стала давать ощутимые сбои с конца 1984 г. В течение второй половины 80-х годов в стране нарастали экономические трудности. Одной из причин, порождавших эти трудности, можно считать известную непоследовательность, недостаточную решительность в демонтаже существовавшей долгие годы бюрократизированной высокоцентрализованной экономической системы и формирования нового хозяйственного механизма, основанного на действии объективных экономических законов.

С каждым годом набирала силу инфляционная тенденция, «проглатывавшая» возрастающие денежные доходы значительной части населения и дестабилизировавшая функционирование народного хозяйства². В несколько раз возросла денежная эмиссия, составив в 1988 г. 68 млрд. юаней³. Год от года усиливался дисбаланс между совокупным общественным спросом и предложением. Особое беспокойство у китайского руководства и населения Китая стала вызывать четко обозначившаяся тенденция роста цен. В 1987 г. индекс роста розничных цен в КНР составил 7,3 %, а в крупных городах он превысил 10 %⁴.

С особой силой нарастание негативных тенденций в китайской экономике проявилось в 1988 г., когда на потребительский рынок обрушились четыре волны ажиотажных закупок потребительских товаров, грозившие начисто опустошить прилавки. Уровень розничных цен поднялся на 18,5 % по сравнению с предыдущим годом. Совокупный объем розничного товарооборота возрос на 27,8 % по сравнению с 1987 г., достигнув рекордного в истории КНР уровня — 744 млрд. юаней⁵. С учетом роста цен объем розничного товарооборота увеличился на 7,9 %.

Резко возросла продажа потребительских товаров, особенно длительного пользования. Очереди выстраивались за телевизорами, стиральными машинами, вентиляторами, магнитофонами. Увеличилась реализация и менее популярных товаров (швейные машины, наручные часы и велосипеды). Предложение продуктов питания в основном удовлетворяло спрос, хотя кое-где также возникали ажиотажные закупки — круп, растительного масла, соли. Возросли размеры торговли одеждой, трикотажными изделиями.

В 1988 г. был отмечен рост закупок и коллективами предприятий, организаций и учреждений. Несмотря на принимавшиеся китайским правительством меры по сдерживанию их

Ганшин Георгий Александрович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

Балюк Игорь Алексеевич, научный сотрудник ИДВ АН СССР.

покупательной способности и уменьшение объема реализации 29 специально контролируемых товаров (в их числе автомобили, мотоциклы, копировальные машины, мебель, фото-, кинокамеры и др.), совокупный объем покупок товаров коллективами предприятий, организаций и учреждений в 1988 г. увеличился на 20,3 % по сравнению с предыдущим годом⁶.

На 27,5 % увеличились покупки крестьянами сельскохозяйственных средств производства по сравнению с 1987 г.⁷ Повышенным спросом пользовались некоторые виды тракторов, электрооборудование, химические удобрения, полиэтиленовая пленка и др.

«Перегрев» внутреннего рынка ухудшил экономическую ситуацию в Китае. Рыночное снабжение было серьезно нарушено, особенно в результате возросших покупок круп, соли и одежды из хлопчатобумажных тканей. Ажиотажный спрос привел к тому, что торговые предприятия начали наперебой закупать товары у промышленных предприятий, а форсированное увеличение производства потребительских товаров промышленными предприятиями постепенно вело к затовариванию. На потребительском рынке во второй половине 1988 г. сложилась ситуация, при которой дефицит одних видов товаров сочетался с затовариванием других. Как сообщалось в то время в китайской печати, 210 из 506 промтоваров и 55 из 141 вида сельхозпродуктов не могли быть произведены в количестве, достаточном для удовлетворения спроса⁸. В разряд дефицитных попали такие товары, как спички, мыло, стиральный порошок, эмалированная и алюминиевая посуда. Ощущалась нехватка некоторых продуктов питания и промышленных товаров: круп, растительного масла, соли, мяса, сахара, хлопчатобумажных тканей, трикотажных изделий, цветных телевизоров, холодильников.

Опасаясь обесценивания своих сбережений по мере усиления инфляции, городские жители начали в больших масштабах изымать свои денежные вклады, дестабилизируя тем самым денежное обращение. Если прибавить к этому быстрый рост фонда зарплаты, премий и различных субсидий в городах, а также значительное увеличение доходов крестьян и рост покупательной способности коллективов предприятий, организаций и учреждений, то к концу 1988 г. совокупная общественная покупательная способность увеличилась на 120 млрд. юаней по сравнению с 1987 г.⁹ Резко возросший общественный спрос создал серьезные проблемы в снабжении жителей города и деревни необходимыми товарами.

Кроме этого, несбалансированность потребительского рынка в условиях активного развития товарно-денежных отношений, предоставления торговым предприятиям самостоятельности в решении многих хозяйственных вопросов при отсутствии умелого государственного регулирования с использованием различных экономических рычагов стала питательной средой для увеличения числа различных злоупотреблений в сфере внутренней торговли, распространений коррупции среди руководящих торговых работников. Широкое распространение получили такие отрицательные явления, как спекуляция дефицитными товарами, необоснованное, зачастую скрытое повышение цен, обман и обвес покупателей, продажа поддельных товаров, пересортица, торговля запрещенными товарами, нарушение норм гигиены и т. д.

В этих условиях в сентябре 1988 г. состоялся 3-й пленум ЦК КПК 13-го созыва, провозгласивший курс на «улучшение экономической ситуации, наведение экономического порядка и углубление экономической реформы». Китайское правительство приняло ряд мер, преимущественно административного характера, направленных на осуществление жесткого контроля за ценами и применение строгих санкций против организаций и отдельных лиц, нарушающих установленный порядок ценообразования¹⁰.

Важное место в программе оздоровления экономической ситуации в стране отводилось упорядочению капитального строительства, где чрезмерные темпы роста и бесконтрольность в использовании ассигнований служили серьезными причинами расстройств финансовой системы, усиления диспропорций в народном хозяйстве. Большое значение стало придаваться строгому режиму экономии материальных ресурсов и энергии. Предусматривалось сократить денежную эмиссию, активнее использовать безналичные платежные операции, усилить контрольно-учетные функции финансовых органов, строго контролировать

поступление в бюджет налоговых платежей, разработать механизм налогообложения сверхвысоких доходов организаций и отдельных лиц.

В целях уменьшения большого отложенного спроса населения и части предприятий было намечено решительнее продолжать курс, направленный на выпуск акций и облигаций, продажу горожанами квартир из общественного жилого фонда. В целях стабилизации денежного обращения и ускоренного изъятия свободных денежных средств у населения с сентября 1988 г. начали активно применяться так называемые вклады с сохранением стоимости, рассчитанные на срок от 3 до 8 лет. На эти вклады не только начисляются проценты, но и выплачивается компенсация в соответствии с темпами роста инфляции. Эта мера оказалась весьма эффективной, позволив изъять из обращения 100 млрд. юаней¹¹.

Стабилизации потребительского рынка и обуздания инфляции в Китае предполагают добиться не только за счет всемерного сдерживания общественного спроса, но и с помощью мер, направленных на устранение перекосов и диспропорций, существовавших в народном хозяйстве, за счет упорядочения производственной структуры. Намечено наладить производство, распределение и продажу дефицитных товаров повседневного спроса при одновременном сокращении или даже прекращении производства товаров, не пользующихся спросом.

Особое внимание стало уделяться развитию сельского хозяйства. Предусматривалось увеличение на 10 % государственных капиталовложений в сельское хозяйство, что все же недостаточно для существенного изменения положений в сельскохозяйственном производстве¹². Для поддержки развития сельского хозяйства использовались специальные виды местных налогов, стали создаваться особые фонды в помощь сельскому хозяйству. В среднем на 18 % были повышены государственные закупочные цены на зерновые культуры¹³. Одновременно ставилась задача взять под особый контроль ценообразование на средства производства, предназначенные для сельского хозяйства.

В области промышленности акцент был сделан на устранение «перегрева», снижение темпов роста в ряде отраслей (это относится в первую очередь к предприятиям перерабатывающей промышленности) и ускорение развития топливно-сырьевого комплекса. Предметом особой заботы должно было стать развитие транспортной системы.

Какое влияние оказали эти меры на состояние потребительского рынка Китая? Статистические данные об итогах экономического развития КНР 1989 г. свидетельствуют, на наш взгляд, о первых положительных результатах по стабилизации потребительского рынка. Был полностью преодолен «бум» на потребительском рынке. Больше того, стала отмечаться некоторая «вялость» последнего. Ряд потребительских товаров из дефицитных превратились в неходовые. В 1989 г. объем совокупного розничного товарооборота составил 810,1 млрд. юаней, увеличившись на 8,9 % по сравнению с предыдущим годом. Однако с учетом роста цен произошло его фактическое уменьшение на 7,6 %¹⁴. Такая ситуация не наблюдалась в Китае на протяжении последних 27 лет, что вызвало разноречивые оценки среди китайских экономистов. Думается, что фактическое уменьшение товарооборота можно оценить положительно.

Удалось добиться первых результатов в области контроля за ростом покупательной способности коллективов предприятий, организаций и учреждений. В 1989 г. ими было куплено потребительских товаров на сумму 69,3 млрд. юаней, что формально на 4,2 % больше, чем в 1988 г.¹⁵ Однако если принять во внимание фактор роста цен, то объем закупленных коллективами предприятий, организаций и учреждений потребительских товаров сократился довольно значительно.

Одним из самых существенных положительных результатов нового курса можно считать снижение темпов роста цен. К декабрю 1989 г. темпы роста цен снизились до 6,4 % по сравнению с 27,9 % в феврале того же года. Что же касается индекса роста розничных цен в 1989 г., то он составил 17,8 % (в городах и поселках — 16,0 %, в сельской местности — 18,8 %). В том числе новый фактор роста цен составил 6,4 % по сравнению с 15,9 % в 1988 г.¹⁶ Рост розничных цен на основные потребительские товары был следующим (см. таблицу).

Таблица 1

Рост розничных цен на основные потребительские товары

Вид товара	1989 г. в % к 1988 г.	В том числе:
		декабрь 1989 г. в % к декабрю 1988 г. в городах и поселках
Продовольственные товары	16,2	-0,5
Крупы	21,3	0,4
Мясо, птица, яйца	14,3	2,1
Свежие овощи	2,1	-13,8
Продукция водных промыслов	16,3	-3,4
Одежда	18,1	11,5
Предметы повседневного спроса	15,3	4,3
Лекарства и медицинские инструменты	21,2	5,4
Топливо	27,4	11,4
Сельскохозяйственные средства производства	18,9	

Источник: Цзинцзи жибао.— 1990.— 21 февраля

например, в 1989 г. темпы роста заработной платы рабочих и служащих снизились на 9,1 % по сравнению с предыдущим годом. Разрыв между совокупным общественным спросом и предложением уменьшился в прошлом году до 8 % по сравнению с 16,2 % в 1988 г.¹⁷ Если учесть фактор роста цен, то можно сказать, что в 1989 г. спрос и предложение были в целом сбалансированы. Государству удалось сократить масштабы денежной эмиссии в 1989 г. до 21 млрд. юаней, что значительно меньше по сравнению с 68 млрд. юаней в 1988 г. К концу 1989 г. количество денег в обращении увеличилось на 9,8 % по сравнению с 46,8 % в предыдущем году¹⁸. Это наименьший прирост денежной массы в обращении за все годы экономической реформы.

Одновременно с мероприятиями, направленными на сдерживание совокупного общественного спроса, предпринимались усилия по увеличению предложения различных товаров и услуг. На отдельных направлениях были достигнуты неплохие результаты. Прежде всего был собран хороший урожай зерновых (407,5 млн. т), превысивший рекордный уровень 1984 г. Добыча угля достигла отметки в 1 млрд. т (в Китае более четверти добываемого угля расходуется на бытовые нужды). В целом по промышленности темп роста был снижен до 6,8 % по сравнению с 17,7 % в 1988 г.¹⁹ В определенной мере такое снижение было «запрограммировано». Однако на практике это привело к новым перекосам в производстве. Чрезмерный спад к концу 1989 г. стал расцениваться в Китае как признак тенденции к «застою» в промышленности. Это потребовало внесения новых коррективов в структуру производства, в номенклатуру выпускаемой продукции.

В 1989 г. не удалось полностью упорядочить структуру потребления. Изменения потребительского спроса на рынке не были своевременно учтены производственными отраслями. Наряду с ростом реализации продовольственных товаров на 10 %, одежды — на 4,2, бытовых товаров — на 7,9 %, в различной степени уменьшилась продажа хлопчатобумажных тканей, велосипедов, швейных машин, электробытовых приборов и ряда других товаров, которые в большом количестве раскупались в 1988 г.²⁰ В качестве примера можно привести производство и сбыт цветных телевизоров. Они покупаются преимущественно жителями городов и поселков. В настоящее время 45 % семей в городах и поселках из примерно 50 млн. семей имеют цветные телевизоры (в крупных городах их приобрели более 80 % семей, а в Гуанчжоу в Шанхае — свыше 95 %). Если вычесть количество семей, не

В целом задача по контролю за ростом цен на потребительские товары как считают в Китае, была выполнена, положение в этой области относительно стабилизировалось. Судя по публикациям в прессе, население Китая извлекло уроки в ходе четырех волн ажиотажных покупок товаров в 1988 г. и в 1989 г. уже осуществляло покупки потребительских товаров выборочно. Кроме этого, наметившаяся тенденция к снижению темпов роста цен способствовала распространению выжидательной психологии среди жителей города и деревни, которые стали делать покупки гораздо осмотрительнее.

Думается, что итоги развития экономики Китая в 1989 г. позволяют сделать вывод о том, что целый ряд ограничительных мер в области контроля за спросом принес первые плоды. Так,

имеющих достаточных денежных средств для их покупки, то спрос на цветные телевизоры не превысит 22 млн. шт. Если принять во внимание, что в Китае созданы мощности по производству более 11 млн. шт. цветных телевизоров в год, то достаточно будет двух лет, чтобы полностью удовлетворить спрос на этот вид товара. Несмотря на то что в 1989 г. производство цветных телевизоров было сокращено до 9,38 млн. шт., к концу сентября прошлого года тем не менее на складах промышленных предприятий скопилось 1,4 млн. шт. цветных телевизоров, а на складах торговых предприятий — еще 2,4 млн. шт. на общую сумму свыше 5 млрд. юаней²¹.

В процессе «урегулирования» уменьшение общественного спроса и увеличение предложения (главным образом относительное, за счет спада покупательской активности населения) привело к тому, что предложение некоторых видов товаров на рынке неожиданно для многих в Китае оказалось чрезмерным. Значительно увеличились запасы материальных ресурсов промышленных и торговых предприятий (в том числе сверхнормативные запасы на сумму 50 млрд. юаней²²).

В настоящее время проблема реализации некоторых видов товаров, в первую очередь дорогостоящих (цветные телевизоры, холодильники, стиральные машины и др.), заключается в том, что обеспеченная часть населения Китая уже удовлетворила свой спрос на них, а менее обеспеченная, но довольно многочисленная часть населения не имеет достаточных денежных средств для их покупки. В результате временно снизилась покупательная способность в отношении такой категории товаров. Несмотря на довольно большую совокупную емкость внутреннего рынка Китая, среднестатистическая покупательная способность остается довольно низкой. При совокупном объеме розничного товарооборота в 800 млрд. юаней каждый человек в среднем тратит в год менее 700 юаней (или же меньше 60 юаней в месяц). Для сравнения: цветной телевизор стоит около 1,5 тыс. юаней.

Сокращение совокупного объема розничного товарооборота в 1989 г. в Китае послужило основанием для утверждения о «вялости» потребительского рынка. Одной из причин подобного явления стали уже упоминавшиеся массовые покупки товаров в 1988 г. С одной стороны, это привело к созданию населением больших запасов различных видов товаров, превращению своих квартир в «маленькие товарные склады», досрочной реализации своей покупательной способности на несколько лет вперед. С другой стороны, исходная величина розничного товарооборота, заданная 1988 г., оказалась настолько высокой, что выйти на этот уровень было, по существу, нереально, не говоря уже об обеспечении прироста розничного товарооборота. Например, в августе 1989 г. объем розничного товарооборота уменьшился на 0,7 % по сравнению с августом 1988 г. Однако если август 1988 г. сравнить с августом 1987 г., то увеличение объема розничного товарооборота составило 40,1 %, а средний прирост розничного товарооборота в этом месяце за 2 года составил 19,6 %, что является довольно высоким показателем темпа роста²³.

Сокращение объема реализации товаров явилось неизбежным следствием сдерживания потребительского спроса. Использование вкладов с сохранением стоимости, ценных бумаг с сохранением их стоимости, контроль за потреблением коллективов предприятий, организаций и учреждений и др. меры, направленные на ограничение потребительского спроса, позволили, по подсчетам китайских экономистов, сократить совокупный объем розничного товарооборота на десять с лишним процентов²⁴.

Одной из причин «вялости» рынка является также диверсификация покупательной способности населения. Помимо покупок традиционных потребительских товаров, население получило возможность вкладывать денежные средства в покупку квартир, строительных материалов (особенно в сельской местности), в платные виды обучения, медицинской помощи и др. Нематериальные (нетоварные) расходы населения позволили изъять из сферы обращения значительное количество денежных средств. По имеющимся данным, за первые шесть месяцев 1989 г. расходы населения Китая, не связанные с покупками товаров, составили 60 млрд. юаней, увеличившись на 33 % по сравнению с тем же периодом 1988 г.²⁵

Одной из проблем, возникших в ходе «урегулирования» народного хозяйства Китая, стало, как уже отмечалось, резкое снижение в 1989 г. темпов роста промышленного производства, что прямо или косвенно связывалось с «вялостью» рынка. Например, в октябре 1989 г. прирост промышленного производства снизился на 2,1 % по сравнению с предыдущим месяцем, в ноябре и декабре ситуация несколько улучшилась, но еще была далека от стабилизации²⁶. С одной стороны, спад промышленного производства явился результатом нового курса, предусматривавшего сдерживание спроса, контроль за развитием волостных и поселковых предприятий, снижение чрезмерно высоких темпов роста промышленного про-

изводства за счет жесткой кредитной политики и т. д. С другой стороны, он был вызван рядом субъективных факторов: административные пережесты на местах, бьющие не только по убыточным, но и по рентабельным промышленным предприятиям, выжидательная, пассивная позиция многих руководителей промышленных предприятий в условиях переменившего политического курса и др.

Еще одной проблемой, связанной с изменениями на потребительском рынке в процессе «урегулирования», стало снижение экономической эффективности промышленных и торговых предприятий. В 1989 г. количество убыточных промышленных предприятий увеличилось в 2,2 раза, себестоимость продукции возросла на 22,4 % по сравнению с 1988 г. Прибыль от реализации товаров в рамках государственной торговли и снабженческо-сбытовых кооперативов уменьшилась в 1989 г. на 37,9 % по сравнению с предыдущим годом, количество убыточных торговых предприятий увеличилось на 43 %²⁷. Возросли издержки обращения, замедлилась скорость оборота денежных средств.

Кроме этого, «вялость» рынка обострила и социальные проблемы. У части рабочих и служащих снизились реальные доходы. Спад в хозяйственной деятельности некоторых предприятий, сокращение числа индивидуальных предприятий в городах и поселках привели к увеличению количества безработных. В городах и поселках уровень безработицы повысился с 2 до 3 %²⁸.

Итоги экономического развития Китая в 1989 г. делают невозможной однозначную оценку первых результатов нового курса. Наряду с активизацией сельскохозяйственного производства, «охлаждением» перегретых отраслей перерабатывающей промышленности, снижением темпов роста цен и относительной стабилизацией потребительского рынка, уменьшением покупательной способности коллективов предприятий, организаций и учреждений, улучшением денежного обращения, диверсификацией покупательной способности населения возник и целый ряд отмеченных выше проблем. На первый взгляд может показаться, что все эти проблемы вызваны «вялостью» потребительского рынка. Однако думается, что все перечисленные проблемы, возникшие в ходе «урегулирования», являются следствием нерешенности фундаментальных проблем китайской экономики. Это и несовершенство экономической системы, и дисбаланс между спросом и предложением, и нерациональная структура производства, и низкий уровень экономической эффективности, и ряд других проблем.

Относительная стабилизация потребительского рынка Китая — явление пока еще непрочное, поскольку сохраняется серьезный дисбаланс между спросом и предложением. Покупательная способность населения оценивается примерно в 700 млрд. юаней. В том числе сбережения населения в городах и поселках составляют 356,1 млрд. юаней, сбережения крестьян — 134,4 млрд. юаней, наличные деньги на руках населения — 211,8 млрд. юаней²⁹. За временную стабилизацию экономической ситуации государству приходится платить высокую цену: предполагается, что в 1990 г. государственные дотации к ценам превысят 100 млрд. юаней, что равняется примерно 32 % доходной части государственного бюджета³⁰. К этому следует добавить, что в IV квартале 1991 г. наступит срок выплат по 3-летним вкладам с сохранением стоимости, то есть у государства в запасе очень мало времени для принятия решительных, радикальных мер, направленных на оздоровление экономики.

Курс на «урегулирование» народного хозяйства, опирающийся на применение методов преимущественно административного воздействия, эффективно сдерживает общественный спрос, но не способен равно эффективно стимулировать общественное предложение. В этом, на наш взгляд, состоит его ограниченность. Думается, что никакие самые совершенные административные меры не в состоянии наладить эффективное функционирование народного хозяйства. Не случайно на состоявшемся в феврале 1990 г. в Москве первом советско-китайском симпозиуме, посвященном сравнительному анализу экономических реформ в СССР и КНР, известные китайские экономисты подчеркивали, что создание рыночной структуры является важной составной частью реформы экономической системы в Китае. По их мнению, хотя в процессе реформы и допущен ряд просчетов, однако линия на создание планомерно направляемого и контролируемого на макроуровне рынка должна быть продолжена.

Представляется, что нынешний курс носит вынужденный, переходный характер и призван по возможности сгладить обострившиеся противоречия в экономике, а также создать необходимые условия для дальнейшего проведения экономической реформы. Однако думается, что он не должен чрезмерно растягиваться во времени, чтобы не оказать негатив-

ного влияния на ход экономической реформы. Отсрочка, полученная китайским правительством, должна быть максимально использована для создания эффективной производственной структуры и подготовки мер, направленных на последовательную замену старого хозяйственного механизма новым. Очевидно, что экономическая реформа в Китае нуждается в сильном импульсе за счет использования экономических рычагов, одним из которых могла бы быть реформа цен в условиях нынешней относительной стабилизации потребительского рынка.

Как было отмечено на 5-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва (ноябрь 1989 г.), «твердое и неуклонное проведение в жизнь курса на упорядочение и углубление реформы является главным средством преодоления нынешних экономических трудностей, обеспечения последовательного, устойчивого, сбалансированного развития народного хозяйства»³¹. В Китае нынешний 1990 г. называют «ключевым» годом нового курса. Станет ли он таким на самом деле, зависит от действий китайского правительства.

¹ Жэньминь жибао.— 1990.— 20 марта.

² Подробнее см.: М. Г. Солнцева. Можно ли преодолеть инфляцию? // Проблемы Дальнего Востока.— 1990.— № 1.— С. 54—61.

³ Цзинцзи жибао.— 1990.— 25 января.

⁴ Там же.— 1988.— 24 февраля.

⁵ Бэйцзин ревью.— 1989.— № 24—25.— С. 20.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.— С. 21.

⁹ Там же.

¹⁰ Более подробно см.: Л. Д. Бони. Чрезвычайные меры и реформа // Проблемы Дальнего Востока.— 1989.— № 6.— С. 68—75.

¹¹ Цзинцзи жибао.— 1989.— 27 октября.

¹² Там же.— 7 апреля.

¹³ Там же.— 6 апреля.

¹⁴ Там же.— 1990.— 21 февраля.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.— 1990.— 25 января.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Жэньминь жибао.— 1990.— 1 января.

²⁰ Цзинцзи жибао.— 1990.— 21 февраля.

²¹ Там же.— 1990.— 13 февраля.

²² Там же.— 1989.— 27 октября.

²³ Там же.

²⁴ Там же.— 1990.— 25 января.

²⁵ Там же.— 1989.— 27 октября.

²⁶ Там же.— 1990.— 25 января.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.— 13 февраля.

³⁰ Там же.

³¹ Жэньминь жибао.— 1990.— 17 января.

Опыт компьютеризации экономики

В. КУЧЕРЕНКО

В последние 15 лет все большее число стран мира, осознав важность компьютеризации как объективной тенденции научно-технического прогресса и действенного инструмента подъема национальной экономики, стремятся способствовать ее активному развитию. К этим странам относятся КНР и СССР. Осуществление компьютеризации требует больших финансовых средств, поэтому для государств с ограниченными возможностями их выделения особую остроту приобретают вопросы выбора оптимальных путей осуществления компьютеризации, наиболее рационального использования средств, выделенных для ее реализации и т. п. В силу сходности экономических систем КНР и СССР многие проблемы, с которыми сталкиваются обе страны в ходе осуществления компьютеризации, являются идентичными. В КНР предприняты своеобразные шаги для решения имеющихся проблем, накоплен определенный как положительный, так и отрицательный опыт компьютеризации, анализ которого представляет большой интерес.

Акцент на компьютеризацию в КНР стали делать с конца 70-х годов, когда в Китае начали осуществлять политику модернизации экономики и компьютеризация стала рассматриваться как средство реализации целей политики модернизации — учетверения валового национального продукта и достижения к 2000 г. технологического уровня в промышленности, соответствующего уровню в промышленно развитых странах в конце 80-х — начале 90-х годов.

Для компьютеризации общества КНР в конце 70-х годов располагала весьма ограниченными возможностями. Выпуск ЭВМ, периферийного оборудования, средств программного обеспечения (СПО) был слабо развит. Запасы иностранной валюты, необходимой для закупки ЭВМ, периферийного оборудования и СПО, были ограничены. Кроме того, уровень компьютерной грамотности в стране был низок, начавшаяся активная пропаганда достоинств компьютеризации не сопровождалась выработкой рекомендаций для пользователей о необходимых условиях, при которых компьютеризация экономически целесообразна, о характере требуемой им аппаратуры и СПО, о конъюнктуре на мировом рынке ЭВМ, периферийного оборудования и СПО и т. д. Поэтому страна, с одной стороны, не могла обеспечить своих потенциальных потребностей в ЭВМ, а, с другой, — не была готова к оптимальному восприятию и усвоению данной техники.

В первый период, когда парк ЭВМ был небольшой и необходимость восприятия и усвоения данной техники недооценивалась, основное внимание в Китае было сконцентрировано на улучшении возможностей обеспечения потребностей страны в ЭВМ. В мировой практике данная проблема решалась либо за счет развития собственной производственной базы, либо за счет импорта иностранной техники. В КНР пошли первым путем, что отражало общий курс страны на создание современного промышленного потенциала и сложность изыскания все возрастающих объемов валютных средств для покрытия увеличивающегося спроса. Однако полностью от импорта ЭВМ не отказались.

Как и в ряде других отраслей промышленности, развитие производственной базы вычислительной техники в КНР шло с широкой опорой на использование иностранной техники, технологии и капитала. Применялось поэтапное заимствование передовой техники и технологии. На первом этапе в КНР организовывалась сборка ЭВМ из

Кучеренко Владимир Алексеевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Всесоюзного института межотраслевой информации.

импортных узлов и компонентов, затем постепенно было налажено собственное производство самих компонентов, хотя оно не всегда доходило до 100 % из-за ограничений на экспорт определенной технологии со стороны КОКОМ — Комитета, контролирующего поставки стратегических товаров из развитых капиталистических стран в социалистические, и технической сложности организации отдельных производств. Такой путь позволил КНР организовать и вплоть до последнего времени быстро наращивать выпуск микроЭВМ и ряда видов периферийного оборудования. Данные о росте производства ЭВМ и периферийного оборудования в КНР в 1983—1987 гг. приведены в табл. 1.

Таблица 1
Производство ЭВМ и периферийного оборудования в КНР
в 1983—1987 гг.

Вид ЭВМ и периферийного оборудования	1983 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.
Большие и мини-ЭВМ	360	286	281	315 (396)*
МикроЭВМ	5436 (15 935)	35 715	39 331	59 000 (70 796)
Накопители на жестких магнитных дисках (НЖМД)	28 313	33 053
Лентопротяжные устройства	4200	21
Дисплеи	31 282	33 159
Печатающие устройства	7392	25 367	20 205	33 540
Графопостроители	1252	125
Прочие устройства ввода-вывода	285	1295

* — ввиду неоднозначности данных за ряд лет в скобках приводятся максимальные показатели объема производства за данный год.

Наиболее значительным был рост выпуска микроЭВМ в 1983—1987 гг. — в 3,7—13,0 раза (в зависимости от расчета по минимальным или максимальным данным об объеме производства в 1983 и 1987 гг.). Производство печатающих устройств в этот период также существенно увеличилось — в 4,5 раза.

В то же время не удалось обеспечить стабильного роста производства больших и мини-ЭВМ, лентопротяжных устройств, графопостроителей. Да и производство микроЭВМ в последние годы стало не выполнять плановые задания в связи с нехваткой на мировом рынке динамических запоминающих устройств с произвольной выборкой, производимых в стране; а также в связи со снижением рентабельности производства вследствие роста цен на импортные и отечественные материалы и компоненты при снижении продажных цен на микроЭВМ и с беспорядками, имевшими место в КНР в мае-июне 1989 г., и др. В 1988 г. промышленность не выполнила план по выпуску микроЭВМ на 17,8 %, а за первое полугодие 1989 г. — даже на 74,2 %.

Достигнутый объем производства вычислительной техники и периферийного оборудования невелик по мировым масштабам — он сильно уступает объему производства данной техники в ведущих промышленно развитых странах мира. Данные о соотношении объемов производства ЭВМ и периферийного оборудования в КНР и Японии в 1987 г. приведены в табл. 2.

Развитие производственной базы вычислительной техники с опорой на использование иностранной техники и технологии позволило стране существенно поднять технический уровень выпускаемой продукции и приблизить его к мировому. В КНР налажены производство и сборка из импортных компонентов 16- и 32-разрядных микроЭВМ на базе микропроцессоров (МП) американских фирм «Интел» и «Эппл», в том числе на базе МП «Интел 80386»: «Чанчэн 386», «Бэйфан 386», «Цыцзинь 386» и др.; мини-суперЭВМ «Тайцзи 2220», быстродействующих матричных печатающих устройств

Таблица 2

Соотношение объемов производства ЭВМ и периферийного оборудования в КНР и Японии в 1987 г.

Вид ЭВМ и периферийного оборудования	Объем производства в 1987 г.		Отношение объема производства Японии к объему производства КНР
	КНР	Япония	
Большие и мини-ЭВМ	315 (396)	11 095	28,1 (35,2)
МикроЭВМ	59 000 (70 796)	1 973 880	27,9 (33,5)
НЖМД	33 053	1 562 170	47,3
Печатающие устройства	33 540	9 725 167	289,0
Дисплеи	33 159	2 215 435	66,8

Источники: China Information.—1988.—NIS.—P. 54—72; Ibid.—1988.—February 29.—P. 105—120; 1989.—February 15.—P. 68—81; Китай токэй нэнкан.—Токио. 1987.—С. 294.—300; Journal of the Electronic Industry.—1989.—п. 4.—P. 82.

«Цзыцзинь 3080» — скорость печатания 250 латинских знаков (или 125 иероглифов), выпуск качественных гибких дисков и др.

Однако, несмотря на это, технический уровень вычислительной техники и периферийного оборудования, производимого в КНР, в целом несколько отстает от передового. В стране еще не налажен серийный выпуск автоматизированных рабочих мест (АРМ), больших ЭВМ и некоторых других видов оборудования с высокими техническими характеристиками; ряд видов иностранного оборудования является более надежным, чем аналогичное китайское оборудование. Вследствие этого у пользователей сохраняется большой интерес к приобретению иностранного оборудования.

В начале 80-х годов, когда в стране жестко регламентировались расходы иностранной валюты, импорт ЭВМ играл относительно небольшую роль в объеме продаж ЭВМ в КНР (см. табл. 3).

Таблица 3

Объем продаж ЭВМ в КНР в 1981—1988 гг.

Место производства ЭВМ	1981 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.
Отечественные	379,6*	1458,3	1130,7	136,1	2125,7	1945,3
	73,0	40,7	24,4	20,3	52,1	43,0
Импортные	140,4	2124,7	3503,3	2618,9	1954,3	2578,7
	27,0	59,3	75,6	65,8	47,9	57,0
Всего	530,0	3583,0	4634,0	3980,0	4080,0	4524,0
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* — в числителе — в млн. юней, в знаменателе — в % к итогу.

Расширение самостоятельности предприятий в 1984—1985 гг. в сочетании с ослаблением контроля за использованием иностранной валюты привело к резкому росту импорта ЭВМ. Объем продаж импортных ЭВМ в КНР в 1985 г. вырос в 25 раз по сравнению с 1981 г., а отечественных ЭВМ — всего в 3 раза, поэтому доля импортных ЭВМ в общем объеме продаж подскочила до 75,6 %, а доля отечественных соответственно снизилась до 24,4 %. В последующие годы в связи с ужесточением контроля за импортом, включая вычислительную технику, его доля в объеме продаж ЭВМ в целом снизилась, но сохранилась примерно на уровне половины объема продаж ЭВМ.

Таким образом, хотя в КНР и создана отечественная база по производству вычислительной техники, в целом она сравнительно невелика по масштабам и в определенной степени отстает по техническому уровню от наиболее передового мирового.

Возможности обеспечения потребителей страны за счет отечественного производства резко отличаются для разных классов ЭВМ.

В 1987—1988 г. отечественное производство микроЭВМ смогло покрыть примерно 75 % потребностей страны (в 1988 г. промышленность КНР выпустила на рынок 61 737 микроЭВМ), отечественное производство мини-ЭВМ — более 50 % потребностей страны (в 1988 г. их выпуск составил 366). В удовлетворении же своих потребностей в больших ЭВМ, АРМ, мини- и микроЭВМ с наиболее высокими техническими характеристиками, ключевых компонентах для выпуска мини-ЭВМ, сетевых продуктов, периферийного оборудования Китай вынужден пока опираться в основном почти полностью на импорт.

Отражением высоких темпов роста объема продаж ЭВМ в Китае в 80-е годы явились высокие темпы роста парка ЭВМ. С 1982 по 1988 г. он увеличился в 28,3 раза — с 13 тыс. до 368,17 тыс. Быстрое увеличение парка ЭВМ в этот период определялось резким ростом парка микроЭВМ — с 1984 по 1988 г. он возрос в 12 раз — с 30 тыс. до 360 тыс., в то время как парк больших и мини-ЭВМ за этот период увеличился лишь примерно в 2 раза.

Вследствие неподготовленности КНР к восприятию вычислительной техники рост парка ЭВМ дал далеко не такие результаты, на которые рассчитывали, а в ряде случаев вызвал лишь убытки. Закупки многих ЭВМ были сделаны непродуманно. Поэтому в середине 80-х годов до $\frac{1}{3}$ парка ЭВМ вообще не эксплуатировалось. В 1985 г. крупные автоматизированные системы использовались лишь по 5—8 ч/день. В 1985 г. только около 24 % больших ЭВМ работало по 17—24 ч/день. Многие ЭВМ использовались лишь на 10—25 % своей мощности. Таким образом, значительная часть затрат, в том числе и в иностранной валюте, оказалась неоправданной.

В стране осознают просчеты, допущенные в ходе компьютеризации, и предпринимают попытки для исправления положения. Считается, что разработка или закупка передовых СПО в промышленно развитых странах, улучшение послепродажного обслуживания ЭВМ, повышение уровня компьютерной грамотности и др. могут удвоить мощности по обработке данных на ЭВМ.

Желая добиться определенных результатов в сравнительно сжатые сроки, но не располагая для этого специализированными организациями, Китай пошел на создание совместного предприятия — Пекинской международной компании обработки информации (ПМКОИ) — с американской фирмой «Илектроник дэита системз» (ИДС). Эта фирма является дочерней компанией фирмы «Джэнерал моторз» (США) и имеет опыт работы в данной области. Ей принадлежит 51 % капитала совместного предприятия, составляющего 10 млн. долл., 49 % капитала владеет Комитет по науке и технике в Пекине.

Важнейшим направлением деятельности ПМКОИ является консультативно-экспертная. Специалисты компании должны выезжать на места и давать рекомендации клиентам по вопросам характера необходимых им ЭВМ, периферийного оборудования и СПО, рациональной эксплуатации имеющихся и приобретаемых систем. Специалистов по экспертизе, программированию и подготовке китайских кадров обеспечивает американская сторона. За эти услуги она получает 5 % платежей от объема услуг. Ввиду того, что в КНР требуются специалисты со знанием иероглифики, фирма предполагает задействовать в этих целях свои сингапурские кадры.

ПМКОИ действует не только как консультативно-экспертная компания. Она организовала в Пекине центр обработки информации, который, выполняя свои функциональные задачи, служит компании как действующий образец экономически эффективного практического применения вычислительной техники. Долговременные планы компании включают создание еще одного действующего образца применения ЭВМ — центра системы автоматизированного проектирования (САПР) — автоматизированного производства (АП). Важной частью деятельности ПМКОИ должна стать подготовка кадров.

Помимо иностранных специалистов, для содействия повышению эффективности использования ЭВМ в КНР могут быть задействованы и китайские специалисты, прежде всего в области СПО. В 1988 г. их насчитывалось 36—50 тыс. человек, в 1995 г.

их количество должно возрасти до 100 тыс. человек. В настоящее время китайские программисты используются пока недостаточно эффективно. Так, в 1987 г. в Шэньянском институте вычислительной техники $\frac{1}{3}$ программистов не была загружена. Китайские программисты считаются хорошо подготовленными работниками, которые могут писать надежные, «дружественные» пользователю СПО, причем ведущие из них уже сейчас считаются одними из передовых в мире. Уровень СПО, выпускаемого рядовыми китайскими программистами, оценивается как несколько уступающий мировому. Китайские программисты, ввиду их низкого по мировым стандартам уровня зарплаты, при хорошей квалификации представляют интерес для иностранных фирм в области СПО. Заявки на их использование уже имеются из Японии и Австралии. В стране создан ряд совместных предприятий с зарубежными фирмами в области СПО — «Оки дэнки», «Юнисон» и др.

Улучшению хода компьютеризации в стране в последние годы стало способствовать развитие кооперативных предприятий в данной области экономики. Их деятельность в отличие от государственных предприятий сопряжена с риском. Поэтому они вынуждены подстраиваться под требования внутреннего рынка и внимательно следить за его конъюнктурой. Это стремление при определенной ограниченности их возможностей в разработке и производстве ЭВМ и использовании потенциала государственных предприятий далеко не на полную мощность создает предпосылки для сотрудничества кооперативных и государственных предприятий. Пионером в данной области явилась кооперативная корпорация «Сытун». В 1988 г. она заключила соглашение с вычислительным центром Института технологии машиностроения сроком на два года (центр долго не мог найти потребителя, заинтересованного в его продукции). Корпорация обещала сделать деятельность центра прибыльной. По соглашению она взяла на себя управление и реализацию продукции центра. Она обязалась сохранить штат центра, однако намеревалась осуществить в нем должностные перемещения в соответствии с принятыми в ней принципами.

Аналогичное соглашение корпорация имеет с Юньнаньским заводом электронного оборудования. По соглашению корпорации предоставлены права приема и увольнения персонала, изменения производственных операций, приобретения 10 % основных фондов предприятия путем реинвестирования своей прибыли. Выбор завода не был случайным, так как он, располагая американским и итальянским оборудованием, является одним из наиболее современных предприятий страны.

В целях улучшения восприятия ЭВМ в стране стали больше уделять внимания вопросам компьютерного оборудования. Под эгидой Китайской федерации вычислительной техники в стране действует специальная группа по компьютерному образованию. В ее функции входит разработка спецкурсов и учебных программ и определение содержания курсов. Для ряда начальных и средних школ в стране предложены экспериментальные программы компьютерного образования и введены факультативные занятия. Такие школы получают дополнительную помощь от правительства, промышленных предприятий и вузов и рассматриваются в качестве моделей компьютерного образования для остального Китая. Большинство из них расположены в важнейших центрах страны. В целом их обеспеченность ЭВМ сведена до минимума — имеется одна или несколько микроЭВМ, интенсивно эксплуатирующиеся в течение недели по строго установленному графику. В обучении делается акцент на подготовку к различного рода конкурсам, дающим их победителям определенные преимущества. Такая система заинтересовывает учеников и способствует лучшему овладению ими ЭВМ. В стране разработаны также программы обучения работе ЭВМ пользователей и профессионального компьютерного образования.

Компьютеризация получила неодинаковое развитие в различных отраслях экономики страны. Наиболее значительное распространение ЭВМ получили в банковском деле, разведке, разработке и использовании энергоресурсов, проектировании, модернизации традиционных отраслях экономики.

Быстрое развитие компьютеризации в банковском деле определялось тем, что в данной отрасли экономики, где осуществляется большой объем расчетов и требуется быстрота их выполнения, применение ЭВМ отличается высокой эффективностью. Компьютеризацию в этой сфере в КНР подталкивал международный характер банковской деятельности — банки многих стран мира уже давно перешли на автоматизированные операции с использованием ЭВМ.

До середины 80-х годов приобретение ЭВМ осуществлялось банками хаотично. В настоящее время ими проводится более согласованная стратегия. Ожидается, что темпы прироста расходов на обработку данных в банковском деле в 1989—1992 гг. — 15—20 % в год — будут наибольшими среди отраслей экономики страны.

В стране существует две концепции проведения компьютеризации банковского дела. Одна предусматривает широкое распространение микроЭВМ, связанных по возможности со всеми вышестоящими вычислительными центрами. Другая — отдает предпочтение большим ЭВМ, рассматриваемым в качестве узлов, к которым подсоединены микроЭВМ. В связи с тем, что в последнее время большое значение в стране придается развитию технологии распределенной обработки данных между несколькими ЭВМ, которая фактически может стать мостом, соединяющим обе концепции, и острой данной проблемы снизится.

Перспективными планами предусмотрены компьютеризация кассовых операций в важнейших городах страны к 2000 г. и создание междугородной сети обработки данных, охватывающей 50 центров, в более ранние сроки.

Большое значение в стране придается применению ЭВМ для контроля расхода энергоресурсов, что может позволить стране смягчить напряженность в энергоснабжении. Существуют планы автоматизации управления с применением ЭВМ работой 20 % котлов и печей, использующих уголь, 50 % электропечей, электрических сварочных машин, электролизного оборудования, трансформаторов, генераторов и т. д. Это дает возможность существенно снизить потребление угля и электроэнергии в стране.

Применение вычислительной техники сыграло важную роль в обнаружении месторождений нефти в провинциях Хэбэй, Шаньдун, Сычуань, Бохайском заливе и Южно-Китайском море.

Разработки систем автоматизированного проектирования (САПР) с применением ЭВМ ведутся в нескольких десятках НИИ и университетов совместно с организациями-пользователями. В силу того, что важнейшие автоматизированные системы, созданные в последние годы, начали разрабатываться тогда, когда ЭВМ китайского производства по своим характеристикам и надежности существенно уступали импортным, разработчики этих систем во многом ориентировались на использование в той или иной мере импортной техники. В настоящее время в связи с повышением технического уровня аппаратуры китайского производства идет увеличение ее удельного веса в структуре аппаратуры автоматизированных систем, разрабатываемых в КНР.

Если ранее САПР в КНР разрабатывались лишь для крупных предприятий, то в последнее время в результате широкого использования в САПР микроЭВМ стоимость их снизилась, и они стали доступными для малых и средних предприятий и институтов. Разработки в области САПР подстегнул начавшийся их импорт из-за рубежа. На первых порах он обнаружил серьезное техническое отставание КНР в данной области, но одновременно и помог китайским специалистам ознакомиться с передовыми достижениями, поднять уровень разработок прежде всего в области СПО САПР, затем отдельных подсистем САПР и, наконец САПР в целом.

Процесс внедрения САПР идет пока невысокими темпами. Его сдерживают сравнительно высокая стоимость САПР и относительно небольшой спрос на разработку новой техники, делающий использование САПР при этом зачастую не очень выгодным. Ввиду общего отставания большинства отраслей машиностроения КНР от мирового уровня, в том числе и в области разработки новой техники, переход на выпуск новой продукции на предприятиях КНР в большей мере решается за счет прямого заимствования иностранной техники на различных условиях.

Наряду с собственно САПР в КНР в последнее время разработаны интегрированные системы, включающие наряду с САПР и системы автоматизированной подготовки производства, автоматизированного управления производством и др. Одной из наиболее важных разработок САПР — автоматизированного производства (АП) — автоматизированного управления (АСУ) было создание такой системы для проектирования самолетов — САПР-АП-АСУ 7760.

В КНР разработаны 12 САПР и связанных с ней систем судостроительного профиля. Они созданы на базе ЭВМ 4341 фирмы США ИБМ, охватывают все основные стадии проектирования и технологической подготовки постройки судна. В их разработке приняли участие специалисты из 13 организаций страны. Недостатком данных

систем является то, что они пока не имеют функций визуального взаимодействия человек — машина. Для сокращения стоимости систем, улучшения эффективности их работы предполагается в ближайшем будущем разработать интегрированные САПР-АП судостроительного профиля с визуальным взаимодействием человек — машина на основе автоматизированных рабочих мест с микросуперЭВМ с распределением ресурсов. В рамках данных разработок ведутся также работы над созданием баз знаний и экспертных систем судостроительного профиля. Их ближайшая цель — создание экспертной системы для проектирования общей схемы конструкции судна.

В КНР разрабатываются экспертные системы, базы знаний. Некоторые из созданных систем находятся на уровне, близком мировому. Одной из таких систем является экспертная система «Криэйтор», используемая на ряде красильных, текстильных и ковроткацких предприятий. Она в соответствии с требованиями пользователей обеспечивает доступ к базам знаний, принимает решение о создании художественного образца изделия и воспроизводит его на экране дисплея. С использованием вспомогательных подсистем она может запоминать наилучшие созданные образцы, изменять форму и быстро менять цвета образцов.

Важной разработкой последних лет КНР является диагностическая система для автомобильного двигателя, опирающаяся на базы знаний. Она строится по принципу иерархической диагностики, имеет неплохие характеристики допуска ошибки.

При создании АСУ в КНР применяются два подхода: закупка базовой системы за рубежом с последующей модификацией ее как самостоятельно, так и в сотрудничестве с иностранными партнерами, а также разработка АСУ собственными силами. В первом случае основные усилия сосредоточиваются на преодолении трудностей, возникающих при адаптации импортных СПО, а во втором — непосредственно на разработку.

Разработка и внедрение АСУ представляют ряд сложностей в условиях КНР. Большинство машиностроительных заводов страны являются универсальными, причем многие из них к тому же и крупные. Производственный цикл на них длительный и многостадийный, вследствие чего планирование и управление очень сложно.

Наибольшее распространение на предприятиях КНР в настоящее время получили отдельные подсистемы АСУ предприятием: АСУ кадрами, материально-техническими запасами, заработной платой, информационные системы о состоянии производства и др. Они созданы на базе микроЭВМ. Примерно на 20 предприятиях имеются автоматизированные системы планирования и управления производственными процессами. Разработаны интегрированные АСУ. АСУ на 1-м Шанхайском станкостроительном заводе была создана на основе системы «Интепс» ассоциации инженеров ФРГ и программ сетевого планирования лаборатории станкостроения Аахенского университета и внедрена в сотрудничестве с ассоциацией инженеров ФРГ.

Одна из АСУ создана пекинским НИИ автоматизации машиностроения. Она уже внедрена на нескольких предприятиях.

В стране ведутся работы по созданию наиболее интегрированных автоматизированных систем, в частности интегрированный производственный комплекс (ИПК). Создание ИПК в настоящее время представляет наибольший интерес для предприятий, намеренных конкурировать со своей продукцией на мировом рынке и могущих рассчитывать на сравнительно быструю окупаемость вложенных средств. Расходы на создание одного ИПК на одном из предприятий, по оценкам, должны составить 74 млн. долл.

Работы по созданию ИПК начались в КНР в начале 80-х годов. В настоящее время большинство из них застряло на этапе разработки СПО. Наиболее продвинулись они на Шанхайском заводе горного и металлургического оборудования. Здесь уже адаптированы иностранные СПО и накоплен опыт по интеграции систем. Однако разработка ИПК будет еще продолжаться и после 1990 г.

Среди отраслей промышленности ЭВМ в наибольшей мере в настоящее время используются в отраслях с непрерывными технологическими процессами: металлургии, химии, нефтепереработке, а также в электроэнергетике, некоторых подотраслях машиностроения. Компьютеризация получила распространение и в других отраслях экономики: транспорте, метеорологии, медицинской диагностике, издательском деле и т. д. Наиболее низкими темпами идет компьютеризация конторской деятельности.

Рисковые инвестиции

В. ПОЛЯКОВ

На Втором съезде народных депутатов СССР отмечалось, что «наши предприятия привыкли работать без риска», а «новизны без риска не бывает», поэтому «совершенно необходимо для работ такого типа, особенно для крупных межотраслевых изобретений, создавать, как за рубежом, так называемые «венчурные компании», то есть внедренческие формы риска. Отдельные отрицательные результаты с лихвой перекрываются в таких фирмах прибылью от удачно поддержанных нововведений»¹. Поэтому китайский опыт формирования и функционирования финансового института рискованных инвестиций может при его творческом изучении оказаться полезным в случае создания рискованных финансовых организаций в СССР.

* * *

Среди важнейших направлений научно-технического прогресса особое значение имеет широкое использование новых технологий, которые не только определяют научно-технический уровень производства, но и в значительной степени обуславливают социально-экономическое развитие каждой страны.

Однако для использования прогрессивных технологий, особенно на небольших и средних предприятиях, необходима не только подготовленная к внедрению научная разработка, но и определенные производственные условия, способные воспринять эту разработку, система машин для выполнения новых технологических операций, квалифицированный персонал, возможности сбыта продукта новой технологии.

Процесс реализации открытия или изобретения в товар и достижения соответствующей экономической эффективности связан по меньшей мере с четырьмя видами риска: риск при проведении исследований прикладного характера, риск при освоении производства продукта новой технологии, риск продвижения этого продукта на рынок и риск организации управления процессом внедрения новой технологии. Поэтому для тех, кто занят в сфере новой технологии, значительно сложнее провести квалифицированный маркетинг, найти потребителя готовой продукции, организовать исследовательский, производственный и сбытовой процесс. Отсюда возникает проблема риска для предприятия, внедряющего новую технологию, а также для финансирующего его банка и потенциального покупателя.

Необходимость решения вышеуказанной проблемы вызвала появление в Китае так называемых рискованных инвестиций. Хотя результативность рискованных инвестиций обычно составляет 10—20%², успешная часть этих инвестиций оказывается достаточной для компенсации финансовых потерь от их неудачной части, вследствие чего сохраняется возможность достижения значительной предпринимательской выгоды.

Другая особенность рискованных инвестиций — их оперативность. Развитие предприятий, использующих новую технологию в малых и средних масштабах, требует оперативных форм вложения капитала в дополнение к каналам плановых капиталовложений. Компании рискованных инвестиций могут устанавливать непосредственные связи с предприятиями и предпринимателями. Быстро достигнуть выгоды может лишь тот, кто, имея лучший образ мышления и хорошие технологические и другие достижения, сумеет значительно сократить цикл внедрения новой технологии.

В условиях острой конкуренции, наблюдающейся в ходе осуществления научно-технической революции, в США в 1940-х годах появились первые компании, которые начали с риском вкладывать свои капиталы (так называемые компании рискованного

Поляков Виктор Петрович, старший научный сотрудник ИЭМСС АН СССР, кандидат экономических наук.

капитала, или венчурные компании). Такие компании получили большое распространение во многих странах, особенно в США и Японии (в США существует более 600 подобных компаний). В настоящее время общая сумма рискового капитала в мире (главным образом он сосредоточен в США) составляет около 40 млрд. долл.³

Государственные ассигнования являются основным каналом финансирования НИОКР в Китае, однако ввиду разделения систем управления научными исследованиями и производством не всегда обеспечивается своевременное и полное внедрение новых разработок в производство. В результате замедляется научно-технический прогресс и не обеспечивается должная эффективность от результатов НИОКР.

Недостаток государственных ассигнований сдерживает процесс внедрения научно-технических достижений. Как отмечала китайская печать, в Академии наук Китая работает около 22 тыс. научных работников высшей и средней квалификации, а инвестиции в расчете на одного научного работника равняются лишь 9 тыс. юаней⁴.

Политика коммерциализации достижений науки и техники, проводимая в Китае в последние годы, предопределила необходимость образования такого финансового учреждения, которое взяло бы на себя финансирование работ, связанных с большим риском по внедрению научно-технических достижений, а также финансирование реконструируемых и строящихся малых и средних предприятий, испытывающих трудности в получении инвестиций или займов по существующим финансовым каналам.

В ноябре 1984 г. Лаборатория стратегии развития Научно-исследовательского центра по проблемам стимулирования развития науки и техники Китая выступила с предложением провести исследования о возможности создания компании рискованных инвестиций в Китае.

Госкомитет по науке и технике КНР оказал помощь в проведении подобного исследования как путем содействия в изучении рискованных инвестиций за рубежом, так и посредством командирования небольшой исследовательской группы в экономически развитые районы страны (провинции Гуандун, Фуцзянь и др.) с целью изучения на месте возможности использования рискованных инвестиций.

На основании результатов проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. В Китае существуют весьма широкие возможности для использования рискованных инвестиций и производства продукции на базе новой технологии. Импорт новой технологии и рынки техники гарантируют большие перспективы для использования таких инвестиций.

2. Для внедрения новой технологии Китай располагает необходимыми кадрами деловых людей, обладающих довольно хорошей профессиональной подготовкой и большой предпринимательской энергией. По статистическим данным, в Китае имелось свыше 6 млн. научных и технических работников, в том числе 1,04 млн. научных работников средней и высокой квалификации. В стране действовало свыше 10 тыс. научно-исследовательских организаций.

3. Китай имеет достаточные источники финансирования для рискованных инвестиций. В последние годы благодаря развитию сельской экономики и постоянному расширению самостоятельности предприятий происходит непрерывный рост неиспользованных денежных средств. В 1984 г. вклады населения, свободные денежные средства и остаток средств предприятий после уплаты налогов в целом равнялись 350 млрд. юаней. Если бы создать гибкую инвестиционную систему и привлечь в плановом порядке часть иностранного капитала и свободных денежных средств общества, то это сыграло бы огромную стимулирующую роль во внедрении новой технологии в производство и развитии всей китайской экономики. Многие районы страны изъявили желание направить часть своих финансовых доходов на создание фонда, который мог быть использован в качестве фонда рискованных инвестиций.

4. Проведение реформы в области науки и техники, включая организацию рынков техники, внедрение системы технических контрактов, применение в опытном порядке различных научных фондов и образование научно-производственных объединений, создает благоприятные условия для рынка продуктов новой технологии.

11 января 1986 г. в Пекине была официально образована первая в Китае компания по рискованным инвестициям — Китайская компания по рискованным инвестициям в новую технологию, или China Venturetech Investment Corporation (далее сокращенно «Венчуртех»). Эта компания, которая стала восьмой по счету национальной финан-

совой организацией в Китае, представляет собой акционерное предприятие с ограниченной ответственностью, действующее на правах юридического лица⁵.

Компания «Венчуртех» создана при участии Госкомитета по науке и технике КНР, утверждена Госсоветом КНР и зарегистрирована Государственным административным управлением по промышленности и торговле. Образование компании было также санкционировано Государственным управлением по контролю за иностранной валютой. Народный банк Китая предоставил компании лицензию на проведение валютных операций.

Как отмечала китайская печать, рискованные инвестиции в Китае качественно отличаются от подобных инвестиций в капиталистических странах. «Рисковые инвестиции в Китае.— писала газета «Цзинцзи жибао» от 31 января 1986 г.,— являются формой инвестиций, использующей зарубежный опыт. Однако Китайская компания по рискованным инвестициям в новую технологию представляет собой акционерную компанию, где господствует социалистическая общенародная собственность. Ею непосредственно руководят Народный банк Китая и Государственный комитет по науке и технике. Она является органической составной частью государственной финансовой системы».

Уставной капитал компании «Венчуртех» — 40 млн. юаней, в том числе 5 млн. юаней в иностранной валюте⁶. Госкомитету по науке и технике принадлежит 40 % уставного капитала компании. В первый год деятельности компании Народный банк Китая предоставил ей кредит в размере 30 млн. юаней (в дальнейшем сумма кредитов, предоставленных Народным банком Китая, возросла до 70 млн. юаней в 1987 г. и 100 млн. юаней в 1988 г.). Кроме того, в начале своей деятельности компания «Венчуртех» располагала также общественными средствами в размере 17 млн. юаней⁷. Используя эти финансовые средства, компания «Венчуртех» уже в первый год своей деятельности имела общий доход более 2 млн. юаней и прибыль около 1 млн юаней⁸.

Акционерами компании «Венчуртех» могут быть предприятия общенародной, коллективной или индивидуальной собственности, а также китайско-иностранное совместные предприятия и предприятия, основанные целиком на иностранной собственности. Государственные учреждения, отдельные предприятия или организации могут стать пайщиками компании путем подписания договора на вступление в эту компанию или посредством приобретения ее акций. Кроме Госкомитета по науке и технике КНР, пайщиками компании являются также Китайская международная поручительская и инвестиционная компания, Министерство электронной промышленности, Гуандунская компания «Цзянлюй», Китайская главная компания цветной металлургии, Китайская главная судостроительная компания и др.

Основная цель создания компании «Венчуртех» — содействие внедрению новой технологии на малых и средних предприятиях. Уже в начале деятельности компании была поставлена задача установить прочные деловые связи с 500—600 китайскими предприятиями.

Компания «Венчуртех» призвана также способствовать более широкому и быстрому использованию новой технологии с целью производства конечной продукции, имеющей широкие перспективы сбыта. Сообщая об утверждении Госсоветом КНР компании «Венчуртех», китайская печать отмечала, что организация такой компании является еще одним результатом хозяйственной реформы и реформы науки и техники в Китае, а также новым экспериментом в реформе финансовой системы. Подчеркивалось также, что объективными условиями появления такой компании в Китае были наличие в нем в определенных масштабах регулируемой планом рыночной экономики, оживление каналов денежного обращения и создание рынка труда⁹.

В сферу деятельности рискованной компании «Венчуртех» входят инвестирование средств в китайские и китайско-иностранное совместные предприятия, операции по краткосрочным и долгосрочным поручительским инвестициям, финансовые гарантии и предоставление займов под проекты, выпуск в Китае и за границей акций и промышленных облигаций, импорт техники и технологии и экспорт продукции, выполнение поручений китайских и иностранных клиентов, консультация по информационным, финансовым и правовым вопросам.

Компания «Венчуртех» выполняет операции как в китайской, так и в иностранной валюте. С китайской валютой выполняются следующие операции: различные формы долевого инвестирования, различные виды финансового траста, финансовые гарантии, выпуск и гарантированное размещение акций и облигаций, сдача оборудования в аренду, небольшим и средним предприятиям с целью развития новой технологии

в них, технико-экономическое исследование проектов и консультационные услуги для китайских и иностранных клиентов, финансовый контроль и участие в управлении делами предприятий — получателей инвестиций, а также филиалов и дочерних компаний.

Операции с иностранной валютой включают финансовый траст в Китае и вне его, получение займов в иностранной валюте вне Китая, выпуск и гарантированное размещение акций и промышленных облигаций вне Китая, инвестиции в иностранной валюте, финансовые гарантии по обязательствам в иностранной валюте и предоставление займов в такой валюте, изучение кредитоспособности и консультационное обслуживание. Компания «Венчуртех» установила широкие деловые связи с более 140 иностранными финансовыми учреждениями и подписала соглашения о сотрудничестве с 13 иностранными банками.

Предприятия или отдельные лица, заинтересованные в получении инвестиций от компании «Венчуртех», направляют в компанию заявку в письменном виде на инвестируемый объект. Затем заявитель по требованию компании заполняет «Опросный лист на проект» (заполняется в течение двух недель) и составляет «Подробное описание предложения о технико-экономическом исследовании» и «Подробную программу (план) проведения технико-экономического исследования» (направляется в пекинскую контору компании в течение 60 дней). После получения этих материалов компания в течение 40 дней заканчивает рассмотрение заявки и о результатах этого рассмотрения сообщает заявителю.

При рассмотрении заявки проводится комплексное технико-экономическое исследование, в ходе которого изучаются коллектив и руководители предприятия, запрашивающего инвестиции, и анализируется спрос на продукцию на рынке, возможности возврата инвестиций и инвестиционная обстановка в целом.

Когда возникают сомнения относительно прогрессивности новой технологии и целесообразности ее внедрения в производство, то организуется изучение инвестиционного проекта на месте с привлечением специалистов, с которыми компания заключает временные контракты. Подобная тщательная проработка инвестиционного проекта снижает риск его убыточности и потери предоставленных инвестиций.

Уже в первые два месяца деятельности компании в нее поступило 250 заявок на предоставление инвестиций¹⁰, а за первые 14 месяцев — около 1200 заявок¹¹, 79 из которых было принято к финансированию. К февралю 1988 г. компания инвестировала средства в 153 проекта, из которых свыше 20 были уже завершены¹². В среднем удовлетворяется 3—5 % заявок, что соответствует мировой практике рискованных инвестиций.

Размер предоставляемых кредита или инвестиций на один проект может быть от минимум 200 тыс. юаней до максимум 20 млн. юаней и в среднем составляет 1—1,5 млн. юаней. В начале своей деятельности компания в основном предоставляла краткосрочные кредиты в размере 300—500 тыс. юаней на один проект.

Компания «Венчуртех» активно разрабатывает новые формы поиска перспективных областей использования своих инвестиций. В 1987 г. она вместе с плановым, экономическим и научно-техническим комитетами города Уси создала на усиской выставке первый в Китае рынок техники и инвестиций, при этом учитывались быстрые темпы развития промышленности в южной части провинции Цзянсу. На этом рынке техники и инвестиций компания «Венчуртех» отобрала 55 технических достижений, перспективных для внедрения в производство. Организаторы рынка создали затем Восточнокитайский центр по инвестиционным сделкам.

В отличие от обычных рынков техники, широко распространенных в Китае, рынок техники и инвестиций имеет следующие особенности:

1. Представляемые на рынок технические новинки подвергаются строгому отбору. Они должны отвечать таким требованиям, как прогрессивность и новизна (абсолютное большинство технических новинок, отобранных на усиской выставке, были запатентованы в КНР или отмечены премиями за изобретения или за научно-технические достижения), осуществимость (техническая новинка должна быть не только совершена в техническом отношении, но и способна дать экономический эффект), перспективность (продукция, изготавливаемая с использованием технической новинки, должна иметь широкие перспективы для реализации на рынке).

2. В отношении предприятий, представивших на рынок свои технические новинки

и запрашивающих средства на их внедрение, проводится всесторонняя проверка их способности адсорбировать новую технологию, состояния оборудования на предприятиях, способности предприятий использовать предоставляемые финансовые средства, уровня управления финансовыми делами, структуры кадров и возможности предприятий открыть каналы сбыта продукции, основанной на новой технологии.

3. На рынке техники и инвестиций компания рискованных инвестиций соединяет свои финансовые средства с владельцем технической новинки и внедряющим ее предприятием, причем все стороны такой сделки равноправны и, действуя в условиях конкуренции, могут свободно выбирать себе партнера¹³.

Инвестиционная деятельность компании «Венчуртех» распространяется на шесть этапов разработки и внедрения научно-технического достижения: фундаментальные исследования, прикладные исследования, исследования по внедрению научно-технического достижения, экспериментальная подготовка производства, выпуск продукции и расширение масштабов производства. В первые годы своей деятельности компания основное внимание обращала на финансирование этапа изготовления опытного образца на базе новой технологии.

Компания «Венчуртех» вкладывает свои инвестиции исключительно в области новых передовых технологий, такие, как информационная технология, биотехнология, электроника и микроэлектроника, получение новых материалов по 42 важнейшим направлениям научно-технического прогресса (программное обеспечение, электронные компоненты, приборы и средства связи, медикаменты, средства защиты растений, пищевые продукты, новые ферментационные процессы, волоконная оптика, жаростойкая конструкционная керамика, строительные материалы, высокомолекулярные соединения, новые сплавы, материалы для записи информации и т. д.).

Хотя рискованные инвестиции предоставляются главным образом для внедрения в производство новых технологий, реализации на рынке высокотехнологической продукции и ее послепродажного обслуживания, в некоторых случаях они могут быть использованы в поисковых исследованиях. Так, компания «Венчуртех» предоставила более 16 млн. долл. в научные исследования по созданию «биоактивного» фарфора, используемого в костной хирургии, и нового кристаллического материала для изготовления компонентов микропроцессоров.

В начальный период своей деятельности компания «Венчуртех» предоставила инвестиции в быстрокупающиеся проекты, а затем постепенно расширила свою деятельность на долгосрочные и крупномасштабные проекты. Ею были выделены значительные финансовые средства в разработку и внедрение таких новейших видов техники и технологии, как робототехника, крупномасштабная линия по получению аминокислот, технология изготовления термостойких лаков и нетоксичных клеев для пищевой промышленности.

Потенциальными получателями инвестиций могут быть малые и средние предприятия и новые начинающие компании в Китае, которые испытывают трудности в получении доступа к финансовым средствам по обычным каналам. Инвестиции могут получать предприятия общенародной, коллективной или индивидуальной собственности, а также китайские и китайско-иностранные совместные предприятия.

Особая область деятельности компании «Венчуртех» — оказание финансовой помощи в технической реконструкции малых и средних предприятий на базе новой технологии с целью расширения производства экспортной продукции, освоения производства импортзамещающей продукции и ускорения внедрения импортного оборудования. Так, компания предоставила 1,2 млн. юаней на реконструкцию завода искусственных алмазов в городе Чанду, 700 тыс. юаней на реконструкцию 3-й льнопрядильной фабрики в уезде Исин (провинция Цзянсу), 15 млн. юаней на ускорение ввода в эксплуатацию закупленной в Японии установки непрерывной разливки стали на Усиском металлургическом заводе.

В региональном разрезе рискованные инвестиции в основном направляются в районы с активно развивающейся экономикой, такие, как Северный Китай (главным образом районы городов Пекин, Тяньцзинь и Таншань), район дельты реки Янцзы с центром в Шанхае (включая города Сучжоу, Уси, Чанчжоу, Ханчжоу, Цзясин, Хучжоу), район дельты реки Чжуцзян (город Фошань), Центральный Китай с центрами в городах Ухань и Чунцин, зоны экономического развития и прибрежные города (город Далянь, провинции Шаньдун и Фуцзянь, остров Хайнань). При размещении инвестиций

предпочтение отдается тем районам, где рано начато осуществление политики расширения связей с внешним миром, сконцентрированы интеллектуальные силы, имеются удобные пути сообщения и линии связи, развиты другие объекты инфраструктуры.

Со времени создания компания «Венчуртех» достигла положительных результатов своей финансовой деятельности, о чем свидетельствует рост ее активов в 1986—1988 гг. (в млн. юаней по состоянию на 31 декабря текущего года): 1986 г.— 61, 1987 г.— 241 и 1988 г.— 344. За вычетом финансовых обязательств активы компании возрастали следующим образом (в млн. юаней): 1986 г.— 14, 1987 г.— 30 и 1988 г.— 71. В таблице приведены некоторые другие данные о финансовой деятельности компании «Венчуртех» в 1986—1988 гг.¹⁴

Таблица

Показатели финансовой деятельности компании «Венчуртех» в 1986—1988 г. (в тыс. юаней на 31 декабря отчетного года)

годы	1986	1987	1988
доходы всего	2031	10 664	27 675
· в том числе доходы от инвестиций	24	40	4755
доходы от доверительных операций	1730	9802	20 621
расходы всего	1185	7596	23 040
прибыль в текущем году	846	3068	4635

В 1988 г. в иностранной валюте доход компании «Венчуртех» составил 1,57 млн. долл., а прибыль — 630 тыс. долл. К концу 1988 г. общая сумма предоставленных компанией инвестиций и кредитов достигла 554,47 млн. юаней, включая 33,971 млн. долл. в иностранной валюте¹⁵.

Первые три года деятельности компании «Венчуртех» рассматриваются ею как период финансового становления, поэтому дивиденды пайщикам предполагалось выплачивать лишь на четвертый год существования компании. Что касается степени финансового риска, то в 1987 г. доля прибыльных проектов, финансировавшихся компанией, оказалась равной 15 %. Остальная часть проектов была убыточной¹⁶. В мировой практике рискованных инвестиций доля прибыльных проектов обычно составляет 10—20 %, что достаточно для компенсации убытков от неудачных проектов.

Особенностью деятельности рискованной компании «Венчуртех» является то, что в 1988 г. она начала процесс формирования группы компаний «China Venturetech Group», включающей компанию «Венчуртех» в качестве холдинг-компании, и следующих дочерних компаний: «China International Intellectech Corporation», «The China Re Magneventure Group», «China Venturetechno International Co.», «China New-Tec Trade and Development Co.», «China Venturetech Land and Enterprises Ltd.».

Компания «China International Intellectech Corporation» создана при участии Госкомитета по науке и технике и Министерства внешнеэкономических связей и внешней торговли КНР для подбора и направления за границу технических специалистов, организации в Китае совместных китайско-иностранного предприятий, оказания экономических, технических и кадровых информационных услуг, принятия подрядов на технические проекты, осуществления технического обмена, подготовки кадров, организации выставок и т. д. В 1988 г. компания осуществляла деловые связи с 27 странами и подписала контрактов на создание совместных предприятий на общую сумму в 8,75 млн. долл.

В 1988 г. компания «Венчуртех» и Академия наук Китая создали совместно компанию «The China Re Magneventure Group» для выполнения научных исследований по постоянным магнитным материалам, производства и продажи таких материалов.

С целью развития своих международных связей компания «Венчуртех» 29 декабря 1988 г. зарегистрировала в Сянгане свой первый заграничный филиал — компанию

«The China Venturetechno International Co.». Эта компания призвана обеспечить более широкое участие компании «Венчуртех» в развитии экономики азиатско-тихоокеанского региона.

В 1988 г. была создана еще одна дочерняя компания — «China New-Tec Trade and Development Co.», которая действует главным образом в области экспорта новых технологий, опираясь на ряд своих филиалов в Китае и за границей. Компании «Венчуртех» принадлежит 30 % акций этой компании.

В своей деятельности компания «Венчуртех» сталкивается с рядом серьезных проблем, одной из которых является отсутствие в Китае достаточно широкой базы для выбора проектов, пригодных для обеспечения рисковыми инвестициями. Разумеется, с развитием экономики, науки и техники в Китае будет расширяться и база для использования рискованных инвестиций в стране.

Другая важная проблема — это растущая конкуренция в финансировании проектов с небольшим риском потери инвестиций. В отличие от компании «Венчуртех» другие китайские ведомства и организации избегают вкладывать средства в проекты с высокой степенью риска, однако они часто предлагают средства для малорискованных проектов, особенно после того, как компания «Венчуртех» провела предварительные технико-экономические исследования и признала эти проекты перспективными.

¹ Известия.— 1989.— 15 декабря.

² Цзинцзи жибао.— 1986.— 31 января.

³ Шэньчжэнь тэшуй бао.— 1987.— 29 июля.

⁴ China Daily.— 1987.— 20 December.

⁵ См.: Шицзе цзинцзи даобао.— 1986.— 24 января.

⁶ Цзинцзи жибао.— 1986.— 31 января.

⁷ Там же.— 1988.— 12 февраля.

⁸ Там же.

⁹ См.: Шицзе цзинцзи даобао.— 1986.— 6 января.

¹⁰ Цишу шичан бао.— 1986.— 25 декабря.

¹¹ South China Morning Post.— 1987.— 14 April.

¹² Цзиньжун жибао.— 1988.— 12 февраля.

¹³ См.: Кэцзи жибао.— 1987.— 24 января.

¹⁴ Каталог компании «Венчуртех».

¹⁵ Там же.

¹⁶ Шэньчжэнь тэшуй бао.— 1987.— 23 октября.

У ЧЖЭНЬКУНЬ

Экономической реформе в Китае 10 лет. Достигнуты известные всему миру результаты, накоплен богатый опыт, извлечены уроки. Чтобы правильно понять направление, характер и особенности реформы в Китае, необходимо иметь в виду следующие важнейшие моменты:

1. Последовательный социалистический характер направления реформы. В настоящее время происходят перемены в общественной жизни стран Востока и Запада. Характер этих перемен различен, так как различны основания этих перемен и обстановка в этих странах. И в КНР не всякие перемены можно считать реформами. КПК подчеркивает, что наша реформа — это самосовершенствование и саморазвитие социализма. Этим и определяется ее социалистический характер. Решительное отстаивание социалистического строя означает непрерывное совершенствование и развитие, постоянное выявление преимуществ социалистического строя, а не коренное его изменение.

Социалистический строй включает коренные и конкретно-исторические структуры. Коренные структуры в целом хороши, их изменять нельзя, а конкретно-исторические структуры — это те многочисленные моменты несовершенства и даже ошибки в реализации коренных структур. Цель реформирования конкретно-исторических структур как раз и состоит в том, чтобы укрепить и усовершенствовать коренные структуры. Коренными структурами, если говорить применительно к Китаю, являются: в экономической сфере — социалистическая общественная собственность на средства производства (в Китае на начальной стадии социализма главное место занимает общественная собственность); в области личного потребления — осуществление принципа оплаты по труду (в Китае на начальной стадии социализма он является главным); в политической сфере — диктатура народной демократии, основанная на союзе рабочих и крестьян при руководящей роли рабочего класса, собрания народных представителей, организованные по принципу демократического централизма, и политическое руководство КПК; в идеологической сфере — это социалистическая идеология и культура, руководствующаяся марксизмом. В ходе реформы мы и должны последовательно совершенствовать и развивать эти коренные структуры социализма.

Одним словом, решительное следование социалистическому направлению реформы для нашей страны означает неуклонное следование четырем фундаментальным принципам: социалистический путь развития, диктатура народной демократии, руководство КПК, марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэдуна. Основа реализации этих принципов — это укрепление государства, а задача реформы и открытости — усиление мощи государства. Одно без другого в принципе невозможно.

2. Коренные основания реформы привести в соответствие с реальной действительностью Китая. Социализм охватывает не кратковременный, а очень длительный исторический период. В прошлом в некоторых социалистических странах, включая и Китай, вследствие того что были недостаточно познаны этапность развития экономики и культуры, а также длительность строительства социализма, этап развития социализма данной страны завышался. Социализм как относительно самостоятельное состояние общества должен иметь известную материально-техническую базу, которая, разумеется, развивается по мере развития самой эпохи. Если неразвитая (то есть не рас-

полагающая материально-технической базой капитализма) страна приступает к строительству социализма, то невозможно, чтобы на строительство социализма не ушло несколько столетий. Продолжительность строительства социализма предопределяет стадийность этого процесса. Правильное установление стадии развития страны на определенном историческом этапе человечества имеет первостепенное значение в деле осуществления реформы.

XIII съезд КПК четко установил, что наша страна находится на начальной стадии социализма. Это для нас является фундаментальным положением в деле осуществления реформы. При осуществлении реформы на начальной стадии социализма необходимо, во-первых, решительно придерживаться и ни в коем случае не отступать от социалистического направления; во-вторых, невозможно перескочить через эту стадию, необходимо действовать в соответствии с реалиями начальной стадии социализма. Реформа в Китае продвигается вперед и развивается именно в соответствии с концепцией начальной стадии социализма.

3. Надо ясно осознавать особенности реформы экономики в Китае. Нельзя топтаться на месте, не продвигаясь вперед, но нельзя и торопиться в достижении результатов. Осуществление экономической реформы в Китае имеет свои многочисленные особенности, обусловленные состоянием страны, материальными факторами. Прежде всего это длительность процесса реформирования экономики. Эта особенность определяется сложностью самого процесса перехода от старой системы к новой, громадной трудностью задач и отсталостью экономики. В таких условиях невозможно одним махом завершить большое дело, его можно завершить, только продвигаясь поэтапно. Кроме того, это — сложность самого процесса внутренних преобразований экономики: он затрагивает громадный людской массив города и деревни, причем экономическое положение в разных районах чрезвычайно разнообразно. В связи с этим невозможно проводить реформирование единообразно, всякий раз необходимо учитывать своеобразие места и времени. Вместе с тем это — постепенность осуществления задач реформы. Она определяется сложностью проблем перехода от одной системы к другой, то есть особенностью процесса реформирования экономики. Наша реформа — это совершенствование и развитие социализма, поэтому ее невозможно осуществить путем «внезапных изменений» старой и создания новой экономической системы. Она может проводиться только постепенно. Следовательно, она не может идти «семимильными шагами», она вынуждена продвигаться шаг за шагом, накапливая силы, переводя количество в качество, и только в конечном итоге новая система постепенно вытеснит старую. И наконец, это — комплексность реформы. Она определяется взаимосвязью структур старой и новой систем. Причем комплексность включает внутреннюю и внешнюю сферы. Внутренняя сфера отражает системный характер самой экономики, внешняя — взаимосвязь экономики с иными общественными структурами. Комплексность предопределяет тот факт, что невозможно вдруг продвинуться в какой-то одной сфере экономики, не изменив другие. И даже если и удастся добиться улучшения в какой-то сфере, это никак не будет означать достижения современного уровня экономики в целом. В свое время проявлялось стремление к немедленному успеху, поступали часто единообразно, пытались стремительно совершить прорыв в какой-то сфере и т. д. По мере обретения опыта и углубления познания особенностей реформы эти недостатки так или иначе изживались, что благоприятствовало поддержанию последовательности, устойчивости и эффективности в деле развития производительных сил.

4. Надо правильно понимать экономическую основу социалистического общества, отстаивать два принципа — на начальной стадии социализма общественная собственность занимает главное место, а всенародная собственность играет ведущую роль в народном хозяйстве. В соответствии с уровнем развития производительных сил мы производим соответствующие изменения в формах собственности, стимулируем развитие хозяйств многообразных форм собственности. В настоящее время у нас имеется общенародная, коллективная, кооперативная собственность, смешанная собственность объединений, акционерная собственность, собственность общественных организаций (все это формы общественной собственности), индивидуальная и частная собственность (более восьми наемных рабочих), собственность смешанных китайско-иностраннх предприятий, собственность предприятий иностранного капитала.

Не означает ли наличие такого многообразия укладов возврат к переходному

периоду? Нет. Многоукладность хотя и свойственна переходному периоду, характерным для переходного периода является то, что несоциалистические уклады занимают главное место. В Китае же, хотя и существует многоукладная экономика, общественная собственность занимает главное место. Именно главенствующее положение общественной собственности в экономике определяет социалистический характер нашего общества. Поэтому решительное отстаивание этого пункта — непреложный принцип реформы собственности. Однако этого еще недостаточно. Чтобы отстоять социалистический характер экономики, необходимо также, чтобы общенародная собственность играла ведущую роль. Это наш непреложный принцип. По данным статистики на 1988 г., в росте валовой промышленной продукции за десять лет реформы доля предприятий общенародной собственности составила 56,6 %, коллективных предприятий — 36,4 (вместе — 93), остальных укладов — 37 %; в общей сумме розничного товарооборота предприятия общенародной собственности заняли 39,5 %, коллективной собственности — 34,4 (вместе — 73,9), остальных укладов — 26,1 %. Таким образом, и в производстве, и в обращении социалистическая собственность занимает абсолютно преимущественное положение, ведущую роль. Индивидуальная деятельность, совместное предпринимательство и другие уклады дополняют социалистическую экономику.

5. Правильно понимать свойства социалистической экономики, последовательно сочетать плановую экономику и регулирование рынка. 3-й пленум ЦК КПК 12-го созыва в решении об экономической реформе четко определил: социалистическая экономика — это товарная экономика, планируемая на базе общественной собственности. Это означает единство плановой и товарной экономики, которое определяется факторами социалистической экономики. Поэтому совершенно невозможно отрицать плановость социалистической экономики, считать, что социалистическая экономика — это просто товарная экономика, тем более невозможно рассматривать ее как рыночную экономику, то есть регулируемую рынком.

В условиях социализма планируемая товарная экономика — это и план, и рынок, и плановое регулирование, и рыночное регулирование. Мы должны добиваться сочетания обоих видов регулирования, комплексного их использования, с тем чтобы стимулировать развитие социалистической экономики. В целом на макроуровне экономической деятельности главное — государственное планирование, а на микроуровне (предприятия) главное — рыночное регулирование. Вместе с тем государство должно в комплексе применять экономические, правовые и в необходимой степени административные меры для регулирования народного хозяйства. В целом сочетание плановой и рыночной экономики — это фундаментальный принцип экономической реформы. Он будет действовать длительное время.

6. Правильно понимать место и роль предприятий общенародной собственности, стимулировать развитие этих предприятий — центральное звено в деле осуществления экономической реформы. Предприятия общенародной собственности составляют главную опору народного хозяйства. Партия и правительство неизменно считают центральным звеном экономической реформы стимулирование деятельности предприятий общенародной собственности. Основной упор делается на совершенствование отношений государства с этими предприятиями: на расширение прав предприятий и усиление их ответственности, на признание у них относительно самостоятельных экономических интересов, на усиление их самостоятельности в деле хозяйствования, на самостоятельное развитие социальных программ, на самоконтроль и самоограничение, на саморазвитие. В этой связи предпринят ряд мер. В частности, относительно эффективным оказался перевод предприятий на хозрасчет по принципу производственной ответственности, когда сочетаются ответственность и законные интересы. В настоящее время свыше 90 % предприятий страны работают по этому принципу, из них 95 % — это крупные и средние предприятия. Опыт показывает, что реализация этого принципа стимулирует их жизнедеятельность. Сейчас обобщается опыт использования этого принципа, совершенствуются формы его реализации.

В деле строительства и проведения реформ социалистические страны имеют много общего, хотя существуют и особенности. Китай и СССР имеют возможность взаимно изучать опыт друг друга, а также обмениваться этим опытом.

Перевод с китайского языка Г. А. Богданова

Об одном аспекте теории «начальной стадии социализма»

Л. БЕРЕЗНЫЙ

Названная теория вызывает понятный интерес ученых в нашей стране, о чем свидетельствуют, в частности, материалы «круглых столов», опубликованные в «ПДВ» (1989, № 1, 2). Были высказаны различные, порой полярные точки зрения. Обращает, однако, на себя внимание, что теория начальной стадии социализма не сопоставлялась с прежними представлениями, распространенными в КПК. Едва ли новые концепции появились в результате некоего озарения. И стратегические ориентиры, выработанные 3-м пленумом ЦК в декабре 1978 г. и ставшие исходными элементами новой теории, тоже ведь не возникли внезапно; предшествовали же им и теоретические поиски, и практические эксперименты. К изучению этих поисков наша наука еще только приступает. Есть к тому же один аспект, также не исследованный, вернее, истолкованный предвзято, о котором уже сейчас можно составить некоторые суждения.

На мой взгляд, теорию начальной стадии социализма следовало бы рассматривать в непосредственной связи с известной концепцией «новой демократии». В КНР эта связь игнорируется, помимо других причин, и потому, видимо, что названную концепцию связывают лишь с борьбой за победу революции. В нашей же науке — ввиду сохраняющейся (в том числе и в публикациях 1989 г.) однозначно негативной оценки идей «новой демократии».

Каковы же точки соприкосновения рассматриваемых теорий? В материалах «круглого стола» отмечено, что начальную стадию социализма «нельзя назвать посткапиталистической, ее можно принять как заменяющую (подчеркнуто мною. — Л. Б.) капиталистическую формацию — формацию и по содержанию, и по срокам» (ПДВ, 1989, № 1, с. 27). Но ведь в марксистской мысли давно сложилось понятие, предполагавшее миновать или по крайней мере прервать движение по капиталистическому пути, — понятие некапиталистического развития. Но историческая практика показала, что последнее, истолкованное к тому же догматически, не стало эффективной формой общественного прогресса освободившихся стран. Тем не менее в Китае, как и в некоторых других странах Дальнего Востока, в исторически сложившихся весьма специфических условиях продолжают попытки осуществить именно такой вариант общественного развития. Разработке стратегии и тактики движения по этому пути и призвана, видимо, служить теория начальной стадии социализма. В таком случае не только правомерно, но и необходимо обратиться к тому, как складывались в КПК представления о некапиталистическом развитии.

Как известно, ориентация на такое развитие стала распространяться в КПК еще в середине 20-х годов. В основном ее питали два источника: с одной стороны, неприятие капитализма, воспринимаемого в качестве синонима колониализма, накладывавшееся на глубоко укоренившиеся традиционные социальные утопии и эгалитарные устремления, а с другой — идеи, привносимые связями с Коминтерном и деятельностью его представителей в Китае. При этом следует иметь в виду, что уже в то время, в представлении ряда деятелей КПК, как и в документах Коминтерна, некапиталистическое развитие фактически отождествлялось с социалистическим, а переход от демократического этапа революционного процесса к социалистическому рассматривался как скоротечный период. Левачество, основанное на такого рода идеях, послужило одной из важнейших причин многих неудач и поражений КПК в конце 20-х — первой половине 30-х годов.

На рубеже 30—40-х годов трактовка некапиталистической ориентации претерпела весьма существенные, принципиальные изменения. Их выражением и стала концепция «новой демократии». Ее противоречивая сущность и место в истории теоретической мысли КПК — особая тема, еще ждущая своего объективного исследования. Мы в свое время с высокомерием «обладателей» монополии на истину заклеили идею «новой демократии» как немарксистскую. На мой взгляд, ее появление, при всей противоречивости и драматизме тогдашней ситуации в КПК, следовало бы рассматривать как закономерную попытку вырваться из плена прежних догматических представлений о характере революционного процесса. Война против японской агрессии, противоречия в едином антияпонском фронте, его неустойчивость, растущая оппозиция «средних слоев» правящему гоминьдановскому режиму требовали не только новых тактических установок, но и разработки новой стратегии. Поиски этого получили мощный импульс в известных решениях VII конгресса Коминтерна, преодолевшего сектантское пренебрежение к прогрессивным потенциям национальной буржуазии угнетенных стран и ориентировавшего международное коммунистическое движение на сплочение всех патристических сил для отпора фашизму и агрессии. Указанный импульс был усилен последующими выводами международного коммунистического движения относительно характера событий в Испании. Примечательно, что само понятие «новая демократия», сформулированное в связи с этими событиями, было использовано и в КПК уже в 1937 г.

Разработка теории «новой демократии» была выражением осознания ошибочности расчетов на возможность после прихода КПК к власти сразу же приступить к строительству социалистического общества: необходимые для этого предпосылки еще не сложились. Отсюда последовал вывод о неизбежности длительной переходной стадии с сохранением и даже развитием капиталистического уклада под контролем государственности особого, «третьего» типа; последнее не будет ни республикой буржуазной диктатуры, ни диктатурой пролетариата, а новодемократической республикой, основанной на союзе всех прогрессивных классов.

Непредвзятому изучению идеи «новой демократии» препятствует, как мне думается, не преодоленный еще до конца подход к ней как к неразрывной части «идей Мао». Между тем известно, что последние не являются внутренне цельной системой политических воззрений. Поэтому правомерно, на мой взгляд, рассматривать концепцию «новой демократии» как нечто самостоятельное и, полагаю, самоценное. Их традиционно связывают непосредственно с именем Мао Цзэдуна, но это скорее плод коллективной мысли. Ведь даже в известном «Решении ЦК КПК по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» говорится об «идеях Мао» как о квинтэссенции коллективной мудрости и о вкладе «многих выдающихся руководителей» партии в их разработку. В нашей литературе этот вопрос не подвергался еще специальному исследованию. А оно необходимо, причем в контексте внутрипартийной политической и идейной борьбы, несводимой к плоскому противопоставлению интернационалистических и националистических тенденций. Можно с большой долей вероятности предположить, что вряд ли Мао внутренне и в 1940 г. разделял основные положения концепции «новой демократии». Борьба в КПК в 1949 г. и последующие годы по вопросам путей развития китайского общества и сам факт открытого поворота Мао в середине 50-х годов к принципам «казарменного коммунизма», последовательность, с которой он навязывал их партии в дальнейшем, свидетельствуют, по моему мнению, что именно эти принципы составляли сердцевину его мировоззрения. А ведь «казарменный коммунизм» и «новая демократия» — «две вещи несовместимые».

Обычно указывают на то, что провозглашение идеи «новой демократии», учтивавшей интересы «средних слоев», дало КПК ряд тактических преимуществ. Это действительно так. Но следует ли из этого, как считают критики, что идея предлагалась лишь как дополнение к программе «казарменного коммунизма», а не как ее альтернатива? Ведь не только в 1945—1949 гг., но и в первые годы после прихода к власти КПК пыталась, пусть весьма непоследовательно, применять идеи «новой демократии». А вот принятие на время ее принципов Мао Цзэдуном, возможно, объясняется тем, что он ценил именно их тактические преимущества.

Ставя акцент на последних, критики концепции имеют в виду прежде всего ссылки на Сунь Ятсена и видят в этом эклектичность. Вопрос об эклектичности идеи «новой демократии» заслуживает внимания. Но, я считаю, обращение к взглядам Суня не под-

крепляет тезиса об антимарксистском характере идеи. Преемственность в развитии отечественной прогрессивной общественной мысли, использование тех ее положений, которые в той или иной степени отвечают назревшим потребностям общества, — неотъемлемое свойство марксизма. Конечно, марксизма живого, а не окостеневшего в наборе догм. В данном случае такая преемственность органична, поскольку Сунь тоже видел будущее своей родины не в капитализме, а в обществе социальной справедливости, разумеется, понимаемом им по-своему. КПК же, как отмечают и некоторые критики рассматриваемой концепции, по-иному, чем Сунь, ставила вопрос о власти и некоторые другие.

Эклектичность концепции «новой демократии», по моему мнению, в другом — в соедстве идей, основанных на ленинских мыслях о возможных путях развития угнетенных стран с утверждениями, заимствованными из арсенала сталинских представлений о социализме. Критики идеи «новой демократии» верно замечают, что жесткий акцент на безусловно руководящей роли рабочего класса в новодемократическом обществе не соответствовал реальному уровню социально-политической зрелости китайского рабочего класса и едва ли способствовал прочному сотрудничеству различных социальных слоев, предполагаемому идеями «новой демократии». Не свидетельствует ли указанный акцент о том, что КПК в то время не освободилась все же полностью от догматического отождествления некапиталистического пути с социалистическим развитием, отождествления, в принципе несовместимого с идеями «новой демократии?» Гегемония пролетариата считалась одной из обязательных предпосылок развертывания социалистического строительства. А ведь переходная к нему фаза, новая демократия, потому и была неизбежна, потому и был необходим предсоциалистический этап, что предпосылки для построения социализма еще не созрели. И может быть, эта непоследовательность теории «новой демократии» стала одним из теоретических истоков, питавших искусственное забегание вперед в середине 50-х годов.

И все же представляется, что идеи «новой демократии», несмотря на противоречивость, стали на время важным политическим оружием КПК. В общем, было найдено если не вполне адекватное, то во всяком случае благоприятное для развития революционного процесса сочетание национального и социального аспектов последнего. Во второй половине 40-х годов концепция «новой демократии» во многом определила стратегию и тактику КПК, заметно способствовала росту ее политического влияния и тем самым — победе революции.

Естествен вопрос: какова судьба концепции «новой демократии» после 1949 г.? Он, кажется, и не ставился ни в советской, ни в китайской литературе, что не удивительно — однозначно негативная оценка и не породила в советской историографии потребности в поисках ответа на указанный вопрос; в Китае же утвердился вывод, что с победой революции теория «новой демократии» исчерпала свою роль. Мне думается, проблема требует самого пристального внимания, с ней в какой-то мере связано и уяснение характера современных процессов в КНР. Вот лишь некоторые соображения в самой краткой форме.

Представляется, что в 1949 г. китайское общество не имело реальной альтернативы некапиталистическому, точнее, новодемократическому пути. Капитализм в его государственно-бюрократической форме, культивировавшейся гоминьдановским режимом, был полностью дискредитирован, а приверженцы «третьего пути» не располагали сколько-нибудь значительной общественной поддержкой. Революция победила под лозунгами «новой демократии», ее принципы легли в основу Общей программы и других документов, приобрели законодательную силу. И можно, видимо, констатировать, что в первые годы после образования КНР, когда главным было восстановление разоренной экономики и завершение общедемократических преобразований, Китай начал превращаться в новодемократическое общество. Примерно так, хотя и в иных терминах («перерастание» и т. п.), оно характеризовалось и в китайской, и в советской литературе. Но в 1953 г. сначала в КНР, а затем и у нас это определение было отброшено. Образование КНР стало рассматриваться как рубеж, которым завершалась новодемократическая революция и непосредственно начинался социалистический этап революционного процесса, а новая государственность характеризовалась уже как одна из форм диктатуры пролетариата. На мой взгляд, это означало отход, неоправданный, от центральной идеи «новой демократии» — необходимости длительной переходной стадии созревания предпосылок социалистического строительства.

Генеральная линия КПК на переходный период к социализму, принятая в 1953 г., зафиксировала этот отход; от идеи «новой демократии» осталась разве что ориентировка на длительность этого периода и, может быть, постепенность социалистического переустройства. Впрочем, вскоре, как известно, отказались и от нее. Я полагаю, произошла подмена понятий: возникновение новодемократического государства в 1949 г., являвшееся первым шагом в создании новодемократического общества, было истолковано как осуществление его основных задач. В результате вместо длительной новодемократической стадии общественного развития, переходной к разрыву социалистического строительства, 1949 г. был объявлен началом перехода от новодемократического общества к социалистическому; считается, как известно, что этот переход завершился уже в середине 50-х годов.

Причины столь резкого поворота будут, видимо, основательно выявлены в начавшихся, насколько известно, новых исследованиях общественного развития КНР 50-х годов. Представляется, что в 1949—1952 гг. развитие шло в общем в соответствии с принципами «новой демократии», хотя уже и в то время были достаточно заметны и их нарушения. С завершением же восстановительного периода страна оказалась как бы на перепутье: продолжать ли движение по новодемократическому пути, шаг за шагом укрепляя предпосылки для перехода к строительству социалистического общества, или приступить к этому без промедлений. Ряд обстоятельств обусловил выбор второго варианта. Среди них, по-видимому, притягательный в то время опыт СССР, предлагавшего (и оказавшего) существенную помощь. А с этим, понятно, сказались и влияние представлений о социализме и путях его построения, господствовавших в КПСС и имевших ранее хождение в той или иной мере и в КПК и, независимо от того, осознавалось это или нет, влиявших в какой-то степени на сторонников концепции «новой демократии» и в то время, когда последние разрабатывались. Но не менее, если не более важное значение имели и внутренние факторы, обусловившие отход от новодемократических концепций. Успехи, достигнутые в 1949—1952 гг., порождали преувеличенные оценки готовности общества к социалистическим преобразованиям, подстегивали застарелые болезни — революционное нетерпение, левачество, эгалитарные устремления, социальный утопизм. С другой стороны, наряду с успехами, выявились и трудности, невозможность в короткие сроки существенно поднять жизненный уровень народных масс; остро проявилось упорство национальной буржуазии в сопротивлении государственному контролю — а ведь сотрудничество с ней провозглашалось как один из важных принципов «новой демократии». В совокупности все это вело к усилению веры в возможность командно-административными методами обеспечить эффективное развитие общества, тем более, что перед глазами были казавшиеся в то время весьма эффективными подобные методы в СССР. Да у КПК был уже и собственный опыт управления военно-административными методами опорными базами и освобожденными районами до 1949 г., приумноженный уже в масштабах всей страны в 1949—1952 гг. Переход гоминьдановского бюрократического капитала в собственность новой государственности укреплял ее экономические позиции, но поощрял и склонность к командно-административным методам хозяйствования. Наконец, не исключено, что сказывалась и противоречивость международного положения КНР: общая ситуация в мире, всесторонняя помощь СССР вселяли уверенность в реальности намечаемых планов; стремление же США изолировать КНР на мировой арене, известные события 1950—1953 гг. на Корейском полуострове могли оказывать психологическое воздействие на руководство страны, подталкивали его к дальнейшему огосударствлению жизни общества.

Все эти проблемы нуждаются в глубоком исследовании. Но каковы бы ни были причины поворота 1953 г., он был совершен, и это отмечено в нашей литературе, при отсутствии сколько-нибудь зрелых материальных, социальных, духовных предпосылок для непосредственного перехода к социалистическому строительству. А это означало, если быть последовательным, что отход в 1953 г. от принципов «новой демократии» был преждевременным. Известные дальнейшие события усугубили ситуацию и привели общество к кризисному состоянию. Вопреки первоначальным ориентирам генеральной линии были осуществлены, и притом форсированно, преобразования, которые на деле свелись к формально-юридическому обобществлению собственности. От возможностей, заложенных в многоукладности, сохраняемой под контролем новой государственности, отказались. А ведь ее сохранение было предусмотрено принци-

пами «новой демократии». В конце 40-х годов понимание ее преимуществ преобладало в руководстве КПК, хотя и тогда имели хождение идеи искусственно форсируемого движения к социализму. В середине 50-х годов последние возобладали. Идея «новой демократии» была полностью отброшена. А затем произошел дальнейший поворот — к политике «большого скачка», означавшей победу идей «казарменного коммунизма», и далее к «культурной революции». Сюжеты эти в общем исследованы в литературе, остается только подчеркнуть, что таким образом был завершен разрыв с принципами «новой демократии».

Выбираться из глубокого кризиса, одной из причин которого был, на мой взгляд, указанный разрыв, китайское общество начало, как известно, после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. Одним из результатов последовавших реформ стало возвращение к многоукладности в экономике. Это, разумеется, не возврат к варианту начала 50-х годов. Но сам факт ее возрождения служит, по моему мнению, еще одним аргументом в пользу настоятельной необходимости заново исследовать идеи «новой демократии». Полагаю, что такое изучение выявит существенную связь между ними и современными концепциями строительства социализма в КНР.

Это, конечно, особая тема. Здесь можно лишь, к примеру, указать, что тогда станет очевиднее одно из противоречий теории начальной стадии социализма, отмеченное некоторыми участниками «круглого стола», — вопрос о соотношении этой стадии с переходным периодом к социализму. По схеме названной теории переходный период завершается в середине 50-х годов после юридического обобществления собственности. Таким образом, теория начальной стадии социализма, возвращаясь, хотя и на иной основе, к признанию заложенной в идее «новой демократии» концепции разнообразных форм хозяйствования, вместе с тем как бы признает закономерным и исторически не оправдавшее себя (и не только в Китае) всеобщее огосударствление собственности как первый шаг в строительстве социалистического общества. Кроме того, датируя отправную точку начальной стадии социализма в Китае серединой 50-х годов, теория, независимо от воли ее авторов, придает правомерность и ничем уже не прикрытым формам «казарменного коммунизма» периода «большого скачка». Отмеченные противоречия вносят некоторую неясность в содержание самого понятия «начальная стадия социализма».

СИС: социум, информация, статистика

Общества потребителей в Китае

В настоящее время в этой стране насчитывается более 1400 обществ потребителей на уездном уровне и выше. Их низовые организации созданы также в кварталах и поселках.

Начиная с 1984 г., общества потребителей различных ступеней получили от потребителей 385 тыс. писем с жалобами, касающимися низкого качества товаров, подделки, фальшивой рекламы, взвинчивания цен, обвесов, неудовлетворительного сервиса и т. п. Более 80 % из них были успешно разобраны, что помогло потребителям избежать экономических потерь в размере 110 млн. юаней.

И. ЧЕРНЯВСКИЙ

С давних времен неотъемлемым атрибутом японского воина являлся меч. Он был не только оружием, но и своего рода талисманом, амулетом, олицетворяющим мужество и бесстрашие. И в годы последней войны, несмотря на очевидную неэффективность меча в бою, каждый японский офицер не мог и подумать о том, чтобы снять его и облегчить свою военную амуницию. Меч был символом «духа воина», символом милитаристской Японии.

Самое удивительное, что милитаристы считали своим и еще один символ, изображение которого можно было увидеть на всех знаменах императорской армии, — хризантему... Казалось, что может быть общего между прекрасным цветком и орудием убийства, между хрупким созданием природы и порождением злой воли человека. Символ добра и красоты стал символом страны, мечтавшей о мировом господстве. За лепестком цветка скрывался самурайский клинок, за красотой скрывались смерть и насилие.

Уже известно, что национальной катастрофой обернулись попытки довоенного руководства страны военной силой втиснуть мир в свои «восемь углов под одной крышей». Глубокое потрясение испытали японцы 15 августа 1945 г., когда император официально объявил о безоговорочной капитуляции Японии. За психологическим шоком, последовавшим за сообщением, пришло понимание того, что долгие годы жертвоприношения на алтарь войны были напрасны.

Необходимо учитывать, что в результате милитаристской пропаганды в сознании большинства японцев была создана установка на то, что в случае поражения только смерть за императора позволит японцу «сохранить лицо». Именно по этой причине японские солдаты и офицеры редко сдавались в плен, предпочитая в крайнем случае «традиционный» способ сбросить свою честь — сделать харакири. В японском обществе к этому времени самоубийство не рассматривалось как позорное деяние. Напротив, предметом обсуждения становился не сам факт самоубийства — это стало обыденным явлением, — а способ совершения харакири. Если японцы совершали харакири в «яркой, выразительной форме», они рассматривались как люди, достойные уважения. Как справедливо указывает японский ученый Х. Кисимото, «японцы совершали эти бесстрашные акты не потому, что эмоционально они меньше боялись смерти, а потому, что это являлось результатом воздействия их культурных традиций. С детства сознательно и бессознательно они подготавливались к тому, чтобы мужественно встретиться со смертью»¹. В большинстве случаев японские солдаты верили, что в случае смерти они станут богами (*ками*), ангелами-хранителями японской нации и объектом преклонения гражданского населения в храме Ясукуни, где, по поверью, обитают души погибших воинов. Солдаты без тени иронии говорили: «Увидимся в Ясукуни...» — что фактически являлось эквивалентом «до встречи».

Кодекс «Путь воина» (*бусидо*) в предвоенные годы стал духовным ориентиром в сознании всего населения страны. Не случайно и социокультурные ценности японского общества приобретали ярко выраженный милитаристский характер. «Японские военные, — отмечают Р. Иногути и Т. Накадзима, — были пропитаны синтоистскими идеями «Божественной славы его высочества», «Священной войны», «Священной нации». Однако они полностью отрицали или игнорировали такие действительно универсальные идеи и ценности, как любовь, человечность и милосердие»². Бусидо — кодекс самопожертвования и самоуничтожения. Индивид мог иметь свои ценности, только «растворив»

себя в социальной группе. Все было направлено на то, чтобы развивать индивидуальные особенности с учетом их социальной приемлемости и последующего контроля за эмоциональным самовыражением человека. На практике это вело к «Контролю над мыслями» и милитаризации общественного сознания населения.

Многие японцы под воздействием милитаристской пропаганды воспринимали агрессию, милитаризм как необходимые условия существования их «божественного государства». Они готовы были отдать и отдавали свои жизни за своего императора, за священную страну Ямато. Но вдруг император, с именем которого они умирали на полях сражений, объявляет о капитуляции. Это казалось невыносимым. Бог должен быть всемогущ, как всемогуща империя, которой управляет этот бог. И вдруг бог объявляет о своем поражении. Ведь побежденный бог никогда не сможет снова стать богом...

К тому же в последние дни войны японцы становились свидетелями капитуляции офицеров и генералов, которые совсем недавно приказывали солдатам не сдаваться в плен, сражаться до последнего. Японцы вдруг узнали, что «Путь воина» является лишь фальшивым мифом. «Престиж милитаристских ценностей упал и никогда больше не поднимался», — отмечает японский исследователь Т. Окабэ³.

Разгром в войне породил среди японцев страх перед вооруженными силами, вызвал своеобразную аллергию к любой военной организации. В массах японского народа преобладающими стали антивоенные и антиядерные настроения, негативное и подозрительное отношение общественности к любым военным приготовлениям. Итоги войны развеяли миф о непобедимости японской армии, показали опасность для нации политических и идеологических устоев милитаристов, претендовавших на мировое господство. Поражение в войне вело к переоценке социокультурных ценностей населением Японии, к переориентации общественного сознания. В период военных приготовлений популярность среди значительной части населения имела «теория сильных вооруженных сил» (*кэхэй-рон*), следуя которой Япония, как считалось, сможет завоевать равные позиции со странами Запада, а со временем путем агрессии и экспансии добиться превосходства. После войны ее сменила «теория богатой страны» (*фукоку-рон*). Эта переориентация была очень заметна в послевоенные годы в контексте восстановления экономики Японии. Предвоенная стратегия «пушки вместо масла» была заменена политической концепцией «фабрики вместо масла». Это совпадало с первоначальным стремлением американских оккупационных властей ослабить японский милитаризм, лишить его основы для возрождения. Однако очень быстро преобладать стала другая политическая установка — превратить Японию в форпост империализма на Азиатском континенте. Среди населения стала искусственно нагнетаться атмосфера страха перед «коммунистической угрозой» со стороны СССР и Китая. Может быть, поэтому в первые послевоенные годы количество японцев, поддерживающих положение о необходимости сильной армии для защиты страны, превышало 40 %. Убеждение же в том, что в сильных вооруженных силах нет необходимости, имело среди населения меньшее распространение. Основные доводы в пользу вооруженных сил выглядели примерно следующим образом: «Право на самооборону, которое гарантирует защиту государства, является основополагающим правом. Государство, использующее это право, обладает вооруженными силами. Государство без вооруженных сил не способно реализовать это право и поэтому не может стать независимым и суверенным государством»⁴.

По результатам опросов общественного мнения, после создания «резервного полицейского корпуса» сторонники перевооружения составляли большинство населения. В 1953 г., после преобразования «резервного полицейского корпуса» в «корпус безопасности», их преобладание быстро уменьшилось и уже к июлю 1954 г., с образованием сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил, поддерживающие перевооружение составляли лишь 30 %, а противники — 40 % опрошиваемых.

Следует отметить, что и среди тех, кто выступал за необходимость иметь вооруженные силы, большинство считало, что они должны быть «исключительно оборонительными». Впоследствии в социально-психологических установках японцев в отношении «сил самообороны» действовали две тенденции. С одной стороны, большинство японцев испытывало чувство гордости за то, что Япония, согласно конституции, отказалась от войны и была против перевооружения, с другой — многие стали считать, что Япония имеет право на самооборону и ее вооруженные силы реализуют это право. Этому способствовало и то, что правящие круги усилили политику формирования «патриотизма и оборонительного духа». В 1957 г. в докладе на тему «Оборонное сознание народа», подготов-

ленном Отделом изучения общественного мнения при японском кабинете министров указывалось на «неотложную задачу формирования духовного климата, способствующего воспитанию новых национальных настроений»⁵. Средства массовой информации стали распространять материалы, подводящие общественное мнение к необходимости иметь собственные вооруженные силы, соответствующие экономическому уровню страны.

Тем не менее большинство населения страны выступало за то, чтобы иметь минимум вооруженных сил, необходимый лишь для обороны страны. Принимая идею о том, что Япония нуждается в собственных самооборонительных силах, японцы считали, что и военная политика должна оставаться сугубо оборонительной. Для большинства японцев любой возврат к правлению военных был просто немыслим. Не случайно после войны стали говорить о «синдроме тихоокеанской Швейцарии» — особом психологическом состоянии, основанном на доминировании в сознании пацифистских ценностей. В результате многие японцы в качестве альтернативы милитаристской политике стали поддерживать идею превращения Японии в нейтральное государство, «Швейцарию на Тихом океане». Эта психологическая установка сильна и по настоящее время.

В наши дни большая часть населения страны выступает против каких-либо шагов, направленных на ликвидацию или смягчение антивоенных положений, содержащихся в конституции. Следует учитывать, что, за редким исключением в истории Японии, в стране в той или иной форме правили военные. Японцы испытывают беспокойство по поводу того, что военные снова будут доминировать в руководстве и это станет возможно без тех ограничений, которые накладывает конституция. Не случайно на улицах японских городов редко можно встретить лиц, одетых в форму «сил самообороны». Подавляющее большинство военнослужащих приходит на службу в гражданской одежде и там переодевается в военную форму.

В структуре социокультурных ценностей населения Японии преобладают пацифистские настроения. Как утверждает известный японский аналитик Т. Окабэ, «с психологической точки зрения японцы не готовы ни к каким формам милитаристской активности на Азиатском континенте»⁶. В то же время абсолютизировать роль пацифистских настроений в сознании населения было бы неверным. Консервативные правящие круги страны заинтересованы в том, чтобы возродить в сознании населения довоенный набор социокультурных ценностей, позволявший манипулировать массами в своих интересах. Ищется и создается «образ врага» для оправдания расширения полномочий армии и полиции. Многие прогрессивные ученые Японии отмечают, что консерваторами создается почва для перелома общественного сознания в сторону поддержки идеи превращения Японии в мощную военную державу.

Особенно четко это просматривается в системе образования, которая включает в себя один из основных институтов социализации — школу. Нынешнее руководство страны, и особенно правящая Либерально-демократическая партия, пытается внести в школьное образование ясно обозначенную проконсервативную ориентацию, отказаться от многих демократических принципов японского просвещения, появившихся после разгрома милитаристской Японии во второй мировой войне. В японских учебниках практически нет объяснения или анализа того, как к власти в Японии пришли милитаристы или почему Япония начала колонизацию Азии. Опушены, сглажены или изложены в кратких примечаниях такие события, как жестокая оккупация Кореи, бесчинства японских солдат в 1937 г., известные как «резня в Нанкине», но называемые в Японии «нанкинский инцидент», чудовищные медицинские эксперименты над военнопленными. Большинство молодых людей мало знает о действиях Японии во время войны, имеет романтическое представление о войне, основанное на тенденциозных кинофильмах и романах.

Результаты опросов общественного мнения показывают, что часть населения, и особенно молодежь, хотя и признает факт поражения Японии во второй мировой войне, однако выделяет лишь поражение в материально-техническом отношении, но не в духовном аспекте. Более того, сравнивая социально-экономическое состояние японского общества до и после войны, некоторые японцы склонны считать, что Япония лишь выиграла в результате войны.

Здесь мы сталкиваемся довольно парадоксальной ситуацией. С одной стороны, возросший интерес японцев к защите своего мирного существования являлся своего рода препятствием для любых попыток пересмотреть антивоенные положения конституции, с другой — часто проявлялась пассивная позиция в отношении практического строительства вооруженных сил. В результате консерваторам не удавалось реализовать идею пере-

смотра конституции, но каждый год шаг за шагом они увеличивали военный бюджет настолько, насколько позволяла настороженная и в большинстве случаев негативная реакция населения. Наличие устойчивых пацифистских настроений населения преодолевалось лозунгами о необходимости «осознания народом важности защиты своей страны своими руками», упреками в том, что «оборонное сознание японского народа находится на слишком низком уровне».

Пацифистские настроения в стране характеризуют результаты опроса общественного мнения, проведенного газетой «Асахи гакусэй симбун» в июле 1987 г. среди 1222 учеников средних школ всех префектур страны. 43 % школьников заявили, что они скроются в безопасную страну в случае войны с СССР, 11 — будут призывать к прекращению конфликта и только 7 % будут сражаться⁷. Показательны в этом отношении и результаты опроса, проведенного в 1987 г. среди курсантов 3—4-х курсов Академии обороны Японии. 36,8 % опрошенных положительно реагировали на возможность сдачи в плен, 19,4 % курсантов считали, что это возможно, но после пленения они будут испытывать чувство стыда, 22 % опрошенных отрицательно отнеслись к вероятному пленению, и 21,8 % не поняли, о чем идет речь⁸.

Конечно, консерваторов не может устраивать подобный уровень «оборонного сознания» японского народа. Для его подъема используется испытанный метод запугивания обывателя. По-прежнему в арсенале идеологических и психологических средств воздействия на японское население главное место занимает тезис о «советской военной угрозе». Если сразу после войны японского обывателя запугивали тем, что советские вооруженные силы захватят остров Хоккайдо и установят на нем коммунистический режим, то теперь консерваторы также прибегают к похожему приему — «если противник вторгнется на Хоккайдо, последствия (для Японии.— И. Ч.) будут плачевными. Его не остановит боевая мощь наших пяти дивизий, дислоцирующихся на острове»⁹. Даже мирные инициативы Советского Союза преподносятся как попытки ввести в заблуждение мировое общественное мнение и добиться военного превосходства. «Советский Союз,— говорится в журнале «Гундзи кэнкю» («Военные исследования»),— развернул мирное наступление на Азиатском континенте, центральным компонентом которого является сокращение вооружений. Но почему он пошел на это? Прежде всего потому, что Советский Союз по военным приготовлениям поднялся на высокий уровень, превзойдя своих противников, и уже с этих позиций приступил к переговорам по сокращению вооружений»¹⁰.

Необходимо учитывать, что узкий круг японской интеллигенции, располагающий достаточно объективной информацией и в целом неплохо настроенный по отношению к СССР, практически не имеет возможности формировать внешнеполитический курс Японии. К тому же большинству японцев довольно сложно понять, в чем заключается «революционный характер» перестройки, так как само слово «революция» не имеет для многих из них такого глубокого смысла, как для советских людей. Усиленное же внедрение в сознание японцев «угрозы с севера» ведет к тому, что даже сейчас лишь 2—3 % японцев говорят о своем положительном отношении к СССР.

Нарастание вооруженных сил в Японии глубоко беспокоит не только Советский Союз, но и ее азиатских соседей, испытавших на себе японскую агрессию в прошлом. Они опасаются возрождения японской военной мощи. Всепроникающее экономическое присутствие Японии в мире дало новую пищу острым подозрениям в отношении ее целей на международной арене. В некоторых случаях это проникновение воспринимается как новый вариант попыток Японии установить мировое господство.

Подавляющее большинство населения Японии, как показывают опросы последних лет, не видит необходимости в резком изменении военной политики, предполагающем пересмотр конституции, расширение масштабов военных приготовлений. Напротив, приверженность духу мирной конституции рассматривается как основной фактор ускоренного экономического развития и повышения благосостояния населения. Однако нельзя не замечать некоторых опасных тенденций, в частности стремления консервативных сил внедрить в сознание населения националистические лозунги и призывы. А им можно при соответствующих обстоятельствах придать милитаристскую направленность. Можно предположить, что население Японии будет и в будущем придерживаться устойчивых пацифистских настроений и ориентаций, однако это не исключает того, что под воздействием целенаправленной политики, разжигающей националистические настроения, население Японии не будет способно критически воспринимать милитаристские лозунги и

призывы. Националистические силы Японии требуют приведения мощи вооруженных сил в соответствии с экономической мощью. Не случайно национализм и милитаризм в истории всегда шли рядом. Но не следует забывать, что вооруженные силы предназначены прежде всего для обеспечения достижения политических целей, чаще всего под угрозой их применения. Поэтому наращивание вооруженных сил — это курс на использование силы в международных отношениях.

Несомненно, предлагать в настоящее время довоенные и военные лозунги типа «Армия — цветок нации», «Верность императору и патриотизм», «Богатая страна — сильные солдаты» было бы просто нелепо. Однако модернизированные с учетом современной обстановки лозунги типа «Японское экономическое чудо», «Особенный японский характер» вновь «работают» на воспитании чувства национальной исключительности.

Одна из наиболее характерных черт нынешней идейно-политической ситуации в Японии — рост национализма. Это и рост национального самосознания, и правый национализм с оттенком шовинизма, и реваншизм наиболее реакционных политических сил. Следует отметить, что в последнее время в Японии среди населения, и особенно среди молодежи, все более распространяются националистические настроения, вызванные международным осуждением внешнеэкономической экспансии и связанные с усиливающейся гордостью достигнутым этой страной положением экономической сверхдержавы. Это сопровождается ростом веры в превосходство этнически однородного японского общества и определенного презрения к другим этническим группам. «Японцы из иностранцев больше всего выделяют американцев и западных немцев, в то время как китайцев, индийцев и других представителей азиатских наций ставят по сравнению с собой на более низкий уровень», — указывает японский ученый Н. Икэ¹¹. «Если японцы чувствуют комплекс неполноценности перед белой расой... то они обладают определенным чувством превосходства по отношению ко всем представителям желтой расы», — отмечает его американский коллега Д. Делласис¹².

Росту националистических настроений в стране способствует и пропаганда монархической идеологии, призванная затушевать классовую сущность национализма, создать иллюзию единства нации под эгидой императора. Особенного размаха она достигла в период болезни и после смерти императора Хирохито, когда правящие круги развернули очередную кампанию по восхвалению «национального символа» страны. Многие аналитики отмечали в этот период, что японские националисты повели борьбу за «захват политических и командных высот». Смерть императора дала возможность националистам еще раз обнародовать свою политическую программу: «Сделать Японию мощной военной державой, восстановить святость императора и реабилитировать Японию в анналах второй мировой войны».

В этот период особо активизировалась деятельность ультраправых националистических организаций, требующих распустить КПЯ, которая не скорбела по поводу смерти императора (КПЯ являлась единственной оппозиционной партией, руководители которой не посетили императорский дворец, чтобы пожелать императору скорейшего выздоровления). В печатном органе ультраправой организации Японии «Общество японской молодежи» — газете «Молодой боец» содержался прямой призыв «объявить войну КПЯ и коммунистам»¹³. И все же большинство политологов считает, что кампания по восхвалению императора не дала того эффекта, на который рассчитывали консерваторы. Профессор Токийского университета М. Мита отмечал: «Я не думаю, что смерть императора — поворотный пункт в истории, как преподносят это средства массовой информации. Смерть императора не повлекла фундаментальных изменений в социальной и экономической структуре японского общества, свидетелями которых мы являлись в конце второй мировой войны»¹⁴.

Следует отметить, что большинство японцев выступает за сохранение императорской системы в ее нынешней форме, когда император рассматривается как духовный, психологический лидер без реальной власти. Многие считают, что послевоенное поколение вновь открывает для себя и переоценивает японские традиции. Их интерес к императору является японским вариантом ориентализма, феноменом, вызванным не симпатией к делу «правых», а интересом к культуре. Отличительной особенностью является то, что в послевоенной системе социокультурных ценностей населения Японии император сохранил значительное место. Всего от 1 до 3 % населения выступают с резкой критикой в адрес императорской системы. Именно поэтому некоторые представители консервативных кругов Японии и реакционно настроенные элементы и сегодня пытаются добиться официального

признания того, что император является главой государства, с тем чтобы использовать его имя в политических целях.

«Завтра будет дуть завтрашний ветер», — гласит японская пословица. Несомненно, разрядка напряженности между СССР и США, начавшийся процесс ядерного разоружения окажет влияние и на отношения между Советским Союзом и Японией. Ведь на позицию японских правящих кругов в отношении СССР большое, а иногда и решающее влияние оказывает позиция администрации США. Процесс разрядки должен отразиться и на характере военной политики Японии, ее военной доктрины. Сокращение вооруженных сил «противника № 1» (то есть Советского Союза) лишает сторонников наращивания военной мощи Японии главного их козыря — ссылки на «военную угрозу со стороны СССР». Нужны ли будут «силы самообороны» в том виде, в котором они существуют теперь? Уже сегодня некоторые представители деловых кругов Японии, анализируя складывающуюся ситуацию, предлагают в дальнейшем использовать «силы самообороны» для помощи развивающимся странам в реализации их социально-экономических программ развития. Ведь даже сейчас в Японии около 80 % населения считают, что самая полезная функция, которую выполняют «силы самообороны», — это оказание помощи во время стихийных бедствий.

Хотелось бы верить, что самурайский меч навсегда переместился на прилавки антикварных лавок и магазинов. Японский народ сделал свой выбор и не будет грозить мечом соседям. И вряд ли кто будет возражать против другого национального символа японцев — хризантемы, хрупкого, нежного создания природы, в то же время обладающего поразительной жизнестойкостью.

Установление доверия между народами двух соседних государств — самая неотложная задача, на которую указывают и в самой Японии. Одним из путей формирования условий для взаимопонимания между народами СССР и Японии может стать активное развитие обменов по линии «народной дипломатии», неправительственных организаций, туризма, культурных связей, спорта и т. д. Еще одним мостом доверия могли бы стать обмены между военнослужащими двух стран, к примеру между Академией национальной обороны Японии и одним из военных училищ Министерства обороны СССР.

¹ The Japanese mind. Essentials of Japanese philosophy and culture / Charless E. Tuttle company.— Tokyo, 1984.— P. 119—120.

² Kikikei Inoguchi, Tadashi Nakajima. The Divine wind. Japan kamikaze force in World War II.— Maryland, Geogebanta, inc.— Menasha, 1958.— P. 191.

³ Tatum Okabe. Revival of Japanese militarism. Institute of Southeast Asian studies.— Singapore.— Occasional paper, 1974.— July.— № 22.— P. 9.

⁴ Гундзи кэнкю.— Токио, 1989.— № 3.— P. 38.

⁵ Нихан-но бозэй то кэмпо=Оборона Японии и конституция; Хогаку сэмина, сого токую сиридзу=Семинар по юридическим наукам, Специальный выпуск.— Токио, 1981.— № 15.— С. 167.

⁶ Tatsumi Okabe. Revival of Japanese militarism. Institute of Southeast Asian studies.— Singapore.— Occasional paper, 1974.— July.— № 22.— P. 13.

⁷ Asahi evening news.— 1987.— 13 August.

⁸ Гундзи кэнкю.— Токио, 1988.— № 5.— P. 58.

⁹ Ibid.— Tokyo, 1989.— № 2.— P. 59.

¹⁰ Ibid.— № 3.— P. 39.

¹¹ Nobutake Ike. Japan. The new superstate.— W. H. Freeman and company.— San Francisco, 1973.— P. 102.

¹² Delassus, Jean Francois. The Japanese. A critical evaluation of the character and culture of a people.— Hart publishing company, inc. New York city, 1972.— P. 235.

¹³ Цит. по: Акахата.— 1989.— 12 марта.

¹⁴ Time.— 1989.— 23 January.— P. 20.

Страницы из дневника

В. ВЛАСОВ

В Шанхае на пристани Ветрова и Сергеева* встречала вся немногочисленная советская колония. Как всегда в таких случаях, встреча была сердечной и радостной, особенно со стороны тех работников, на смену которым они прибыли.

Через неделю тем же маршрутом прибыл и Рогов со своей семьей. Смена корреспондентов ТАСС произошла на следующий день, и сразу же началась полная перестройка работы конторы. Она ознаменовалась переездом с окраины французской концессии в центр делового квартала на набережную Банд, но главное, конечно,— это налаживание отношений советских корреспондентов с иностранными военно-политическими деятелями, с которыми прежний состав корреспондентов не общался. Рогов дал нам такую установку: будем ходить на все пресс-конференции, банкеты, приемы и принимать другие приглашения иностранцев. Москва нам полностью доверяет.

20 апреля 1941 г. вошло в историю мировых событий заключением пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. На следующий день англо-американская и китайская пресса на первых страницах сообщала крупными заголовками: «Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом развяжет руки японским милитаристам в войне против Китая»; «Советский Союз отдал Китай на растерзание японским захватчикам»; «Сталин при прощании расцеловался с Мацуока. Это поцелуй Иуды!». Каждая газета старалась преподнести эту сенсацию в наиболее враждебном тоне по отношению к Советскому правительству.

Вскоре в контору ТАСС поступило приглашение на очередную японскую пресс-конференцию. Рогов и Ветров, свободно владевшие английским языком, пошли на эту пресс-конференцию, состоявшуюся в просторном зале гостиницы «Астория».

К моменту их прихода зал был уже заполнен иностранными корреспондентами, сгруппировавшимися по углам зала соответственно коалициям этих стран. Советский Союз был нейтральным государством, поэтому Рогов и Ветров заняли места поодаль от оппозиционных групп. Не успели они оглядеться вокруг, как к ним подошел немецкий корреспондент Гофман. Он поздравил Рогова и Ветрова с заключением советско-японского пакта и пригласил в немецкий клуб на вечер, где был запланирован просмотр военной хроники по захвату немцами Парижа.

— Мы принимаем ваше приглашение,— не задумываясь, ответил Рогов.

В это время корреспонденты англо-американской коалиции горячо обсуждали пакт о нейтралитете. Но вот в зал вошел полковник Икэда, и взоры всех корреспондентов обратились к нему. Икэда монотонно, в японском стиле, сообщил об «успехах» японских войск на центральном фронте и в местных схватках с «хунхузами» (так японцы называли коммунистов). Когда Икэда закончил свою информацию, английский корреспондент Фиш задал ему вопрос:

— Как японские военные круги оценивают советско-японский пакт о нейтралитете?

— По этому вопросу я не имею какой-либо информации,— ответил полковник.

После окончания пресс-конференции к Рогову и Ветрову подошла группа английских и американских корреспондентов с явным намерением поговорить о советско-японском пакте. Старший по возрасту — Фиш — представившись сам, представил и других корреспондентов, с которыми Рогов и Ветров обменялись визитными карточками.

— Мистер Рогов, не можете ли вы дать нам пояснение по поводу пакта, заключенного вашим правительством с Японией? — спросил Фиш.

— Конечно, могу. Если суммировать все, что там напечатано, то можно выразить одной

Василий Тихонович Власов в годы войны работал в Шанхае в составе группы корреспондентов ТАСС, возглавлявшейся известным китаеведом и журналистом В. Н. Роговым.

* Фамилии изменены.

фразой, а именно — Советский Союз придерживается мирной политики и любое государство, пожелавшее заключить с Советским Союзом пакт о нейтралитете, может рассчитывать на успех.

— Но ведь этим пактом Советский Союз предал Китай. Теперь он не может помогать Китаю. Не так ли? — сказал американец Бутлер.

— Если вы хорошо ознакомились с пактом, то должны знать, что об этом в пакте ничего не сказано, — ответил Рогов.

— Но это само собой разумеется, — возразил Бутлер.

— Ваше рассуждение, мистер Бутлер, является не чем иным, как гаданием на кофейной гуще, — заметил Ветров. — И это гадание вы преподносите своим читателям как действительное положение вещей.

— Если у вас нет к нам других вопросов, то мы будем рады встретиться с вами в любое время и в любом месте за чашкой чая и продолжить этот разговор, — сказал Рогов, прощаясь с английскими и американскими корреспондентами.

* * *

Колония немцев в Шанхае насчитывала около тысячи человек. Здание немецкого клуба выглядело массивным и впечатляющим по сравнению с советским. У входа советских корреспондентов встретил Гофман. После дружелюбного приветствия он провел гостей в большой зал ресторана. Сидевшие там не обратили на вошедших никакого внимания. По оживленным и возбужденным лицам можно было догадаться о теме их разговора — об успешных операциях немецких войск в Европе. Большой портрет Гитлера висел в зале на самом видном месте. Гофман пригласил гостей к столику, за которым сидели плотный мужчина лет 35 и женщина лет 25. Ими оказались пресс-атташе немецкого посольства Мюллер и его секретарша Ройтман.

С широкого лица Мюллера не сходила приветливая улыбка.

— Весьма рад познакомиться с советскими корреспондентами в Шанхае. Здесь к нам, а теперь и к вам, англосаксы относятся одинаково враждебно, — сказал он. — Последние три дня превалирующей темой разговоров в Шанхае является пакт, заключенный между Советским Союзом и Японией. Больше всего негодуют англичане и американцы.

— Мистер Мюллер, а как вы относитесь к заключению этого пакта? — спросил Ветров.

— Немцы, безусловно, приветствуют этот пакт. Без согласия фюрера японцы не посмели бы заключить пакт с Советами.

В таком духе беседа продолжалась до восьми часов вечера, когда прозвучал звонок, означавший начало показа военной кинохроники. Все немцы, как по команде, встали и направились в кинозал, расположенный рядом с рестораном. Вместе с Мюллером и Гофманом советские гости тоже направились в зал, где заняли места недалеко от двери. Вскоре кинозал был заполнен до отказа. Через минуту погас свет и на экране появился портрет Гитлера в парадной военной форме. Все зрители встали с криком: «Хайль Гитлер!» Рогов толкнул в бок Ветрова и тихо шепнул:

— Сумасшедшие! Нам надо смыкаться при первом удобном случае!

Когда, наконец, установилась тишина, начался показ налета немецких бомбардировщиков на Париж. Разрушения и пожары, вызванные этим налетом, мятущихся людей с испуганными лицами немцы воспринимали с ликованием, а Рогов с Ветровым — с отвращением. После просмотра первой же картины они встали и попросили Гофмана проводить их до выхода из клуба.

В гостиницу они возвращались молча, в угнетенном состоянии. У двери своего номера Рогов сказал:

— Звери! Интересно, как бы они выглядели, если бы французы бомбили их города? И, не дожидаясь ответа, ушел в свой номер.

* * *

Описываемый период был характерен предгрозовым ожиданием как в Европе, так и на китайско-японском фронте. Немецко-фашистские войска вышли к границам Советского Союза от Балтики до Черного моря, а во Франции, на берегу пролива Ла-Манш, немецкие войска демонстрировали подготовку к высадке на Британские острова. Англо-американские обозреватели пугали своих соотечественников в Шанхае высадкой в ближайшее время

немцев на Британские острова, вызывая этим большую панику.

Корреспонденты шанхайской конторы ТАСС, исходя из здравого смысла, также полагают, что дальнейшим направлением фашистской агрессии будет Англия, поэтому все их внимание было направлено на определение замыслов японских милитаристов. Только что заключенный пакт о нейтралитете явно не согласовывался с тройственным антикоминтерновским пактом, и это давало повод к размышлению. Сможет ли этот пакт удержать японских милитаристов от нападения на советский Дальний Восток в случае агрессии немцев против Советского Союза? Ответа на этот вопрос у них не было, а определенность здесь была крайне необходима.

На очередной японской пресс-конференции к Рогову и Ветрову неожиданно подошел японский корреспондент агентства Домэй Цусин Амото и на чистом русском языке от имени агентства и пресс-атташе японского посольства пригласил корреспондентов ТАСС с женами на обед в японский ресторан.

Через несколько дней советские корреспонденты с женами подъехали к японскому ресторану в районе Хонкью. В вестибюле гостей встретил Амото. В большом зале ресторана он представил гостям двух корреспондентов агентства Домэй Цусин и их жен. Рогов, в свою очередь, представил японцам советских гостей. После этого все участники обеда сели за стол, на котором были только приборы. Воцарилось неловкое и напряженное молчание. Надо было снять напряжение. Вот тут и проявился талант Рогова. Он начал с подкупающей простотой рассказывать анекдотические случаи из шанхайской жизни, вызывая неподдельный смех присутствующих. Вскоре разговор перешел на кулинарные темы, а затем и на текущую политику.

— Как вы думаете, чем может закончиться ваша война в Китае? — спросил Рогов.

— Япония стремится закончить войну в Китае мирным договором на почетных для Китая условиях. Однако английская дипломатия и в какой-то степени американская толкают чунцинское правительство на продолжение войны. Главным врагом Японии на Дальнем Востоке в настоящий момент является не Китай, а Англия, захватившая в бассейне Тихого и Индийского океанов богатейшие колонии и рынки и не желающая допускать туда другие страны. Сейчас англичане настраивают китайцев не только против Японии, но и против Советского Союза, — сказал Амото.

— А что вы скажете относительно антикоминтерновского пакта после заключения пакта о нейтралитете? — поинтересовался Ветров.

— В Японии многие, в том числе и я, считают, что война с Советским Союзом ничего не даст Японии, у которой нет стратегического сырья, для успешного окончания войны в Китае. В этом вопросе мы пока что зависим от Америки. Война с Советским Союзом не разрешит эти трудности.

— Значит ли это, что у Японии нет приемлемого выхода из создавшегося положения?

— Такой выход может появиться. После поражения англичан под Дюнкерком английское правительство вынуждено было перебросить значительную часть своего дальневосточного морского флота на защиту своих островов. В настоящее время японский военный флот является самым мощным на Дальнем Востоке. Мы надеемся, что Англия должна пойти на уступки.

— А если Англия не пойдет на уступки?

— Война с Англией может вызвать цепную реакцию. Соединенные Штаты неизбежно выступят на стороне Англии. Япония к такой войне не готова.

На этом обед закончился.

* * *

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на Советский Союз. Гитлеровские войска на рассвете пересекли границу и стали быстро продвигаться в глубь страны. Немецкая авиация подвергла бомбардировке промышленные города, аэродромы и другие стратегические объекты. Вот такими сообщениями были заполнены все шанхайские газеты. Немецкая пропаганда захлебывалась от восторга, преувеличивая успехи немцев в несколько раз. Англо-американские средства массовой информации в Шанхае информировали своих слушателей и читателей о военных действиях на полях Советского Союза по немецким источникам, совершенно игнорируя сообщения ТАСС. Рогов и Ветров решили заявить протест по этому поводу менеджеру английской радиостанции Крептоню.

Менеджер оказался типичным колоннальным чиновником лет 40. Его продолговатое лицо с острым носом и небольшими голубыми глазами отнюдь не излучало приветливого выражения и доброты к посетителям.

— Мистер Крептон, мы внимательно слушаем все ваши радиопередачи о военных действиях на полях нашей страны, — сказал Рогов. — Эти передачи целиком базируются на сообщениях немецких источников и не соответствуют действительному положению вещей. А сообщения ТАСС вы игнорируете.

— К сожалению, немецкие сообщения о военных действиях в России являются более объективными по сравнению с вашими, — ответил Крептон.

Утверждения Рогова и Ветрова, что Крептон ошибается, а немецкая пропаганда лжива и рассчитана на подавление морального духа антифашистского лагеря не изменили точку зрения менеджера.

— Хорошо, мистер Крептон. Нам известно, что ваша радиостанция является коммерческим предприятием. Мы просим продать нам 15 минут времени вашей радиостанции для передачи сообщений ТАСС, — сказал Рогов.

— К сожалению, я этого не могу сделать для вас. Программа радиостанции до предела перегружена, — ответил Крептон с английской учтивостью.

Советские корреспонденты решили обратиться с этим вопросом к английскому пресс-атташе. К сожалению, результат визита был таким же. Пресс-атташе сослался на указания из Лондона.

Вернувшись в контору ТАСС, Рогов ознакомил сотрудников с результатами визита к англичанам и попросил высказаться по вопросу засилия немецкой пропаганды в Шанхае. Все выступавшие говорили, что мириться с таким положением нельзя. Необходимо воздействовать на английских чиновников через Москву и английское правительство.

Ветров выступил с другим предложением.

— На днях я знакомился с радиообстановкой в Шанхае, — сказал он. — Выяснилась интересная деталь, а именно: англичане, немцы, французы, американцы строили свои радиостанции без специального разрешения муниципального совета. По договору 1901 г. Россия имеет в Шанхае такие же права, как и Англия, Германия, США и Япония. Этот договор не аннулирован и действует до сегодняшнего дня. Мы тоже имеем право строить свою радиостанцию без разрешения. Вот и давайте строить ее.

— Василий Тихонович прав, — поддержал Рогов. — Мы имеем право строить свою радиостанцию в Шанхае. Нам в Москве не простят, если мы упустим такую возможность в сложившихся условиях. Вопрос может упереться в средства. Просить денег у Москвы у меня рука не поднимается!

— Деньги мы можем собрать среди советских подданных русских эмигрантов, — предложил Сергеев.

С этим предложением согласились все.

* * *

Русская эмиграция в Шанхае переживала глубокий кризис. Обострение военно-политического кризиса на Дальнем Востоке, угроза развязывания Японией большой войны пугали русских эмигрантов непредвиденными осложнениями в их и без того бесправном положении. К этому времени обозначился распад когда-то единой антисоветской русской колонии на три группы. В первую входили просоветски настроенные эмигранты с советским подданством. Эта группа имела свой клуб и газету «Новая жизнь» и находилась под идейным руководством корреспондентов ТАСС. Она насчитывала более тысячи человек и быстро увеличивалась, особенно после нападения фашистской Германии на Советский Союз. У здания советского консульства ежедневно выстраивались длинные очереди русских эмигрантов с заявлениями о приеме их в советское подданство.

Вторая, самая многочисленная, группа русских эмигрантов давно потеряла чувство озлобления против Советского государства и жила с надеждой при удобном случае вернуться на Родину. Эта группа состояла в основном из деловых людей или связанных с ними своей работой. Они проявляли свои патриотические чувства втайне от эмигрантского комитета, опасаясь за благополучие своего бизнеса.

Третья группа русских эмигрантов была тесно связана с японскими военными кругами. В планах японской военщины эта группа играла особую роль, связанную с предполагавшимся захватом японскими войсками советского Дальнего Востока. Вож-

ли этой группы охотно согласились возглавить будущее марионеточное правительство в Сибири под эгидой Японии. Каждый русский эмигрант этой группы был приписан к конкретной должности в области, округе и районе. Они же комплектовали корпус волонтеров при муниципальном совете.

Русская эмиграция в Шанхае насчитывала в своих рядах более 25 тыс. человек и играла значительную роль в деловой жизни города. Корреспонденты ТАСС и активисты Советского клуба без особого труда собрали необходимую сумму.

Строительство радиостанции было поручено Ветрову. По рекомендации китайских друзей он связался с Чан Тунци — владельцем небольшой радиомастерской. Мастерская находилась в самом захолустном районе сэтльмента, куда редко ступала нога европейца, и мало чем выделялась среди убогих лачуг китайской бедноты. Фактически это был сарай, разделенный на три части, в каждой из которых работали 2-3 китайца на токарных и фрезерных станках.

Несмотря на убогость обстановки, Чан уверенно пообещал в кратчайшие сроки построить радиостанцию любой мощности, работающую на любой волне. С большими сомнениями контора ТАСС через два дня заключила с ним договор. Стоимость строительства китайской фирмой обходилась в три-четыре раза дешевле по сравнению с расценками западных фирм. Ветрову пришлось много потрудиться, чтобы подыскать соответствующее помещение для радиостанции. И в этом вопросе ему помогли китайцы.

Фирма Чана не подвела Ветрова. Ровно через месяц советская радиостанция вышла в эфир со вступительным маршем из кинофильма «Цирк», после чего начались передачи сообщений ТАСС о положении на фронтах Отечественной войны на четырех языках: русском, китайском, английском и немецком. Программу передач составлял директор радиостанции Валин при активном участии Рогова. Официальный пуск радиостанции состоялся во время специально созванного митинга русских эмигрантов — советских подданных. На митинге Рогов произнес следующую речь: «Товарищи, с сегодняшнего дня в Шанхае будет работать с утра до вечера наша советская радиостанция, построенная на трудовые деньги советских людей в Шанхае. До сих пор немецкая пропаганда безраздельно господствовала в Шанхае, отравляя сознание людей своей лживой демагогией о якобы быстром разгроме Вооруженных Сил Советского Союза. Англо-американские средства массовой информации целиком идут на поводу немецкой пропаганды. Вот почему строительство нашей собственной радиостанции стало для советских людей в Шанхае насущной задачей. Эта станция построена, дорогие товарищи, на ваши деньги для того, чтобы вы знали истинное положение на фронтах Отечественной войны. Я хочу еще раз поблагодарить вас и выразить свою благодарность всем, кто внес свою лепту в строительство радиостанции».

Со следующего дня радиостанция три раза в день стала передавать сообщения ТАСС, а в перерывах — музыку, рассказы с фронта и о героизме трудящихся в тылу.

Две недели советская радиостанция работала чисто и без помех. Однако ясно было, что ее работа была не по нутру немцам, японцам и эмигрантскому комитету. Передачи сообщений ТАСС стали кем-то из них забиваться. Точно установить, кто забивает, было трудно. На очередной пресс-конференции японского военного штаба округа Рогов и Ветров решили попытаться выяснить это. Они подошли к полковнику Икэда и спросили «на пушку», почему японская военная администрация стала забивать нашу советскую радиостанцию. Попадание было точным. Икэда ответил, что японские военные власти стали забивать советскую радиостанцию по указанию свыше; разъяснения можно получить у начальника штаба гарнизона японских войск.

На следующий день в десять утра Рогов и Ветров подошли к зданию японского штаба. При входе их остановил грубым окриком часовой и нажал кнопку. К нему вышел дежурный офицер с повязкой на руке. Он вопросительно с подозрением посмотрел на посетителей. Рогов объяснил ему цель визита, но офицер продолжал смотреть на него враждебно-непонимающе. Затем он скрылся за дверью. Через минуту он вернулся и молчаливо стал наблудить за посетителями. Вскоре вышел подполковник, знавший русский язык.

— Что вам надо в японском военном штабе? — грубо спросил он.

— Я заведующий конторой ТАСС в Шанхае, а мой коллега — корреспондент агентства. Мы пришли спросить начальника вашего штаба, почему вы стали забивать нашу радиостанцию.

— Мы получили распоряжение из Токио и выполняем приказ, — сквозь зубы процедил подполковник.

Стало ясно, что дальнейший разговор бесполезен.

Однако, несмотря на все трудности, передачи советской радиостанции слушали все русские эмигранты в Шанхае, китайцы и беженцы из европейских стран. Однажды в августе в контору ТАСС пришел по приглашению Сергеева колчаковский генерал Ефим Григорьевич Сычев, который за последнее время опубликовал в кадетской газете несколько патриотических обзоров военных действий на полях Советского Союза. Рогов, посоветовавшись с коллегами, предложил Сычеву порвать с кадетской газетой и писать военные обзоры для нашей радиостанции.

Сычев, немного подумав, сказал:

— Если я приму ваше предложение и буду подписывать обзоры своей фамилией, то меня сразу же начнут травить эмигранты-«пораженцы», состоящие на службе у японцев. Не так давно японцы предложили мне возглавить дальневосточное правительство, очевидно, рассчитывая на скорую победу фашистской Германии. Я категорически отказался, заявив, что Германия не победит Советский Союз. Я ведь, как и все русские эмигранты, не имею защиты от японцев. Могу я надеяться на получение советского подданства?

— Мы возбудим ходатайство о приеме вас в советское подданство со всеми правами советских граждан, проживающих за границей.

На этих условиях Сычев дал свое согласие быть обозревателем советской радиостанции в Шанхае и с тех пор писал квалифицированные, профессиональные патриотические обзоры вплоть до полного разгрома гитлеровской Германии.

По мере приближения немецко-фашистских войск к Москве обострялась и политическая обстановка на Дальнем Востоке. Агрессивно настроенные круги правящей элиты толкали Японию на ширококомасштабную агрессию. Вопрос был в том, в каком направлении предпринять эту агрессию. Против ли советского Дальнего Востока или против английских владений в акватории Тихого и Индийского океанов?

В беседе Ветрова с английским корреспондентом Фишем, последний высказал следующую мысль: в настоящее время определить направление японской агрессии едва ли возможно. Генералы японской сухопутной армии ратуют за нападение на советский Дальний Восток, мотивируя свою позицию значительной оттяжкой советских войск с дальневосточных границ для обороны Москвы и Ленинграда. В японском правительстве эту же позицию наиболее рьяно поддерживает министр иностранных дел Мацуока. Противоположную точку зрения имеют японские адмиралы, которые не видят большой пользы от оккупации советского Дальнего Востока. Они ратуют за захват английских и португальских колоний в бассейне Тихого океана, богатых готовым стратегическим сырьем. В настоящий момент Соединенные Штаты не заинтересованы в нападении Японии на Советский Союз, поскольку это может ослабить сопротивление русских немецкой агрессии. Еще менее хочет Англия нападения японцев на ее колонии в бассейнах Тихого и Индийского океанов, так как она планирует за счет этих колоний обеспечить защиту своих островов в Европе. Соединенные Штаты и Англия всячески противодействуют японцам в войне против Китая, удерживая правительство Чан Кайши от заключения капитулянтского мира.

Информация Фиша показалась Ветрову вполне обоснованной. Она совпала с точкой зрения генерала Сычева.

На очередной японской пресс-конференции Фиш приблизился к Ветрову и шепнул:

— Немцы требуют от японцев выполнения антикоминтерновского пакта. Японцы согласны выступить после занятия немцами Москвы.

— Какая позиция США в этом случае? — спросил Ветров.

— Рузвельт угрожает Японии в случае ее нападения на Советский Союз наложить полное эмбарго на продажу стратегического сырья и нефти.

‡

* * *

В конце ноября 1941 г. в контору ТАСС пришло приглашение на банкет японского военного штаба. Рогов устроил совещание корреспондентов по этому вопросу.

— Очередной ребус! — воскликнул Ветров. — Что означает это приглашение?

— Что означает, сказать трудно. Но что бы оно ни значило, нам на него надо идти! — сказал Рогов.

3 декабря советские корреспонденты с женами подъехали к гостинице. В вестибюле их встретил майор Матикава. Он с повышенной любезностью поздоровался и повел гостей

в небольшой зал, в котором стояли столы, накрытые к банкету. Вдоль стен стояли мягкие кресла. На одной стене висела картина, изображающая сельский пейзаж, а на противоположной — портрет императора Японии Хирохито. В зале сидели два подполковника и три японки в цветастых шелковых кимоно. Хозяева и гости представились друг другу. Майор Матикава предложил садиться за стол. Разговор совершенно не клеился. Даже всегда находчивый Рогов чувствовал себя не в своей тарелке. Немного погодя в зал вошли полковник Икэда и начальник штаба полковник Охира. Последний с улыбкой приветствовал гостей и сказал, что командующий гарнизоном просит извинить его за опоздание и приказал начинать банкет без него. Официанты тут же принесли закуски, рисовую водку и вино.

Некоторое время спустя в зал вошел генерал Хирота. Японцы приняли стойку «смирно». Советские мужчины тоже встали. Женщины продолжали сидеть. Генерал поздоровался общим жестом руки и сел на приготовленное для него место.

— Японское командование радо, что вы положительно откликнулись на наше приглашение и приехали на этот банкет, — сказал генерал Хирота. — У нас сложилось впечатление, что советские представители в Шанхае считают японцев своими врагами. Должен сказать, что это грубая ошибка. Пригласив вас на этот банкет, мы хотим показать, что у нас нет вражды к советским людям. Япония — обездоленная, угнетенная страна и борется за свое освобождение от оков мирового империализма и за освобождение других угнетенных наций в дальневосточном тихоокеанском регионе. Я предлагаю поднять тост за здоровье императора Японии Хирохито.

За этот тост мужчины выпили стоя.

— Господин генерал, как вы оцениваете положение на советско-немецком фронте? — спросил Рогов.

Хирота, немного подумав, ответил:

— Такого сопротивления русских мы не ожидали. В этом году немцам Москвы не взять.

Второй тост предложил Рогов за здоровье Сталина. Снова мужчины выпили свои рюмки стоя.

После этого разговор принял более оживленный характер.

— Господин генерал, как вы думаете, между нашими странами может возникнуть война? — спросил Рогов.

После небольшой паузы генерал сказал подкупаяще откровенно:

— Обязательно возникнет! Ваш Дальний Восток входит в нашу «Восточную зону процветания».

— Когда она может возникнуть? — спросил приглушенным голосом Ветров.

— Этого никто не знает, даже сам император Японии. У нас в Японии имеет широкую поддержку убеждение, что советский Дальний Восток достанется Японии без человеческих жертв, как спелое яблоко, падающее с яблони. А в том, что немцы разгромят Красную Армию, у нас нет никакого сомнения, — с довольной улыбкой, без дипломатии ответил Хирота.

После нескольких тостов, генерал Хирота спросил:

— До меня дошли сведения, что ваша контора ТАСС в Шанхае поддерживает связь с китайской коммунистической армией. Правда это?

— Чистейший вымысел! — с возмущением ответил Рогов. — Это злостный вымысел немецкой пропаганды!

— Почему же в захваченных нашими войсками трофеях попадают ваши бюллетени?

— Наши бюллетени продаются так же, как и бюллетени других телеграфных агентств, свободно в киосках и по подписке, — ответил Рогов.

— У японского командования в Шанхае есть желание предложить вам передавать по своей радиостанции сообщения японского военного командования о японских военных действиях в Китае, — сказал Хирота.

— Господин генерал, мы имеем разрешение из Москвы передавать по радиостанции только сообщения и обзоры о военных действиях советских войск против немцев в Европе. О вашем предложении мы можем запросить Москву, а лучше, если вы сами запросите Москву по дипломатическим каналам.

— Да, пожалуй, лучше нам самим запросить, — сухо ответил Хирота.

— Господин генерал, японские военные власти забивают нашу радиостанцию. Можно нам надеяться на прекращение этой недружелюбной акции? — спросил Ветров.

— Этот вопрос будет разрешен в ближайшее время, — ответил Хирота.

На этом банкет закончился. Майор Матикава проводил гостей до вестибюля.

Через два дня после банкета японцы прекратили забивать советскую радиостанцию в Шанхае. Это совпало с началом разгромного наступления советских войск под Москвой, эффект которого в политических кругах Шанхая можно сравнить с эффектом разорвавшейся бомбы. Все англо-американские газеты вышли с броскими аншлагами: «Красная Армия наносит немцам под Москвой сокрушительный удар»; «Немцы отступают в панике, бросая военную технику»; «История с Наполеоном в России повторяется».

Радость советских людей в Шанхае, да и всего антифашистского лагеря была беспредельной. Только английская радиостанция продолжала давать сообщения о военных действиях в Советском Союзе по немецким источникам.

* * *

Впреки предсказаниям английских и американских разведчиков и дипломатов, генеральных штабов Англии и США, японские вооруженные силы всей своей мощью напали на главную военно-морскую базу США в Тихом океане — Перл-Харбор, после чего Япония объявила войну США, Англии и Португалии. Все политические обозреватели в Шанхае сходились на том, что японское правительство совершило акт безумия, что нападение Японии на США похоже на нападение голодного волка на спящего льва. Однако дальнейший ход событий показал, что расчеты японского генерального штаба оправдались в отношении слабых мест американских и английских вооруженных сил в акватории Тихого океана.

Война в Тихоокеанском регионе между Японией и англо-американской коалицией началась триумфальными победами японских вооруженных сил. На японских пресс-конференциях полковник Икэда с большим подъемом сообщал о разгромных операциях японских войск на Филиппинских островах и других островах региона, о захватах богатых трофеев и большого количества пленных.

В Шанхае на рейде реки Вампу стояли английский и американский эсминцы. В ночь нападения Японии на США японское военное командование в Шанхае потребовало от капитанов эсминцев передачи кораблей в боевом состоянии. Американские моряки взорвали эсминец и сдались в плен. Капитан английского эсминца сдал корабль японцам в исправном состоянии. Японцы оккупировали международный сектор и ввели военное положение. Английская радиостанция перешла в руки японцев, а газеты и журналы англо-американской коалиции были закрыты. Единственным источником информации антифашистского лагеря в Шанхае и в радиусе 400 км от Шанхая была советская радиостанция «Голос Родины».

Через три месяца после головокружительных успехов японцев в акватории Тихого и Индийского океанов Ветров встретился с английским корреспондентом Фишем и американским корреспондентом Старком и пригласил их в ресторан. Он хотел узнать, чем будет Фиш мотивировать катастрофическое поражение англичан и американцев в регионе Тихого океана.

Разговор сразу принял оживленный характер.

— Каждый день японцы занимают ключевые позиции на островах Тихого океана, — сказал американец Старк. — После падения Гонконга и Сингапура, а также потопления двух лучших линкоров наш флот не в состоянии оказать какое-либо серьезное сопротивление японцам. На днях макаки снова одержали крупную победу в морском бою с американскими кораблями и высадили десант на Яву.

— Как вы оцениваете на сегодняшний день борьбу объединенных сил демократических стран против фашистско-милитаристских сил в глобальном масштабе? — спросил Ветров.

— Демократические силы оказались неподготовленными к нападению хорошо вооруженных бандитских агрессивных сил и поэтому вряд ли демократические страны смогут уйти от поражения. Что касается русского зимнего наступления, то весь мир говорит о нем с восхищением. Красная Армия развеяла миф о непобедимости немецко-фашистских войск. Но окажет ли оно решающее влияние на окончательные итоги войны, еще не известно, — уныло сказал Старк.

— Мистер Фиш, вы тоже так думаете? — спросил Ветров.

— Решающая битва еще впереди. Но на сегодняшний день силы англо-американской коалиции почти полностью деморализованы. Кое-какие надежды у нас связаны с русским фронтом. А вы как думаете, мистер Ветров?

— Могу определенно сказать, что с мнением мистера Старка я в корне не согласен, даже в оценке Тихоокеанского театра военных действий. Мистер Старк, вы не учитываете в своих высказываниях динамического изменения сил, которое определенно происходит в пользу англо-американской коалиции.

— Что вы имеете в виду под динамическим изменением сил? — спросил Старк обиженным тоном.

— Изменение соотношения производительных сил и военной промышленности и в уязвимости жизненно важных позиций. Постараюсь пояснить это. То, что США потеряли от внезапного нападения японцев на базу Перл-Харбор, они могут легко восполнить в течение короткого времени, а то, что теряют японцы в боях с американцами, едва ли восполнимы вообще. Это обстоятельство и будет причиной постепенного изменения сил в пользу англо-американской коалиции. Сражения 27 и 28 февраля у острова Ява, в которых японцы понесли большие потери, показывают, что американские военно-воздушные и морские силы оправляются от первого шока. При этом следует учитывать еще одно исключительно важное обстоятельство, а именно, то, что Япония, захватив большие территории, разбросанные в бассейнах Тихого и Индийского океанов на большие расстояния друг от друга и от метрополии, непомерно растянула свои коммуникации. Для их охраны японцам потребуется большое количество боевых кораблей и самолетов. Все это создает исключительно благоприятные условия для боевых действий американских вооруженных сил.

— Мистер Ветров, я искренне завидую вашему оптимизму. А как вы оцениваете положение на советско-немецком фронте? — спросил Старк.

— Я рекомендую послушать обзор военных действий на советско-немецком фронте, написанный генералом Сычевым, русским эмигрантом. Его обзор будет передаваться на английском языке советской радиостанцией. А если коротко ответить на ваш вопрос, то немецко-фашистские войска отброшены от Москвы на сотни километров с большими потерями в живой силе и технике. В результате они утратили в значительной мере свой первоначальный боевой дух, а миф о «непобедимости» развеян.

После этой встречи Ветров больше не встречал американца Старка, а англичанина Фиша встретил случайно на улице через полтора месяца. Он осунулся и сильно постарел, глаза ввалились и потускнели, солидная фигура как-то сжалась и сгорбилась.

— Что с вами, мистер Фиш? Вы сильно болели? — спросил Ветров.

— Нет, не болел. Я был в японской следственной тюрьме «Бридж Хауз».

— Они пытали вас?

— Тсс... — произнес Фиш, прикладывая палец ко рту. — Ничего нельзя говорить! Я дал подписку.

В знак прощания Фиш помахал рукой и пошел своей дорогой.

* * *

Июль 1942 г. В сообщениях ТАСС указывалось, что, невзирая на большие потери в живой силе и технике, немецко-фашистские войска упорно продвигались к Сталинграду. Немецкая пропаганда в Шанхае сообщала о скором захвате немецкими войсками Сталинграда и Баку. А в это время на очередной японской пресс-конференции в Шанхае полковник Икэда с воодушевлением перечислял занятые японскими войсками острова в акваториях Тихого и Индийского океанов и богатые трофеи в виде пленных, военной техники и стратегического сырья, умалчивая о потерях японцев, которые, как впоследствии выяснилось, были значительными и невозполнимыми. В частности в морском бою у острова Мидуэй, при большом участии авиации японский флот потерял все свои четыре авианосца и один линкор. Японцы были вынуждены отступить. В попытках овладеть Австралией и Индией японцы также не имели успеха. В конце ноября 1942 г. японские войска перешли на всех оккупированных островах к обороне. В полную силу заиграли фактор времени и динамическое изменение соотношения сил, которые были, безусловно, в пользу англо-американской коалиции.

Угрожающее положение немецко-фашистских войск под Сталинградом вынудило Гитлера обратиться к Японии с требованием выполнить обязательства по тройствен-

ному антикоминтерновскому пакту, то есть выступить против СССР на Дальнем Востоке. Это требование поддержали генералы японской сухопутной армии, которые с завистью относились к славе адмиралов, добившихся впечатляющих побед в акваториях двух океанов. Японское правительство обусловило дату нападения на советский Дальний Восток занятием немцами Сталинграда. А как же японо-советский пакт о нейтралитете? Чтобы создать предлог для его денонсации, Токио дало указание японской жандармерии в Шанхае организовать несколько провокационных судебных процессов против советских работников в Шанхае.

Этот новый зигзаг в японской внешней политике по отношению к Советскому Союзу советские работники испытали на себе в следственной тюрьме «Бридж Хауз». В июле в Шанхае японская жандармерия произвела массовые аресты русских эмигрантов — советских подданных, главным образом активистов Советского клуба. 15 сентября японская жандармерия арестовала заведующего конторой «Интурист» в Шанхае Н. Г. Владимирова, а через месяц двух корреспондентов ТАСС — Ветрова и Сергеева и заведующего конторой Экспортхлеб Я. А. Певзнера. Все арестованные были заключены в следственную тюрьму и подвергнуты допросам с пытками. Жандармы-следователи пытались заставить советских работников признаться во «враждебной», «антияпонской» деятельности советских учреждений в Шанхае. Однако этот план действий не принес японцам успеха. Во-первых, потому, что советские работники решительно отвергали обвинения в адрес учреждений, в которых они работали. Во-вторых, мощное наступление Советской Армии под Сталинградом и на всем Южном фронте убедило японское правительство в том, что его немецкий партнер по антикоминтерновскому пакту находится в критическом положении. Пришлось играть отбой. Сергеева освободили, а дела троих советских работников были переданы в японский военный суд с провокационными обвинениями, на основании которых они были осуждены на длительные сроки заключения в тюрьме.

Провокационными арестами советских работников в Шанхае, русских эмигрантов — советских подданных, арестами судов и советских моряков, широкой демонстрацией карт японской «Восточной зоны процветания», в которую вошел весь советский Дальний Восток и Сибирь до Урала, и другими враждебными действиями против Советского Союза японское правительство ясно показало свое отношение к пакту о нейтралитете, заключенному 20 апреля 1941 г.

* * *

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом обозначил перелом не только в освободительной войне советского народа с немецко-фашистскими захватчиками, он также обозначил перелом в ходе всей мировой войны.

К весне 1943 г. военные силы англо-американской коалиции в войне против Японии настолько окрепли и возросли, что были в состоянии создавать двойное и тройное преимущество при освобождении отдельных островов — опорных пунктов японской обороны. Соотношение военно-морских сил и особенно военно-воздушных сил воюющих сторон неуклонно и быстро изменялось в пользу американцев, которые приступили к последовательному изгнанию японцев с захваченных ими островов, приближаясь к островам самой Японии. Япония была обречена на поражение. Это был вопрос только времени.

Вступление Советского Союза в августе 1945 г. в войну против Японии и разгром Квантунской армии решили и этот вопрос.

Караван на перевале

Ю. ГРАДОВ

УРУМЧИ. КУЛЬДЖА. СУЙДИН

Позволю себе теперь и собственные воспоминания о некоторых эпизодах службы и работы в «экспедиции». Напомню, что «экспедиция» эта была организована в виде воинской части, подчинявшейся Генштабу (полковнику, потом генералу Н. В. Славину). В ней были 12 рот-караванов по 60 грузовиков ЗИС-5 в каждом, парковые роты, мастерские, другие подразделения. Базировалась она в Сарыозеке и в Джаркенте (Панфилове), имела авиационную группу близ Алма-Аты, небольшие авторемонтные и аэродромные бригады на автотрассе Сарыозек — Ланьчжоу и авиатрассе Алма-Ата — Ланьчжоу. Существовала с 1937 по 1947 год; я служил в ней с 1940 по 1946 г.

Возили мы в Китай в основном советское вооружение и боеприпасы (в 1940 г. перевезли много вооружения и патронов несоветского производства, говорили — английского, будто бы трофеи «польской компании»). Возили и внешнеторговые грузы для В/О «Совсиньторг», в Китай и из Китая, а также грузы для советско-китайских нефтепромыслов Тушанцзы, авиасборочного завода близ Урумчи и др. Вооружение поставлялось для помощи китайскому народу в борьбе с японскими захватчиками по договору с Китаем в счет кредитов, предоставленных Советским Союзом. Одевались мы в рейс как гражданские шоферы, машины были без номеров. Иногда делались рейсы в освобожденные районы.

Частью командовали последовательно полковники Грязнов, Лобанов, подполковники Зезюлин, Журкин. В Хами, близ границы Синьцзяна и Ганьсу, стояла еще одна часть того же подчинения с задачей охраны дороги и авиабаз. Ею командовал генерал Норейко, затем Усенко.

Самодельный джаз-оркестр в Сарыозеке. Апрель 1941 г.
Первый ряд слева: Симатов, Рожков, Скрябин, Жохов, Клопов, Градов (банджо),
второй ряд: Вишняцев, Королев, Смирнов, Бабушкин, Безуглов.
Сзади: Тошевсков (ударник), Никифоров (бас).

1943 год. Я еду на работу в Урумчи. Солнечное сентябрьское утро в Сарыозеке, у штаба стоит «почтовая» машина ЗИС-5 с крытым брезентом кузовом. Начальник машины — сержант Миша Тюрин, водитель — солдат Вася Якунин. Тихие и исполнительные перед капитаном Молодкиным (вырваться бы от него поскорей!). Занимаем места, ребята в кабине, я в кузове. Машина трогается, остакляя на сухой холодной пыли первые отпечатки протекторов двумя лентами, длине которых предстоит быть в тысячу километров. А пока едем вниз, к переезду на шоссе Сарыозек — Хоргос через Джаркент, до перевала гудронированная дорога. Немного налево вдали появляются острые снежные вершины Джунгарского Ала-Тау. Они уже в Китае? Кое-где торчат скалы, тени их чернеют на огромных покатых зеленых лугах.

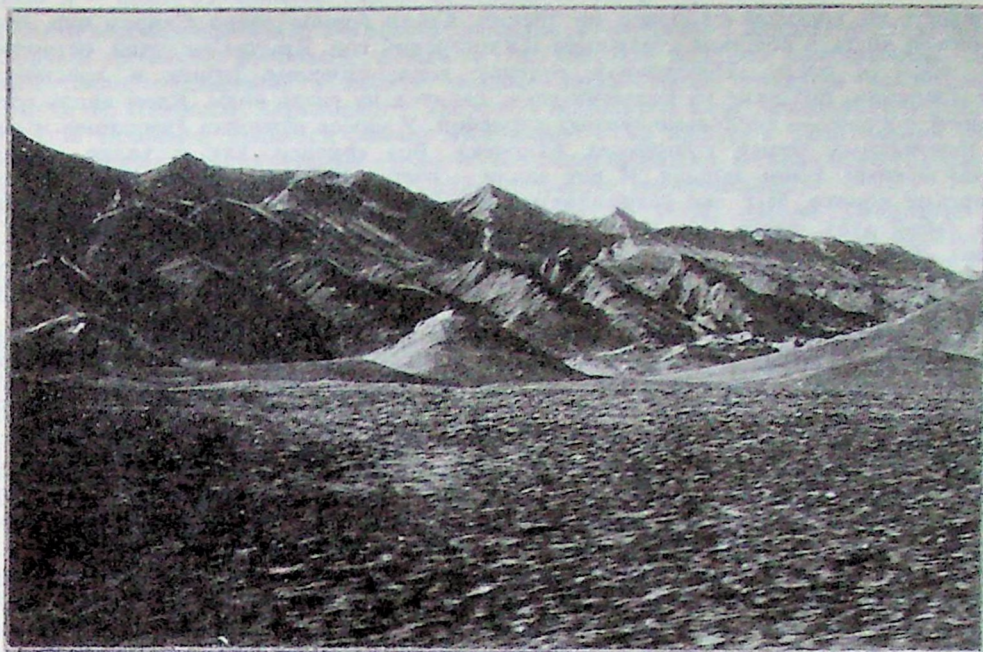
Приближаемся к Алтынзмельскому перевалу. Редкие грузовики уступают нам, идущим на подъем, дороге. Съезжаем в долину. Впереди признаки селения, это Бас Чий, 81-й километр. Селения сейчас нет. Стоит несколько пустых зданий из самана, с выбитыми окнами, сорванными дверьми. Подвывает азиатский ветерок, ветерок пустыни, вздрагивают редкие высохшие травинки. Вхожу внутрь остова. Здесь в незапамятные мирные времена, года три назад, была дорожная чайная. Земляной пол, остатки большой плиты с запахом давно потухшего очага, покосившийся круглый столик на врытом столбе. Странно представить, что когда-то вот здесь можно было свободно заказать порцию каши и чай...

Въезжаем в Джаркент. Прямые бесконечные улицы-аллеи с громадными пирамидальными тополями. Останавливаемся на базе. Отдельный от расположения части дом, в нем идеальный порядок, кровати застелены, тишина. Базой заведует молодой разведывательный сержант, женатый на местной. Одет по-офицерски, в хромовых сапогах, брюках-галифе из синей диагонали. Перед ужином он принимает душ, тщательно расчесывает мокрые волосы. Вот так... А ты, бедолага, от тифа умирал в Сарыозеке и банкой рыбных консервов был осчастливлен. В Джаркенте, кажется, всю войну было что есть, особенно тем, кто женился на местных казачках. А впрочем, не у многих, наверное, было сытно. В 1944 г. подвозили мы с шофером-верзилкой Сашкой радиатор застрявшей на перевале машине. Зашли в совхозную казарму у дороги. Помню двух женщин, одна — худая, в годах, другая — молодая девка внеобхват. Они были главными здесь по выращиванию хлеба на участке совхоза близ Кугалов. Печеный хлеб у них был с прозеленью, ломкие, похожие на жмых куски. Мы в части всю войну ели пшеничный хлеб грубого помола, замечательно вкусный. Не хватало его, хотя и по 600 граммов на день давали.

На другой день выезжаем белой, каменной дорогой к пограничному селению Хоргос на берегу горной реки того же названия. Вот и край огромной страны СССР. Пограничная будка, красноармеец с винтовкой провожает нас внимательным взглядом. Под мостиком ревет белопенный Хоргос. Справа видим китайский пост, сидит дремлет китайский часовой. Старинная винтовка отставлена, ноги в матерчатых тапках, форма серого цвета. Километра два пути, и вот здания китайской заставы в густом обрамлении зелени, солидная стена, по которой во всю высоту иероглифы. У ворот часовой со значком белого солнца на узкой фуражке. Над воротами два флага: красный с синим прямоугольником в верхней части у древка, на нем белое солнце с лучами — флаг Синьцзяна, и синий с белым солнцем — гоминьдановский, флаг Китая. Флаги тихо плещут, их шорох — единственный звук в тишине безграничной Азии, величественной и великой земли. Едем по такой же, как у наших городов, дороге-аллее, потом сворачиваем направо, на Кульджу (основной маршрут в Урумчи, Хама, Ланьчжоу — налево). Проезжаем запруженную народом улочку заворотной части города Суйдин. Почему-то у каждой лавчонки огромный флаг до земли, сотня красно-сине-белых флагов Синьцзяна. Это улица кузниц, отовсюду доносится звон наковален, брызжут искры.

Кульджа — и снова бесконечные пирамидальные тополя, пыльные дороги, извозчики на русских тарантасах, на шеях у лошадей — бубенцы. Много русских людей, русских домов, ухоженные православные церкви. Вывески «Кульджинская женская гимназия», «Русское культурное общество», «и» с точкой и «яти». Заезжаем к «двум сестрам». Аккуратный китайский магазинчик на тихой улице, входишь, звякает колокольчик, появляется китайка в цветастом шелковом платье с разрезами и вторая, ее сестра, — в белом. Безмолвно и настороженно обслуживают, подают по кружке пива. Невиданное в 1943 г. дело — кружка пива!

Приезжаем на авиабазу у аэродрома, там живет человек пять наших: Бобраков, Крупский, Ширанов. Тихие чистые комнаты, привольное житье, столовая с большим портретом Чан Кайши, картинно опирающегося правой рукой на золотую саблю. Обедаем. Рус-

Красные горы близ Турфана, ноябрь 1987 г.

ская девушка лет шестнадцати спрашивает тихо, непривычно вежливо: «Желаете ли зеленые щи или суп картофельный?» Смотрите-ка! Бодрость от принятого душа, вечернее солнце на зелени, свежесть от ручья, тишина и китайская песня за кустами — все необычно и здорово.

Перед ужином идем за ручей к соседям — советским летчикам-инструкторам. Они живут здесь по году, по два. Их человек двадцать. Играют в городки. Самый колоритный — рост под 2 метра, невероятных размеров грудь, руки. Издеваются над проигрывающими, как в биллиардной, смеются, шумят. Я в сравнении с этими летчиками выглядел чахлой былинкой. Китаец в белом кителе приносит стул, ставит на него тарелку с огромным арбузом. Зубы ныли от желания впиться в него, но сдержался, не подал виду.

На другой день покидаем Кульджу, авиабаза дает нам в дорогу кульки, в них свежий хлеб, консервы, масло, колбаса. Советские сослуживцы авиалинии «Хамиата», муж и жена, переезжают из Кульджи в Цзиньхо, это на нашем пути, берем их в кузов со множеством вещей. С ними русская девушка Вера прислугой, будто бы сбегает от родителей, отдающих ее за купца-китайца.

...Навстречу стада, их погоняют всадники, озабоченные встречей с автомобилем, гикают, машут шестами, хлещут кнутом. Верблюды нагружены разобранными юртами, торчат сложенные каркасы. На верблюдах и лошадях женщины с детьми, скарбом, лица прикрыты снизу белым. На молоденькой лошадке девушка-казашка, в расшитой одежде, в такой же шапочке с развевающимся пучком красивых серо-коричневых перьев.

Небольшое селение, остановка. Называли мы это место Кинсай. До Кинсайского перевала (перевал Талки) еще километров десять по крутому трудному серпантину. Обедаем на базе, обслуживают китайцы. На стене два портрета — нестарый генерал с треугольничками на золотых петличках и старичок в шапочке с шариком, с длинной седой бородкой. Под ними иероглифами лозунг, а ниже русский перевод белым по красному: «Да здравствует Шин-дубань и Ли-чжуси!» Это губернатор — наместник Синьцзяна Шин и председатель провинциального правительства Ли. Имя Шин-дубаня известно всем (правильная транскрипция — Шэн Шинцай).

Ползем на перевал. Оттуда, если оглянуться назад, откроется фантастическое нагромождение спадающих гор, будто вселенский многоцветный аккорд грянет с неба, звуки

разлетятся, заполнят собою пространство вплоть до самых дальних его углов — и замрут.

Вылетаем на хорошей скорости из теснин. Слева горное озеро Сайрам-нур, бриллиант чистой воды, в котором отражение Джунгарских гор. Кругом ни души, останавливаемся, идем к озеру. Прозрачная соленая вода, тяжелые птицы в красно-кирпичном оперении, похожие на больших уток, садятся на гладь воды. Едем вдоль озера. Небольшой поселок — несколько темных строений. У шоссе лавчонка (засохшее мыло и много непонятных вещей пузырьков, баночек). Все грязное, как и халат хозяина, засижено мухами. Едем дальше. И вот вдали — озеро Эби-нур, дальше там за ним — Джунгарские ворота. Мы же устремляемся в противоположную сторону по «северной дороге» («бэй лу»), вдоль Большого Тянь-Шаня. Эти великие горы не близко. На их вершинах облака, темные тучи, от которых — полосы дождей. По бурой степи, по предгорьям — темно-зеленые полосы растительности вдоль каналов-«карезов», они сходятся в селения, оазисы.

Вечером мы в Цзиньхо на базе, потом на ужине у хамятинцев. Девушка-кульджинка Вера включается в работу на кухне. Следующий перегон Цзиньхо — Шихо. В Шихо авиабаза, начальник базы — лейтенант Чхеидзе. Одиноко навис в стороне полосатый аэродромный «чулок». Снова вкусный обед, вечером кино. Наутро выезжаем в Урумчи через Манас. Обедаем в жарком Манасе на автобазе, небольшой отдых и отправляемся в Урумчи. Пересекаем множество речек. Сейчас мирные, а летом, когда тают снега на Тянь-Шане, они вскипают, размывают дорогу, сносят мосты. Бывало, застрявшую машину заносило песком по кабину. Жара. Легкие миражи впереди — невысокая гряда гор оторвана от земли, парит в воздухе. Дорога бесконечна. Вечереет. Местность наклонена по ходу машины, видно километров на 50 вперед. опускается темнота, и тут вдали, кажется, километрах в десяти, сказочно и жутковато вспыхивают огни, сливаясь в сияющую полосу, она растет во тьме, колеблется, мерцает. Тридцать, сорок километров, а полыхание все вдали. Но вот оно приближается и стихает. Здесь так называемый «завод сельхозмашин», где собирают самолеты. Вдоль дороги к нему — обычные дорожные фонари. Это их скромный свет, сотни раз преломленный жарким вечерним дыханием пустыни, полыхает на многие километры ночным миражом.

Приезжаем в Урумчи на базу. Радушно встречают нас бригадир сержант Леонид Зиновьев, медник и электрик Коля Брызгалов, вулканизаторщик и молотобоец Саша Никифоров, кузнец Саша Буканов, аккумуляторщик Иван Брыкин, токарь Саша Петрович, слесарь по ремонту моторов и ходовой части Гудков, шофер Демусенко. Важный и сдержанный вышел из своей комнаты мл. лейтенант Рой, начальник базы. Определилось, что я буду тоже слесарем по моторам.

Когда приходили караваны, я перетягивал шатунные и коренные подшипники, менял поршневые кольца, притирал клапана. База — за мостом через реку. Большой двор, четыре длинных одноэтажных здания-казармы. Река в широком каменистом ложе, часто меняет русло. Над нашей базой — Красная Гора, большая скала с башенкой-кумирней. Вдоль берега парк, в нем интереснейшее сооружение — дворец в китайском стиле, со скрипучими деревянными половицами, снаружи и внутри весь в деревянной резьбе. Невдалеке от дворца, посреди озера, образуемого водами большого арыка, красная китайская беседка-павильон, к нему каменная дорога через озеро. Дворец и павильон запущены, в них ночуют наши шоферы-караванчики, когда в Урумчи сходятся несколько караванов и места на базе не хватает (об этом упоминает Минка). Ночевал я как-то в этом дворце на нарах, укрывшись ватным одеялом, когда ездил по трассе с агитбригадой в 1941 г. Я не знал, что это за дворец, что за павильон, кем и зачем построены, спросить же было некого. В парке кроме дворца и павильона небольшой зверинец.

Центр города чуть дальше, преимущественно лачуги, очень много лавчонок, жизнь на улицах бойкая. Шэн-дубань предпринял тогда попытку улучшить внешний вид центральных улиц, фасады домов приказал заложить темно-серым кирпичом, остальная часть осталась глинобитной. Дубань имел в городе резиденцию, окруженную каменной стеной, с сильной военной охраной. Когда по Урумчи мчался его большой автомобиль — на подножках офицеры охраны с револьверами, сзади грузовик с солдатами, ошетинившийся ножевыми штывками, — народ шарахался от этой кавалькады к стенам домов. Мне пришлось в 1941 г. быть в резиденции Шэн-дубаня. В одном из залов ее, имевшем сцену с занавесом, по бокам сцены от пола до потолка стояли два огромных его изображения: Шэн-дубань в полный рост в форме, при сабле, и он же верхом на коне.

Когда приходил караван, мы работали с 7 утра до 11 вечера. Прошедшие тяжелый путь

машины пужались в ремонте. На досуге занимались голубями. В предвечернем розовом небе Урумчи летали стаи белых, сизых, к их хвостам цепляли самодельные свистки разных тонов, издававшие в полете нежные звуки-стоны. Заводили «эмигрантские» пластинки П. Лещенко, Вертинского, какого-то Кармелинского, неведомого тогда Юрия Морфесси. Особенно нравился романс «Караван»: «Так иногда в томительной пустыне мелькают образы далеких, чудных стран, но все лишь призраки, и снова небо синее, и в даль бредет усталый караван». Это было созвучно нашим впечатлениям.

Деньги нам выдавали небольшие, зато кормили на убой, давали ежедневно пачку «Казбека», «Северной Пальмиры» или «Борцов» с двумя борющимися монголами, с золотой вязью надписи. Поваром был «дядя Миша», маленький китаец, живший в России, женатый на русской. Обслуживали нас два паренька, один совсем мальчишка. Я видел как-то — стоит на коленях в углу комнаты и держит на голове перевернутый табурет, мучительная поза. Наказал китайский начальник базы за какие-то провинности.

По вечерам часто ездили в советское генеральное консульство смотреть кино. Территория консульства большая, как у хорошего посольства, капитальные здания, парк, корты. Через территорию — мощный горный поток, в каменном русле над ним висит дощатая танцплощадка. Часто по вечерам там собиралась вся колония: консульские, торгпредские, военные и разные другие наши люди. Генконсул Г. М. Пушкин (впоследствии Верховный комиссар в Германии, зам. министра иностранных дел), его жена Татьяна Ивановна. Военные при генконсульстве Рагов, Васильев, дипломаты Курдюков, Петров, Калабухов и др., торговец Маркелов, его зам. — Марголин, ребята с оперпункта (по линии нашего начальства), во главе с капитаном Петровицким, их жены, дети. Любили мы в эти посещения танцевать. Облачался и я в бостонский костюм-тройку, вороненый пистолет ТТ (Токарев Тульский) приятно тяжелил карман брюк, запасная обойма — в верхнем карманчике жилета. Пистолет за все время ни разу не понадобился.

Наступали праздники Октябрьской революции. 6 ноября вечером в консульстве мы услышали, что взят Киев. Радости было! В тот день мы писали лозунги в зале клуба, на сцене шла репетиция концерта.

Сарыозек, 1946 г.
На танкетке: слева: Глячков, Градов.
Среди других: Мосяков, Ивченко.
(Это те самые танкетки, которые упоминает Швецов).

Срок моего пребывания в Урумчи кончался, оперпункт получил шифровку: «Градову возвращаться в Сарыозек». 12 ноября пришла почтовая машина, начальник ее сержант Миша Николенко, шофер Павел Литвиненко, пассажиры капитан Бугровский, капельмей-

стер «хамийского полка», с ним солдат. Собрал я казенный костюм, свой пиджачок, рубашечку шелковую желтую и шоколадный плотный галстук, все теплые вещи на себя, на ноги валенки. Самое главное еда. Всякой набрал, сахарного песка купил 4 кг, продал в лавочку ненужные мне папиросы (не курил), все это в кузов, и мы поехали. Тот же путь обратно через Манас, Шихо, Цзиньхо, Кинсай в Кульджу. Уже зима, степь в снегу, и мороз приличный. В Цзиньхо к нам присоединились шифровальщик Евгений Иванович Галкин (ехал домой в Союз) и две женщины в Кульджу за покупками.

Тесно прижавшись друг к другу, накрыв себя теплыми вещами, мы долгие часы тряслись в кузове, носа не казав наружу, где был нестерпимый морозный ветер. Кинсайский перевал брали ночью. Заваленная снегом дорога сузилась и обледенела, да еще встретился один из наших караванов. Величественное, жутковатое зрелище: слепя фарами ползет на тебя огромное и темное... Надо прижимать машину вправо, останавливаться, пропускать идущих на подъем. В крошечной тьме ночных гор и пустынь обычные фары светят мощнее прожекторов. Даже километрах в десяти они озаряют всю местность, загадочно мерцают и вспыхивают десятками пар ярчайших глаз, внезапно исчезают и появляются вновь, вдали и вблизи, движутся по циклопическим увалам пустынных горных громад, над лунными тенями пропастей. Да еще шли и шли на перевал навстречу нам бесконечные стада, тысячные отары. Заиндевелые бока животных и такие же опушки казахских и китайских лисьих шапок погонщиков, выхватываемые светом фар, пар из глоток и ртов, бляение, рев моторов, крики погонщиков — все ночью, в непонятном, неуправляемом потоке.

Приехали на авиабазу в Кульджу. Кругом снежная тишина. Та же уютная столовая с портретом Чан Кайши («Кормилец!» — называли его ребята на авиабазе). Советская колония в Синьцзяне, в том числе мы, солдаты, собрала деньги и купила в Кульдже 100 пар валенок в подарок фронту. Загрузили мы эти валенки в кузов, стало там еще удобнее лежать (но возникла проблема: валенки хотелось провезти через границу беспрошленно).

Утром отъезд. Заезжаем на базар в мучной ряд купить продуктов. Лавка-ларь без окон, амбар из крупных отшлифованных временем бревен. Мучная пыль. Медлительный хозяин-уйгур, еще человек пять таких же неторопливых фигур отвечивают на древних ручных весах-безменах пуды грубой пшеничной муки, льется в мешки рассыпчатый рис. Едем к границе, настроение бодрое, скоро родные пределы, желанные встречи. Приезжать домой тоже неплохо. Минуем Суйдин, вот развилка, едем к границе — и здесь тишина. Николенко почему-то очень долго не возвращается из китайского КПП, потом выходит расстроенный. С ним китайцы: рябой капитан начальник заставы и подпоручик-переводчик. Нас не пропускают. Причина непонятна. Долго сидим в кузове, потом выходим размяться. Пирамидальные тополя, такие пышные летом, почти облетели. Капитан нудно дозванивается, по требованию Николенко, до Кульджи, слышны бесконечные «вэй, вэй» капитана, добывающегося хоть какого отзвука в трубке. Все напрасно, нас не пропускают. К вечеру возвращаемся в Кульджу. С нами подпоручик — красивый интеллигент, отлично знающий русский язык.

Живем в Кульдже дней двенадцать, Бобраков через консульство выясняет ситуацию. Наконец, говорят: «28 ноября идет в Союз караван Овчаренко, вы к нему присоединитесь на развилке дорог». Встали в 4, позавтракали на прощание под портретом «кормильца», забрались в темноту кузова, поехали. Караван долго тянется к границе. Там шестьдесят две машины стали на шоссе с интервалом в 3—5 метров. Что такое? И караван через границу не пускают! Стоим у погранзаставы час, два... Начали пропускать. Одна машина, вторая, третья, мы вклинены в середину, подъезжаем к шлагбауму, нашу машину — в сторону. Ну, наше дело маленькое, сиди в кузове. Вдруг вроде и нас пропускают. Нет, снова стоим. Капельмейстер, видя, что дело плохо, прихватил своего солдата, вещички и бросился в кабину одной из караванных машин. А Градову и Галкину приказ Овчаренко: в «летучку». Николенко с шофером остаться при своей машине. Без вещей, некогда их брать, перебираемся. Внутри «летучка» освещена лампочкой-переноской от аккумулятора. Полки, инструмент, станок, лавки. За нами влезает в летучку здоровенный мужчина уйгурского типа, в огромном, с головы до пят, дубленом тулупе черного цвета поверх пальто. Прикрывает лицо воротником. Откуда он, кто? Его что-то не видно было во время долгого стояния. Мужчина прямо в тулупе с чьей-то помощью втиснулся под боковую лавку и лежит там смирно. Мы так же смирно сидим на противоположной лавке. Машина стоит. Слышим, подошли китайцы, говорят, говорят. Нас с Галкиным — обратно в свою машину. Летучка уходит через границу, а в ней (под лавкой) и тот, в тулупе.

Уходит караван. Нас с почтовой машиной снова отправляют в Кульджу. В Кульджу, так в Кульджу, к «кормильцу». Доехали до деревни километрах в четырех от границы, на дороге шеренга полицейских в черном, показывают нам — сворачивай в сторону. Мы с Галкиным смотрим в окошечки. Побледневший Николенко вышел из машины. Вдруг громкая команда, шеренга рассредоточивается, веером окружает машину спереди, винтовки с ножевыми штыками наперевес. Галкин мой, гляжу, полез под валенки. Конечно, он шифровалщик, ему такие ситуации совсем ни к чему. А мне не страшно, интересно. Подходит офицер с переводчиком: «Вы арестованы, машина будет следовать под конвоем до Кульджи, я поеду с вами». Николенко говорит: «Не имеете права». Офицер отвечает: «Нет, имеем, у нас приказ из Кульджи, вы в нашей стране». Приказ есть приказ. Офицер с переводчиком и двумя вооруженными полицейскими садятся к нам в кузов, Галкин еще глубже зарывается в валенки, а я сижу (чего мне зарываться) общаюсь с офицером.

Рванули в Кульджу, снова оставая дорога, вечер, морозный ветер. Едем полчаса, час. Недалеке от Суйдина машина останавливается. Кругом бело и пусто. Офицер выскакивает: в чем дело? Николенко мне шепчет: «Не хочу подчиняться их аресту, я сидел и думал, как лучше сделать, и решили с шофером сказать, что бензин кончился. Надо побороться». «А потом?» — спрашиваю я. «Ну их, пусть они нас отпустят» — отвечает Николенко. «Правильно, — говорю я, — постоим». Шофер покрутил для виду ручкой при выключенном зажигании — мотор мертв. Офицер на дороге тук-тук нога об ногу, мерзнет. Спрашиваю его: «Где стоим?». «Недалеко город Суйдин. — отвечает, — километрах в 7—8». Спускается ночь. У нас большая из-под бензина 18-литровая банка «кульджинки» (домой едем, запас) и много колбасы. Мы нет-нет да и выпьем из банки, хлебом с колбасой закусим. Офицеру предлагаем, он отвечает, что водку не пьет. Постукал еще нога об ногу и ушел в Суйдин, а полицейским приказал охранять нас. С его уходом они почувствовали ответственность, быстро бросились один по одну, другой по другую сторону машины, сели в сугробы, на нас винтовки направили.

Мороз крепчал, округа цепенела. Николенко с шофером залегли в кабине, а я пошел по степи бродить. Конвоиры понимали: далеко не уйду. Отошел метров 150, начались ледяные поля, изо льда густо торчит большая сухая трава в мой рост, я поджигал ее, грелся, конвоиры наблюдали за мной издали.

Прошло два часа. Вдруг по дороге со стороны Суйдина показался отряд военных, частью конные, частью пешие, всего человек 20, половина в черном — полиция, половина в сером — солдаты. Остановились на пригорке. Резкая команда, прибывшие рассыпаются полукругом перед машиной метрах в 30, направляют винтовки на нас. Подходят два офицера, в том числе наш конвоир, ушедший в Суйдин. Мы говорим: «Что вы открываете военные действия, мы не думаем сопротивляться, у нас просто нет бензина». Кольцо конвоя сжалось, нам заявляют: «Оставьте машину, поедете с нами в Суйдин». То ли приказывают, как арестованным, то ли приглашают: «погреемся там». Николенко и шофер отвечают, что не могут покинуть машину. Галкин шепчет мне, что ему нельзя, никак нельзя быть среди них, чтобы его оставили, он как офицер нам приказывает. Подумали с Николенко, решили: чтобы шофера от машины не отрывали и Галкина не подвести, мы с Николенко едем в Суйдин, на время, конечно, выяснить обстановку и погреться. Ночь, начинается метель. Садимся без седел на азиатских лошадок. Меня окружает восемь верховых, Николенко сзади — то же самое, и поехали.

Метель стихла. Приблизился ко мне молодой солдат, спрашивает на плохом русском: «Правда ли, что в двух днях езды от границы железная дорога?» «Правда, — говорю, — Турксиб». В Синьцзяне железных дорог не было. Едем дальше, показались огни, впереди город, окруженный высокой темной стеной. Громадные кованые ворота. Стук, перегоры, я один среди китайцев. Николенко отстал. Открываются тяжелые створки, въезжаем в Суйдин, ворота за нами закрываются. Николенко там остался. Еду, думаю: «Запомнить надо улицы, может, бежать придется». Въезжаем во двор полицейского участка. Меня с лошади ссадили, заходин в помещение. Посидели минут десять, погрелись, я встаю, говорю: «Спасибо, я у вас, как уговаривались, побывал, до свидания». Признать полностью себя арестованным — зачем? Пытаюсь выйти из помещения, а они меня тащат назад. Под полушубком у меня на ремне пистолет, запасная обойма в кармане. Говорю: «Где начальник?» «Начальник дома, — отвечают, — вон два окна светятся». «Позовите его!» — «Нет, он завтра придет». Рвусь во двор, тащу за собой троих полицейских. Они держат дверь, я, ухватившись за ручку, рванул, дверь их ударил, выскочил во двор, побежал к светящимся окнам. Думаю, буду стучать в эти окна. Раздался крик, подняли тревогу, бегут наперерез,

схватили, заломили руки. Толкают обратно, я упираюсь. Заорали враз, четыре ножевых штыка — мне в живот, в полушубок надавили и старый наган — ко лбу. Нанупали пистолет под полушубком, рвут с кобурой, он не рвется, на ремне. Я распят, как Христос. Сняли пистолет, успокоились, отпустили немножко. Вижу подбежал Николенко, он спешивается за воротами, я кричу: «Не заходи, не заходи сюда». Николенко упирается. Его схватили, втащили во двор и тоже обезоружили. Теперь нас двое.

Утром принесли суп из потрохов, скверный до крайности, и палочки. Пошевелили мы эти кишки в бульоне палочками — есть невозможно. Повели нас на переговоры к начальнику. Прежде всего я попросил отдать оружие, потерять его в военное время — не шутка. Требуем дать возможность связаться с советским консульством в Кульдже. Начальник вежливо, но твердо отказал, сославшись на приказ из Кульджи. Прошло три часа. Вдруг за воротами движение, наши приехали. Бобраков бежит к нам, с ним вице-консул, китайцы из Кульджи. Садимся в машину и покидаем Суйдин. В Кульджу приезжаем вечером, машина долго стоит у дома начальника Илийского округа (мы называли его губернатором Кульджи). Часа полтора идут переговоры, мы сидим в машине. На той стороне улицы все это время стоят разговаривая двое русских, казацкого типа мужчины. Наконец вице-консул, Бобраков и Николенко выходят, и мы едем на авиабазу. Живем там два дня, пишем отчет обо всем случившемся вице-консулу. Потом в третий раз едем к границе, и на этот раз нас пропускают. Интеллигентный подпоручик, наш знакомый, улыбается и машет рукой, рябой капитан хмуро стоит в сторонке, когда перед нами открывается пограничный шлагбаум. Проскакиваем Хоргос, останавливаемся. Николенко с шофером влезает в кузов, извлекается сильно початая, а потому погромыхивающая жестяная банка с «кульджинкой», кладется на валенки чемодан, нарезается хлеб, колбаса, мы радостно и облегченно чокаемся... Напряжение спало, я сижу в кузове на валенках у переднего окошечка. Полузасыпанная снегом, бесконечная пролетает перед глазами пашня. Едем в Джаркент.

В 1965 г. на День Победы собрались мы у Левы Малкеса, сослуживца по Сарыозеку. Возникла свежая идея посетить бывшего командира нашей «экспедиции», полковника в отставке Бориса Ивановича Журкина. Мы (мужчины, жены остались, наказав возвращаться скорей) легко поднялись, взяли такси и через двадцать минут были в Лефортове, на квартире у Бориса Ивановича, и я рассказал там эту историю. «Вами тогда было решено пожертвовать, если понадобится», — задумчиво сказал Журкин. Видно, не понадобилось. Для меня оставалось загадкой, из-за чего были все эти страсти. В 1988 г. я списался с Николенко, который с тех пор и по сей день живет в Сарыозеке. Он полагает, что все это «из-за валенок». Кроме того, он написал, что видел документ, принесенный Бобракову китайским начальником, в котором в какой-то связи упоминалась фамилия зам. министра иностранных дел Деканозова. Думаю, китайские пограничники имели сведения, что кто-то, интересный для них, будет пытаться пересечь границу нелегально (очевидно, это был тот уйгур в тулупе), и решили, не найдя его, задержать хоть кого-нибудь.

После визита Чан Кайши с супругой в Урумчи Шэн Шицай повернул политику, начались гонения на просоветские элементы, на купечество, торговавшее с СССР, на советские внешнеторговые организации. Среди нас, солдат, ходил рассказ о том, что китайский директор нефтепромыслов Тушанцзы плюнул при каких-то обстоятельствах в лицо советскому директору. После этого мы демонтировали оборудование нефтепромыслов, вывезли его в Союз, залили скважины цементом (это уже не слух, а быль). В то же время, говорили, США и Англия усилили свое внимание к Синьцзяну, в Урумчи появились их консульства, флаги мы видели, проезжая через город. Поговаривали также о японской агентуре в провинции.

Синьцзян — 50 лет спустя

Случается же такое: я уезжал из Урумчи 14 ноября 1943 г., а 13 ноября 1987 г. лечу туда опять, через 44 года, день в день! Лечу из Пекина. Большой круглый зал терминала внутренних авиалиний. Сидим, ждем вылета. Знакомлюсь с соседями, молодыми супругами. Оба высоки ростом, хорошо одеты, прилетели в Пекин развлечься, по прилете обещают подбросить меня из аэропорта в город на машине. Какое-то неясное ощущение в связи с Урумчи, я-то все еще помню его затерянным в горах и пустынях полусонным городком.

ТУ-154 покрывает расстояние от Пекина до Урумчи (около 2,5 тыс. км) за три с лишним часа. Моими соседями в самолете оказались двое рабочих. Тот, что постарше,

прилетел в Пекин на консультации к врачам, младший его сопровождал. Оба посветлили лицами, узнав, что я — советский. Лет двадцать пять посещение Синьцзяна советскими людьми было невозможным. В Урумчи надо организовать первую за 30 лет выставку советской литературы.

Под нами тянутся горы Хэбея, затем пески Внутренней Монголии, Нинся и севера Ганьсу — огромные барханы с озерцами кое-где. За песками началась бурая ровная земля, западная часть пустыни Гоби, мы уже над Синьцзяном. Слева появился огромный белоснежный горный массив Богдо-ола северо-восточная ветвь Тянь-Шаня с величественной трехглавой вершиной и зацелившимся за нее туманным облаком.

Самолет прошел над окраинами Урумчи: дымящие трубы, большая нефтебаза, массивы стандартных жилых домов, стадион, прямые асфальтированные дороги, обсаженные такими же пирамидальными тополями. Меня встречали в аэропорту представитель управления по иностранным делам правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР Лу Бин и заместитель директора магазина литературы на иностранных языках Лю Ченци, представляющий одновременно и управление культуры СУАР.

Проезжаем через город, я верчу головой, узнаю места. Не останавливаясь, снова попадаем за город. Я всполошился: куда едем? Мне объяснили, что в самую лучшую правительственную гостиницу для почетных гостей «Ин бин» («Приют для друзей»), построенную к 30-летию Синьцзян-Уйгурского автономного района. В ней жила в дни юбилея делегация из Пекина во главе с Ван Чженем, командовавшим войсками НОАК, освободившими Синьцзян, в 1949 г. Я воспротивился: «Нет, хочу пожить эту неделю в моем Урумчи!» Но поскольку обед уже заказан, решаем отобедать. Гостиница, действительно, как дворец: цветной мрамор, ковры, абсолютная безлюдность и вооруженная охрана.

После обеда в «Ин бин» устроился в городском отеле. Мы посетили помещение готовящейся выставки, потом я бросился на машине искать нашу бывшую автобазу, меня сопровождал Лу Бин. Нашел сохранившуюся стену и ворота базы (что-то, а стены и ворота в Китае не ломают), дом, в котором жили мы, помещение китайской администрации базы. Остальное оказалось снесенным, на том месте возведены новые постройки. По моей просьбе, Лу Бин сфотографировал меня у ворот бывшей базы и на фоне Красной Горы.

Урумчи, дворец Чаоянгэ, ноябрь 1987 г.

Вечером меня снова потянуло в те места. Я вышел из отеля один, пошел пешком и никак не мог поверить, что иду по Урумчи. С трудом угадывались улицы сороковых годов. Много высотных домов, всюду японские автомобили, но и советские встречаются. Все надписи, вывески на двух языках: сверху китайскими иероглифами, под ними (или рядом, если вывеска вертикальна), помельче уйгурской вязью. Рабочий и служилый люд давился в вечерних автобусах, заходил в магазины, спешил домой. Как бы они удивились, если бы узнали, что тут бредет среди них советский человек с грузом воспоминаний пятидесятилетней давности! Прощел полгорода и оказался снова у ворот нашей бывшей базы. Я стоял на мосту и видел знакомый мне парк с дворцом и ажурной беседкой посреди озера. Теперь-то я уже знал, что дворец называется Чаоянгэ (Павильон Восходящего Солнца) и что он и беседка были построены в имперском стиле и с соответствующими целями при установлении Синьцзянского наместничества. Рядом с этими двумя примечательными сооружениями сохранилось простое продолговатое служебное здание, в котором была прежде душевая. Теперь в нем хранится парковый инвентарь. Позже я снова приезжал в парк, ко дворцу с Лю Ченци, и он фотографировал меня на фоне дворца, беседки и этой нашей бывшей «бани».

На открывавшейся вскоре выставке мы представили около 3 тыс. книг, включая книги М. С. Горбачева. Залы были полны посетителей, приходилось даже регулировать доступ. Люди 30 лет не видели советских книг. Дневали и ночевали на выставке библиотекари, преподаватели русского языка. Оказалось, что в Урумчи и сейчас многие знают русский. Были также книги, изданные в СССР на уйгурском, казахском, узбекском, киргизском, таджикском языках. Посетители благодарили, просили проводить такие выставки регулярно. Все же подбор книг не удовлетворил многих, нужно больше учебников, включая учебники русского языка, и, особенно, новейших научных монографий.

Я сходил к зданию бывшего советского генконсульства, большая часть его территории застроена жилыми домами, но основные здания сохранились (они до сих пор принадлежат СССР, хотя консульство не функционирует). В старинном главном здании находится сейчас то самое управление культуры СУАР, под руководством которого была организована выставка. Руководит управлением Аблиз Дауд, уйгур, крупный мужчина очень спокойных манер. По его инициативе хозяева решили свозить меня в заменитый Турфан.

Выехали утром затемно. Дорога шла по берегу петляющей реки с сильным течением. Серели в предрассветной мгле горы. На одном из поворотов открылась вершина, розовая от утреннего солнца и от красноватого цвета породы. Мы подъезжали к знаменитой Турфанской впадине — вместилищу ветров. Повсюду гигантские осыпи серовой и красноватой породы, причудливые очертания выветренных гор и скал.

Я вспомнил, что в мае 1941 г. мне пришлось ехать этой дорогой. Мы спускались на ЗИС-5 во впадину вечером, на встречу нам по ущелью дул восходящим потоком горячий ветер, затруднявший даже ход автомобиля. Вот и сейчас последние извилины горного шоссе, и дорога выбегает на каменистую равнину. Ряд телеграфных столбов уходит вдаль. На голубовато-белесом небе ни облачка, яркое солнце. Так едем около часа. Затем появляется растительность. Это и есть Турфан, город-оазис в каменистой пустыне. Тихо, сухо, тепло, ветер собирает на асфальте улиц опавшие с тополя листья. В прошлом торговые улицы Турфана были укрыты циновками на дере-

Урумчи, у ворот нашей бывшей «базы», где я жил в 1943 г., 13 ноября 1987 г.

ванных подстанках — от жгучего солнца. Теперь над главными улицами сооружены металлические каркасы, увитые летом виноградной лозой.

Самое колоритное место здесь базар. Ряды ярких тканей, платья, тубетейки и шапки, всякие поделки, инкрустированные ножи, лотки с виноградом, дынями, арбузами, яблоками, грушами, лепешками, орешками, семечками, обувь местного пошива, мягкие и жесткие кожаные сапоги и дамские полусапожки, кожаные пальто, одеяла и много-много разных других вещей. Вокруг харчевни, от больших до самых маленьких. В окрестностях некоторые исторические памятники, главные из них — развалины древних городов Гаочан и Цзяохэ.

В Урумчи я посетил Музей 8-й армии. Он расположен в доме, где в 30—40-е годы было представительство Компартии Китая в Синьцзяне. Экспозиция воспроизводит обстановку тех лет, много фотографий, картин, документов. Симпатичная девушка-экскурсовод рассказала, что здесь работали Чэнь Юнь, Мао Цзэмин (брат Мао Цзэдуна), бывал проездом в СССР Чжоу Эньлай. После предательства Шэн Шицай многие коммунисты были брошены в тюрьмы, некоторые, в их числе Мао Цзэмин, казнены. Я вспомнил, что пыльная дорога, по которой мы в 1943 г. ездили на грузовичке ГАЗ-АА с автобазы в генеральное консульство, проходила мимо тюрьмы, огороженной стеной из серого кирпича с колючей проволокой наверху. Тогда говорили, что в этой тюрьме сидят китайские революционеры. В музее мы узнали, что Шэн Шицай погубил за симпатии к СССР даже своего брата Шэн Шици, окончившего в СССР военную академию, и пытался свалить вину за его смерть на китайских коммунистов. Музей не имеет портрета Шэн Шицай и меня попросили описать его внешность. Я описал ее, как мог, по запомнившимся с тех пор портретам.

Меня часто спрашивали, как изменился Урумчи с тех пор, и я отвечал, что все изменилось, осталась лишь вечная Красная Гора с кумирней на ней, старый дворец и беседка в парке, да мечеть и крик муэдзинов ранним утром. Мой интерес к прошлому, к этим местам был замечен китайскими коллегами, да я и не скрывал ничего, рассказывал им о своей жизни и работе сорок четыре года тому назад. После этого заместитель генерального директора китайской компании по экспорту и импорту книг Ма Цюян, приехавший на выставку, как-то сказал мне, что его одноклассник по учебе в Пекине работает в местном Институте истории, просил встречи со мной и рассказа о моем тогдашнем опыте. Я согласился. В назначенный час пришли двое молодых китайцев, мужчина и женщина, очень вежливые, расспрашивали меня и записывали. Я им о Суйдине не рассказывал. Они спросили фамилии командиров частей в Хами и в Сарьозеке. Я назвал Усенко, эта фамилия оказалась им известной. Сарьозекского командира Журкина они не знали. Узнав, что Журкин жив (он умер в 1989 г.), спросили, не могу ли я дать его московский адрес, я адреса, к сожалению, не помнил.

Интересны в Урумчи музей СУАР, высотный Дом науки и техники, особенно новый, с иголочкой Дом собраний или Дворец съездов СУАР: зеркальный красный мрамор вестибюля, огромные люстры, эскалаторы, центральный зал с рядами красных кресел и сценой, многочисленные фойе с огромными коврами на полу и гобеленами на стенах. Отдельные фойе-комнаты уездов Хами, Қашгара, Турфана, Кульджи, Алтая и т. д., оформленные в стиле, присущем каждому уезду. Всюду удобные мягкие диваны и кресла.

В день открытия выставки Аблиз Дауд дал обед, на котором присутствовали работники культуры и пропаганды района, директора местных издательств. Обед был опять же в «Ин бин». Ответный был устроен в гостинице «Куэнь Лунь». Если на первом обеде в «Ин бин» преобладала сдержанная, хотя и дружественная обстановка, то в «Куэнь Луне» все уже чувствовали себя свободно и оживленно. Начальник канцелярии управления культуры товарищ Го спел две кульджинские народные песни. Китайские товарищи из Пекина запевали по-русски «Катюшу», «Подмосковные вечера» и даже «Мы, друзья, перелетные птицы». В ответ я спел по-китайски.

ТУ-154, вобравший в себя полторы сотни человек с чемоданами, корзинами фруктов и прочим, презрел остатки тумана, вынес нас в голубое утреннее небо и взял курс на Пекин. Прощай, Синьцзян, такой далекий и такой близкий. Спасибо судьбе за то, что привела меня сюда снова через столько лет, напомнила времена юности! Пусть сохраняется память о моих товарищах-сослуживцах по «экспедиции».

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ИСТОРИИ

Хроника гибели Линь Бяо

В. УСОВ

В сентябре 1971 г. в Китае произошло событие, которое иностранные обозреватели назвали «политической загадкой»: исчез Линь Бяо — один из виднейших военачальников китайской революции, маршал КНР, министр обороны, заместитель председателя КПК, активный участник и проводник «культурной революции», человек, которого Мао Цзэдун называл своим преемником. С того времени прошло почти два десятилетия, но до сих пор таинственное происшествие продолжает привлекать внимание исследователей. В Китае и на Западе появилась обширная литература, позволяющая к настоящему моменту составить достаточно полное представление о сентябрьском инциденте. Мы предлагаем Вашему вниманию попытку реконструкции событий тех дней, основанную на последних китайских публикациях.

Официальная версия

«Он (Линь Бяо) дошел до того, что в августе 1970 г. на 2-м пленуме ЦК 9-го созыва предпринял неудавшийся контрреволюционный переворот, в марте 1971 г. состряпал план контрреволюционного вооруженного переворота «Тезисы об объекте «571» и затем, 8 сентября, поднял контрреволюционный вооруженный переворот, тщетно пытаясь совершить покушение на жизнь великого вождя Председателя Мао Цзэдуна и создать свой Центральный Комитет. 13 сентября, после провала своего заговора, он незаконно взял самолет и вылетел на нем, чтобы переметнуться к советским ревизионистам, изменив партии и Родине, но разбился на территории Монгольской Народной Республики в районе Ундэрхана». (Из отчетного доклада Чжоу Эньлая на X всекитайском съезде КПК от 24.VIII.1973 г.)

* * *

Ночь с 11 на 12 сентября 1971 г. Линь Бяо и Е Цюнь находятся в своей резиденции в Бэйдайхэ — курортном местечке на берегу моря в провинции Хубэй. Е Цюнь лежит на диване, не двигаясь. Звонит телефон. Трубку берет Линь Бяо. Ему сообщают, что Мао Цзэдун проехал Шанхай, поезд на большой скорости мчится на Север. Линь Бяо сообщает эту новость жене. Е Цюнь громко рыдает. Затем встает и начинает собирать вещи. Она берет два словаря: «Русско-китайский» и «Англо-китайский» и два соответствующих разговорника. При этом рассуждает, что если они полетят в Гонконг, то будет пытаться говорить на английском, несколько фраз она уже выучила и с помощью словаря и разговорника сможет объясняться. Если же они полетят в столицу русских, то ей пригодятся две другие книги. Тем более что раньше вместе с Линь Бяо она была в СССР, когда ее муж там лечился, и взяла несколько уроков русского языка у советских преподавателей, в последнее время даже пыталась переводить кое-какие материалы с русского.

Вечер 12 сентября 1971 года. Фуцзяньский зал Дома народных представителей на площади Тяньаньмэнь. Горит яркий свет, премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай проводит совещание, обсуждая проект доклада «О работе правительства» для сессии ВСНП.

22 часа 20 минут. Секретарь Чжоу Эньляя подходит к премьеру и тихо говорит, что звонят из воинской части № 8341, которая ответственна за охрану ЦК КПК, и хотят лично проинформировать Чжоу Эньляя в связи с неотложными обстоятельствами. Премьер берет трубку и выслушивает сообщение. На другом конце провода говорят, что, по некоторым сведениям, Е Цюнь, Линь Лиго (сын Линь Бяо.— В. У.) вместе с Линь Бяо намерены на самолете удрать за границу, в Бэйдайхэ творятся необычные вещи. Чжоу Эньлай немедленно перезванивает командующему ВВС, члену Военного совета ЦК КПК У Фасяню и первому политкомиссару ВМФ, члену Военного совета ЦК КПК Ли Цзопэну и требует, чтобы они выяснили вопрос с самолетом «Трайидент», сел ли он в аэропорту Шанхайгуаня? Чжоу Эньлай отдает приказ У Фасяню и Ли Цзопэну предпринять все меры для того, чтобы воспрепятствовать выезду Линь Бяо.

13 сентября 1971 г. 00 часов. Чжоу Эньлай по телефону получает следующее сообщение из воинской части № 8341: несмотря на все заслоны, поставленные данной частью, Линь Бяо на машине прорывается к аэропорту в Шанхайгуане.

13 сентября 1971 г. 00 часов 32 минуты. Из Бэйдайхэ премьеру сообщают: Линь Бяо захватил самолет и вылетел в северном направлении. Из штаба ВВС подтверждают это сообщение. Чжоу Эньлай принимает решение и отдает приказ: «Немедленно закрыть все аэропорты страны, приостановить все полеты самолетов, привести в действие все радары для наблюдения за воздушным пространством Китая».

Вскоре радар диспетчерской службы штаба ВВС засек самолет Линь Бяо, определил курс самолета и эту информацию срочно передали Чжоу Эньляю.

— Можно ли по радио вызвать самолет № 256, они могут нас услышать?— спрашивает премьер у работников штаба ВВС.

— Могут,— следует ответ из диспетчерской службы штаба.

— Я хочу поговорить с летчиком Пань Цзиньянем, соедините меня с ним.

— Он ведет самолет, но не отвечает,— слышится голос в трубке.

— Тогда прошу вас от моего имени связаться с самолетом № 256 и призвать их вернуться. Я, Чжоу Эньлай, готов встретиться с ними после приземления самолета на любом — восточном или западном — аэродроме под Пекином.

— Они не отвечают,— сообщают из диспетчерской.

Самолет летит над западной частью автономного района Внутренняя Монголия, затем неожиданно изменяет курс и направляется на Север.

00 часов 50 минут. Чжоу Эньляю докладывают, что самолет пересек границу КНР и МНР и вторгся в воздушное пространство Монголии. Чувствуя всю важность момента, Чжоу Эньлай собирается и едет в Чжуннаньхай к Мао Цзэдуну доложить обстановку. Он знает, что Мао Цзэдун вчера во второй половине дня, а точнее в пять часов, прибыл в Пекин и сразу же поехал отдыхать в Чжуннаньхай.

Чжуннаньхай. Чжоу Эньлай входит в комнату, где находится Мао Цзэдун.

— Военные летчики предлагают перехватить самолет Линь Бяо,— говорит премьер.— Как быть, сбивать или нет, самолет еще находится в зоне действия наших огневых средств.

— Нельзя перехватить — не следует сбивать,— тихо говорит Мао Цзэдун.— Небо хочет, чтобы шел дождь, мамаша хочет выйти замуж. Тут такое дело, что ничего не поделаешь. Пусть улетает. Если мы его собьем, как к этому отнесется народ всей страны?

Чжоу Эньлай предлагает Мао Цзэдуну для его безопасности из Чжуннаньхай срочно перебраться в Дом народных представителей. Мао Цзэдун нехотя соглашается и тут же предлагает премьеру собрать на совещание находящихся в Пекине членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

Премьер дает указание: срочно собрать членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

13 сентября 1971 года, четвертый час утра. В Доме народных представителей на Тяньаньмэне собираются члены Постоянного комитета Политбюро.

3 часа 15 минут. Чжоу Эньляю сообщают из центра управления полетами ВВС: с помощью радара обнаружено, что с аэродрома в западном пригороде Пекина взлетел вертолет.

Чжоу Эньлай немедленно принимает решение — послать истребитель для его

перехвата, не дать вертолету возможность пересечь границу. Он посылает секретаря передать этот приказ по секретной связи.

Штаб ВВС Китая. Получена шифровка следующего содержания: «Я — секретарь Политбюро ЦК КПК — передаю вам приказ премьера Госсовета Чжоу Эньлая: вертолет, вылетевший из аэропорта Шахэ, обязательно перехватить в воздушном пространстве Северного Китая и не дать ему возможности скрыться. Обстановку незамедлительно докладывать в ЦК КПК». Вертолет № 3685, на котором находятся четыре человека, включая пилота, пытается пробиться к границе и взять курс на Улан-Батор. В вертолете большое количество секретных документов, американских долларов.

Дом народных представителей. Чжоу Эньлай рассказывает членам Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, что Мао Цзэдун накануне, 12 сентября вечером, вернулся в Пекин, затем знакомит их с обстановкой и событиями, происшедшими ночью, сообщает, что Линь Бяо, сев на самолет, бежал из страны. Чжоу Эньлай призвал участников совещания быть готовыми к неожиданным ситуациям, которые могут возникнуть. Мао Цзэдун в совещании участия не принимал.

6 часов 47 минут. Вертолет № 3685 совершил посадку на территории уезда Хуайжоу. Пилот был застрелен, три члена экипажа покончили жизнь самоубийством.

Утро 13 сентября 1971 года. Дом народных представителей. Чжоу Эньлай не спал более суток. Окружавшие предлагают премьеру отдохнуть.

— Как я могу сейчас отдыхать?— следует ответ.

С утра до обеда он обзвонил все военные округа, связался с ответственными работниками всех провинций, городов центрального подчинения и автономных районов, дал необходимые распоряжения. Постоянно держит в курсе дел Мао Цзэдуна.

После обеда Чжоу Эньлай, не смыкавший глаз более 50 часов, приняв снотворное, лег отдохнуть. К этому времени никаких новых сообщений о Линь Бяо пока не поступало.

МНР. Улан-Батор. Посольство КНР в МНР. 14 сентября, 8 часов утра. Телефонный звонок из МИДа Монголии. Китайского посла Сюй Вэнь просят приехать на встречу с заместителем министра иностранных дел Монголии к 8 часам 30 минутам.

8 часов 30 минут. Китайский посол Сюй Вэнь в сопровождении переводчика Лю Чжэньлу входит в кабинет замминистра иностранных дел Монголии. На столе напротив дивана лежат фрукты, сладости, сигареты, стоит чай. Поздоровавшись, замминистра говорит:

— Имею поручение от своего правительства сообщить Вам о следующем инциденте: 13 числа примерно в 2 часа ночи в 10 км к югу от горнорудного района Бэрх потерпел аварию реактивный самолет. Компетентные органы Монголии узнали об этом инциденте в первой половине того же дня и выяснили ситуацию, направив свой персонал на место происшествия. Многочисленные свидетельства показали, что самолет принадлежит китайской армии, а на его борту находилось девять человек, в том числе одна женщина. Все пассажиры погибли. От имени своего правительства я заявляю устный протест по поводу вторжения в воздушное пространство МНР китайского военного самолета.

— Исходя из дружественных соображений,— обратился посол к замминистра,— прошу помочь мне понять, по каким причинам китайский военный самолет вторгся в пределы Монголии... В период, когда китайско-монгольские отношения только начали нормализовываться, авария китайского самолета по неизвестным причинам на территории Монголии, безусловно, заслуживает сожаления.

Китайский посол далее попросил разрешения направить представителей своего посольства на место происшествия.

Замминистра заявил:

— Мы можем удовлетворить Вашу просьбу. Что касается причин вторжения китайского самолета в воздушное пространство МНР, то я уверен, что посол приложит усилия к тому, чтобы китайское правительство в ближайшие сроки дало разъяснение данному инциденту.

В заключение беседы замминистра сказал:

— Надеюсь, что посольство КНР в скором времени сообщит о посылке людей на место происшествия, отправляться можно в любое время.

Из воспоминаний очевидцев событий в Монголии. В поселке рудника Бэрх, что километрах в двадцати севернее места аварии, в ту ночь не спали только Ням —

жена крепильщика Доржа (она кормила ребенка) и Дунжидма — сторож рудничного склада, где хранится взрывчатка для подземных работ. Ее сторожка смотрит с высоты на Долину Субурганов. Рев, какого они еще не слышали, заставил Ням броситься к мужу, а Дунжидму — вон из сторожки. Она была единственной, кто видел низко летящий над поселком самолет, а затем далеко в степи большую вспышку огня и зарево.

Доржа разбудили плач ребенка и сотрясение земли. Когда он выскочил на улицу, там уже были люди. Они показывали на юг, где занималось высокое зарево.

Секретарь партийной организации рудника Дондог проснулся от глухого взрыва, потом услышал телефонный звонок. Подумал, что это в шахте или на складе взрывчатки. Но дежурный по горному цеху кричал в трубку, что Дунжидма видела, как пролетел самолет и поджег степь.

«Я быстро собрал кого мог, — вспоминает Дондог. — В 2 часа 30 минут мы уже подъехали к месту аварии. Самолет развалился надвое и горел ярким огнем, особенно носовая его часть. Степь кругом тоже горела. Мы растерялись, не зная, что делать в первую очередь — тушить степь, самолет или держаться подальше на случай взрыва. Тут мы увидели в свете фар человека. Он лежал на черной обгоревшей земле и тоже был черным. Сразу же пришло решение: прежде всего искать и спасать людей, организовать тушение пожара в степи. Сколько их всего, мы узнали только к утру, когда рассвело. Их было девять. По уходу самолета среди обломков мы нашли восемь человек. Все они были мертвы, сильно обгорели, но, видимо, уже от степного пожара. Наверно, и одежда сгорела на них вместе с травой. У женщины остались какие-то тесемки на ногах и груди, у мужчин — следы военного обмундирования. Интересно, что все лежали почти одинаково — вверх лицом с раскинутыми руками и ногами. Девятый, которого мы нашли позже, в стороне от обломков, был в желтой кожаной куртке и лежал лицом вниз. Я думаю, он был живым дольше всех и даже отползал от самолета. Но мы все равно опоздали... Было много разбитой фарфоровой посуды, столовые приборы, фотоаппарат, магнитофон, несколько, кажется пять, пистолетов. Все найденное мы сложили в один ящик и передали представителям министерства общественной безопасности, которые прилетели на самолете ближе к полудню. Не трогали с места только погибших».

9 часов 30 минут утра 14 сентября. Китайское посольство в Улан-Баторе. Посол созывает руководящих работников посольства на совещание и знакомит их со сложившейся ситуацией. Было высказано мнение, что «возникла неожиданная и в некоторой степени загадочная ситуация». Сюй Вэньи заявил участника совещания, что «инцидент носит серьезный характер» и необходимо сохранять спокойствие, обратить внимание на секретность, незамедлительно доложить об остановке в Китай, ждать указаний. Следует также заняться сбором информации и выяснением реакции различных представительств».

Из воспоминаний посла КНР в МНР Сюй Вэньи. «Вскоре (после совещания. — В. У.) товарищи, ответственные за секретную работу, с беспокойством сообщили мне, что, как заявляет министерство связи МНР, из-за неисправности линии связи нет возможности своевременно отправить телеграмму, в лучшем случае она будет отправлена через 4 с лишним часа. В те годы телеграммы направлялись только через министерство связи МНР... Неожиданно я вспомнил, что в посольстве имеется телефон, по которому можно непосредственно связаться с Пекином. Он был установлен в 50-е годы в качестве промежуточной связи между Пекином и Москвой во времена тесных дружественных китайско-советских отношений. Работал на высоких частотах. Попутно он обслуживал линию связи между Пекином и Улан-Батором. Затем в связи с ухудшением китайско-советских отношений и замораживанием китайско-монгольских отношений телефонной линией связи прекратили пользоваться. Я также подумал, что в случае подключения телефона придется столкнуться с рискованной ситуацией. Но дело уже не терпело отлагательства, надо было принимать кардинальное решение. Я решил включить телефон».

Прошло полчаса. Пекинская телефонная станция откликнулась. Но оттуда сообщили, что аппарат МИД вышел из строя и нет возможности осуществить стыковку связи. Сюй Вэньи решил использовать международную линию связи и сообщить в МИД КНР о том, что есть важная информация, и попросил срочно восстановить прямую связь. МИД дал согласие, связь наконец была включена.

12 часов 20 минут дня 14 сентября. Посольство КНР в МНР. Посол Сюй Вэньи по линии прямой связи сообщает об аварии китайского военного самолета с девятью пассажирами на его борту — одной женщиной и восемью мужчинами, которые погибли.

Утро 14 сентября 1971 г. Пекин. МИД КНР. Актный зал. Идет совещание парторганизации сотрудников МИДа. Совещание проходит под руководством и. о. министра иностранных дел КНР Цзи Пэнфэя. На нем обсуждается вопрос о том, как выполнить вчерашнее указание Чжоу Эньлая, отработать варианты дипломатических мер и контрмер, связанных с «позорным бегством Линь Бяо». К 12 часам дня в основном уже обговорили четыре варианта контрмер в зависимости от действий и шагов, которые будут предприниматься Линь Бяо и его окружением.

Первый вариант связан с такой ситуацией, когда Линь Бяо выступит от своего имени и обнародует открыто за рубежом заявление об измене Родины; второй — если Линь Бяо и его окружение просто выступят по иностранным средствам массовой информации с заявлениями; третий — если Линь Бяо и его окружение определенное время не будут появляться на людях и выступать в печати, а иностранные информационные агентства объективно сообщат, что Линь Бяо и К° прибыли в некую страну или район; четвертый вариант — временно не публикуются никакие сообщения о Линь Бяо, чтобы посмотреть, какова обстановка внутри страны. Были обсуждены шаги, которые должен предпринять МИД КНР в каждой из четырех ситуаций.

12 часов дня. Дискуссия продолжается. **12 часов 25 минут.** Двери в зал открываются и, забыв постучаться, вбегает дежурный секретарь МИД, держа в руках срочное сообщение. Он направляется к Цзи Пэнфэю и передает ему текст. Последний берет текст и бегло просматривает. Все напряженно смотрят на выражение лица читающего, пытаясь по нему отгадать содержание сообщения. На лице Цзи Пэнфэя появилась улыбка и он с особой интонацией произносит, обращаясь к присутствующим: «Самолет сгорел, люди погибли, прекрасный финал». Срочное сообщение было незамедлительно переправлено в Чжуннаньхай.

14 часов. Чжуннаньхай. Телефонный звонок: «Я говорю из МИДа, только что получено сообщение посла КНР в МНР, необходимо немедленно передать его премьеру», — слышался голос в трубке. Получив сообщение, секретарь Чжоу Эньлая постоял несколько секунд в нерешительности, поскольку премьер спал. Но все же решился. Он осторожно вошел в комнату, где спал премьер, подошел к кровати и стал легонько будить его. Чжоу Эньлай, услышав, что есть сообщение посла в МНР, поспешно встал и приказал секретарю срочно прочесть ему весь текст. Из него явствовало, что в 2 часа 30 минут самолет «Трайидент» № 256 разбился в Монголии в районе Ундэрхана и все девять человек, находившихся в нем (восемь мужчин и одна женщина), погибли. Дослушав до конца, он воскликнул:

— А! Разбились насмерть, разбились насмерть!

После этого он немедленно сообщил радостную ~~весть~~ ~~радостную~~ весть Мао Цзэдуну. Затем премьер связался с посольством КНР в МНР и выразил благодарность посольству за быстрое подключение телефонной связи в сложных обстоятельствах и послу — за быструю передачу сообщения об инциденте с самолетом.

Посольство КНР в МНР. 18 часов 14 сентября. Из Пекина пришло указание, где говорилось, что посол лично должен выехать на место происшествия. Сюй Вэньи понял, что «инцидент даже более серьезен», чем он предполагал и что на него «возлагается большая ответственность».

К этому времени МИД Монголии уже закончил работу. Посол решил нарушить установленную традицию и попросил о срочной встрече с замминистра иностранных дел МНР.

20 час. 30 минут 14 сентября. Улан-Батор. Кабинет замминистра иностранных дел Монголии. «По поручению моего правительства я хочу сообщить монгольской стороне следующее: самолет, потерпевший аварию 13 числа в 2 часа ночи, ошибочно вторгся в пределы государственной границы МНР, возможно, в результате потери курса. В связи с этим мы выражаем сожаление. Благодарим правительство МНР за готовность предоставить самолет и направить начальника консульского отдела для сопровождения нас на место происшествия. Я лично возглавлю группу и выведу на место происшествия. Прошу монгольскую сторону оказать нам содействие», — заявляет китайский посол.

Замминистра поинтересовался, откуда вылетел самолет, в каком направлении летел. Посол откровенно говорит ему, что он в данный момент не в состоянии дать ответ. Далее замминистра сетует на то, что посольство своевременно не направило людей на место происшествия, что со времени аварии уже прошло более 50 часов, а в условиях жаркой погоды это означает, что трупы к моменту прибытия группы на место катастрофы могут деформироваться.

13 час. 30 минут. 15 сентября. Посольство КНР в МНР. Звонок из МИДа Монголии. Сообщают, что через полчаса самолет МНР может вылететь в Ундэрхан, китайская сторона сообщает, что они готовы к вылету.

14 часов. Улан-Батор. Аэродром. Четыре китайских дипломата во главе с послом подходят к трапу самолета ИЛ-14. В руках у посла портфель, в котором вместе с предметами личного туалета лежат фотоаппарат, радиоприемник. У трапа их ждут начальник консульского отдела МИД Монголии, эксперт второго отдела, полковник управления внутренних дел погранслужбы, специалисты в области авиации, права, судебной медицины, корреспонденты.

14 часов 45 минут. ИЛ-14 взлетел и взял курс на Ундэрхан. Протяженность маршрута 300 км. Через час самолет стал снижаться.

15 час. 45 минут. Аэропорт Ундэрхана. Начальник аэропорта и заместитель председателя аймака ждут прибытия самолета ИЛ-14 из Улан-Батора. Самолет садится. Подают трап. Сотрудники посольства КНР и сопровождающие их лица выходят из самолета. Короткие приветствия, все пассажиры выходят в две машины, ГАЗ-69 и вездеход, и направляются в Долину Субурганов, которая расположена в 70 км северо-западнее Ундэрхана.

Два часа езды по дикой степи и машины въезжают в Долину Субурганов. Субурган — это, по-монгольски, буддийский мавзолей, который воздвигался во имя земных и небесных святых. Почва песчаная, кругом трава. На равнине выделяется полоска выжженной земли длиной 800 и шириной от 50 до 200 метров. Падение самолета пришлось в центр впадины, а обломки разбитого самолета находились в южной части впадины. Судя по тому, как они были разбросаны, он летел с севера на юг.

Из воспоминаний Сюй Вэньи: «Травянистая поверхность степи длиной 30 м к югу от места приземления самолета была изрыта брюхом самолета. С западной стороны правое крыло самолета оставило борозду глубиной до 20 см. Дальше на юг следы падения самолета исчезли, подступила выжженная зона, обломков самолета становилось все больше, размеры их увеличивались, площадь аварии становилась все шире. Через 200 м валялся корпус самолета... примерно в 20 м от него лежало левое крыло, на котором был нарисован номер «56». Далее, примерно в 320 м, лежал люк кабины пилота с пластмассовой табличкой, на которой было написано «Пассажирам вход запрещен». В 30 м на юго-восток от люка был обнаружен двигатель самолета. В 400 м от него лежали 3 пассажирских кресла, скрепленные воедино, в 40 м в восточном направлении находилась отводящая часть правого крыла, на котором было написано «Китай». Головная часть самолета страшно обгорела, от нее остались только обломки приборов и деталей, корпус самолета полностью обгорел. В 20 м к востоку от головной части самолета лежала выводящая часть правого крыла с надписью «авиация». Около надписи было видно отверстие диаметром 40 см, далее в 200 м к югу на необгоревшей земле валялись хорошо сохранившиеся шасси. В 60 м на северо-запад от головной части самолета лежал хвост самолета, в 20 и 40 м соответственно к югу и к востоку от него лежал двигатель. На хвостовой части просматривался пятизвездный флаг и номер самолета «256». По этим признакам можно было безошибочно определить, что это был китайский самолет «256».

Большая часть трупов была опрокинута навзничь, руки и ноги раздвинуты, головы были так обожжены, что не поддавались опознанию. Мы разложили все девять трупов с севера на юг, пронумеровали их и сфотографировали с различных позиций с тем, чтобы позднее провести опознание. Согласно проведенному впоследствии расследованию, в трупе № 5 был опознан Линь Бяо: сохранилась небольшая плешь, кожа на голове повреждена, кости вышли наружу, брови обгорели, глаза превратились в черные отверстия, нос сгорел, зубы выпали, язык почернел от огня, мышцы костей были разорваны.

Труп № 8 — жена Линь Бяо Е Цюнь — единственная женщина среди погибших. Она

обгорела сравнительно меньше, волосы практически остались целы, левый бок был поврежден.

Труп № 2 — сын Линь Бяо Линь Лиго: высокий рост, лицо обуглилось и приняло мученическое выражение, как будто до смерти он катался в пламени. Из вещей, принадлежавших убитым, был обнаружен входной пропуск № 002 в военно-воздушную академию на имя Линь Лиго.

Труп № 1 принадлежал водителю Линь Бяо Ян Чжэньчану. Труп № 3 — Лю Цзиньфэн. Труп № 4 — бортинженер Го Цилян, он был одет в кожаную куртку, которая оказалась единственной необгоревшей вещью. Труп № 6 — бортинженер Чжан Яньгуа. Труп № 7 — бортинженер Ли Пин. Труп № 9 — пилот Пань Цзиньянь.

Как считает посол, самолет производил аварийную посадку по неизвестным причинам, люди на борту самолета готовились к посадке, но во время приземления самолет потерял равновесие, и при касании правым крылом самолета земли произошло возгорание».

«Можно с уверенностью говорить, что самолет не загорелся в воздухе,— отмечалось в материалах китайских дипломатов, посланных срочно в Пекин после обследования на месте,— а мог взорваться только у земли, в противном случае его обломки были бы разбросаны на площади не менее 10 кв. км. Если бы взрыв произошел в воздухе, то горючее стало бы гореть и резко уменьшаться уже в воздухе, в связи с чем площадь обожженной пламенем земли была бы гораздо меньше». Данный самолет, по мнению авторов, не был подбит в воздухе. Отверстие на обломке правого крыла самолета — не следствие удара извне, а результат прогорания обшивки изнутри, поскольку неровные края 40-сантиметрового отверстия выгнуты не внутрь, а наружу».

* * *

Таковы факты трагедии, разыгравшейся в сентябре 1971 г. Неоспоримо ясно, что на борту потерпевшего аварию китайского самолета находился Линь Бяо и его окружение. Доказано также и то, что самолет не был сбит. Но куда все же он летел, какие цели преследовал министр обороны КНР, совершая побег из своей страны,— все это пока остается тайной. Может быть, будущее ответит на эти вопросы.

СИС: социум, информация, статистика

От аварии может спасти... жевательная резинка

Внезапная смена обстановки на дороге, запоздалая попытка предпринять необходимый маневр, визг тормозов, удар,— многим водителям на собственном опыте знакомы эти малоприятные атрибуты дорожно-транспортного происшествия. Японские специалисты считают, что аварийной ситуации на дороге можно избежать, если водители в пути будут не курить или отвлекаться для разговора с пассажиром, а... жевать жевательную резинку.

Согласно данным обследования группы ученых, проведенном среди водителей такси и шоферов-любителей, жевательная резинка значительно повышает их реакцию: жующие в пути шоферы гораздо быстрее реагируют на дорожные знаки, сигналы светофора, больше внимания уделяют разметке проезжей части.

Японские ученые склонны объяснить это явление тем, что при жевании стимулируется деятельность головного мозга, контролирующего двигательные функции человека. Жевательная резинка убыстряет реакцию водителя на 0,11 секунды. Мелочь, казалось бы, однако в сложной дорожной ситуации судьбу участников движения решают порой и сотые доли секунды.

С. ТИХВИНСКИЙ

Опубликованные в № 3 и 4 нашего журнала за 1989 г. и приуроченные к 40-й годовщине КНР воспоминания академика С. Л. Тихвинского заканчивались описанием торжества провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. Ниже мы публикуем воспоминания автора о последующих годах его жизни и деятельности, связанных с Китаем.

Вскоре после назначения временным поверенным в делах Посольства СССР в КНР я получил указание из Москвы запросить у правительства КНР агреман на советского посла в Пекине Н. В. Рощина. С этой целью я посетил министра иностранных дел КНР (он же — председатель Государственного административного совета Республики) Чжоу Эньлая в его рабочем помещении на территории правительственного комплекса Чжуннаньхай. Когда Чжоу Эньлай узнал, что Советское правительство собирается назначить своим первым послом в Народный Китай человека, который до недавнего времени был советским послом при гоминьдановском правительстве и покинул последнее пристанище этого правительства город Гуанчжоу (Кантон) незадолго до провозглашения КНР, его лицо на какой-то миг отразило чувство разочарования по поводу этого выбора Сталина. Чжоу Эньлай попросил меня немного подождать в его кабинете, а сам направился в расположенную неподалеку рабочую канцелярию Мао Цзэдуна. Вернувшись минут через 15 от председателя Центрального народного правительства, Чжоу Эньлай сообщил, что правительство дает агреман на предложенную Советским правительством кандидатуру посла и официально известит об этом МИД СССР через своего поверенного в делах в Москве Гэ Баоцюаня.

Китайское руководство явно ожидало, что на пост посла в Пекин будет назначен не связанный со старым Китаем известный советский дипломат или государственный деятель.

Н. В. Рошин — энергичный, общительный военный разведчик — был хорошо известен Чжоу Эньлаю в свою бытность советским военным атташе в Чунцине в 1943—1945 гг., где Чжоу Эньлай возглавлял представительство КПК. На пост советского посла при нанкинском правительстве Н. В. Рошин был назначен в разгар гражданской войны в Китае в 1948 г. (Со своей стороны, правительство КНР вскоре аккредитовало в качестве своего первого посла в Москву члена Политбюро ЦК КПК, первого заместителя министра иностранных дел Ван Цзясяна).

Когда посол Н. В. Рошин прибыл в Пекин, Чжоу Эньлай лично встретил его на железнодорожном вокзале столицы (что, кстати, не предусматривалось никаким протоколом).

Посол Советского Союза был первым иностранным дипломатом, аккредитованным в столице новой республики. Только что созданный аппарат МИД КНР под руководством Чжоу Эньлая приступил к разработке норм дипломатического протокола, и в том числе церемонии вручения верительных грамот иностранными послами. Мне довелось по просьбе Чжоу Эньлая выступать в качестве неофициального консультанта МИД КНР по этому вопросу. Был разработан и осуществлен следующий порядок вручения верительных грамот послом Н. В. Рошиным Председателю Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдуну.

Посол в сопровождении старших сотрудников посольства, одетых по этому случаю в парадную, черную с золотым шитьем дипломатическую форму, при кортиках, орденах и медалях, прибыл в Малый зал дворца Хуайжэньтан на территории Чжуннаньхай. Все советские дипломаты выстроились в один ряд в ожидании появления Мао Цзэдуна,

который вскоре вышел в зал вместе с Чжоу Энляем, генеральным секретарем правительства Линь Боцюем и членом Центрального правительства, членом Военного комитета Не Жунчжэнем.

Выйдя на несколько шагов вперед, посол зачитал текст своей верительной грамоты, перевод которой я тут же зачитал по-китайски, и сказал краткое приветственное слово в адрес китайского руководства.

Мао Цзэдун, в свою очередь, также зачитал краткое заявление, в котором приветствовал установление Советским Союзом — первым из иностранных государств, признавшим КНР, — дипломатических отношений с КНР и заверил посла в том, что со стороны правительства КНР будет оказано полное содействие в выполнении его функций. Мао Цзэдуна переводил переводчик ЦК КПК Ши Чжэ. После краткого обмена речами участники церемонии сфотографировались с Мао Цзэдуном, Чжоу Энляем, Линь Боцюем и Не Жунчжэнем.

Во время последней встречи с Чжоу Энляем, предшествовавшей вручению послом Н. В. Рошиным верительных грамот, мне довелось стать невольным свидетелем гневной реакции Чжоу Энляя на попытку Лю Шаоци — заместителя председателя Центрального правительства КНР — через переводчика Ши Чжэ внести кое-какие коррективы в уже одобренный Чжоу Энляем сценарий церемонии вручения верительных грамот. Резко осадив Ши Чжэ за вмешательство не в свои дела, разгневанный Чжоу Энлай тотчас же отправился к Мао Цзэдуну и, возвратившись от него, сказал мне для передачи послу, что вся намеченная ранее церемония останется без каких-либо изменений (впоследствии процедура вручения верительных грамот председателю КНР иностранными послами была значительно упрощена).

По случаю 37-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в здании нашего посольства в доме № 37 по улице Дунцзяоминьсян в Пекине состоялся большой прием, на котором присутствовало высшее китайское руководство во главе с Мао Цзэдуном, Чжоу Энляем и Чжу Дэ (с женами).

7 декабря 1949 г., во второй половине дня Мао Цзэдун в специальном поезде выехал из Пекина в Советский Союз на торжества, посвященные 70-летию И. В. Сталина. Это была первая в жизни Мао Цзэдуна заграничная поездка, и он чувствовал себя нервно в преддверии встречи со Сталиным. Стояла холодная пасмурная погода. Китайские железнодорожники, стремясь обеспечить безопасность Мао Цзэдуна, предоставили в его распоряжение специальный бронированный вагон, которым в свое время пользовался Чан Кайши, совершая поездки между Нанкином и Шанхаем, но не учли того обстоятельства, что вагон не был приспособлен к холодному северному климату. В результате уже на перегоне Пекин — Тяньцзинь в вагоне Мао Цзэдуна замерзла вода и отключилось отопление. Настроение Мао Цзэдуна было испорчено также сообщением следовавших в поезде сотрудников органов безопасности о том, что на вокзале в Тяньцзине перед приходом поезда Мао Цзэдуна был задержан неизвестный с мешком взрывчатки (как оказалось впоследствии, это был всего-навсего мелкий торговец китайскими новогодними хлопушками, везший свой товар на продажу).

Но еще больше настроение Мао Цзэдуна, проведенного за игрой в мачжан бессонную ночь в холодном вагоне, который тщетно пытались отогреть маневровыми паровозами на нескольких крупных станциях по пути следования, испортилось, когда утром поезд прибыл в Шэньян (Мукден) — главный город северо-восточных провинций Китая, где намечалась длительная стоянка поезда и осмотр города. Мао Цзэдуну сразу бросилось в глаза, что на улицах Шэньяна явно преобладали портреты Сталина и лишь кое-где встречались портреты с его, Мао Цзэдуна, изображением. К тому же кто-то успел угодливо донести Мао Цзэдуну, что по распоряжению заместителя председателя КНР, секретаря Северо-Восточного бюро ЦК КПК Гао Гана к правительственному составу Мао Цзэдуна собирались в Шэньяне прицепить несколько вагонов с различными видами местной сельскохозяйственной продукции в подарок И. В. Сталину ко дню его 70-летия. Отказавшись от намеченной программы в Шэньяне, Мао Цзэдун возвратился на вокзал и вскоре поезд последовал дальше к советской границе, где на станции «Маньчжурия» Мао Цзэдуна ожидал советский спецпоезд. Для встречи и сопровождения Мао Цзэдуна с этим поездом на границу прибыл заместитель министра иностранных дел СССР А. И. Лаврентьев.

Мао Цзэдун и сопровождавшие его лица, а также посол Н. В. Рошин и руководитель группы советских специалистов И. В. Ковалев перешли в советский состав, а большая

часть свиты, следовавшей из Пекина, в которую входил и автор, во главе с заместителем министра иностранных дел Ли Кэнуном после отправления советского поезда с Мао Цзэдуном возвратилась в Пекин.

В декабре 1949 г. части Народно-освободительной армии Китая изгнали остатки гоминьдановских войск из Южного Китая и освободили Гуанчжоу. Поскольку сотрудники советского посольства вынуждены были срочно эвакуироваться из Гуанчжоу после разрыва отношений с гоминьдановским правительством и признания Советским Союзом Китайской Народной Республики, они оставили в посольстве автомашины, мебель, пишущие машинки и другой инвентарь; о судьбе этого имущества не поступало никаких известий, и было решено с разрешения китайских властей направить меня в сопровождении шофера посольства П. А. Лукашева в только что освобожденный Гуанчжоу. Наш путь лежал по железной дороге из Пекина до Пукоу на северном берегу полноводной Янцзы, откуда мы на пароме должны были переправиться на южный берег в Нанкин и по железной дороге проследовать через Шанхай, Ханчжоу, Наньчан в Гуанчжоу. С нами в поездку на Юг отправилась только что прибывшая из Москвы Ольга Ивановна Четкина — специальный корреспондент «Правды». Новый, 1950-й, год мы встречали на пароме, на самой середине Янцзы и лишь во втором часу ночи 1-го января причалили к южному берегу реки. Путь до Гуанчжоу длился несколько дней, так как поезд следовал по временным мостам, покоившимся на наскоро сооруженных из шпал опорах; все железнодорожные мосты на этой линии были взорваны отступавшими гоминьдановскими войсками и представляли собой хаотичное нагромождение искореженных мостовых ферм и кое-где одиноко торчавших бетонных и каменных мостовых опор.

В Гуанчжоу перед своим бегством гоминьдановцы взорвали массивный мост через реку Чжуцзян, соединявший деловую часть города с промышленным пригородом. Здание бывшего советского посольства, расположенное на острове Шамянь на территории бывшей международной концессии, не пострадало в ходе боев; автомашины и все имущество бывшего посольства оказались в целости и сохранности.

В Гуанчжоу я имел несколько встреч со своим старым знакомым по Чунцину и Пекину генералом Е Цзяньином, ставшим председателем Военно-революционного комитета Южного Китая. Е Цзяньин рассказал о боях, которые вели части НОАК за освобождение его родной провинции Гуандун, о подрывной деятельности гоминьдановского подполья в Гуанчжоу (в день нашего приезда диверсанты вывели из строя городскую электростанцию). Несмотря на беспокойную обстановку, Е Цзяньин удовлетворил мою просьбу о посещении родины доктора Сунь Ятсена — деревни Цуйхэнцунь, неподалеку от португальской колонии Аомынь (Макао).

В сопровождении охраны на небольшом, выдавшем виды грузо-пассажирском пароходике, совершавшим рейс по городам и деревням, расположенным в разветвленной дельте реки Чжуцзян, мы добрались до уездного города Сяншань (переименованного в честь Сунь Ятсена в Чжуншань), откуда на военной автомашине прибыли в Цуйхэнцунь, где осмотрели дом, построенный на средства китайских эмигрантов для своего знаменитого земляка. Во время этой поездки довелось наблюдать оживленное движение по шоссе, которое вело в близлежащий Аомынь: непрерывным потоком туда двигались местные жители на двух- и трехколесных велосипедах, доверху нагруженных мешками с продовольствием, корзинами с овощами и фруктами, связками из живых кур и уток. В обратном направлении оживленного движения не наблюдалось. Пароходик, на котором мы совершили поездку, до предела набитый пассажирами и разного рода грузами, был вооружен допотопной пушкой и двумя пулеметами для защиты от нападения шаек речных пиратов, при гоминьдановском режиме контролировавших судоходство в дельте Чжуцзяна и пытавшихся заниматься своей разбойной деятельностью и при народной власти. В Гуанчжоу мы посетили памятные места, связанные с жизнью и деятельностью Сунь Ятсена, мемориал, посвященный героям восстания против цинской монархии весной 1911 г. на холме Хуанхуаган.

Обратный путь в Пекин лежал через Учан. В нашем вагоне в столицу народного Китая следовал бывший губернатор провинции Юньнань Лунь Юн, из-за своей оппозиции гоминьдановскому правительству вынужденный в свое время эмигрировать в Гонконг. Теперь он заявил о своем признании правительства КНР и готовности служить народу. Железнодорожный путь из Гуанчжоу в Учан также был сильно поврежден отступавшими гоминьдановцами и поезд шел медленно. В Учане пассажиры переправились на пароме на северный берег реки и через сутки продолжили свой путь на Пекин. Воспользовавшись

пребыванием в Ханькоу при содействии местных властей я разыскал на кладбище могилы советских летчиков-добровольцев, сложивших головы на китайской земле, обороняя в 1938 г. тогдашнюю временную столицу сражавшегося Китая от японских воздушных пиратов. В годы японской оккупации эти могилы пришли в запустение, надгробия были разрушены. Гоминьдановские чиновники, вернувшись в Ханькоу после капитуляции Японии, не позаботились о том, чтобы привести в порядок могилы советских воинов-интернационалистов. Представители народной власти, которые помогали мне в розыске места захоронения советских добровольцев, приняли горячее участие в деле увековечения их памяти.

По возвращении в Пекин я включился в повседневную работу посольства. К этому времени Чжоу Эньлай по вызову находившегося в Москве Мао Цзэдуна выехал в Советский Союз, и исполнять обязанности главы государства и руководителя правительства стал Лю Шаоци. Запомнилась одна из встреч с ним в Чжуннаньхае. 6 февраля 1950 г., сопровождая временного поверенного в делах посольства СССР П. А. Шибаяева (посол по-прежнему находился в Москве), я имел возможность ближе познакомиться с Лю Шаоци. Если на первой встрече с ним летом 1949 г. на даче у Мао Цзэдуна он произвел впечатление сухого молчаливого человека, то на этой беседе, проходившей глубокой ночью в его рабочем кабинете в Чжуннаньхае он выглядел совсем другим — доброжелательным, разговорчивым человеком (китайское руководство и после победы народной революции сохранило привычку работать глубоко за полночь, как это было принято во время Великого Похода и в яньаньский период). Разрешив ряд вопросов, связанных с теми или иными поручениями, полученными нашим посольством из Москвы, Лю Шаоци поинтересовался у нас информацией о ходе переговоров советских руководителей с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. П. А. Шибаяев откровенно признал, что посольство никакой информации о ходе этих переговоров из Москвы не получало. Тогда Лю Шаоци, оживившись, стал выражать глубокое удовлетворение ходом московских переговоров на основе той информации, которую он получил от Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. Особое удовлетворение Лю Шаоци выразил в связи с тем, что в ходе переговоров со Сталиным не подтвердились опасения китайского руководства относительно якобы имевшегося у Советского правительства намерения вести дело к отделению от Китая его крайней западной провинции Синьцзяна, населенной преимущественно уйгурами, казахами, киргизами, дунганями и монголами, в которой в последние годы гоминьдановской владычества полыхало народное восстание, носившее не только антигоминьдановский, но и антикитайский характер. Лю Шаоци с большой признательностью отозвался о внимании, оказываемом в Москве китайской правительственной делегации и лично Мао Цзэдуноу.

Мне довелось присутствовать на торжественной встрече Мао Цзэдуна и сопровождающих его лиц на пекинском вокзале по возвращении китайской делегации из Москвы. Китайское руководство и представители общественности выражали глубокое удовлетворение итогами московских переговоров и подписанием в Москве 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между обеими странами.

В апреле 1950 г. по просьбе Чжоу Эньлая я начал читать курс лекций по международному праву в Народном университете для будущих руководящих китайских дипломатов — преимущественно генералов и офицеров, демобилизовавшихся из НОАК.

Тогда же я познакомился с ректором Народного университета, видным китайским коммунистом, участником революции 1911 г. и крупным историком У Юйчжаном, уделявшим большое внимание подготовке дипломатических кадров Народного Китая. Я бережно храню память о встречах с ректором, преподавателями и слушателями Народного университета; в моем московском кабинете висит красное шелковое полотнище, подаренное мне коллективом дипломатической кафедры Народного университета при отъезде из Пекина на Родину 30 мая 1950 г., на котором золотыми иероглифами запечатлены теплые слова о китайско-советской дружбе.

В сентябре 1950 г. я был назначен экспертом советской делегации на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, в повестке для которой значилась гоминьдановская клевета об «угрозе политической независимости и территориальной неприкосновенности Китая и миру на Дальнем Востоке» со стороны Советского Союза.

Выступая на заседании Первого (политического. — С. Т.) комитета Генеральной Ассамблеи ООН, советский представитель Я. А. Малик убедительно опроверг утверждение гоминьдановского дипломата, будто бы крах гоминьдановского режима был вызван вмешательством СССР во внутренние дела Китая. Советский дипломат потребовал устранения из Организации Объединенных Наций гоминьдановца, не имеющего никакого права

представлять 500-миллионный китайский народ, и предложил пригласить представителя КНР занять свое законное место в Совете Безопасности ООН.

В это время правительство КНР направило в адрес Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН жалобу по поводу агрессии США в отношении Китая и потребовало включения этого вопроса в повестку дня Ассамблеи и предоставления возможности делегации КНР изложить свою позицию. Несмотря на яростное сопротивление американской дипломатии и лично Дж. Ф. Даллеса (представителя США на Генеральной Ассамблее), Советскому Союзу удалось добиться приглашения секретариатом ООН делегации КНР. По прибытии в Нью-Йорк делегация КНР, руководимой заместителем министра иностранных дел У Сюцюанем, она приняла участие в заседании Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН 27 ноября и на заседании Совета Безопасности 28 ноября 1950 г., где У Сюцюань выступил с большой речью о вооруженной агрессии США против Китая. В своей речи У Сюцюань подчеркнул, что Центральное народное правительство КНР является единственным правительством, представляющим китайский народ, и что окопавшиеся на Тайване под защитой США остатки гоминьдановцев не имеют никакого права представлять китайский народ в ООН. Он потребовал, чтобы Совет Безопасности ООН осудил США за вооруженную агрессию против неотъемлемой части территории Китая — острова Тайвань и за вооруженную агрессию в Корее и принял меры к отводу американских войск с Тайваня и из Кореи. 29 и 30 ноября У Сюцюань вновь выступал на Совете Безопасности ООН.

У Сюцюань и члены его делегации — советник делегации, ближайший помощник Чжоу Эньлая по МИДу Цяо Гуаньхуа (впоследствии министр иностранных дел КНР), завотделом информации МИД КНР Гун Пэн и другие провели за время пребывания в Нью-Йорке большую работу среди делегатов Генеральной Ассамблеи, членов Совета Безопасности и работников Секретариата ООН по разъяснению политики КНР в вопросе о Тайване и в отношении корейской войны. По поручению представителя СССР в Совете Безопасности Я. А. Малика я выступал в качестве связника с делегацией КНР. С китайской стороны для связи с советской делегацией в ООН был выделен Цяо Гуаньхуа, знакомый мне по Пекину. Заседания Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности и Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН проходили в пригородах Нью-Йорка (нынешнего небоскреба ООН на Ист-Ривер еще не было), а сама китайская делегация разместились в одном из крупнейших отелей Нью-Йорка. Все это усложняло поддержание контактов между нашими делегациями, но, тем не менее, мы работали в постоянном тесном взаимодействии друг с другом.

В течение трех лет, прошедших после моего возвращения на Родину из Китая, свободное от служебных командировок и работы в министерстве время (аппарат МИДа, как и все прочие правительственные учреждения, работал тогда до глубокой ночи с перерывом с 17 до 20 часов), я использовал для завершения работы над докторской диссертацией. Занимался обычно в обеденный перерыв в Библиотеке АН СССР по общественным наукам на ул. Фрунзе. К моему великому сожалению мой учитель академик В. М. Алексеев скончался в мае 1951 г. в возрасте 70 лет. Ему не довелось ознакомиться с окончательным текстом моей диссертации, но я глубоко признателен Василию Михайловичу за ценные советы, содержащиеся в письмах, которые он присылал мне в Китай, а также высказал при личной встрече в Ленинграде после моего возвращения из КНР летом 1950 г.

Основная часть работы над диссертацией была выполнена в мою бытность в Пекине: розыск, перевод и обработка документов участников движения за реформы в Китае в конце XIX в. и их противников, материалов различных правительственных учреждений, императорских указов, изучение реформаторской прессы, свидетельств китайских и иностранных современников. В Москве я работал над архивными документами МИД России, книгами иностранных авторов по истории Китая второй половины XIX века, окончательно обработал и систематизировал изученные мною материалы, написал автореферат, статьи в «Вопросы истории» и «Вопросы философии».

31 июля 1953 г. на ученом совете Института востоковедения АН СССР под председательством директора Института востоковедения профессора В. И. Авдиева состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй». Моими официальными оппонентами выступали член-корреспондент АН СССР Е. М. Жуков, доктор исторических наук профессор А. А. Губер и доктор экономических наук профессор В. А. Масленников.

Осенью того же года я был назначен советником нашего посольства в Великобритании. В мои обязанности входило руководство внешнеполитической группой сотрудников посольства, поддержание контактов с дипломатами восточных стран, аккредитованных в Великобритании, в первую очередь — Китая и Индии, а также с 1955 г. — Японии, посещение внешнеполитических дебатов в английском парламенте, изучение английской прессы. В 1954 г. в Лондоне открылось дипломатическое представительство КНР — Канцелярия временного поверенного в делах, как это представительство официально именовалось. Во главе представительства был один из близких сотрудников Чжоу Эньлая — заведующий отделом стран Западной Европы и Африки МИД КНР — Хуань Сян, с которым наш посол в Великобритании Я. А. Малик с самого начала установил тесные товарищеские отношения.

Работа в советском посольстве в Лондоне дала возможность не только наблюдать за внешней политикой Великобритании, но и познакомиться с состоянием английского востоковедения, и, особенно, китаеведения. В августе 1954 г. в составе делегации советских востоковедов я принял участие в работе XXIII Международного конгресса востоковедов в Кембридже, собравшего свыше 900 ученых из 32 стран. Деятельное участие в работе конгресса приняла представительная делегация СССР из 21 востоковеда во главе с членом-корреспондентом АН СССР А. А. Губером.

С конца 20-х годов международные научные контакты советских востоковедов были практически сведены на нет. Многие видные ученые в 30-е годы стали жертвами сталинских репрессий. На конгрессе в Кембридже научные контакты между советскими и иностранными востоковедами возобновились. Наши ученые свободно общались со своими коллегами, посетили лондонскую Школу восточных и африканских языков, отдел восточных рукописей Британского музея, факультет восточных языков Кембриджского университета. В связи с окончанием конгресса лондонская «Таймс» 30 августа 1954 г. писала, что «самым выдающимся событием XXIII Международного конгресса востоковедов в Кембридже было, вне всякого сомнения, присутствие русской делегации». К сожалению, «холодная война» еще продолжалась, и ученые из КНР, КНДР и МНР не смогли принять участие в работе этого крупного международного форума востоковедов.

27 августа на секции Дальнего Востока мною был сделан доклад «Социально-политическая мысль в Китае в конце XIX в.». Результатом знакомства с коллегами-китаеводами, участниками конгресса, явилось приглашение на конференцию «молодых китаеведов», которая проходила с 28 августа по 2 сентября 1954 г. в старинном университетском центре Северной Англии — городе Дарэме. В 1948 г. молодые преподаватели-китаеведы различных университетов стран Западной Европы выступили инициаторами проведения в период летних каникул так называемых «конференций молодых китаеведов», охватывавших самую разнообразную тематику, связанную с изучением истории, языка, литературы, философии, культуры и экономики Китая с древнейших времен до наших дней. На проходившей в Дарэме VII Конференции «молодых китаеведов» присутствовало 46 специалистов из Великобритании, Франции, Западной Германии, Нидерландов, Италии и США.

Большой интерес к новой и новейшей истории Китая и революционным преобразованиям, происходящим в Народном Китае, отличал участников таких конференций от представителей классической синологии, по преимуществу ученых старшего поколения довоенной формации. Участие в конференции в Дарэме способствовало установлению научных контактов и взаимному ознакомлению с направлениями исследований в области китаеведения в различных странах. В последующие годы мне довелось участвовать в некоторых из очередных конференций «молодых китаеведов» — XI в 1958 г. в Падуе, XII в 1959 г. в Кембридже, XVI в 1964 г. в Бордо, XVII в 1965 г. в Лидсе, XXII в 1970 г. в Стокгольме и после долгого перерыва XXXI в 1988 г. в Веймаре (теперь эта конференция называется конференцией «Европейской ассоциации китаеведов» и в ней принимают деятельное участие ученые из КНР). На конференциях «молодых китаеведов» мне довелось общаться со многими известными китаеводами из европейских стран и США, что позволило быть в курсе основных направлений зарубежного китаеведения.

Прямым следствием установления личных контактов с английскими востоковедами (среди них я хотел бы в первую очередь отметить сэра Джона Пратта, автора многих работ по новой истории Китая, Индии и международным отношениям в Азии, а также американского востоковеда Оуэна Латтимора, долгое время преподававшего в английских университетах) явилось избрание меня 11 апреля 1955 г. членом Королевского азиатского

общества Великобритании и Ирландии.

Работа в посольстве СССР в Великобритании не оставляла времени для серьезных научных занятий; даже в богатейший архив британской внешнеполитической службы — «Паблик рикордс оффис» удавалось вырваться считанное количество раз.

С началом 3 июня 1955 г. сложных переговоров о восстановлении дипломатических отношений с Японией, которые с советской стороны возглавил посол СССР в Лондоне Я. А. Малик, работы значительно прибавилось, поскольку как члену советской делегации на этих переговорах пришлось много времени уделять вопросам советско-японских отношений. Ввиду грубого давления администрации США на японское правительство переговоры в Лондоне не привели тогда к восстановлению дипломатических отношений.

Находясь весной 1956 г. в отпуске в Москве, я получил неожиданное назначение главой представительства СССР в Токио. С мая 1956 по апрель 1957 г. мне пришлось работать в Токио сперва в этом качестве, а после подписания в Москве 19 октября 1956 г. Совместной советско-японской декларации — временным поверенным в делах Посольства СССР в Токио. По приезде советского посла И. Ф. Тевосяна я стал советником-посланником посольства.

Пребывание в Японии предоставило хорошую возможность ознакомиться с состоянием Китаеведения в этой стране, встречаться с ведущими японскими Китаеведами, общественными деятелями, знавшими Сунь Ятсена в его бытность в Японии.

Из Японии через Гонконг, Гуанчжоу и Пекин в мае 1957 г. я возвратился в Москву, где меня ждало новое назначение — заведующим отделом социалистических стран Азии в только что созданном Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР. В этом качестве через несколько месяцев я вновь посетил Пекин, сопровождая председателя Комитета Г. А. Жукова, получившего приглашение от министра культуры КНР Шэнь Янбина (широко известного в Китае и за его пределами под своим писательским псевдонимом Мао Дунь), для обмена опытом в деле осуществления культурных связей с зарубежными странами. После окончания переговоров советские гости были приняты Чжоу Эньлаем в Чжуннаньхае. Он одобрил результаты переговоров с министром культуры, подчеркнул взаимную пользу от дальнейшего углубления культурных связей между Китаем и Советским Союзом, высоко оценил деятельность редакционного аппарата газеты «Дружба», издававшейся в Пекине на русском языке, и приветствовал издание в Москве журнала «Советско-китайская дружба» на китайском языке, осуществлявшееся с января 1957 г. После беседы Чжоу Эньлай пригласил ее участников на завтрак, сервированный в соседней комнате. Премьер-министр был в отличном настроении, много шутил, охотно отвечал на вопросы собеседников. Запомнилась китайская притча, рассказанная им в ответ на вопросы Г. А. Жукова относительно перспектив китайско-американских отношений (в связи с продолжавшимся блокированием американцами допуска представителей КНР в ООН) и об основных направлениях внешнеполитической деятельности правительства КНР на обозримое будущее.

Жил-был царь многочисленного племени обезьян Сунь Укун. Он отличался необычайной храбростью и не давал в обиду своих соплеменников. Он смело вступал в бой с властителями других царств на земле, под водой и в небесах, с презрением относившимися к обезьянам и к их владыке, и неизменно побеждал их. Доведенные до крайности смелыми действиями Сунь Укуна и его многочисленной рати цари в конце концов обратились со слезной жалобой к Будде на действия царя обезьян, нарушающие мир и порядок во Вселенной. Лишь когда Будда надел на голову Сунь Укуна венки из цветов лотоса, повсюду воцарился мир. Вот и Китай, который Соединенные Штаты Америки и некоторые другие западные державы ни во что не ставят, будет до поры до времени вести себя как Сунь Укун, заметил Чжоу Эньлай, добавив при этом, что образ Сунь Укуна чрезвычайно популярен и в народе, и в руководстве КНР.

Пользуясь непринужденной атмосферой, царившей на завтраке, я, в свою очередь, попросил Чжоу Эньлая поделиться своими воспоминаниями о Наньчанском восстании 1 августа 1927 г. (в связи с приближавшимся 30-летием этого события, в котором Чжоу Эньлаю принадлежала руководящая роль). День смелого выступления вооруженных сил, верных делу китайской революции, против реакционного гоминьдановского командования отмечается в народном Китае как день рождения Народно-освободительной армии.

Чжоу Эньлай, как мне показалось, с некоторой горечью ответил, что в Китае не принято

говорить о роли в революционной истории страны кого-либо, кроме одной личности. Это был явный намек на Мао Цзэдуна. На следующий день по указанию Чжоу Эньлая ко мне в гостиницу приехал бывший начальник штаба легендарного отдельного полка китайских коммунистов, которым командовал Е Тин, один из активных участников Наньчанского восстания генерал-полковник НОАК Чжоу Шици, поделившийся со мной своими воспоминаниями о событиях 30-летней давности (о содержании беседы с ним я сообщил читателям «Известий» в номере от 1 августа 1957 г.).

Работая в Комитете по культурным связям с зарубежными странами, я постоянно поддерживал связь по вопросам развития двусторонних отношений в области культуры и информации с Посольством КНР в Советском Союзе, возглавлявшимся в те годы Лю Сяо, в прошлом видным шанхайским коммунистом-подпольщиком, членом ЦК КПК, с советником Посольства, ведавшим вопросами культуры — Чжан Инью. Наряду с изданием журнала «Советско-китайская дружба», редактором которого был китаевед-литературовед, бывший корреспондент ТАСС в Китае В. Н. Рогов, приходилось заниматься розыском и передачей китайской стороне ряда уникальных памятников китайской культуры из советских музеев и архивов, вроде рукописи одного из редких образцов средневековой китайской народной литературы, датируемой XII в. — «Лю Чжиюань чжу гундяо» — обнаруженной среди предметов, найденных русским археологом Козловым во время раскопок в мертвом гобийском городе Харахото в 1908 г. Эта рукопись была в апреле 1958 г. передана китайской стороне, а уже в августе того же года издана в Пекине с предисловием известного литературоведа Чжэн Чжэньдо, высоко оценившим этот дружественный акт Советского Союза. Китайской стороне были также переданы знамена и оружие, захваченные царскими войсками в Северном Китае во время подавления восстания ихэтуаней в 1900 г. в составе армии интервентов 8 империалистических держав.

29 октября 1957 г. в Доме Союзов в Москве состоялась учредительная конференция Общества советско-китайской дружбы, на которой присутствовали видные деятели советской культуры, представители общественности, гражданские и военные специалисты, в разные годы работавшие в Китае. На конференции было избрано правление ОСКД, в состав которого вошли писатели Н. С. Тихонов и Г. Ф. Кунгуров, деятели искусства Г. С. Уланова, С. А. Герасимов, О. Г. Верейский, видные общественные деятели А. А. Андреев, Е. Д. Стасова, А. С. Панюшкин, А. Ф. Федоров, советские гражданские и военные специалисты, в разные годы работавшие в Китае — И. В. Архипов, Н. С. Силин, А. И. Черепанов, Н. М. Хлебников, китаеведы В. Н. Рогов, Г. В. Ефимов, Н. Т. Федоренко, Л. З. Эйлин и др., в том числе автор данных заметок. С тех пор свыше тридцати двух лет состою в правлении ОСКД; на II Всесоюзной конференции ОСКД в 1969 г. был избран заместителем председателя Центрального правления ОСКД, на III конференции в 1978 г. был переизбран в этом качестве, а на IV конференции в 1986 г. избран председателем Центрального правления ОСКД.

Общество советско-китайской дружбы все эти годы проводило и продолжает проводить большую работу по ознакомлению советской общественности с жизнью народов Китая, их историей, культурой, литературой, искусством, по поддержанию связи с Обществом китайско-советской дружбы в КНР.

В феврале 1960 г. в составе делегации ОСКД, возглавлявшейся тогдашним министром высшего и среднего специального образования СССР В. В. Елютиним, мне снова довелось посетить КНР по случаю 10-летия советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 г. Делегация была тепло встречена китайской общественностью — в Пекине, Цзинани, Шанхае и Ханчжоу — в университетах, на заводах, в народных коммунах. Однако при встречах с китайскими руководителями в узком кругу в Шанхае и, особенно, в Ханчжоу пришлось столкнуться с совершенно иными настроениями. Они критиковали политику Советского Союза в отношении Соединенных Штатов Америки, обвиняли нас в «уступках империализму», «оппортунизму». Вскоре эта критика выплеснулась на страницы китайской прессы и наряду с другими факторами повлияла на волюнтаристское решение Н. С. Хрущева об отзыве из КНР в середине 1960 г. советских советников и специалистов.

Работая в Комитете по культурным связям, я одновременно приступил к чтению лекций по истории Китая и по истории стран Востока в Московском государственном институте международных отношений при МИД СССР и стал сотрудничать в только что созданном Институте китаеведения АН СССР в качестве старшего научного сотрудника. Осенью 1959 г. мне было присвоено ученое звание профессора и на целых 6 лет

удалось отключиться от оперативной внешнеполитической работы и полностью сосредоточиться на научно-педагогической деятельности. Президиум Академии наук СССР назначил меня директором Института китаеведения АН СССР и я стал работать в этом замечательном коллективе, где наряду с учеными старшего поколения — Г. В. Астафьевым, Р. В. Вяткиным, Л. И. Думаном, А. Г. Крымовым, В. Н. Никифоровым, И. М. Ошаниным, П. Е. Скачковым, Л. З. Эйдлиным — работала большая группа ученых среднего поколения и китаеведческой молодежи. К сожалению, через год Институт китаеведения по волевому решению Н. С. Хрущева был объединен с Институтом востоковедения (новый институт стал называться Институтом народов Азии) и я стал заместителем директора этого объединенного института и заведующим отделом Китая, а затем, когда большая группа китаеведов — историков и экономистов была переведена в Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР — заместителем директора уже этого института и заведующим отделом истории Китая.

За эти годы вышли в свет две мои монографии — «Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй» (книга была переведена на китайский язык и издана в КНР в 1962 г.) и «Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика (из истории национально-освободительной борьбы китайского народа (1885—1925 гг.)», написанные на основе кандидатской и докторской диссертаций. Кроме того, организовав работу группы молодых китаеведов, изучавших новую и новейшую историю Китая, удалось подготовить и издать ряд сборников исследовательских статей и документов по истории маньчжурского владычества в Китае, движений тайпинов и ихэтуаней, Синьхайской революции, движения за новую культуру 4 мая 1919 г. и т. д. Конечным результатом работы этой группы явилась публикация в 1972 г. фундаментальной «Новой истории Китая» (переведенной в КНР на китайский язык, но распространявшейся там лишь с грифом «для внутреннего пользования»).

Среди сотрудников Института китаеведения, а затем Института стран Азии работали высококвалифицированные ученые китайского происхождения — Го Шаотан (А. Г. Крымов), Ду Исинь, Цзэн Сюфу, И. И. Советов-Чэнь, Лю Кунь, Чжоу Сюнюань, во многом способствовавшие развитию китаеведения в нашей стране.

В обсуждении научных проблем в Институте китаеведения, помимо китаеведов, активное участие принимали также японоведы академик Н. И. Конрад и д. э. н. К. М. Попов.

Успешной работе коллектива Института китаеведения (а затем китайского отдела Института народов Азии) во многом способствовало творческое общение с видными китайскими учеными, приезжавшими в Москву для проведения консультаций и чтения лекций — литературоведом Чжэн Чжэньдо, экономистом Сюй Дисинем, историками Жэнь Цзюем, Хоу Вайлу и Ху Хоусюанем. Ряд наших китаеведов, в свою очередь, побывали за эти годы в научных командировках в КНР.

Осенью 1960 г. в Москве проходил очередной, XXV, Международный конгресс востоковедов, собравший свыше 2000 участников. На конгрессе впервые за всю историю его присутствовала большая группа американских востоковедов, среди которых были патриархи американского китаеведения профессор Джон Кинг Фэрбэнк и Каррингтон Гудрич. К сожалению, ученые из КНР не принимали участие в этом конгрессе.

Предыстория этого вопроса такова. Будучи в КНР в составе делегации Общества советско-китайской дружбы в феврале 1960 г., я имел встречу с заместителем руководителя секции философских и общественных наук Академии наук КНР профессором Лю Даошэном, на которой среди прочих проблем обсуждалась перспектива участия китайских ученых в работе предстоящего конгресса востоковедов. Подтвердив получение китайскими востоковедами приглашения на конгресс, профессор Лю Даошэн заявил, что китайская сторона внимательно изучила вопрос о возможности своего участия на конгрессе и пришла к выводу о том, что «подобного рода конгрессы», равно как и так называемая «синология» в капиталистических странах, несут на себе отпечаток колониализма, презрительно-снисходительного отношения к странам Востока и к Китаю как к отсталым в своем развитии странам. Поэтому, заявил Лю Даошэн, мы в них не участвуем, исходя из принципиальных соображений. В то же время мы считаем, что Советский Союз и советские ученые поступают правильно, участвуя в таких конференциях, отражая нападки и клевету на Китай, пропагандируя знания о культуре и истории Китая, о ходе и успехах социалистического строительства в Китае. Мы понимаем, продолжал он, что проведение международных конференций в СССР — совершенно другое дело. Но ведь мы не участвовали раньше в таких конференциях,

и если мы сейчас примем участие в Московской конференции, а потом, когда очередная конференция состоится в другой стране, опять не поедем, то поставим себя в двусмысленное положение. Кроме того, судя по перечню имен и тем докладов ученых из капиталистических стран, на конгрессе не удастся избежать дискуссий по вопросам, которые не должны обсуждаться на подобного рода форумах. Возможна постановка вопросов о Тибете, о границах, о китайцах в Индонезии. Мы поэтому решили не участвовать в этой конференции, равно как и в конференции в Стокгольме, заключил Лю Даошэн.

Присутствовавший на беседе заместитель директора Института древней и средневековой истории Китая АН КНР профессор Хоу Вайлу, с которым я познакомился еще в 1944 г. в Чунцине, выразил от своего и от имени своих коллег сожаление по поводу невозможности побывать в Москве в связи с принятым властями решением о неучастии китайских ученых в работе XXV конгресса востоковедов.

На этой же встрече в АН КНР мы ознакомили китайских коллег с планами работы Института китаеведения и с проспектом «Новой истории Китая» и просили высказать по ним свои замечания. В свою очередь Лю Даошэн и Хоу Вайлу рассказали о предстоящем приеме в АН КНР двух делегаций японских обществоведов и о ходе работы над «Всеобщей историей Китая» под редакцией Го Можо.

(Окончание следует)

СИС: социум, информация, статистика

Запахи повышают производительность труда

Немного запаха цитрусовых с утра и тонкий цветочный аромат в течение дня помогают японским рабочим и служащим всегда быть в форме и добиваться наилучших результатов на рабочих местах.

После долгих исследований ученые одной из косметических компаний — «Сисэйдо» установили, что различные запахи оказывают непосредственной влияние на состояние человека. Так, например, лаванда и роза обладают успокаивающим эффектом, лимон и другие цитрусовые, наоборот, стимулирует человеческий организм, жасмин великолепно снимает стрессы, а мята помогает справиться с бессонницей.

В ходе эксперимента шесть машинисток фирмы, находясь в ароматизированном помещении, сделали гораздо меньше ошибок и напечатали почти на 2 тыс. знаков больше, чем те, кто работал в обычных условиях. Их производительность труда возросла на 14 %.

На практике первыми стали применять новинку сотрудники строительной корпорации «Кадзима кэнсэцу», которая совместно с «Сисэйдо» приступила к выпуску ароматизирующей техники. С 8 до 10 часов утра через систему кондиционеров в помещении распространяется еле ощутимый запах лимона. Это помогает рано приходящим на работу служащим быстро войти в деловой ритм. После 10 часов и до обеда лимон сменяет легкий цветочный аромат, который способствует лучшей концентрации внимания. После обеда — немного аромата леса, а ближе к концу рабочего дня повторяется лимонно-цветочный цикл. Перед самым уходом добавляется побольше цитрусовых с тем, чтобы сотрудники легче переносили транспортные нагрузки в часы пик.

Первые ароматизаторы воздуха уже появились в свободной продаже. А те, кто плохо просыпается по утрам, могут приобрести будильник из той же серии. За полминуты до подъема он наполняет комнату запахами ананасов и эвкалипта, которые поднимают соню лучше всякого звонка.

Зарисовки старого Харбина

Г. МЕЛИХОВ

В период 1906—1910 гг. в Харбине наряду с такими изданиями, как «Новый Край», «Харбин», «Вестник Востока» («Новая Жизнь»), стала выходить и ежедневная газета «Юаньдун бао» (на китайском языке) — издание Китайско-Восточной железной дороги с целью углубления дружественного экономического сотрудничества русской и китайской сторон в Маньчжурии.

Редактором и помощником редактора газеты были приглашены выпускники Владивостокского восточного института А. В. Спицин и И. А. Добролювский — специалисты по экономике и политике Китая и Маньчжурии, хорошо владевшие китайским языком.

И. А. Добролювскому приходилось совмещать редакторские, секретарские и организационные обязанности по выпуску ежедневной газеты с учебой ее сотрудников — китайцев, которые нуждались в постоянных лекциях и семинарах по политике и экономике. Это обстоятельство способствовало большой популярности А. В. Спицина и И. А. Добролювского среди китайского населения. За свою плодотворную работу и в газете они неоднократно награждались орденами Китайской Республики.

Интересным изданием того времени в Харбине был и еженедельный журнал «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке» (первый номер появился 6 декабря 1908 г.), редактором-издателем которого был Н. А. Усов, бывший начальник 2-го отделения Службы движения Забайкальской железной дороги. Он был выслан в 1906 г. в Маньчжурию за причастность к революционным событиям и имел в Харбине репутацию либерала и демократа. Его сын С. Н. Усов до революции учился в Коммерческом институте в Москве — крупный китаевед-филолог.

В журнале печатались статьи экономического и этического характера, беллетристика, любопытные известия из разных стран мира, имевшие отношение к железнодорожному делу, велась хроника событий в Харбине. Находилась место и фельетону, и юмору, но общий тон журнала был сдержанным и беспристрастным. Я с удовольствием перечитывал его здесь, в Москве, спустя почти 80 лет с начала его издания.

Теперь о театре и кинематографе. Каждый театральный сезон в Харбине был чрезвычайно насыщенным.

В начале 1907 г. все внимание харбинской театральной публики было приковано к театру «Портсмут», где с 5 января 1907 г. проходили гастролы артиста Императорских театров Мариуса Петипа. Вначале предполагалось дать в Харбине только пять выступлений, но внимание и восторг харбинской публики так растрогали артиста, что он продлил свои гастролы до 15 февраля! Все эти дни на сцене «Портсмута» в Новом Городе появлялся М. М. Петипа в заглавных ролях с неизменным триумфальным успехом. Так прошли гастролы замечательного мастера в Харбине в 1907 г.

В марте в Общедоступном театре Данилова в Харбине повторно состоялись гастролы известного в России виртуоза-скрипача К. М. Думчева. Он был уже известен городу по выступлениям здесь в юные годы в самом начале 900-х годов. Харбинская газета напонила тогда о рецензии московского «Русского слова» (№ 149, 1902 г.), процитировав отзыв оттуда: «Настоящим гвоздем вчерашнего акта в Московской консерватории был К. М. Думчев, окончивший с золотой медалью по классу профессора Гржимали», — продолжив цитату следующими словами: «Я слышал игру зрелого виртуоза. Костя Думчев — умер для мира. Родился новый артист, умный, образованный, чуткий, деликатный — Константин Михайлович Думчев». Дав в Харбине два концерта, скрипач уехал во Владивосток, откуда отправился в турне по Японии с заездом в Шанхай.

В 1909 г. Харбин всколыхнул приезд знаменитой Веры Федоровны Комиссаржевской, в труппе которой было много талантливой молодежи.

Встреча актрисы на харбинском вокзале была восторженной и стала событием в жизни города. Места в здании вокзала и на перроне были заранее забронированы представителями железнодорожной и военной администрации, «отцами» города. Всю привокзальную площадь заполнила тысячная толпа, особенно много было молодых людей. Когда актриса вышла из помещения вокзала и села в поджидавшую ее коляску, тронуться с места она не смогла. Тогда поклонники актрисы распрягли лошадей, подняли коляску со своим кумиром на руки и таким образом доставили в отведенную для нее «резиденцию». Первой вещью была поставлена знаменитая «Чародейка». Спектакли шли с триумфом актрисы, попасть в театр считалось большим везеньем.

В. Ф. Комиссаржевская, находившаяся тогда в расцвете творческих сил, заворожила горожан своей незабываемой игрой, «подобно которой харбинцы еще не видели на сцене».

4 марта 1907 г. в «Новом Крае» харбинские театралы прочли большую статью-обзор о состоянии театрального дела в их городе. В резюме предлагалось вместо содержания трех театральных трупп с бюджетом до 2 тысяч рублей в вечер драматические представления сконцентрировать на одной сценической площадке — в первом Художественно-Артистическом театре. А. А. Губанов в 1906 г. приобрел бывший цирк Боровского со всей прилегающей к нему громадной усадьбой вместе с прежним Зоологическим рестораном, которые и были полностью переделаны в большой удобный театр. Красивый внешний вид этого впечатляющего деревянного сооружения поражал харбинцев своими размерами и архитектурной выдумкой. Новую громадную пристройку, равную по размерам половине здания прежнего цирка, целиком заняла сцена — самая большая в Харбине. Зал — объемный партер, два яруса лож и пять рядов амфитеатра — был устроен на 1200 мест (без галерки). Из двух просторных боковых фойе проходивший под сценой коридор вел в громадный зал бывшего Зооресторана. Здесь располагался театральный буфет и летом был открыт выход в сад. Художественное оформление театра осуществлял И. М. Смирнов. Передний занавес, расписанный им совместно с художником императорских театров П. П. Сергеевым, был оформлен по мотивам картины Васнецова «Ковер-самолет».

Репертуар театра включал «лучшие произведения современной театральной беллетристики» таких авторов, как Горький, Андреев, Найденов, Островский, Толстой, Сухово-Кобылин, многих иностранных драматургов; были осуществлены специальные постановки для детей: сказка Голославского «Разрыв-трава», пьесы по произведениям Жюль Верна, «Потерянный и возвращенный Рай» по «Божественной комедии» Данте и многие другие.

В 1911 г. любимый театр харбинцев сгорел дотла. Вся театральная и другая культурная жизнь перешла в Городской театр и Железнодорожное Собрание.

Годы 1911—1913 в Харбине были особенно богаты событиями театральной жизни. В марте 1911 г. на сцене харбинского Коммерческого собрания проходили гастроли С. В. Ланского и его труппы, с 27 апреля в Харбине гастролеровал П. Н. Орленев в своей коронной роли царя Федора Иоанновича в одноименной драме А. Н. Толстого, и в «Лорензо-зоччио» А. Мюссе.

В мае выступал приехавший в Харбин артист Императорских театров В. П. Далматов. На гастрольной афише значились спектакли: «Свадьба Кречинского», «Усмирение строптивой», «Корнет Отлетаев», «Испанский дворянин», «Первая муха» В. Крылова и «Лес» Островского, в которой Далматов исполнял роль Несчастливцева. Зрители и пресса высоко оценили его актерскую игру.

«Несчастливцев — это вечное русское искание, загнанное ужасами русского холопства в сумасшедшую рубашку; Несчастливцев — это вечное страдание русской души об идеале красоты, человечности... Так, нам кажется, рисует Несчастливцева наш даровитый гость В. П. Далматов, и в этом толковании есть шаг вперед, есть шествие впереди общественного самосознания, на уровне общественной эволюции,— писал в рецензии на этот спектакль в «Новой жизни» Старый театрал.— Публике дали кусочек настоящего хлеба и немного живой, животворящей воды».

В июне приехал заслуженный артист Императорских театров В. Н. Давыдов со своей труппой. Опять гостям была устроена торжественная встреча. Репертуар труппы был классическим: «Свадьба Кречинского», «Дело», «Сверх комплекта», «Шутники» Островского, «Ревизор» Гоголя. Билеты на все эти спектакли было трудно достать, они были

распроданы заранее. Сборы превышали 10 тыс. золотых рублей в вечер.

Из Харбина В. Н. Давыдов уехал во Владивосток. Дед рассказывал мне бывшую в свое время на устах всех харбинцев историю о том, как замечательное самообладание и мужество артистов его труппы спасли жизнь десяткам людей во время пожара в крупнейшем театре Боровикса во Владивостоке. 27 июня во время представления «Ревизора» за кулисами театра возник пожар, последствия которого в переполненном до предела зале могли быть ужасными. Артисты, которым пожар угрожал в первую очередь, все вышли на сцену и стали успокаивать публику. Благодаря этому эвакуация прошла относительно спокойно. Артисты мужественно оставались на сцене и покинули помещение последними.

Через полчаса после этого все деревянное здание было охвачено пламенем, а через два часа — сгорело дотла. Однако, ни одной жертвы не было. После владивостокских гастролей Давыдов, встреченный овациями, выступал в Харбине (9 и 10 июля).

Торжественное открытие вновь отстроенного специального здания харбинского Железнодорожного собрания на Большом проспекте, того самого, что известно, наверное, всем поколениям харбинцев, состоялось 19 ноября 1911 г.

Когда отслужили молебен и Собрание было открыто, можно было любоваться его прекрасными благоустроенными помещениями: главным зрительным залом на 900 мест с большой удобной сценой, гостинными и вспомогательными залами, в том числе для демонстрации кинокартин, для игры на бильярде, просторными украшенными и озелененными фойе, читальней-библиотекой, шахматными и карточными комнатами, буфетом (-рестораном) и баром, где блестяще распорядился М. П. Гицулян. Здание было превосходно приспособлено для клубной и культурно-просветительной работы, телефонизировано и даже имело телеграфную связь с внешним миром. По вечерам Собрание было залито светом, льюющимся из больших его окон. Построено оно было по проекту харбинского архитектора Денисова из Технического отдела КВЖД (к сожалению, мне так и не удалось установить его имени и отчества). В мае 1912 г. состоялось открытие сада Железнодорожного собрания. Этот огромный тенистый сад примыкал к зданию Собрания сзади и тянулся на целый квартал по Главной улице. Сад был умело распланирован, с аллеями, разбитыми клумбами и газонами; разбросанными легкими летними беседками, цветными скамейками. В центре была построена новая раковина-эстрада для оркестра. Отсюда звучала музыка ее первых исполнителей — симфонического оркестра Второго замурского железнодорожного полка под управлением Г. М. Зунделя. Эти симфонические вечера проходили ежегодно с мая до глубокой осени по средам и субботам (а начиная с 1913 г., — по понедельникам, средам, пятницам и субботам). После отъезда Зунделя в Москву оркестр с 1913 г. возглавлял Эмиль Бадхэн. Чарующие звуки музыки из сада Железнодорожного собрания разносились тихими летними вечерами по ближайшим кварталам Нового Города и составляли одну из запоминающихся примет харбинского лета. В саду ежегодно устраивалась летняя Детская площадка с играми, занятиями гимнастикой, забавными соревнованиями, моделированием, литературными и художественными утренниками для детей рабочих и служащих дороги. Опыт организации этих площадок привлек даже внимание педагогических кругов бывшей столицы и Москвы.

Собрание проявляло большую заботу о детях железнодорожников. По воскресеньям специально организовывались игры, которыми руководил инструктор; обязанности его на общественных началах много лет исполнял секретарь собрания Косырев. На праздники рождества устраивались огромные, до потолка, украшенные сотнями разноцветных лампочек елки.

По решению комитета старшин в Собрании ежегодно организовывались циклы лекций по общественно-философской тематике. Заранее широко объявлялась их «программа» (тезисы).

В тот майский день открытия играл оркестр, демонстрировался новый фильм, был устроен фейерверк. Украинская (Малороссийская, как тогда называли) драматическая труппа привезла свой спектакль, по окончании которого состоялись танцы.

Сцена Железнодорожного собрания постепенно начала привлекать к себе лучшие драматические силы города и прежде всего богатую талантами местную молодежь, вместе с которой играли крупные русские столичные и провинциальные артисты (В. И. Петров, А. П. Смирнов (сезон 1912/13 г.), артист Императорских театров Ангаров (сезон 1913/14 г.), что было хорошей школой для начинающих актеров. В результате здесь создавалась любительская театральная труппа, режиссером ее был Б. Ю. Мирский. Трижды в неделю устраивались постановки смешанного репертуара, большей частью легкого,

развлекательного содержания. Спектакли труппы были интересными, яркими, доступными для массового зрителя и привлекали широкое внимание. В составе труппы в 1912 г. были Андреева, Витвицкая, Мельникова, Назарова, Мирский, Модестов, Томашевский. В сезон 1912/13 г. здесь выступала труппа под управлением Е. А. Арди-Хрушевой. В 1913 г. спектакли на сцене собрания ставила В. А. Эльская. Кроме того, естественно, здесь выступали все большие русские артисты, приезжавшие в Харбин: Г. Г. Ге, К. О. Шорштейн, В. Н. Давыдов; в 1915 г. — К. А. Варламов и др.

В первых числах октября 1913 г. в Железнодорожном собрании открылась Выставка картин художников Парижа. Она была устроена по инициативе А. А. Гзеля; подбор картин осуществил известный русский художник, член жюри парижского Осеннего салона, Николай Иванов. Демонстрировались 265 картин 70 художников Парижа, работы которых были премированы на выставках парижских салонов, отражавшие основные тенденции французского изобразительного искусства.

«Нельзя не приветствовать устройство художественной выставки в нашем отдаленном крае. — писал харбинский автор, оценивая это событие культурной жизни города. — Любоваться лучшими образцами искусства, вне центров культуры — в провинции — не дано, в широком значении этого слова, а особенно — не дано таким отдаленным окраинам, как наша. Художественных выставок в Маньчжурии и Приамурском крае... не было с 1904 года». (Имелась в виду выставка картин французских художников в Порт-Артуре и Харбине, устроенная в 1904 г. перед самой русско-японской войной и подарившая громадное наслаждение знатокам и любителям живописи и широкой публике.)

Художественные выставки не были редкостью в Харбине в 1913—1914 гг. В июне состоялась выставка работ японского художника Х. Цузи — в доме Общества ЮМЖД на Вокзальном проспекте. В июле японские антиквары устроили в помещении гостиницы «Тоёкан» на Мостовой улице показ китайских древностей, привезенных из Пекина. Было представлено множество оригинальных, красивейших предметов домашнего обихода и религиозных культов — старинный фарфор, бронзовая утварь, колокола. Среди выставленных экспонатов привлекало внимание громадное панно с изображением Будды. По преданиям, картина эта была написана одним из принцев династии Мин (1368—1644 гг.) красками, сделанными из растертых в порошок драгоценных камней.

Подобная «экзотика» китайского окружения в Харбине живо действовала на воображение, пробуждала интерес к изучению Китая, его языка, богатейшей культуры. Возможности для такого изучения, конечно, были здесь превосходные.

С 15 марта 1913 г. стал выходить в свет «Вестник Харбинского Железнодорожного Собрания», в котором помещались иллюстрации из жизни Собрания; форма и размер журнала соответствовали таким популярным изданиям, как «Огонек» и «Весь Мир». И сегодня журнал представляет определенный исторический интерес как издание, отражающее общественную жизнь не только рабочих и служащих КВЖД, но и широких кругов харбинской общественности.

В 1912 г. Харбин отметил дату 75-летия со дня смерти А. С. Пушкина. В воскресенье 29 января было проведено «Юбилейное утро» памяти поэта. Для всех учащихся — всех без исключения городских школ — в театре Данилова давался спектакль «Борис Годунов». 12 февраля в «Харбинском Вестнике» была опубликована статья «75-летие смерти Пушкина».

В последующие после Октябрьской революции годы А. С. Пушкин, его образ, его бессмертные творения играли огромную роль в жизни русской эмиграции не только в Маньчжурии. Пушкин был для русских людей, оказавшихся по разным причинам за границей, вечной нитью, связывающей их с далекой Родиной. Многие позднее вспоминали, как в трудные минуты своей жизни они обращались к Пушкину, его стихам, поэмам, прозе, черпая оттуда силу и волю к жизни.

Не могу не вспомнить в этой связи и Пушкинские торжества в Харбине в 1937 г. — одним из 13 лет тяжелейшей японской оккупации Маньчжурии. Харбинцы широко тогда отметили 100-летие со дня гибели Поэта. В Харбине по крохам, бережно сохранным здесь материалам был издан альбом автотипий «Пушкин и его время» (Харбин. Издательская часть Главного Бюро, 1938). Скромная небольшая книжечка, но поистине — из Харбина с любовью!

Всегда большой популярностью у харбинцев пользовалось цыганское пение. В январе 1913 г. в Харбине пела популярная исполнительница цыганских романсов А. В. Ильманова, которую хорошо знали по продававшимся в музыкальном магазине «Братья Эрмль»

ее грамофонным пластинкам. А в марте в театре Данилова состоялся концерт другой цыганской певицы — Насти Поляковой, любимицы московской публики. С присущим ей талантом певица темпераментно исполняла старинные и новейшие цыганские песни.

Харбин 1911—1913 гг.знакомился и с лучшими образцами мирового циркового искусства. Здесь в это время выступали и А. Л. Дуров, и чета Камакич, и Л. Ф. Изако.

В феврале 1912 г. в театре Данилова выступал цирк под управлением Н. С. Сержа-Александрова, работавшего с хищными зверями. Воображение горожан возбуждало обьявление, что цирк покупает 50 лошадей для кормления львов.

А 16 февраля, когда приехал сибирский цирк Э. А. Стрепетова, весь город всколыхнуло известие о том, что к нему едет прославленный клоун-дрессировщик А. Л. Дуров (1864—1916 гг.) со своими четвероногими артистами.

А. Л. Дуров и М. Дурова начали свои триумфальные выступления в Харбине 10 марта 1912 г., произведя сенсацию года. Мой дед Петр Павлович вспоминал, что представления проходили в набитом битком цирке Стрепетова, доставляя огромное удовольствие зрителям аллегорическим шествием свиней, гусей, уток, петухов, собак, козла (во главе баранов), полетом крыс на аэроплане и многими другими номерами. Однако главное ощущение удовольствия оставалось от самого клоуна-дрессировщика. Нечего и говорить, что все представления проходили при полном аншлаге. В «Харбинском Вестнике» 11 марта 1912 г. писали:

«Для русской публики... вся суть заключается в репликах клоуна, его остротах, намеках на злободневность, стремлении вынести на арену цирка общественную сатиру. С этой стороны русская публика знает и ценит Дурова. Название клоуна к нему не подходит. Он... скоморох, которого общественное назначение в старину состояло не только в том, чтобы развеселить «народ честной», но и зло вышутить, высмеять низменное, смешное, попавшееся скомороху на глаза».

В 1913 г. в Харбине состоялась премьера цирка Л. Ф. Изако, славившегося работой с красивейшими и отлично выдрессированными лошадьми. Директор цирка работал вместе со своей 5-летней дочкой Шурой. По рассказам старожилов, этот цирк напоминал цирк Боровского в расцвете его творческой славы.

Цирк Изако приезжал в Харбин несколько раз, в последний раз — перед революцией, в ноябре 1916 г. В первый день обьявления войны Германией Л. Ф. Изако пожертвовал государству все свои цирковые здания и всех лошадей — гордость своего цирка — 42 красивые, аттестованные, чистейших кровей лошади, которые были, однако, оставлены владельцу, хотя и поступили в собственность казны. Щедро расцвел талант Шуры Изако, ставшей, по оценке прессы и любителей цирка, первоклассной наездницей и первоклассной балериной. За время этих своих гастролей коллектив артистов цирка дал 4 благотворительных спектакля.

Среди цирковых артистов выделялись также талантливые музыкальные клоуны-эксцентрики семьи Камакич. Отец — японец по национальности — поступил в цирк в юном возрасте, став затем владельцем цирка, с которым разъезжал по России. Во время гастролей в Закавказье Камакич женился на красавице армянке. В Константинополе у него родился сын, который тоже избрал судьбу циркового артиста. Младший Камакич хотя и числился японским подданным, но ни слова не знал по-японски и считал себя человеком русским. Камакич с женой выступали со множеством интересных и забавных трюков, которые исполнялись с ярким артистизмом.

Поражал харбинцев в этой труппе и китайский гимнаст Че Ханчин, проделывавший на ремнях невероятно сложные гимнастические упражнения, требующие огромного напряжения, силы и ловкости.

После революции Л. Ф. Изако остался в Харбине в собственном цирке, прославившись и организацией традиционных чемпионатов по борьбе, в которых принимали участие атлеты всех стран мира.

Что касается кино, то в рассматриваемый период в Харбине открывались новые кинематографы, демонстрировались все новинки сезона.

В день открытия кинотеатра «Иллюзион» в 1906 г. здание было иллюминировано 3 тысячами свечей. Здесь чаще, чем в других помещениях, демонстрировались новинки, привлекавшие массу зрителей. Дело было в том, что владелец «Иллюзиона» Л. С. Финкельштейн привез из Берлина и Парижа громадный запас новых фильмов и затмил всех конкурентов, меня репертуар по понедельникам и четвергам. Любители кино посещали также кинотеатры «Декаденс», принадлежавший Янгжоглу, «Прогресс» (в Новом Городе)

при гостинице «Гранд-отель», а с 1908 г. — «Ориант», где позже находился электротئاتр с несколько странным названием «Фурор-Иллюзий». Здесь демонстрировались картины в красках. В июне 1912 г. кинотеатр сгорел. Со 2 февраля здесь снова открылся электротئاتр «Ориант», принадлежавший компании «Алексеев и К^о». В доме Хаиндрова работал «первый образцовый» театр «Гранд-иллюзион». Здесь демонстрировались картины с участием кинокумира того времени — Макса Линдера. В «Орианте» появились на экране и первые картины со сразу завоевавшим огромную популярность Чарли Чаплином — «Тайна банковских подвалов», «Девушка из родного города», «Послание с Марса»; в «Модерне» — кинокартина «Чарли Чаплин — чемпион».

Воспоминания о культурной и общественной жизни Харбина переплетаются в памяти с политическими событиями начала века, отразившимися на жизни Востока и в наши дни, в конце столетия.

24 октября 1909 г. в Харбин приехал министр финансов В. Н. Коковцов. Здесь у него должна была произойти встреча с князем Хирубино Ито. Этот известный политический деятель Японии принимал активное участие в деле заключения англо-японского договора 1902 г., сыгравшего важную роль в подготовке Японией войны против России. После войны Х. Ито получил назначение генерального резидента в Корею (1905—1909 гг.) и подготовил окончательную аннексию Кореи Японией и превращение ее в японское генерал-губернаторство (в 1910 г.).

27 октября в 9 час. утра экстренный поезд Ито подошел к перрону харбинского вокзала. Здесь выстроились русский и китайский почетные караулы, с оркестрами военной музыки, собрались представители всех русских, китайских и иностранных учреждений Харбина, многочисленная японская колония. В вагон Ито вошли В. Н. Коковцов, посланник при пекинском дворе И. Я. Коростовец, А. Н. Вентцель, Д. Л. Хорват и другие. Через четверть часа Коковцов и Ито стали обходить строй русского почетного караула.

В это время, как передает очевидец, между левым флангом караула и группой русских офицеров, выстроившихся для представления, появился молодой, хорошо одетый, интеллигентного вида кореец, продвинулся вперед и, прежде чем кто-либо из присутствующих понял, что происходит, произвел 6 выстрелов подряд из браунинга. Первые три выстрела почти в упор были сделаны в Х. Ито, остальные — в группу высокопоставленных японцев, среди которых ранеными оказались трое.

Убийцу схватили. Впрочем, он и не оказывал сопротивления. Спокойно отдав револьвер, он крикнул: «Да здравствует Корея!..»

Тяжело раненного Ито перенесли в его вагон. Доктор князя Кояма вспрыснул ему морфий. Русский врач Мозолевский, осмотревший раненого, сообщил Коковцову, что раны — смертельные...

Арестованный сообщил на допросе свое имя — Ангай, объяснил мотивы убийства (они, якобы, носят личный характер — месть Ито за казненных родственников). В действительности, Ангай реализовал разработанный корейскими патриотами план покушения на Ито как проводника японской политики порабощения Кореи.

Через несколько минут после выстрела Х. Ито скончался.

Японцы пожелали немедленно отправить тело князя на юг. Около 12 часов дня поезд, на котором Ито прибыл в Харбин, был готов отправиться обратно в Чанчунь. В вагон (проститься с покойным) вошла толпа японцев — все внешне спокойные, бесстрастные, молчаливые. Внесли три венка — от русских официальных учреждений. Коростовец, Хорват и генерал Ропп провожали тело Х. Ито до Куаньчэнцзы. На всех станциях, где поезд делал остановки, были выставлены почетные караулы пограничников.

В 6 часов вечера останки Х. Ито были отправлены специальным составом в Дайрен, 14 октября на военном судне доставлены в Японию.

29 августа 1911 г. корейцы в Харбине, собравшись в помещении своей корейской школы, провели митинг. Многие выступавшие со слезами на глазах говорили о своем положении эмигрантов, о бесправном положении своих сограждан на родине. Единственная в условиях японского диктата свобода, которая осталась у корейцев, говорили ораторы, — это «свобода скитаться».

* * *

Всему рассказанному и другим фактам посвящается книга о старом Харбине, над которой автор сейчас работает.

И. ЦИПЕРОВИЧ

Трудно и драматично сложилась жизнь Виктора Андреевича Вельгуса (1922—1980) — одного из наиболее одаренных и разносторонних востоковедов своего времени, работавших в отечественном китаеведении.

Первые шаги в этой области Виктор Андреевич сделал в Ленинграде в 1948—1949 годах, однако публиковаться начал только с 1958 г., уже после возвращения из семилетнего заключения. В списке его трудов более шестидесяти названий¹, и на все эти и многие другие работы, оставшиеся неопубликованными и потребовавшие огромных усилий, ему было отпущено судьбой всего лишь двадцать пять лет.

Кандидат исторических наук, ученик академика В. М. Алексеева, специалист по китайской филологии, этнографии, истории и источниковедению, Виктор Андреевич Вельгус почти двадцать лет проработал в Ленинградском отделении Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ЛО ИЭ АН), где последние несколько лет до ухода на пенсию занимал должность старшего научного сотрудника сектора этнографии стран зарубежной Азии.

Сегодня, десять лет спустя после кончины В. А. Вельгуса, стоит вновь вернуться к его личности. И не столько для увековечения его памяти, он сам сделал это наилучшим образом своими трудами, — внимание к истории своей науки и ее творцам в традициях русского востоковедения; дабы оставить грядущим поколениям образ яркого ученого с трагической судьбой, мы постараемся сообщить некоторые свидетельства о его жизни.

Заседание кафедры китайской филологии восточного факультета Ленинградского университета в марте 1948 г. было первым научным собранием, познакомившим ленинградских китаеведов с Виктором Андреевичем. В восторженном тоне охарактеризовав его как человека, в совершенстве владеющего китайским языком и проявившего незаурядные знания по истории китайской культуры, академик В. М. Алексеев, заведовавший тогда кафедрой, предоставляет слово Виктору Андреевичу, только что зачисленному в штат университета в качестве преподавателя разговорного китайского языка. Молодой, стройный, привлекательной внешности человек с большой душевной простотой рассказывает о себе. И чем дальше, тем больше приходят в оцепенение те из присутствующих, чье мировоззрение формировалось под влиянием известной волны 30—40-х годов, когда любое отклонение от привычных анкетных данных вызывало рефлекторную настороженность, а порой и столь культивируемое тогда «законное» подозрение. А тут...

Родился в Москве в 1922 г. С шести лет жил в Китае, в деревне, на родине своего приемного отца. Начальное образование получил в уездной школе, среднее — в русских и китайских учебных заведениях Шанхая, куда переехал в 1932 г., и Тянь-

В. А. Вельгус

Изоolda Эмильевна Циперович — кандидат филологических наук, научный сотрудник Библиотеки АН СССР (Ленинград).

цизия. Стремясь обучиться японскому языку, поступил в японское училище, окончание которого официально обязывало служить в японской армии. От неизбежного распределения уклонился, за что подвергся аресту со стороны японской администрации и кратковременному тюремному заключению. С 1943 г. жил в Циндао. В 1946 г. получил советское гражданство и тут же начал хлопотать о возвращении на Родину, в Советский Союз. В Циндао впервые работал в должности переводчика с китайского языка. Осенью 1947 г. получил разрешение на репатриацию и направился в Советский Союз, надеясь, что удастся обосноваться в Ленинграде. В штат университета был принят по рекомендации академика В. М. Алексеева, к которому еще из Китая обратился с письмом, прося помочь с устройством в университет или в другое учебное заведение, где его знание китайского языка могло бы принести пользу. «Как мог академик решиться пригласить на преподавание по одному лишь письму незнакомого ему человека, да еще с такой биографией?!» — недоумевали будущие коллеги Виктора Андреевича.

Из дальнейшего станет ясно, что решение академика было далеко не случайным. Однако прежде хотелось бы немногочисленные сведения, сообщенные о себе Виктором Андреевичем на кафедре, дополнить некоторыми подробностями, основанными на рассказах самого Виктора Андреевича и документах из его личного архива.

В 1924 г. двухлетнего мальчика из московских яслей-приюта для бездомных детей взяла бездетная семья, впоследствии его усыновившая. Отцом стал китаец У Чжэньдун (1894—1960, жил в России примерно с 1912 г., именовал себя Андреем, умер в Китае), который в качестве добровольца принимал участие в Великой Октябрьской революции и гражданской войне, командир одного из подразделений Красной Армии; мать — Татьяна Леонтьевна Вельгус (1900—1980, жила в Польше, в России с 1914 г., умерла в Ленинграде), служила во время гражданской войны санитаркой в эвакогоспитале и санитарном поезде. В 1927 г. вся семья переехала в Китай и жила в деревне Уцзятань (Шаньдун), откуда был родом У Чжэньдун. По-видимому, до начала 40-х годов Виктор Андреевич носил фамилию отца — У, его китайское имя было Бинсинь. В детские годы Виктор Вельгус учился в китайской уездной начальной школе, с 1932 по 1939 г. — в русской школе в Шанхае. В 1940—1941 гг. он студент шанхайского Высшего Технического центра, а в 1941—1943 гг. учится в китайской вечерней школе по классу языка и литературы. В 1944 г. закончил Восточный институт в Тяньцзине. В Циндао работал слесарем по ремонту велосипедов, переводчиком с китайского языка в Объединении архитекторов и в Обществе граждан СССР, был также секретарем кружка молодежи этого общества. В начале 1946 г. Виктор Андреевич женился на дочери местного русского врача, имевшей, как и он, советское гражданство, в том же году у них родилась дочь.

В конце 1947 г. Виктор Андреевич с небольшим багажом, основную часть которого составляли китайские книги и словари, садится в Тяньцзине на пароход «Николай Гоголь» и отправляется в Советский Союз, окрыленный надеждой начать новую жизнь в свободной стране среди соотечественников. Ехать пришлось одному: и жена, и ее родители не решились сразу бросить все и пуститься в далекий и трудный путь с грудным ребенком на руках. Виктору Андреевичу надлежало сначала устроиться самому, а уж затем вызвать семью. Ехать было боязно и по другой причине: ходили слухи, что далеко не всем, уехавшим прежде него на Родину, удалось добраться до места, что некоторых с их скарбом выбрасывали прямо в степи или отправляли в разные города на тяжелые работы, а иных, мол, даже арестовывали. Но все это были слухи, и верить в них не хотелось.

Первое недоумение и разочарование охватило репатриантов еще на пароходе. Люди из судовой команды и охраны, вежливые и предупредительные в отношении к своим пассажирам в китайской части пути, становятся до предела грубы и обращаются с ними откровенно по-хамски, как только судно оказывается в советских водах. Радостное настроение возвращающихся на Родину людей сменяется страхом за свою судьбу, возмущением, порождает злую шутку: «Гоголь везет мертвые души». Высаживают всех в Находке. Здесь Виктор Андреевич и проводит первые месяцы в Союзе. Затем его направляют в Пермь (тогда Молотов), где трудоустраивают на одном из химических заводов в должности аппаратчика в анилиновом цехе. В связи с явной желудка, которой страдал Виктор Андреевич, его от этой работы освобождают и по ходатайству академика В. М. Алексеева разрешают выехать в Ленинград.

Что же побудило академика пригласить Виктора Андреевича на преподавание и

потратить столько усилий на то, чтобы добиться разрешения на его приезд в Ленинград, а затем на оформление его в штат университета?

Прежде всего о письме, с которым Виктор Андреевич из Китая обратился к В. М. Алексееву. Оно было написано по-китайски. Л. Н. Меньшиков, который в 1948 г. был студентом-китаистом II курса, вспоминает: «Однажды В. М. Алексеев, придя на лекцию, объявил: «Ну вот, у нас теперь будет «разговорник»! Это товарищ Вельгус. Он прислал мне письмо, где иероглифы написаны с такой великолепной небрежностью, как может писать только китаец. Тут меня не обманешь!»².

Но не в одном блестящем владении китайским языком суть дела. Из письма Виктора Андреевича академик увидел, что имеет дело с человеком образованным, начитанным, впитавшим в себя традиционную китайскую культуру. Правда, это надо было еще проверить. И после первых же встреч с Виктором Вельгусом в Ленинграде академик устраивает ему экзамен в своей излюбленной манере — коллоквиум по китайскому языку, по истории, литературе и культуре Китая. Виктор Андреевич выдерживает этот сложнейший экзамен. Это дает академику возможность убедиться в своей правоте и ходатайствовать о зачислении Виктора Андреевича в штат кафедры.

Следует иметь в виду, что в тот период обрести преподавателя разговорного языка, который и по своим китаеведческим знаниям удовлетворял бы требованиям университетских курсов, было крайне важно. По справедливому заключению В. В. Петрова, «время с 1944 по 1948 г. в истории кафедры китайской филологии можно определить как восстановительный период»³.

В 30-е годы кафедра потеряла одного за другим ученых — специалистов различных профилей, обеспечивавших профессорские курсы и практические занятия: в 1937—1938 гг. были арестованы и расстреляны Ю. К. Щуцкий, Б. А. Васильев, А. А. Невский; в лагерях находились М. Ф. Хван и А. Г. Шпринцин; война унесла К. К. Флуга, В. Н. Казина, Ю. В. Бунакова, К. И. Разумовского. Потери были жестоки и невозполнимы. В 1944 г., выступая на сессии, посвященной 125-летию Ленинградского университета, академик Алексеев говорил об острой нехватке кадров: «Кадры, книги, издания, штат научных работников, создающих нормальные условия для преподавания, — кадры для кадров — вот программа учебной китаистики»⁴. Упорные ходатайства В. М. Алексеева за никому еще не известного В. А. Вельгуса служили именно этой программе «кадров для кадров».

Однако общение с Виктором Андреевичем очень скоро позволило В. М. Алексееву расширить свои надежды: в новом преподавателе-«разговорнике» он угадал будущего ученого. Свидетельство тому — составленная академиком специально для Виктора Вельгуса программа кандидатского минимума по специальности (6 машинописных страниц через один интервал занимает перечисление тем и вопросов, датированы мартом 1949 г.).

На первых порах Виктору Андреевичу было совсем нелегко: не на что и негде было жить, личные вещи еще не пришли в Ленинград, оформление в университет проходило негладко. «Вельгусу чинят невероятные препятствия, — с возмущением писал тогда В. М. Алексеев. — Он голодает, ходит оборванный, еле живет. А экзамен выдержал блестяще, как никто до него. Я хлопочу энергично, но мне в ответ — усмешка. Как был его не выставили обратно в Китай! Этого еще не хватало!»⁵ В конце концов все улаживается: Виктора Андреевича зачисляют в штат университета, в виде исключения (как человеку, в совершенстве владеющему китайским, японским и английским) разрешают экстерном сдавать все предметы, предусмотренные программой для студентов китайского отделения. Ему дают место в общежитии, а затем — отдельную комнату в жилом университетском фонде, которую он вскоре обменивает на небольшую двухкомнатную квартиру за городом, и сразу же начинает искать способ вызвать в Ленинград семью, оставшуюся в Китае.

1948 г. и первая половина 1949-го дали Виктору Андреевичу мощный и благотворный заряд. С ненасытной жадностью использовал он открывшиеся возможности: совершенствовал свои синологические знания, слушал университетские курсы (историю философии и литературы, общее языкознание и другие), приобретал опыт преподавания, расширял круг знакомств и друзей.

Весь этот период его учителем и наставником был академик Василий Михайлович Алексеев. Ему Виктор Андреевич в первую очередь обязан своими успехами не только в преподавании и учебе, но и в разрешении многих бытовых проблем, с которыми чело-

веку, не привыкшему к нашей действительности, было справиться нелегко.

Любовь к Василию Михайловичу Алексееву который заботливой рукой вводил его в науку и помогал всем, чем мог, Виктор Андреевич пронес через всю свою жизнь. О смерти Учителя (май 1951 г.) Виктор Андреевич узнал лишь в конце 1954 г., когда получил право переписки. Из лагерной тьмы, к тому же в ожидании тяжелой операции (резекции части желудка) Виктор Андреевич писал об академике Алексееве в письме, звучащем как исповедь: «Отношение В. М. ко мне было таково, что я, со своей стороны, не мог относиться к нему просто как к любимому учителю, уважаемому профессору, академику, перед эрудитией которого я склонял и склоняю свою голову в почтении. В благоговении, в доброжелательном отношении ко мне В. М. было столько отеческой заботы, что в своей признательности я так именно это и воспринимал. Если бы не разница в возрасте, в положении и не подавляющее превосходство его учености, культуры, жизненного опыта, я бы назвал эти отношения большой заботливой дружбой... По естественной логике вещей эти чувства распространялись на всех членов семьи В. М., отношение которых ко мне было исключительным»⁶.

В 1978 г. вышла монография Виктора Андреевича «Известия о странах и народах Африки»⁷ — исследование, потребовавшее примерно двадцати лет его труда. На рукописи стояло: «Дорогому моему учителю академику Василию Михайловичу Алексееву посвящается». Нельзя передать огорчения и возмущения Виктора Андреевича, когда издательство отказало поместить это посвящение. В своем домашнем рабочем экземпляре книги Виктор Андреевич от руки воспроизвел это посвящение и добавил: «Всем, что достойно науки в этой книге, я обязан прежде всего ему».

Мы позволили себе остановиться особо на отношениях между учеником и учителем, поскольку вся преподавательская и иная китаеведческая деятельность Виктора Андреевича в 1948—1949 годах, а в дальнейшем и вся его научная работа строились на принципах, преподанных ему его учителем, — это точность и углубленность исследования, объективность выводов, широта кругозора, критическое отношение к своим и чужим трудам.

Неумный, стремящийся и как можно полнее передать свои знания другим, и как можно полнее воспользоваться счастливой возможностью учиться, Виктор Андреевич в свой первый ленинградский период успел сделать очень много. Был сдан труднейший китаеведческий экзамен академику Алексееву, в результате чего он был аттестован и допущен к преподаванию. Были выдержаны вступительные экзамены в университет и экзамены по всем дисциплинам за I и частично за II курсы восточного факультета. Он преподавал китайский разговорный язык по разным программам у китаистов-филологов почти на всех пяти курсах и, разумеется, к каждому занятию усиленно готовился.

По инициативе академика Алексеева Виктор Андреевич выполнил тогда ряд весьма важных работ. Первая из них — каталогизация обширной коллекции китайских старинных антологий и собраний сочинений, влившейся в фонд библиотеки востфака ЛГУ (алфавитный каталог этой коллекции составил пять каталожных ящиков, примерно по тысяче карточек в каждом). В этом сложном деле Виктор Андреевич был одновременно и исполнителем, и консультантом. Вторая — иероглифическое написание в указателях к сборнику «Китай»⁸ (в названном издании китайские имена и термины представлены только в русской транскрипции; Виктор Андреевич снабдил их параллельным иероглифическим написанием). Работа осталась в рукописи, объем ее внушителен, указатели занимают около 30 страниц книги, по две колонки на каждой, в среднем по 50 слов в колонке.

По непосредственному заданию В. М. Алексеева Виктор Андреевич занимался критической сверкой с оригиналом блестящего перевода на русский язык новелл знаменитого китайского писателя Пу Сунлина (Ляо-чжая, 1640—1715), выполненного академиком Алексеевым⁹. В дарственном экземпляре новелл Ляо-чжая, по которому Виктор Андреевич работал, сохранились его маргиналии, свидетельствующие, что он успел проделать сверку перевода первых семи рассказов и примечаний к ним (около 50 страниц книги). Все места, вызвавшие у Виктора Андреевича сомнение или возражения, были обсуждены с В. М. Алексеевым.

Другим заданием В. М. Алексеева была перепечатка с рукописи его капитального труда «Рабочая библиография китаиста»¹⁰, по существу представляющего собой блестящий курс синологии, построенный на критическом обзоре всех имевшихся в распоряжении В. М. Алексеева к началу 40-х годов русских и европейских работ (включая

журнальные статьи) по разным аспектам китайской культуры. Объем всего перепечатанного текста составил 609 машинописных страниц. На это у Виктора Андреевича ушло более полугода, так как приходилось в перепечатанный текст вписывать от руки библиографические описания весьма многочисленных европейских работ. Василий Михайлович писал: «Вельгусу я даю в назидание свою «Рабочую библиографию китаиста», ей-богу, она прямо как будто на него и рассчитана! Если он в нее поверит и ее использует, то китаист из него получится изрядный»¹¹.

Несомненно, такие серьезные вещи поручались Виктору Андреевичу не случайно. Стремясь прежде всего развить у своих учеников критическое мышление, В. М. Алексеев строил свое преподавание больше на исповеди, нежели на проповеди, считая, что «воспитать молодежь высшего учебного заведения можно лишь работая вместе с ней над своим материалом. Курсы ex cathedra действуют плохо»¹². Пример Виктора Андреевича подтверждает этот вывод как нельзя нагляднее: работа с учителем над его материалом привила ученику научный подход к предмету, дала тот бесценный багаж, который помог ему в дальнейших исследованиях критически переосмысливать, а порой и оспаривать давно утвердившиеся в науке представления.

Виктор Андреевич был энергичен, талантлив, с легкостью преодолевал такие сложности в китаистике, на которые у иных ушли бы месяцы, а то и годы. Порой достаточно было одной мимолетной консультации с ним, чтобы снять недоуменный вопрос, возникший при чтении китайского текста. Вспоминается такой, пожалуй смешной, случай. Кто-то из китаистов не смог перевести надпись из четырех-пяти иероглифов то ли на сосуде, то ли на каком-то другом старинном предмете. В перевод абсолютно не укладывалось первое слово, имеющее значение «князь», «властелин». Обращение за помощью к нескольким ленинградским китаистам ничего не дало. Виктор Андреевич мельком взглянул на текст, и вопрос был снят: «Здесь просто описка. — сразу определил он. — При написании первого слова забыли в иероглифе добавить завершающий его элемент, а именно точку в правом нижнем углу, без которого иероглиф «юй» 玉, обозначающий слово «нефрит», ошибочно превратился в иероглиф «ван» 王, обозначающий слово «князь».

Но главное то, что уже в те годы проявилось заложенное в натуре Виктора Вельгуса и все глубже осознаваемое им под влиянием В. М. Алексеева стремление к целенаправленности труда, его научной организации, ставшие в дальнейшем неотъемлемым стилем его исследовательской работы. Тому можно было бы привести множество примеров. В 60-е годы, когда Виктор Андреевич с жадностью набросился на художественные переводы с китайского и одновременно включился в разработку своей научной темы (морские связи Китая со странами Южных морей до XI в.), его день, да и часть ночи были предельно уплотнены. С самого начала приходилось все строго планировать, рационально организовывать. Ему не было тогда и сорока. Конечно, соблазняли кино, театр и дружеские встречи. Во всем этом он жестко себя ограничил. Злился и неистовствовал, когда его силком куда-нибудь тащили. Полагаю, что именно экономия времени и продуманная организация труда, приплюсованные к талантливости и усидчивости, помогли ему сделать так много за сравнительно короткий срок. С 60-х годов Виктор Андреевич начал вести свою научную картотеку (да и не только научную, есть в ней, например, житейские разделы: «Наш туризм», «Курьезы» и др.) по строго продуманной, наиболее удобной для работы системе. К 1980 г. она состояла уже из двух кубов по двенадцать плотно заполненных карточками ящиков. Это был его мозг. В алфавитном авторском каталоге картотеки («ГК» — «Генеральный каталог», как называл его Виктор Андреевич) есть раздел «Вельгус», в нем подразделы: «N.B.», «Темы», «Планы», «К переводу». Просматривая карточки этих подразделов — сколько интереснейших новых разработок, художественных и иных переводов получило бы наше китаеведение, не уйдя безвременно из жизни Виктор Андреевич!

Им продумывалось все даже в том, что у нас принято называть «мелочами быта» и что, кстати сказать, сам Виктор Андреевич отнюдь не считал мелочами — все это экономило время, которого ему хронически не хватало. В доме Виктора Андреевича и в темноте, при выключенном вдруг электричестве, без труда можно было найти любую нужную вещь — все стояло и лежало как нельзя более рационально и удобно. В коридоре было два выключателя: один у самой входной двери, чтобы, войдя в квартиру, сразу можно было включить свет, другой — через два метра, у вешалки. Это избавляло человека от необходимости, сняв пальто, возвращаться к входной двери выключать свет; при выходе

из дома обоими выключателями пользовались в обратном порядке. (В последние годы, когда у Виктора Андреевича очень болели ноги и каждый шаг доставлял мучения, система эта очень ему пригодилась.) Особую зависть в его доме вызывал развешанный по определенной системе в кладовке инструментарий (молотки, отвертки, стамески, напильники, рубанки и т. д.) и хранящиеся там же в специальных пластмассовых коробочках шурупы и гвозди, подобранные строго по размеру. Даже в подкидного дурака играть с Виктором Андреевичем было большим удовольствием — с шутками и прибаутками, уморительно разбирал он возможные последующие ходы партнеров.

Только единожды в жизни рациональный ум Виктора Андреевича, его умение оценить обстановку, рассчитать свои и чужие действия на много ходов вперед подвели его и обернулись во вред ему самому. Правда, в том не его вина — игра была нечестной. Случилось это, когда он находился в заключении и содержался во внутренней тюрьме «Большого дома» в Ленинграде. Почти год велось следствие. Следователь предъявлял ему одно обвинение за другим в том, что он, якобы, находясь в Китае, там-то и там-то, тогда-то и тогда-то действовал против китайской Красной армии. Особо эти обвинения Виктор Андреевич не опровергал, приберегая под конец неоспоримые доказательства того, что и по возрасту он не мог бы в этих делах участвовать и что никогда даже близко к тем районам, где действовала Красная армия, не жил. Может быть, именно поэтому в тюрьме его особо не пытали и отношения со следователем были не столь уж напряженными. Под конец, когда ему было предъявлено обвинительное заключение, он его не подписал, выложив все свои доводы и доказав явную несостоятельность предъявленных ему обвинений. За что и поплатился. Разъяренный следователь нашел способ отомстить: «Ах так!.. Я готовил тебя на десятку, получишь теперь двадцать пять!»

Коль скоро речь зашла о предварительном заключении, пожалуй, стоит добавить вот что. Читать, как известно, заключенным там не давали. Но Виктор Андреевич настоятельно требовал себе такие книги, в которых ему в конце концов не посмели отказать, — сочинения В. И. Ленина и К. Маркса. За этот год он прочел многие их работы не просто из любви к печатному слову или из желания чем-то себя занять, а из настоятельной потребности осмыслить суть марксистско-ленинского учения и социалистической революции, совершенной на его Родине, куда он так стремился и где, увы, оказался в тюрьме.

Те, кому довелось тогда быть лично знакомым с Виктором Вельгусом, хорошо помнят и его самого, и радость общения с ним. Его учениками, получившими от него первые навыки китайской разговорной речи, были такие авторитетные специалисты нынешнего китаеведения, как Л. Н. Меньшиков, Е. А. Серебряков, С. Е. Яхонтов и многие другие. Почти ровесник своих учеников, Виктор Андреевич находил удовольствие в общении с ними, принимал участие в молодежных вечерах, был из лучших танцоров. При всей скудости своего гардероба одевался он всегда со вкусом и аккуратно, тратя немало времени на то, чтобы поддержать его на должном уровне. В этом, думается, проявлялась не простое желание хорошо выглядеть и уж тем более не сверхаккуратность или педантизм, а внутренне присущее Виктору Андреевичу чувство ответственности за все, что он делал, вплоть до манеры одеваться. Много времени уходило и на спортивные увлечения: теннис, пинг-понг, футбол.

Воспринимался он как истинный европеец, выделяясь изысканной вежливостью и деликатностью. В его мягкой, доброжелательной манере общения с людьми, довольно обычной в интеллигентной среде, угадывалась какая-то иная, чем у нас, основа: она была бескомпромиссна, не зависела от мироощущения окружающих его людей.

Вспоминается, например, такой случай. На одной вечеринке вся компания, человек пятнадцать, сидит за столом, и только Виктор Андреевич не садится — оказывается, хозяйка еще на кухне. Или другое. Много лет спустя три супружеские пары разного возраста поехали за грибами в Выборгский район, среди них к старшей по возрасту принадлежал Виктор Андреевич, который уже в то время имел больные ноги и ходил, опираясь на палку. От станции ехали автобусом по тряской сельской дороге и не сразу заметили, что Виктора Андреевича нет на своем месте сзади. Когда спохватились, увидели, что он стоит впереди, недалеко от маленького открытого окошка, и довольно оживленно разговаривает с какой-то женщиной. Подумалось, что он отошел глотнуть свежего воздуха. Однако весь оставшийся долгий путь он так и простоял на своих больных ногах рядом с этой женщиной. Приехали на место, и Виктор Андреевич пояснил, что произошло. Оказывается, он издалека заметил, что женщине, сидящей впереди, стало худо и решил

подойти к ней узнать, не открыты ли рядом окошко. А кончилось тем, что так и не смог от нее отойти: предложил ей принять лекарство (которое у него было с собой), советовал, как ей лучше справиться с недугом, и так как она панически боялась повторного приступа, отвлекал ее разговорами. Конечным пунктом этой поездки был крохотный лесистый необитаемый остров в заливе, где было полным-полно грибов. Обработка, чистка и варка собранного урожая продолжалась несколько дней, и каждый раз за полночь. Измотанные заготовители один за другим бросали работу и уходили в свои палатки спать. Работать ночью оставались лишь двое — наиболее крепкая из всех и самая хозяйственная женщина и наиболее пожилой и далеко не крепкий Виктор Андреевич. Он заверял, что не хочет спать, что вот-де соберет еще немного хвороста для костра и уйдет, что должен проследить, чтобы костер был хорошо потушен и т. п. Дело между тем было совсем в другом: деликатность не позволяла ему равнодушно отнестись к ситуации, когда одна женщина, ночью, выбиваясь из сил, продолжает трудиться, он считал своим долгом по крайней мере составить ей компанию.

При всем сказанном о мягкости и деликатности Виктора Андреевича справедливость требует упомянуть, что у него, как и у каждого человека, были свои недостатки. Пожалуй, наиболее заметным из них была его бурная, зачастую неадекватная реакция на не соответствующие его мнению или оценкам действия или высказывания других. Характер у него был, как говорится, «взрывной» и достаточно противоречивый.

28 апреля 1949 г. Виктор Андреевич был арестован. Однако о том, что он подвергся аресту, достоверно стало известно лишь много месяцев спустя. Это уже были не 30-е годы, когда к подъезду ночью подъезжал «черный ворон», когда ни в чем не повинные люди прислушивались к возможному ночному звонку и держали наготове узелок с вещами на случай ареста. Невольно вспоминается эпизод из рассказа о 37-м годе. Жена одного пожилого профессора, шадя мужа, сама пошла открывать дверь, когда ночью позвонили. Сияя от радости, она бросилась затем к мужу: «Не волнуйся, дорогой! Все в порядке — это под нами в квартире пожар». Теперь практиковались разные варианты замаскированных арестов. Из дома брали редко. Арестованных к месту заключения развозили по городу в обычных фургонах, часто торговых, украшенных красочными рекламами, например «Пейте советское шампанское!» с изображением улыбающейся блондинки, к тому призывавшей.

В роковой для Виктора Андреевича апрельский день он получил повестку из райвоенкомата, обязывавшую его явиться туда 28 апреля в связи с призывом в Советскую Армию, «имея при себе»... «Либо мне наконец стали доверять, либо ничего хорошего меня не ждет» — такова была реакция Виктора Андреевича. Основания полагать, что его проверяют, что за ним следят, у него были. Окончательно он в этом убедился, когда стал замечать граждан в штатском, следовавших за ним на пути из университета в общежитие на 7-й линии Васильевского острова.

Из военкомата Виктор Андреевич не вернулся. Туда его друзья обратились на следующий же день, выяснить ничего не удалось. В какой кабинет ни заходили, ответ был один: «Не знаем, такого у нас не было». Все же мало кто верил, что Виктор Андреевич действительно арестован, тем более что вскоре в университете был вывешен приказ от 6 мая 1949 г. за № 832, который гласил: «Вельгус В. А. — ассистент Восточного ф-та освободить от занимаемой должности в связи с уходом в Сов. Армию с 28/IV—49 г. с 2-х нед. выходн. пособием». И пособие по заранее оставленной Виктором Андреевичем сохранности было получено. А между тем среди документов Виктора Андреевича сохранилась копия протокола «личного обыска», составленного при его задержании в военкомате именно 28 апреля 1949 г.

Спектакль продолжался и далее: в конце 1949 г. к И. Э. Циперович, которой Вельгус оставил на хранение свои вещи, книги и документы, пришел военный с запиской от Виктора Андреевича, в которой тот просил передать ему зимние вещи. Посланный пояснил, что Вельгус выполняет секретное спецзадание, связанное с его специальностью, а потому не имеет права писать и сообщать свой адрес. Тут уж сомнений в горькой участи Виктора Андреевича не оставалось. При свидании с ним в феврале 1950 г. (перед отправкой в лагерь), которое происходило в тюрьме «Большого дома», выяснилось, что он осужден сроком на двадцать пять лет исправительно-трудовых лагерей по 58-й статье УК РСФСР, пункт 4: «Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно

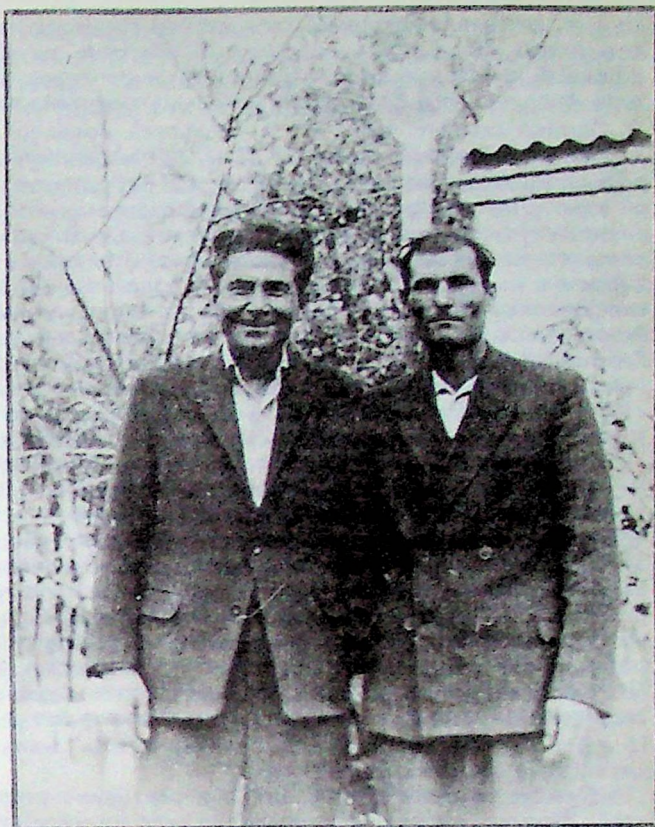
находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности». Эта маловразумительная статья, принятая 26 июня 1927 г., под которую подгоняли тысячи надуманных приговоров, влекла за собой «лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнания из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества».

27 декабря 1955 г. постановление Особого совещания в отношении Виктора Андреевича Вельгуса было отменено, дело против него прекращено, и 26 февраля 1956 г. он вернулся в Ленинград. Предстоял тяжкий путь восстановления здоровья, возвращения к нормальной трудовой жизни.

Как и большая часть вернувшихся из заключения, Виктор Андреевич не любил рассказывать и никогда специально не рассказывал о годах, проведенных в лагере. Когда было получено право переписки, стало известно, что срок он отбывает в Казахстане, на медных рудниках в районе Джезказгана. Близкие и друзья Виктора Андреевича, оберегая его от воспоминаний о пережитом аде, никаких вопросов о его жизни в лагере ему не задавали, а сам он рассказывал об этом крайне редко — лишь от случая к случаю. Рассказы об отдельных эпизодах лагерной жизни и его реакции на них были всегда предельно лаконичны, без малейшей драматизации и даже окрашены юмористически. Вот как, например, Виктор Андреевич рассказал о том, как узнал о возможном освобождении: «Мимо меня проходил врач-испанец, тоже заключенный, который недавно меня оперировал, и небрежно бросил: «Послушай, я видел списки, тебе не то скостили десять лет, не то освобождают «вчистую». — Что же, — ответил я ему, — разница невелика.»

Собирая по крохам отдельные воспоминания Виктора Вельгуса о годах заключения, можно, пожалуй, выделить в них главное. Свободолюбивый по своей натуре, Виктор Андреевич соответственно относился к подневольному труду. Лишения пайки, карцер, другие ужесточения лагерного режима — все эти меры чаще всего применялись к нему именно за отказ выходить на работу. Дважды вместе с небольшой группой верных друзей он готовил побег, и оба раза в последний момент дело проваливалось. За первую попытку ему добавили срок (это к двадцати-то пяти годам!), за вторую он был переведен из казахстанского лагеря в Грозный, где содержался в тюрьме, в одиночной камере, а по сему не присутствовал в Джезказгане в дни известных событий. Когда в 60-х годах он впервые отдыхал на Кавказе, то шутя, между прочим, заметил: «Кавказ я вижу уже второй раз — впервые я смотрел на него сквозь зарешеченное окно теплушки, когда меня конвоировали в тюрьму, в Грозный». Не раз говорил Виктор Андреевич и о том, что лагерь дал ему редкую возможность узнать столько людей и судеб, услышать из уст очевидцев о том, что пришлось пережить его соотечественникам в тяжелые годы гражданской войны, коллективизации, в 30-е и последующие годы. Именно лагерь свел его с его будущими друзьями — Борисом Гавриловичем Гореловым и Федором Денисовичем Тюриным. Первый (намного моложе Виктора Андреевича) был взят студентом III курса в горах Памира, где проходил студенческую полевую практику и куда за ним специально был прислан самолет. Обвинялся он в том, что служил американской разведке, передавая секретные сведения в американское посольство (по тем временам подобное обвинение само собой напрашивалось — названное учреждение находилось по соседству с Московским геолого-разведочным институтом, студентом которого был Б. Горелов). Федор Тюрин, шахтер из Донбасса, намного старше Виктора Андреевича, обвинялся по той же пресловутой 58-й статье. Это был литературно одаренный человек, начитанный в философии, богословии. Они были самыми близкими людьми Виктора Андреевича в лагере, с ними и их семьями он постоянно поддерживал связь до конца своих дней.

Нельзя сказать, чтобы из заключения Виктор Андреевич вернулся морально надломленным, однако особых надежд он ни на что не возлагал, а угнетало многое. Прежде всего — полная неизвестность о судьбе оставшихся в Китае жены и дочери. Навести справки о них в те годы не представлялось возможным, но думал он о них постоянно (впоследствии заботливо откладывая и надписывая два экземпляра каждой очередной его публикации — один для жены, другой для дочери)*. Невыносимы были и бедствия материальные. Устроиться на работу вплоть до 1960 г. не удавалось, но и потом коренных перемен к лучшему в его материальном положении не произошло. Долгие годы приходилось жить, опираясь в основном на помощь друзей. В 1967 г. Виктор Андреевич писал: «После освобождения я вернулся, не имея средств к существованию, и мне пришлось жить в крайне стесненных обстоятельствах, так как вплоть до марта этого года я получал оклад 83 рубля, работая в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР, и при этом еще помогал престарелой матери. Учитывая тяжелое материальное положение, в котором я находился последние десять лет, прошу Вас в виде исключения дать указание Ленинградскому горфинотделу вернуть мне взысканные с меня налоги за бездетность за период с 1957 года»¹³.

В. Вельгус и Ф. Тюрин в Шахтах, сентябрь 1966 г.

Оказавшись снова в Ленинграде, Виктор Андреевич решил за преподавание больше не браться: слишком много времени было упущено, считал он, чтобы тратить его на передачу своих знаний другим. Теперь он ставил перед собой задачу учиться самому, совершенствовать свои знания в синологии, сосредоточив усилия на каком-то одном важном и интересном деле. Бывшие его ученики, ставшие к тому времени сотрудниками Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ЛО ИВ АН), рекомендовали его как прекрасного специалиста для работы в этом научном учреждении, имея в виду включить его в группу по описанию китайских рукописей V—X вв. В научных возможностях В. А. Вельгуса никто не сомневался, однако его анкетные данные кого-то не устраивали, и надежды на ЛО ИВ АН не оправдались.

Еще не успев в должной мере набраться сил после лагеря, Виктор Андреевич в конце того же 1956 г. с великим воодушевлением берется за исследование и переводы китайской художественной литературы — дело, которым он в большей или меньшей степени занимался до конца своей жизни, причем занимался добросовестно и упоенно.

Осенью 1956 г. по просьбе коллектива переводчиков Виктор Андреевич включается в работу над подготовкой к изданию знаменитого китайского романа Ли Жучжэня (конец XVIII — начало XIX в.) «Цветы в зеркале»¹⁴, взяв на себя 7 а. л. перевода и около

* Дочь В. А. Вельгуса смогла приехать в Ленинград из Австралии уже после его кончины.

30 а. л. сверки с китайским оригиналом перевода его коллег. Одновременно для предложенного им издания сборника «Тибетские народные песни»¹⁵ он выполняет подстрочный перевод примерно 900 поэтических строк. В конце 50-х годов в переводе Виктора Андреевича публикуется несколько повестей китайских писателей 30—40-х годов¹⁶.

Однако больше всего В. А. Вельгуса привлекали литература периода Сун (X—XIII вв.) и китайские повести XVI—XVII вв. Интерес к сунской литературе определился у Виктора Андреевича еще в Китае. Не случайно в 1962 г. темой дипломной (1) работы он взял «Литература периода Сун». Позднее он эту работу дополнил, углубил исследование, улучшил включенные в нее переводы. В результате получился выполненный на хорошем научном уровне очерк истории сунской литературы, не потерявший актуальности и в наши дни. К сожалению, опубликован он был лишь посмертно¹⁷. В китайской сюжетной прозе XVI—XVII вв. одно из ведущих мест занимала повесть, написанная в манере устных сказов народных рассказчиков, весьма популярных в X—XIII вв. Виктор Андреевич был одним из первых в нашей стране, кто начал углубленно изучать историю этого интересного жанра. Результаты своего исследования он отразил в статьях: «Из истории возникновения и развития китайского народного рассказа», «Китайский народный рассказ и его эпоха», «К переводу китайских повестей из сборников XVII в.»¹⁸.

Как переводчик китайской литературы Виктор Андреевич сделал очень много. В перечне его переводов 23 названия (общий их объем примерно 30—35 а. л.). Сюда не включены изданные посмертно стихотворения его любимой поэтессы Ли Цинчжао (XII в.) и «Скорбное посвящение императору Дао-цзуну» (XII в.)¹⁹. Основную известность Виктору Андреевичу как переводчику принесли выполненные им переводы 12 повестей из китайских собраний XVII в. (первые 8 публикуются в 1962 г., следующие четыре — в 1977 г., некоторые из них переиздавались неоднократно²⁰).

Чтобы понять, какого напряжения потребовали все перечисленные литературные работы, следует иметь в виду, что подавляющая их часть осуществлялась в конце 50-х — начале 60-х годов, когда их исполнитель должен был посещать лекции, готовиться к зачетам и экзаменам в университете. Виктор Андреевич в 1960 г. был восстановлен на II курсе и за два с половиной года экстерном закончил университет по специальности китайского языка и литературы.

Несмотря на дефицит времени и постоянно стесненные материальные обстоятельства, Виктор Андреевич не позволял себе ни малейших послаблений в работе, никогда не действовал лишь бы побыстрее. Пропустить в переводе трудное место или перевести его примерно, не будучи уверенным в правильности перевода, — такое было противно его натуре. Многие часы, а иногда и целые дни, уходило на поиски истинного значения встретившегося в китайском тексте литературного намека или вышедшего из употребления народного выражения, выяснение исторической ситуации, бытовой детали. Потраченного на это времени не было жаль: на этом он учился. «Из убогой хижины того, кому знания даются в упорном труде» («Кунь сюэ лоу ши») — так звучит китайский экслибрис Виктора Андреевича, как нельзя лучше отражая его кредо по отношению к собственной работе. Переводы Виктора Андреевича сделаны литературно мастерски и максимально приближены к оригиналу. Это неизменно подчеркивалось в многочисленных советских и зарубежных рецензиях.

Редакция и сверка переводов с китайского тоже занимали немало времени. Основная масса подобных работ осуществлялась Виктором Андреевичем не по договорам с издательствами, а по его личной инициативе: либо он предлагал свою помощь сам, либо откликнулся на просьбы переводчиков. Невероятно, но впервые редакцию художественного перевода с китайского Виктор Андреевич проделал в заключении. В 1955 г. в лагерь чудом дошел посланный ему в дар только что изданный перевод собрания китайских старинных повестей²¹. Переводчица И. Э. Циперович надеялась получить отклик на книгу первоклассного специалиста. Вскоре в Ленинград пришел не просто отклик, а целая серия многостраничных писем с подробными замечаниями по переводу. Чудом вернулась в Ленинград и сама книга, испещренная карандашными пометками на полях и между строк. В тяжелых лагерных условиях, без текста оригинала, без единого справочника под рукой, Виктор Андреевич отредактировал тогда почти 25 а. л. В какой степени он владел китайским текстом старинных повестей, как его чувствовал, можно судить по таким вот замечаниям: «Надо посмотреть в оригинале — не такое ли там выражение». Далее следовал предполагаемый им иероглифический вариант этого выражения и иной перевод данного места на случай, если в своем предположении он окажется

прав. За редким исключением он воспроизводил текст оригинала абсолютно верно. Виктору Андреевичу надо отдать должное: в переводческое дело он внес значительную лепту не только собственными переводами. Добрым, никогда не афишируемым вниманием к труду других он уберег от неточностей и ошибок ряд публикаций, подготовленных его коллегами-китаистами.

К совершенно иным сюжетам, иным переводам В. А. Вельгус обращается в 1960 г. Этого требовало поступление на работу в ЛО ИЭ АН в качестве сотрудника сектора Африки. Разумеется, научные интересы Виктора Андреевича были столь же далеки от Африки, как, скажем, от Америки или Австралии. Но в те времена не одними научными интересами (а зачастую именно не ими) определялось трудоустройство ученого, тем более с «сомнительной» биографией. Трехлетние усилия помочь Виктору Андреевичу найти постоянную работу завершились успешно в первую очередь благодаря доброму участию в его судьбе академика Николая Иосифовича Конрада, который был предельно внимателен к нему и его трудам, редактировал его переводы, подбадривал и помогал советами. Решающим оказалось письмо, с которым Н. И. Конрад обратился к члену-корреспонденту АН СССР Дмитрию Алексеевичу Ольдерогге, известному ученому-африканисту, возглавлявшему тогда в ЛО ИЭ АН сектор Африки. В письме Н. И. Конрад настоятельно рекомендовал В. А. Вельгуса как прекрасного специалиста, который должен оказаться весьма полезным институту.хлопоты Д. А. Ольдерогге в конце концов привели к тому, что Виктора Андреевича зачислили в штат института, однако определили не в сектор зарубежной Азии, где надлежало работать китаисту, а в сектор Африки. И тут надо отдать должное прозорливости Д. А. Ольдерогге, который сумел найти способ наилучшим образом использовать китаеведческие знания Виктора Андреевича, включив его в разработку одной из проблем, которой занимался тогда сектор Африки. — изучение старинных разноязычных письменных источников, дающих сведения по истории Африки. Темой изысканий Виктора Андреевича становится теперь изучение на материале китайских источников ранее XI в. морских связей Китая в бассейне Тихого и Индийского океанов и выявление в этих источниках известий о странах и народах Африки*.

(Окончание следует)

* Считаю своим долгом поблагодарить М. В. Баньковскую и Вал. В. Полосина за добрую помощь при написании этой статьи, за воспоминания о В. Вельгусе и за некоторые архивные материалы (И. Ц.). Рассказ о жизни В. А. Вельгуса после 1960 г. будет продолжен в одном из следующих номеров журнала (Ред.).

¹ См.: Вельгус В. А. Средневековый Китай. Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. — М., 1987 (далее: Вельгус В. А. Средневековый Китай). — С. 139—142.

² Меньшиков Л. Н. Виктор Андреевич Вельгус, его жизнь и научная деятельность. — Там же. — С. 170.

³ Петров В. В. Китайская филология в Петербургском — Ленинградском университете. Рукопись. — Б. г. — С. 86.

⁴ Алексеев В. М. Наука о Востоке. — М., 1982. — С. 187.

⁵ В. М. Алексеев — Л. З. Эйдлину. — 20 марта 1948 г.

⁶ В. А. Вельгус — Н. Э. Циперович. — 6 февраля 1955 г.

⁷ Вельгус В. А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов: Китайские источники ранее XI в. — М., 1978. — 302 с.

⁸ Китай: история, экономика, культура. Героическая борьба за национальную независимость. — М. — Л., 1940. — 534 с.

⁹ Ляо-чжай. Рассказы о людях необычных. / Пер., предисл. и коммент. акад. В. М. Алексеева. — М. — Л., 1937. — 494 с.

- ¹⁰ Алексеев В. М. Рабочая библиография китаиста: Книга руководства для изучающих язык и культуру Китая.— Ч. 1 и 2, с примеч. Рукопись.— Б. г.
- ¹¹ В. М. Алексеев — Л. З. Эйллину.— 3 апреля 1948.
- ¹² Цит. по: Баньковская М. В. В. М. Алексеев — критик и критикуемый // Народы Азии и Африки.— 1983.— № 5.— С. 159.
- ¹³ Из письма В. А. Вельгуса к замминистра финансов СССР В. В. Деменцеву 4 октября 1967 г.
- ¹⁴ Ли Жучжэнь. Цветы в зеркале.— М.— Л., 1959.— 786 с.
- ¹⁵ Тибетские народные песни.— М., 1958.— 125 с.
- ¹⁶ Юй Дафу. Открытое письмо молодому интеллигенту; Ван Вэньши. Весенняя ночь; Фу Гэн. Шанхаец.— Ложь не задушит правду: Китайские рассказы, пословицы, поговорки.— Л., 1959.— С. 84—90, 303—340.
- ¹⁷ Вельгус В. А. Средневековый Китай.— С. 71—105.
- ¹⁸ Народы Азии и Африки.— 1961.— № 3.— С. 147—156; Удивительные истории нашего времени и древности.— М., 1962 (далее: Удивительные истории).— Т. 2, с. 412—454; Разоблачение божества. Средневековые китайские повести.— М., 1977 (далее: Разоблачение божества).— С. 507—518. Все в соавторстве с И. Э. Циперович.
- ¹⁹ См.: Вельгус В. А. Средневековый Китай.— С. 141—142; 106—110; 110—116.
- ²⁰ См.: Удивительные истории: Разоблачение божества; Удивительные истории. (М., 1988).
- ²¹ Удивительные истории нашего времени и древности. Избранные рассказы из сборника XVII в. «Цзинь гу цигуань». / Перевод и примеч. И. Э. Циперович.— М.— Л., 1954.— 315 с.

Ё. ХИЯМА

На другой день рано утром я позвонил начальнику второго отдела генерального штаба М. Хомма и получил разрешение отправить задержанного под конвоем в Токио, поскольку допрос его в штабе Корейской армии завершился. Я сообщил о выдвинутых Люшковым четырех условиях, и мы с Хомма тут же договорились принять их. Так дорого заплатили сухопутные войска за полученную от Люшкова информацию. Когда я известил об этом Люшкова, на его лице появилось довольное выражение, он даже сделал комплимент, смысл которого сводился к тому, что японские генералы, как и следовало ожидать, прекрасные люди. Поскольку Люшков выглядел приободрившимся, я решил допросить его более обстоятельно, надеясь получить дополнительную информацию в ответ на хорошее обращение. Я рассудил, что Люшков уже не испытывает ничего похожего на привязанность к его родине — России, что он, перейдя к нам, рассчитывает потом уехать к своей семье и зажить обеспеченной жизнью. На этом допросе он без задержки отвечал на вопросы и откровенно раскрыл в пределах своей компетенции секреты Советского Союза.

Показания Люшкова были застенографированы, затем расшифрованы и отпечатаны, тексты их отправили в генеральный штаб и штаб Квантунской армии. Степень их достоверности оценивалась очень высоко, это была ценная информация. Не будет преувеличением сказать, что на основе его показаний японская сухопутная армия получила полное представление о военной мощи, организационной структуре, вооружении, дислокации, основе тактики советской армии. Однако в то время в сухопутной армии, в особенности среди офицеров, занятых в управлении войсками, наблюдалась тенденция пренебрежительного отношения к информации, полученной таким путем. Можно лишь с сожалением констатировать, что действующие части не смогли полностью воспользоваться полученной от Люшкова информацией. Думается, это игнорирование информации офицерами стало впоследствии одной из причин жестокого поражения нашей армии летом 1938 г. в ходе боев у реки Халхин-гол.

После допроса в штабе Корейской армии Люшков под конвоем был отправлен в Токио, где его вновь подвергли обстоятельному допросу.

Отряд связи разведывательных органов Квантунской армии перехватил радиосообщение, адресованное в штаб в Хабаровске. В сообщении приказывалось дислоцировать войска на западной высоте в Сяншаньдунь. Но Люшков был уже отправлен в Токио. Западная часть Сяншаньдунь находилась на территории Маньчжоу-го, поэтому о сообщении известили штаб Корейской армии, курировавшей этот район.

Я приказал дислоцированному в Лонане штабу 19-й дивизии, отряду в Хуньчуне, а также разведывательным органам вести наблюдение за западной высотой в Сяншаньдуне. Как и следовало ожидать, 7 июля разведка в Хуньчуне обнаружила десятки советских солдат, строящих укрепление на западной стороне высоты, находящейся на территории Маньчжоу-го. Думаю, не случайно вскоре после этого инцидента произошел бой между японскими и советскими войсками в районе Чжангуфэн.

Я сделал из этого вывод, что продвижение советских войск следует объяснять честолюбием вновь назначенного командира 59 пограничного отряда. Ведь его предшественник был смещен после бегства Люшкова, и новый командир стремился выслужиться.

Продолжение. Начало см.: «ПДВ» № 3 за 1990 г.

1 июля газета «Асахи симбун» сообщила, что среди личных вещей Люшкова находились «несколько книг, билет члена ВКП(б), маузер, маленький пистолет, часы марки «Лонжин», русские папиросы, очки с затемненными стеклами, орден Ленина и еще два высших ордена, фотография жены Инны и телеграмма об ее отъезде за границу, а также деньги — ассигнации по 5 и 10 иен, выпущенные Японским банком, банками Маньчжурии и Кореи, всего на сумму 4153 иены; 160 рублей ассигнациями».

7. Протокол допроса Генриха Люшкова (14 июня 1938 г.)

С 14 по 18 июня 1938 г. в штабе Корейской армии продолжались обстоятельные допросы Люшкова. По словам Онуки, записи допросов вместе со многими другими документами были сожжены после окончания войны. Здесь публикуется отрывок из рукописи Онуки.

— Каковы причины, побудившие Вас принять решение стать политическим эмигрантом?

Люшков: Я ощущал угрозу своей жизни.

— Почему Вы ощущали угрозу?

Люшков: В мае от моего товарища, служащего в НКВД, я узнал, что Сталин приказал арестовать меня, а Ежов решил направить в Хабаровск Мехлиса и Фриновского.

— Кто этот товарищ?

Люшков: Позвольте мне не называть его, это человек, близкий к Ежову.

— Что собой представляют Мехлис и Фриновский?

Люшков: Мехлис — начальник политуправления Красной Армии, Фриновский — заместитель наркома НКВД. Оба пользуются большим доверием Сталина, оба руководят чистками: Мехлис — в Красной Армии, Фриновский — в НКВД. Перед их приездом в Хабаровск я принял решение бежать.

— Чем Вы прогневили Сталина?

Люшков: До августа прошлого года я возглавлял в НКВД Управление пограничной охраны, но затем по приказу Ежова был переведен на Дальний Восток, чтобы курировать Дальневосточный штаб. Поскольку в то время Сталин провел чистку правых в партии, планировалось подавить сопротивление в рядах Красной Армии близких к правым офицеров, разоблачить их. Моей задачей было выявить в Красной Армии связанные с маршалом Блюхером недовольные элементы и доложить о них в Москву Ежову и Сталину. Но я не обнаружил в действиях маршала никакого преступного заговора и ничего не смог доложить Москве. Поэтому Сталин с Ежовым решили, что я тоже принадлежу к недовольным элементам, и, судя по всему, были намерены ликвидировать маршала Блюхера и меня.

— В результате этих жестоких чисток Сталину, видимо, удалось избавиться от многих политических противников?

Люшков: Сталин — сумасшедший. Он не верит никому, кроме самого себя. Он ни за что отправил на казнь десятки тысяч членов партии, офицеров, а их родственников и друзей посадил в концлагеря.

— Не потому ли ослаб боевой потенциал Красной Армии?

Люшков: Да, именно поэтому. После казни маршала Тухачевского Красная Армия лишилась примерно 2 тыс. офицеров. Есть опасения, что будут репрессированы и оставшиеся. Поэтому нигде не ощущается прежнего рвения к военной службе.

— Почему был казнен маршал Тухачевский?

Люшков: Сообщалось, что он готовил заговор вместе с Германией.

— Это правда?

Люшков: Подлинные обстоятельства дела неизвестны. Я думаю, что Сталин опасался сплочения недовольных элементов в Красной Армии во главе с Тухачевским и последующего взрыва недовольства. Из-за чисток, с одной стороны, ослабла коммунистическая партия, но вместе с тем произошел относительный рост влияния Красной Армии. Тухачевский предостерегал Сталина против негуманного подхода к чисткам, но Сталин не намеревался их прекращать, желая укрепить свою личную власть. Вместе с тем Сталин предвидел, что по мере нарастания волны чисток в Красной Армии рано или поздно вспыхнет протест, и поэтому, я думаю, он решил опередить Тухачевского, арестовав его.

— Почему Сталин сомневался в командующем Дальневосточной армией Блюхере?

Люшков: Судя по характеру маршала Блюхера, он был просто несовместим со Сталиным. Блюхер — человек самостоятельно мыслящий и никоим образом не заискивающий перед Сталиным. Он придерживался мнения, согласно которому СССР должен нанести удар по Японии в интересах помощи национально-освободительному движению в Китае. Это мнение не совпадало с проводимым Сталиным внешнеполитическим курсом.

— А не подумывали ли Вы о том, чтобы объяснить маршалу создавшуюся ситуацию, объединиться с ним и выступить против Москвы?

Люшков: Все генералы Красной Армии глупы. Они всегда считают, что каждый аргумент — лишь результат чьей-то ошибки. Все они верят, что они-то сумеют оправдаться перед Сталиным, и поэтому готовы помочь Москве. Сталин сам по себе не такой уж ужасный человек, но причина всего в том, что он приблизил к себе людей типа Ежова, которые его обманывают. Сталин, посмеиваясь, управляет генералитетом как стадом баранов.

— Поэтому Вы не решились обратиться к Блюхеру?

Люшков: Даже если бы я рассказал все маршалу, вряд ли он решился бы на мятеж. Поэтому я решил бежать в одиночку.

— А как простые люди воспринимают руководство Сталина?

Люшков: Есть недовольные. Преданность Сталину в рядах Красной Армии снижается. Да и внутри коммунистической партии репутация Сталина падает. Простые люди живут в страхе за свою жизнь, они растеряны из-за происходящего.

— Питает ли население неприязнь к коммунизму?

Люшков: Это трудный вопрос, односложно на него не ответить. Несомненно лишь то, что при Ленине население возлагало на коммунизм большие надежды.

— То есть Вы хотите сказать, что при Сталине люди этих надежд лишились?

Люшков: Так можно сказать о старых членах партии, офицерстве, образованных слоях, рабочих. Однако не о крестьянах. Колхозное крестьянство, в прошлом мелкие производители, почитает Сталина.

— Назовите имена и должности других руководителей СССР, кроме Сталина.

(Далее часть текста пропущена).

— Нет ли среди этих людей таких, которые бы намеревались заменить Сталина?

Люшков: По-видимому, нет ни одного. Все они — личности второразрядные, подстраивающиеся под настроение Сталина. Надежды возлагались лишь на Троцкого, высланного за границу и живущего в Мексике, но население страны уже забыло его. Русские склонны быстро забывать прошлое.

— А эпоха Сталина долго еще будет длиться?

Люшков: Оставляя в стороне возможность болезни или внезапной, в результате какого-либо инцидента, смерти Сталина, что явилось бы выражением недовольства, следует признать, что он потрясает живучий и к тому же внимателен ко всем мелочам. А поскольку с помощью НКВД он пресекает и подавляет всякое недовольство, остается лишь надеяться на успех какого-нибудь мятежа.

— Нет ли протестов в НКВД против сталинских чисток?

Люшков: У Сталина очень развита мнительность, он всех подозревает. Если смещенных с должностей становится немного, он начинает подозревать, что в НКВД завелись предатели, выгораживающие подозреваемых. Поэтому НКВД стремится не допустить подозрений Сталина вплоть до арестов невиновных. В НКВД принято теперь шутить: «На сколько человек у меня в этом месяце норма?»

— А какова деятельность Управления НКВД по Дальнему Востоку?

Люшков: После назначения на Дальний Восток я с августа прошлого года и вплоть до настоящего времени арестовал по политическим причинам около 200 тыс. человек, примерно 7 тыс. из них были расстреляны. Если посмотреть в среднем за месяц, это меньше средних показателей по стране. Поэтому меня обвинили в саботировании служебных обязанностей, и я попал в число подозрительных. При нынешней системе любой может отправить на любого тайный донос, не требуется никаких доказательств, даже иногда соревнуются, кто арестует того или иного конкретного человека. Я тоже этим занимался.

— А теперь о том, как Вы бежали. Когда Вы выехали из штаба в Хабаровске?

Люшков: Я выехал 9 июня вместе со своим заместителем под предлогом инспектирования государственной границы. Разумеется, никому мой отъезд не показался подозрительным. Поездом мы доехали до Ворошилова, где находится штаб 58 пограничного отряда.

10 июня и в первой половине дня 11 июня инспектировали границу в том районе. Затем, в полдень 11-го выехали из Ворошилова. До Славянки, где расположен штаб 59 пограничного отряда, доехали в автомобиле. В Славянку приехали 12 июня в 10 часов. Перекусив, я с сопровождающими поехал в автомобиле в район государственной границы, проинспектировал там несколько комендатур (роты аванпоста).

— Почему Вы выбрали для побега район Хуньчунь?

Люшков: Я ведь руководил охраной границы, изучил местную обстановку. 59 пограничный отряд нацелен главным образом на север, а Хуньчунь для него на втором плане. Поэтому как только я замыслил побег, я решил пересечь границу в районе Хуньчуна.

— Какова была обстановка в день пересечения границы?

Люшков: 12-го поздно ночью мы прибыли в последнюю комендатуру. Оттуда на машине поехали инспектировать заставы (посты на границе). На заставе № 3 я дал отвлекающие распоряжения, сумел отделаться от сонных и невнимательных сопровождающих. Ведь все сопровождающие знали, с каким начальником имеют дело, и даже не помышляли о моем намерении устроить побег.

— И после этого Вас обнаружили солдаты пограничного отряда из Хуньчуна?

Люшков: Да.

* * *

(Заместитель наркома обороны маршал Тухачевский был арестован 28 мая 1937 г. по подозрению в том, что является «немецким шпионом», а 12 или 13 июня его расстреляли.)

Командующий Дальневосточной армией маршал Блюхер был смещен с должности 18 августа 1938 г. и вызван в Москву. Затем он был лишен маршальского звания и помещен под домашний арест. В первой декаде ноября того же года ему было предъявлено обвинение в том, что он «японский шпион», и его расстреляли.)

Срочно отконвоировать

Благодаря японским журналистам дело о побеге Люшкова было красочно освещено в японской печати, однако о дальнейших событиях не публиковалось ничего. Если Люшков стал свободным гражданином, ему удалось благополучно уехать за границу и воссоединиться с семьей, то в газетах того времени должны были появиться соответствующие сообщения. Однако подобная информация полностью отсутствует.

Люшков совершил побег 13 июня, а первые публикации о нем появились, благодаря департаменту информации военного министерства, лишь 1 июля. Это обстоятельство указывает на то, что Люшков находился под мощной охраной военного министерства и все обстоятельства его дела хранились в тайне, что военное министерство решило взять под свой непосредственный контроль всю информацию о Люшкове. Следовательно, исчезновение в газетах информации о Люшкове означало, что эту информацию перестал давать в печать департамент информации военного министерства.

Итак, почему же военное министерство перестало давать газетам информацию о Люшкове? Иными словами, почему военное министерство скрывало Люшкова?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, я еще раз встретился с Онуки.

8. Интервью с генералом Онуки

Онуки: Извините, после телефонного разговора с Вами я поинтересовался, кто Вы такой и чем занимаетесь. Я всегда так делаю, когда имею дело с журналистами.

— Выдержал ли я Вашу проверку?

Онуки: Это все из-за того, что репортеры безответственно пишут, что попало. Так, была опубликована информация, будто наше исследовательское общество японо-южнокорейской торговли получает денежную помощь от ЦРУ Южной Кореи. Хотя я в интервью отрицал это утверждение, в статье было сказано, будто я подтвердил факт получения денежной помощи. Но, похоже, Вы — журналист другого типа.

— Очень тронут Вашим доверием.

Онуки: В телефонном разговоре Вы сообщили, что хотели бы поговорить о деле Люшкова, и я сразу растерялся. Ведь прошло уже 40 лет, и я даже не предполагал,

что кто-либо в наше время станет во всем этом копаться. Что Вас конкретно интересует?

— Совершенно случайно я узнал, что 13 июня 1938 г. высокопоставленный советский чиновник Люшков бежал в Маньчжоу-го. Чтобы выяснить подробности его бегства и окружающую его обстановку, я просмотрел газеты и журналы того периода. Однако, к моему удивлению, в них есть только статьи с подробным и красочным описанием самого факта побега и нет ничего более конкретного. Где скрывался Люшков, что он рассказал, каковы были его намерения? Не проясняют публикации и дальнейшую судьбу Люшкова. Тогда я задумался о причинах и решил, что все дело в контроле со стороны департамента информации военного министерства. Этот контроль и объясняет тот факт, что лишь 1 июля появилось сообщение о событии, случившемся 13 июня. Почему же военное министерство так строго контролировало информацию о Люшкове? Какие факты оно хотело скрыть от общественного мнения?

Онуки: Желая узнать это, Вы и занялись делом Люшкова, не так ли?

— Да, это так. О факте бегства Люшкова военное министерство сообщило и газеты напечатали довольно много, но спустя несколько дней всякое упоминание имени Люшкова прекратилось. Поскольку в качестве источника информации выступал лишь департамент информации военного министерства, то, видимо, именно этот орган запретил публикацию новых сведений о Люшкове. Вот почему потерялись все ведущие к Люшкову нити. Можно сказать, что сам факт существования Люшкова был вычеркнут из сознания людей.

Онуки: Итак, о чем же Вы хотите меня спросить?

— Прежде всего, что сообщил Люшков в своих письменных показаниях? Ведь не было других случаев, чтобы бежали высокопоставленные лица ранга Люшкова. Естественно предполагать, что сообщенные им сведения затрагивали важнейшие государственные тайны Советского Союза. Конкретно говоря, что собой представляли эти сведения?

Онуки: Это были ценные сведения. Нам больше всего хотелось узнать, какова обстановка в советской Дальневосточной армии. Мы интересовались также разведывательной и подрывной деятельностью СССР в Маньчжурии. Затем нас интересовала внутриполитическая обстановка в СССР. Поскольку Люшков на все эти вопросы ответил обстоятельно, его информация оказалась очень ценной. Говоря о военной обстановке, следует отметить, что полученная нами информация подтвердилась другими источниками. настолько хорошо был организован сбор разведанных в старой армии. Отвлекусь от этой темы и скажу, что раньше я встречался и часто беседовал с одним человеком из руководства сил самообороны, и он жаловался мне, что самое слабое место в силах самообороны — сбор информации о других странах. Ведь значительная часть населения имеет предвзятое мнение о работе по сбору информации. А между тем точные сведения о противнике — предпосылка правильного выбора и составления плана предстоящей военной операции.

Во всяком случае сведения, полученные в ходе допросов Люшкова, в основном полностью совпали с другими нашими данными. Я тогда же понял, что побег Люшкова — не инсценировка.

— Что же он, к примеру, рассказал?

Онуки: Бегство Люшкова принесло нам в подарок такие материалы, как карта с планом советских приграничных укреплений, карта размещения пограничных отрядов и частей Красной Армии, данные о численности военнослужащих и многое другое, полный чемодан. Там был даже полный список офицеров пограничных отрядов. Благодаря ему, мы получили полное представление о Дальневосточной армии. Его сведения имели такую ценность, что не знаю даже, как ее определить. Вместе с тем в его информации было и такое, что явилось для нас серьезным ударом. С одной стороны, советская Дальневосточная армия неуклонно наращивала свою военную мощь, с другой — японская армия из-за японо-китайского инцидента совсем не была готова к военным действиям с Советским Союзом. Если бы нас в какой-то момент атаковала Дальневосточная армия, мы могли бы рухнуть без серьезного сопротивления.

— Дал ли он информацию о действиях советской стороны по сбору разведанных и подрывной деятельности?

Онуки: И в этих вопросах Люшков был откровенен. Поскольку он лично руководил деятельностью органов НКВД в Дальневосточном регионе, он знал и имена информаторов, и их организационную структуру. По его данным, сеть агентов НКВД состояла из

трех структурных подразделений. Первое охватывало Харбин, Цицикар, Маньчжурию, а руководство размещалось в советском консульстве в Далайе и имело прямую связь с Дальневосточным управлением НКВД. Люшков дал имена всех сотрудников разведки в консульстве в Далайе.

— А другие подразделения?

Онуки: Второе и третье подчинялись штабу Дальневосточного управления НКВД в Хабаровске. Ими руководили двое, законспирированные под кличками «Лео» и «Као».

(В книге Кеннета Макдональда «Шпионы, решившие судьбу войны», изданной в 1969 г. в Нью-Йорке, рассказывается о деятельности советского разведчика «Лео», который в 1941—1945 гг., в период войны между Германией и СССР, отвечал за сбор информации, а также за диверсии. Но неясно, тот ли это «Лео», который примерно в 1938 г. был в Маньчжурии. А «Као», по всей видимости, был китайцем, но и о нем нет никаких сведений.)

«Лео» занимался сбором разведанных, «Као» — подрывными операциями. Аппарат «Лео» также собирал сведения о живущих в Маньчжурии русских, «Као» был связан с Маньчжурским ЦК подпольной Компартии Китая и ведал антияпонской работой. Люшков дал подробные показания о деятельности этих двух подразделений, и, благодаря ему, мы смогли арестовать их агентуру.

— «Лео» и «Као» тоже были арестованы?

Онуки: К сожалению. Люшков не знал их настоящих имен. Эти двое действовали в Маньчжурии еще до его перевода в Хабаровск, а при обмене сообщениями использовались только конспиративные имена. Люшков знал имена тех, кто до его назначения в Хабаровск работал под руководством «Лео» и «Као»; их оказалось не так уж мало.

— А нельзя ли было узнать подлинные имена этих двоих по показаниям арестованных?

Онуки: Поскольку этими допросами занимался не я лично, точно не знаю, но думаю, что это сделать не смогли.

— Что интересного сообщил Люшков о внутривластной обстановке в СССР?

Онуки: Если говорить кратко, в то время власть Сталина была шаткой сверх наших ожиданий, и для ее укрепления Сталин уповал лишь на террор, хотя именно террор подрывал его репутацию. Незадолго до германо-советской войны Гитлер заявил, что стоит лишь пнуть ногой дверь, и весь дом — Советский Союз — рухнет. Тогда, в 1938 г., Советский Союз был приблизительно в таком состоянии. Но Япония в то время находилась в состоянии конфликта с Китаем, Германия была втянута в переговоры с Англией и Францией. И ни у кого не нашлось времени пнуть ногой эту дверь. Не продумал ли Сталин эту ситуацию, не применил ли он чистки как средство для исправления положения?

— Я понял Вас. Безусловно, если бы все эти сведения были опубликованы, могла бы возникнуть затруднительная ситуация, не правда ли?

Онуки: Естественно. Важное место в нашей стратегии занимает правило хранить в глубокой тайне разведанные, добытые в ходе войны двух разведок. Если нельзя даже определить степень ущерба от утечки информации, то и другая сторона не в состоянии принять эффективные контрмеры.

— Почему же в информации, переданной Люшковым, оказалось что-то, поставившее Японию в затруднительное положение?

Онуки: Непосредственно ничего такого, видимо, не было. Но содержание беседы Люшкова с корреспондентами газет о степени вооруженности советской Дальневосточной армии стало известно в Советском Союзе, и там смогли принять соответствующие меры. Это поставило нас в затруднительное положение.

— А были ли у Вас опасения, что Люшков не отказался от своих коммунистических убеждений и после освобождения займется коммунистической пропагандой?

Онуки: Люшков сказал, что сам он считает себя троцкистом. Разве он своим побегом не продемонстрировал разрыв с коммунизмом? Когда я его допрашивал, ни разу не предположил, что он в восторге от коммунизма.

— Почему же он тогда скрывался? Была ли такая необходимость? Что стало с Люшковым после того, как его под конвоем отправили в Токио? Странно, что об этом ничего не сказано. Можно подумать, что Люшкову было невозможно жить открыто. А компетентные военные органы ничего не в состоянии опубликовать...

Онуки: Что, к примеру, можно предположить?

— Что в результате сделки с советскими органами Люшкова против его воли вернули в Советский Союз, или же что он умер вследствие неподобающего обращения

в ходе допроса. То, что военное министерство скрывало его от средств массовой информации, объясняется мнением, согласно которому обнародовать факт его пребывания в Японии будет неправильно. Но я думаю, что ничего тут неправильного не было.

Онуки: Вы мыслите очень оригинально. Но Люшков после допросов в Токио был освобожден. Тогда, думаю, никакой тайны не было. А то, что он перестал быть объектом внимания прессы, объяснялось лишь тем, что он потерял в ее глазах ценность.

— Так ли? Ведь когда он совершил побег, о нем писали много. Не думаю, что печатные органы совсем перестали интересоваться Люшковым. Не является ли подлинной причиной отказ военного ведомства дать в печать информацию о Люшкове? Надеюсь, что продолжив расследование, я смогу понять, в чем тут дело. Люшкова отправили в Токио после допроса в штабе Корейской армии по приказу майора Синами, не так ли?

Онуки: Верно. Тогдашний начальник второго отдела Хомма был весьма заинтересован в Люшкове, поэтому командировал за ним майора Синами.

— Когда Люшкова отправили в Токио?

Онуки: Думаю, это было 19 июня. Конвоировали Люшкова в самолете майор Синами и представитель разведки из Хуньчуня.

— Вам известно, что было с Люшковым потом?

Онуки: Нет, ничего не знаю.

— Это выглядит странно, не правда ли? Ведь именно Вам было поручено проследить за выполнением четырех поставленных Люшковым условий.

Онуки: Думаю, что эти четыре условия были выполнены. Ведь Хомма был не из тех, кто отказывается от обещанного.

— Значит, после допросов Люшков был освобожден, получил обещанные 500 тыс. иен и уехал в третью страну?

Онуки: Я этого не подтверждаю, но думаю, что так все и было.

— Тогда совершенно не понимаю. Условие о выплате 500 тыс. иен было тайной, но если Люшкова освободили и позволили ему уехать в третью страну, то об этом должна же быть в газетах надлежащая информация. Однако я просмотрел все газеты до мая 1939 г. и ничего не нашел. Если его освободили после мая 1939 г., другое дело, но не думаю, что Люшкова допрашивали целый год...

Онуки: Армия, видимо, не смогла дать информацию о Люшкове из-за опасений за его жизнь. Ведь одним из условий Люшкова было обеспечение его личной безопасности.

— А Вы не вспомните кто мог бы это знать точно? Хотелось бы побеседовать с этим человеком.

Онуки: Затрудняюсь Вам сказать. Ведь прошло уже 40 лет, моя память ослабевает... Сотрудников генерального штаба тех лет уже нет в живых. Жив ли кто-либо вообще из имевших к этому отношение?

— А какой отдел в генеральном штабе курировал в то время допросы?

Онуки: Меня тогда как раз перевели в штаб Корейской армии, поэтому о распределении обязанностей в генеральном штабе не знаю.

— А потом Вы ничего не слышали о Люшкове?

Онуки: Нет, не слышал. Из-за занятости я вообще забыл о нем.

— А о судьбе майора Синами Вам что-нибудь известно?

Онуки: Он погиб в автомобиле во время боев у реки Халхин-гол. А ведь он так надеялся на будущее...

(Продолжение следует)

Величайший оракул Востока

А. КОБЗЕВ

«Канон перемен», или в менее точном, но более известном переводе «Книга перемен» («И цзин», другое название «Чжоу и»), относится к числу величайших и одновременно наиболее загадочных творений человека. С точки зрения породившей его китайской культуры (древнейшей из ныне существующих на Земле) он представляет собой нечто еще более значительное — творение Сверхчеловека, запечатлевшего в особых символах и знаках тайну мироздания. Поэтому «Канон перемен» требует к себе особого отношения — как к Книге книг, Священному писанию, одному из духовных чудес света, которых у человечества, как и материальных, наверное, не более семи. В настоящее время это ясно не только носителям синоиероглифической культурной традиции в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, но и всем просвещенным людям в развитых странах Запада.

В нашей стране одним из первых это осознал блестящий востоковед, ученый и поэт Ю. К. Щуцкий (1897—1937). Прделанная им более полувека тому назад работа по переводу, изучению и истолкованию «И цзина» продолжает оставаться уникальной в СССР и, по-видимому, непревзойденной на Западе. Жизнь автора оборвалась трагично, но его произведение в соответствии с умопостижимым законом несгораемости рукописей избегло уничтожения и через двадцать с лишним лет после насильственной гибели своего создателя счастливо увидело свет¹. Практически сразу после опубликования «Китайская классическая "Книга перемен"»

была признана классикой отечественного Китаеведения, и именно в таком качестве она ныне подготовлена нами к переизданию.

Самые общие сведения и новейшие данные о «Каноне перемен» и его выдающемся переводчике и исследователе Ю. К. Щуцком были недавно опубликованы на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока»². Из этих публикаций явствует, что, хотя общепризнанным является наличие у «Канона перемен» двух ипостасей — философской и мантической, — до последнего времени львиная доля научного интереса уделялась первой из них, а вторая принималась на правах бедной родственницы. Из недр плодотворно развившегося в 80-е годы и богатого разного рода открытиями отечественного цзиноведения появились всего несколько специальных работ, освещающих гадательный аспект «Канона перемен»³.

Между тем по понятным причинам в обыденном сознании как раз этот аспект всегда превалял, хотя до недавних пор интерес к нему не находил достойного удовлетворения уже по той простой причине, что тираж всего изданного по данной теме был совершенно ничтожен. Отметим лишь один факт: содержащая перевод основного мантического текста, без которого настоящее гадание невозможно, книга Ю. К. Щуцкого была выпущена в количестве 1400 экземпляров 30 лет тому назад и, разумеется, уже давно стала недоступным раритетом.

Однако в последнее время неутолимый спрос в указанной области начал постепенно определять предложение. Но, как часто бывает в подобных случаях, «силами быстрого реагирования» потребителям был предложен некий суррогат. Остросюжетная, но недостоверная информация из-под бойких перьев потекла и в курортную газету⁴, и на страницы хорошо иллюстрированных столичных журналов⁵. Автор этих строк даже наблюдал кооперативно-компьютерное гадание по «И цзину» с эффектным изображением на дисплее и невообразимыми ответами на вопросы в одном промтоварном магазине (1 рубль за 1 ответ). А материал, под грифом «загадочное», опубликованный журналом «В мире книг» («Слово»), затем был размножен многотысячным

Кобзев Артем Игоревич — ведущий научный сотрудник ИВ АН СССР, доктор философских наук.

тиражом и, по-видимому, принес своим предприимчивым издателям прибыли, близкие к магическим шестизначным (как и гексаграммы «И цзина») числам.

Но, увы, эта коммерческая магия весьма далека от своего мантического первоисточника. Между подлинным текстом «Канона перемен» и широко распространеннейшей перепечаткой толкований 64 гексаграмм из статьи П. Бондаровского, воспроизведшего фантазии некоей венгерской писательницы Дюлы Хернади, которая в свою очередь следует за столь же неизвестной специалистом и откровенно опустившей предмет до «максимально коммерческого уровня» американкой Барбарой Хейслип, такая же разница, как между Библией и «Забавной библией».

Исходя из сложившейся ситуации, мы считаем своим долгом предоставить всем заинтересованным лицам возможность ознакомления с более достоверной информацией. Для этого нами составлена краткая справка о классических способах гадания по «И цзину» и подготовлен к публикации необходимый для осуществления данной мантической процедуры текст канона. Последний представлен в авторитетном и пока единственном на русском языке переводе Ю. К. Щуцкого, издание которого мы сверили с рукописью, исправили и заново отредактировали, устранив явные ошибки и пропуски, а также несколько унифицировав терминологию (исключительно в пределах авторских вариантов).

В предлагаемую подборку мы включили и маленькую, к сожалению, опущенную в издании 1960 г., главку из книги Ю. К. Щуцкого, в которой приводятся довольно любопытные сведения о мантической роли «И цзина» в Китае и Японии перед второй мировой войной, когда эта древняя традиция там еще не подверглась губительным «переменам». Данный текст, минимально отредактированный и прокомментированный нами, публикуется по рукописи монографии Ю. К. Щуцкого «Китайская классическая "Книга перемен"». Исследование, перевод текста и приложения», хранящейся в Архиве востоковедов ИВ АН СССР (разряд 1, опись 1, ед. хр. № 166, л. 335—339) в Ленинградском отделении ИВ АН СССР.

* * *

Китай с древнейших времен был страной высокоразвитой гадательной культу-

ры. Древнейшие памятники китайской письменности — это не что иное, как гадательные надписи. И позднее, в средние века, в сопредельных странах Китая считался родиной гадательной практики, а его император величался «царем мантики»⁶.

Однако, с другой стороны, китайский подход к гаданиям всегда отличался взвешенностью и рационализмом. Уже в таком древнейшем каноне, как «Шу цзин» («Канон [документальных] писаний», гл. «Хун фань» — «Величественный образец», раздел-чоу 7), была нормативно зафиксирована следующая иерархия совещательных инстанций: «Если у Вас, государь, возникнут большие сомнения, то обдумайте их сначала в своем сердце, затем обсудите их со своими сановниками и чиновниками, посоветуйтесь со своим многочисленным народом и спросите ответа у гадателей на черепаших щитах и стеблях тысячелистника»⁷. А более чем через две тысячи лет, в XVIII в., известный писатель, крупный ученый-конфуцианец и государственный деятель Ци Юнь (1724—1805) утверждал: «...Сами духи не одухотворяют, их одухотворяют люди. Тысячелистник, щит черепахи, сухая трава, кости — хотя по ним можно узнать, что тебе предопределено, беда или счастье,— чудотворными они становятся лишь с помощью человека»⁸.

На наш взгляд, истоки совмещения высокоразвитости мантики с ограничительно-рационалистическим подходом к ней следует искать в особенностях главного гадательного канона — «И цзина» («Чжоу и»).

«Чжоу и» включает в себя каноническую часть (в двух разделах), созданную, видимо, в VIII—VII вв. до н. э., — собственно «И цзин» и комментирующую часть, созданную в VI—IV вв. до н. э., — «И чжуань» (или «Ши и» — «Десять крыльев», то есть семь комментариев-чжуань, три из которых имеют по два раздела), в которой важнейшее значение имеет «Си цы чжуань» («Комментарий привязанных афоризмов»).

Происхождение канонической части «Чжоу и» связано с двумя важнейшими видами гадальной практики — на панцирях черепах и костях крупного рогатого скота, — в результате которой образовывались геометрические символы; и на стеблях тысячелистника, в результате которой образовывались числовые комбинации. Древнейшие мантические приемы преобразованы в «Чжоу и» в нумероло-

гическую систему математикоподобных операций с числами и геометрическими фигурами, задача которой — «разделять по родам свойства всей тьмы вещей» («Сиды чжуань», П, 2).

Специфическую основу «И цзина» составляют возникшие, вероятно, еще в конце II — начале I тыс. до н. э. 64 гексаграммы (люшисы гуа) — особые графические символы, состоящие из шести расположенных друг над другом черт двух видов — целой и прерванной — во всех комбинаторно возможных сочетаниях. Черты, называемые «девяткой» и «шестеркой», истолковываются как знаки универсальных мироустроительных сил инь (прерванная) и ян (целая), а их двойные, тройные и т. д. комбинации — как знаки более конкретных воплощений инь и ян во всех сферах бытия. Центральную роль в этой системе играют восемь триграмм (ба гуа) — сочетания из трех черт, считающиеся половинными компонентами гексаграмм и знаменующие собой восьмеричный набор универсалий: ☰ Цянь — творчество, крепость, небо, отец; ☷ Кунь — исполнение, самоотдача, земля, мать; ☳ Чжэнь — возбуждение, подвижность, гром, первый сын; ☵ Кань — погружение, опасность, вода, второй сын; ☶ Гэнь — пребывание, незыблемость, гора, третий сын; ☱ Сюнь — утончение, проникновенность, ветер (дерево), первая дочь; ☲ Ли — сцепление, ясность, огонь, вторая дочь; ☴ Дуй — разрешение, радость, водоем, третья дочь.

В теоретическом (философском) аспекте каждая черта может быть иньской или янской, а в практическом (гадательном) — еще и «молодой» или «старой». Обладая этими свойствами, черты занимают определенные позиции в гексаграмме, которые могут им соответствовать или нет. Чертам ян соответствуют нечетные позиции, чертам инь — четные, поэтому наиболее гармоничной в данном смысле является гексаграмма № 63 Цзи цзи (Уже конец) ☰, а дисгармоничной — парная ей по принципу противоположности-дуй гексаграмма № 64 Вэй цзи (Еще не конец) ☷. Первая (нижняя) позиция знаменует начало, зарождение процесса; вторая — апогей его внутреннего развития; третья — кризисный переход от внутреннего состояния к внешнему; четвертая — внешнее обнаружение процесса; пятая — его максимальное проявление; шестая — завершение или пере-

рождение в иной процесс. Позиции также символизируют следующие свойства и образы: 1 — твердость, ступни, простолудин; 2 — мягкость, голени, служилый; 3 — справедливость, бедра, вельможа; 4 — гуманность, туловище, придворный; 5 — яновость, плечи, государь; 6 — иненость, голова, совершенномудрый.

Две нижних, две средних и две верхних позиции занимают три диграммы, соотносимые соответственно с тремя главными уровнями мироздания — земным, человеческим, небесным.

Три нижних и три верхних позиции занимают две триграммы, первая из которых символизирует внутреннюю, наступающую, создающуюся ситуацию, а вторая — внешнюю, отступающую, разрушающуюся ситуацию. Как и в случае с отдельными чертами, нижней (первой, нечетной) триграмме соответствует сила ян, а верхней (второй, четной) — сила инь. В данном смысле наиболее гармонична гексаграмма № 11 Тай (Расцвет) ☰, а дисгармонична парная ей по принципу противоположности-дуй гексаграмма № 12 Пи (Упадок) ☷. Одинаковые позиции в двух триграммах, составляющих гексаграмму, коррелятивны друг другу. Эта корреляция позиций — первой и четвертой, второй и пятой, третьей и шестой — «действительна» тогда, когда на них располагаются противоположные черты.

Важнейшую роль играют называемые «женой» и «мужем» вторая и пятая позиции как центральные и потому определяющие для триграмм. Кроме того, одна из них является нижней, а другая верхней в тетраграмме, выделяемой внутри гексаграммы. В свою очередь эту «ядерную» тетраграмму разбивают на две «взаимопроницающие триграммы», которые охватывают 1) вторую, третью, четвертую и 2) третью, четвертую, пятую позиции. Они могут быть вычленены и использованы соответственно как нижняя и верхняя триграммы для получения новой, производной гексаграммы, характеризующей более глубокое состояние рассматриваемой ситуации.

Внутри гексаграммы нижняя и верхняя позиции (каждая из которых входит только в одну триграмму) означают расходящиеся крайности, две центральные позиции (каждая из которых входит в три триграммы — нижнюю или верхнюю

и обе взаимопроникающие) — слишком сблизившиеся элементы, а вторая и пятая (каждая из которых входит в две триграммы — верхнюю или нижнюю и одну из взаимопроникающих) — гармоничное пребывание в середине, что отвечает их срединному положению в основных триграммах. Наличие в триграмме или гексаграмме одной черты инь или ян делает ее позицию доминирующей. С этим принципом, по-видимому, связаны способы гадания, предполагающие выделение в гексаграмме только одной изменяющейся или, напротив, неизменной (при изменении всех остальных) черты, которая обуславливает получение вторичной, производной от первой, гексаграммы.

В исходном источнике, содержащем описание техники гадания по «И цзину», — «Си цы чжуани» (1, 9) — речь идет о стеблях тысячелистника. Для осуществления этого древнейшего мантического приема (ахиллеомантики) нужны 50 стеблей тысячелистника, которые можно заменить аналогичными предметами, например счетными палочками или спичками. Они кладутся пучком на стол, покрытый тканью, желателно шелковой. Правой рукой следует взять один стебель и сразу же отложить его в сторону и более им не пользоваться, а оставшиеся 49 обоими руками разделить по центру на два пучка. Левый из них зажать в левой руке, а из правого правой рукой взять один стебель и поместить его между мизинцем и безымянным пальцем левой руки. Затем вынимать правой рукой из левого пучка по четыре стебля. Оставшиеся (1, 2, 3 или 4) стебли поместить между безымянным и средним пальцем левой руки. Отсчитанные по четыре стебли правой рукой вновь вернуть налево. Той же рукой взять правый пучок и левой рукой извлекать из него также по четыре стебля. Остаток поместить между средним и указательным пальцем левой руки. Всего между пальцами левой руки может оказаться 5 или 9 стеблей в следующих комбинациях: $1+1+3$, $1+2+2$, $1+3+1$, $1+4+4$. Отложить их в сторону, а все оставшиеся стебли обоими руками вновь соединить в один пучок, состоящий из 44 или 40 стеблей, и повторить с ним вышеописанную операцию, называемую «изменением». В ее результате между пальцами левой руки оказываются 4 или 8 стеблей в комбинациях: $1+1+2$, $1+2+1$, $1+3+4$, $1+4+3$. После их откладывания в пучке может остаться 40, 36 или 32 стеблей. Далее

произвести точно такое же третье «изменение», в результате которого между пальцами левой руки образуются такие же комбинации стеблей, что и во втором «изменении».

После этой трехэтапной процедуры оставшийся пучок может состоять из 36, 32, 28 или 24 стеблей. Указанные суммы при делении на 4 дают соответственно числа 9, 8, 7, 6. Они символизируют черты гексаграмм: 9 — «старый ян» (—○—), 8 — «молодая инь» (— —), 7 — «молодой ян» (— — —), 6 — «старая инь» (—х—). Определив полученную черту, аналогичным образом осуществить еще три «изменения», которые позволят получить вторую черту. Расположить ее над первой (нижней). Шестиступенное построение гексаграммы предполагает проведение 18 «изменений». Если полученная гексаграмма состоит из одних «молодых» черт, то далее рассматриваются только она и связанный с нею текст. Если же среди ее черт находится одна или несколько «старых», то таковые преобразуют в их противоположность (инь — в ян, ян — в инь) и в дополнение к первой рассматривают подобным образом выведенную из нее вторичную гексаграмму как выражающую тенденцию последующего развития ситуации, предсказанной в первой гексаграмме (см. ниже).

Для применения менее древнего и более простого способа гадания нужны минимум три и максимум восемнадцать одинаковых монет, которые положено изъять из обращения и использовать только мантически. В полном варианте каждая полученная черта обозначается выкладыванием трех определивших ее монет, а для получения следующей берутся новые три монеты. В сокращенном варианте все производится с помощью одних и тех же трех монет. Удобны, например, трех- и двухкопеечные, поскольку базовыми тут являются числа 3 и 2 — стандартные символы сил ян и инь. Принимается, что одна сторона монеты выражает число 3, а другая — 2. Совместное бросание трех монет в качестве жребия и сложение выражаемых ими чисел дает четыре возможные суммы: 9, 8, 7, 6, — с которыми следует поступить точно так же, как при первом способе (с помощью стеблей). Здесь построение гексаграммы требует всего шести жеребьевок.

Суммарная вероятность получения черт инь и ян обоими способами одинакова. Однако при использовании стеблей

в три раза более вероятно выпадение «старого ян», чем «старой инь», что обуславливает большую вероятность соответствующего появления во вторичной гексаграмме черты инь, нежели ян. В целом вероятности выпадения числовых символов при обоих способах таковы:

	9	8	7	6
тысячелестник	3/16	7/16	5/16	1/16
монеты	2/16	6/16	6/16	2/16

Слегка усложнив гадание с помощью монет, можно достигнуть абсолютно той же вероятности выпадания числовых символов, что и при использовании стеблей. Такой синтезирующий оба главных мантических способа вариант был предложен в 1980 г. американскими философами Э. А. Хакером и В. Дж. Кохом (W. J. Koch)². Для получения числового символа каждой черты их метод предполагает не одну, а две жеребьевки: сначала бросание одной монеты, а затем, как и при стандартном способе, — трех монет. Результаты идентифицируются с базовыми числами 6, 7, 8, 9 следующим образом:

бросание 1 монеты	бросание 3 монет	графический символ	числовой символ	вероятность выпадания
2 (реверс)	$\left\{ \begin{matrix} 2 & 2 & 2 \\ 3 & 3 & 3 \\ 3 & 3 & 2 \\ 3 & 2 & 2 \end{matrix} \right.$	—X—	6	1/16
	$\left\{ \begin{matrix} 3 & 3 & 2 \\ 3 & 2 & 2 \end{matrix} \right.$	— —	8	7/16
3 (аверс)	$\left\{ \begin{matrix} 3 & 3 & 2 \\ 3 & 3 & 3 \\ 2 & 2 & 2 \\ 3 & 2 & 2 \end{matrix} \right.$	—●—	9	3/16
	$\left\{ \begin{matrix} 2 & 2 & 2 \\ 3 & 2 & 2 \end{matrix} \right.$	— — —	7	5/16

Наконец, гадание по «И цзину» может быть осуществлено и без использования каких-либо материальных посредников (стеблей или монет). Несколько подобных методов описал выдающийся средневековый философ-нумеролог Шао Юн (1011—1077), но, возможно, они гораздо более древнего происхождения. Для методов Шао Юна характерно усиление роли триграмм и выдвигание на первый план их временного смысла, соответствующего исходной концепции «круговых перемен» (чжоу и).

Рассмотрим один такой метод. Для его реализации необходимо знать четыре числа, обозначающих год, месяц, день и двухчасье по китайской системе двенадцатеричного исчисления времени. Эти данные для ближайших 12 лет (от 1990—1991 до 2001—2002 г.) представлены в таблице 1¹⁰. Первую строку в ней занимают номера циклических знаков из набора 12 «земных ветвей» (ди чжи), названия которых даны во второй строке.

Третья строка заполнена соответствующими им двухчасьевыми периодами суток, или так называемыми стражами. В 4-й и 5-й строках указаны годы, а в остальных двенадцати строках — начальные даты (по григорианскому календарю) лунных месяцев, пронумерованных в первом столбце. Тут некоторые данные разделены надвое и содержат две даты. Это означает наличие вставного (эмболисмического) месяца, который в китайском календаре не получает собственного номера и обозначается тем же циклическим знаком, что и предшествующий ему месяц. Однако дни во вставном месяце, как и в других, имеют свою отдельную нумерацию.

Числовые обозначения (номера соответствующих циклических знаков) года и двухчасья прямо извлекаются из таблицы, а месяца и дня — элементарно высчитываются. К примеру, гадание происходит в 18¹⁰ 15 октября 1990 г. 1990 г. соответствует знак № 7, 18 часам — № 10, а 15 октября — это 27-й день 8 лунного месяца. Следовательно, четыре временных координаты предполагаемого момента гадания выражаются числами 7, 8, 27, 10. Первые три из них следует сложить (в нашем примере: 7+8+27=42). Если полученная сумма меньше или равна 8, то в приписываемой Фу-си (мифическому императору, культурному герою) последовательности триграмм (1. Цянь, 2. Дуй, 3. Ли, 4. Чжэнь, 5. Сюнь, 6. Кань, 7. Гэнь, 8. Кунь) надо выбрать имеющую данный номер. Если же полученная сумма больше 8, то из нее надо вычесть ближайшее меньшее число, кратное 8, и разность считать номером триграммы в той же последовательности Фу-си (в разбираемом примере: 8×5=40, 42—40=2=триграмма № 2 Дуй). Затем к первоначальной сумме трех временных показателей следует прибавить четвертый — число двухчасья — и с новой суммой проделать ту же операцию, что и с предыдущей (в примере: 42+10=52, 8×6=48, 52—48=4=триграмма № 4 Чжэнь). Первая из полученных триграмм располагается сверху, вторая — снизу, что и дает искомую гексаграмму (в примере: Дуй≡+Чжэнь≡≡гексаграмма № 17 Суй ≡≡).

Описываемый метод построения гексаграммы не из черт, а из триграмм предполагает выделение только одной изменяющейся черты, которая определяется посредством отдельной процедуры. Для

этого берется уже имеющаяся сумма всех четырех временных показателей и соотносится с числом 6. Если эта сумма меньше или равна 6, то она прямо рассматривается как номер позиции изменяющейся черты в гексаграмме, а если больше — то сводится до разности с ближайшим меньшим числом, кратным 6, которая и считается номером искомой позиции (в нашем примере: $6 \times 8 = 48$, $52 - 48 = 4 =$ позиция № 4, черта ян). Установленная подобным образом черта изменяется в ее противоположность, на основании чего выделяется вторичная гексаграмма (в примере: гексаграмма № 17 Суй переходит в гексаграмму № 3 Чжунь

в которой позицию № 4 занимает черта инь). Дальнейшие действия отвечают общим принципам гадания по «И цзину».

После получения тем или иным из описанных способов одной или двух гексаграмм надлежит найти ее или их в тексте «И цзина», что легко осуществимо с помощью таблицы 2, трансформирующей последовательность триграмм по Фу-си в последовательность гексаграмм по Вэнь-вану (полуисторический персонаж XII—XI в. до н. э.), запечатленную в самом «И цзине». Ответ на поставленный перед гаданием вопрос призваны дать многосмысленные мантические формулы и афоризмы ко всей гексаграмме и к ее отдельным чертам¹¹.

Таблица 1

Цикл. знак	7 у	8 вэй	9 шэнь	10 ю	11 сюй	12 хай	1 шэнь	2 чоу	3 инь	4 мао	5 чэнь	6 си
Двух-часть	11—13	13—15	15—17	17—19	19—21	21—23	23—1	1—3	3—5	5—7	7—9	9—11
Год	1990—1991	1991—1992	1992—1993	1993—1994	1994—1995	1995—1996	1996—1997	1997—1998	1998—1999	1999—2000	2000—2001	2001—2002
Месяц	1 27.I 25.II	15.II 18.III	4.II 4.III	23.I 21.II 23.III 22.IV	10.II 12.III	31.I 1.III	19.II 19.III	7.II 9.III	28.I 27.II	16.II 18.III	5.II 6.III	24.I 23.II
3	27.III	15.IV	3.IV	21.IV	11.IV	31.III	18.IV	7.IV	28.III	16.IV	5.IV	25.III
4	25.IV	14.V	3.V	21.V	11.V	30.IV	17.V	7.V	26.IV	15.V	4.V	23.IV 23.V
5	24.V 23.VI	12.VI	1.VI	20.VI	9.VI	29.V	16.VI	5.VI	26.V 24.VI	14.VI	2.VI	21.VI
6	22.VII	12.VII	30.VI	19.VII	9.VII	28.VI	16.VII	5.VII	23.VII	13.VII	2.VII	21.VII
7	20.VIII	10.VIII	30.VII	18.VIII	7.VIII	27.VII	14.VIII	3.VIII	22.VIII	11.VIII	31.VII	19.VIII
8	19.IX	8.IX	28.VIII	16.IX	6.IX	26.VIII 25.IX	13.IX	2.IX	21.IX	10.IX	29.VIII	17.IX
9	18.X	8.X	26.IX	15.X	5.X	24.X	12.X	2.X	20.X	9.X	28.IX	17.X
10	17.XI	6.XI	26.X	14.XI	3.XI	22.XI	11.XI	31.X	19.XI	8.XI	27.X	15.XI
11	17.XII	6.XII	24.XI	13.XII	3.XII	22.XII	11.XII	30.XI	19.XII	8.XII	26.XI	15.XII
12	16.I	5.I	24.XII	12.I	1.I	20.I	9.I	30.XII	17.I	7.I	26.XII	13.I

Таблица 2
Верхние

8. Кунь	7. Гэнь	6. Кань	5. Сюнь	4. Чжэнь	3. Ли	2. Дуй	1. Цянь	триграммы Нижние триграммы
2	23	8	20	16	35	45	12	
15	52	39	53	62	56	31	33	
7	4	29	59	40	64	47	6	
46	18	48	57	32	50	28	44	
24	27	3	42	51	21	17	25	
36	22	63	37	55	30	49	13	
19	41	60	61	54	38	58	10	
11	26	5	9	34	14	43	1	

Примечания

¹ Ю. К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». — М., 1960.

² А. И. Кобзев. «Чжоу и» — китайская библия // Проблемы Дальнего Востока. — М., 1989. — № 3. — С. 175—189; он же. Победа синих чертей (о Ю. К. Щуцком) // Там же. — 1989. — № 4. — С. 142—147, 153—156.

³ С. В. Зинин. Построение гексаграмм «И цзиня» // Проблема человека в традиционных китайских учениях. — М., 1983. — С. 17—26; он же. Мантические ритуалы бу и ши в эпоху Чунь цю (VIII—V вв. до н. э.) // Этика и ритуал в традиционном Китае. — М., 1988. — С. 155—172; А. И. Кобзев. Гексаграммная мантика в эпоху Чунь цю // Двадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». — Ч. 1. — М., 1989. — С. 10—22.

⁴ П. Коровяковский. О чем молчит «И цзин» // Черноморская здравница. — Сочи. — 16.VII.1987. — С. 3.

⁵ П. Бондаровский. Гадание по «Книге перемен» // В мире книг. — М., 1988. — № 3. — С. 75—88. В. Масленников. Загадки «Книги перемен» // Наука и религия. — М., 1990. — № 4. — С. 52—54; № 5. — С. 55—57.

⁶ Подробно см.: С. В. Зинин. Исследования по китайской мантике (обзор) // Народы Азии и Африки. — М., 1989. — № 5. — С. 168—177.

⁷ Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. — Т. 1. — М., 1972. — С. 108.

⁸ Цзи Юнь. Заметки из хижины «Великое в малом». — М., 1974. — С. 227.

⁹ E. A. Hacher. Brief Note on a Coin-Method Equivalent to the Yarrow-Stalk Method for Determining the Lines of a Hexagram in the I-Ching // Philosophy East and West. — Honolulu, 1980. — Vol. 30. — № 4. — P. 535—536.

¹⁰ Аналогичные сведения о последующем времени — до 2019 г. можно почерпнуть в книге: В. В. Цыбульский. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. — М., 1987.

¹¹ Подробно о технике гаданий по «И цзиню» см.: A. Douglas. The Oracle of Change. How to Consult the I Ching. — Penguin Books, 1971; D. F. Hook. The I Ching And You. — L., 1973; Liu Da. I Ching Coin Prediction. — New York; Evanston, 1975; idem. I Ching Numerology: Based on Shao Yung's Classic "Plum Blossom Numerology". — San Francisco, 1979; W. K. Chu. An Anthology of I Ching. — L. etc., 1977.

КАНОН ПЕРЕМЕН

Первая часть

(№ 1) ☰ Цянь. Творчество.

Изначальное свершение; благоприятна стойкость.

(I) В начале девятка. Нырнувший дракон. — Не действуй, (II) Девятка вторая. Появившийся дракон находится на поле. — Благоприятно свидание с великим человеком, (III) Девятка третья. Благородный человек до конца дня деятелен; вечером он осмотрителен, точно в опасности. — Хулы не будет. (IV) Девятка четвертая. Точно прыжок в бездну. — Хулы не будет. (V) Девятка пятая. Летящий дракон находится в небе. — Благоприятно свидание с великим человеком. (VI) Наверху девятка. Возгордившийся дракон. — Будет раскаяние.

При действии девяток смотри, чтобы все драконы не главенствовали: (тогда будет) счастье.

(№ 2) ☷ Кунь. Исполнение.

Изначальное свершение; благоприятна стойкость кобылицы. Княжичу есть, куда выступить. Выдвинется (он) — заблудится, последует — обретет господина. Благоприятно: на юго-западе обрести друзей, на северо-востоке — утратить друзей. (Пробудешь) спокойно в стойкости — (будет) счастье.

(I) В начале шестерка. (Если ты) наступил на иней, (значит), близок и крепкий лед. (II) Шестерка вторая. Прямота, повсеместность, величие. — И без упражнения не будет (ничего, что бы) не (было) благоприятно. (III) Шестерка третья. Тая (свои) проявления, надо бы быть стойким. — Пожалуй, следуй за царем в (его)

делах. Без того, чтобы совершать (самому), доведешь (дело) до конца. (IV) Шестерка четвертая. Завязанный мешок.— Не будет хулы, не будет хвалы. (V) Шестерка пятая. Желтая юбка.— Изначальное счастье. (VI) Наверху шестерка. Драконы бьются на окраине.— Их кровь — синяя и желтая.

В действии шестерок благоприятна вечная стойкость.

(№ 3) Чжунь. Начальная трудность.

Изначальное свершение; благоприятна стойкость. Незачем иметь, куда выступить. Благоприятно для возведения князей.

(I) В начале девятка. Нерешительное кружение на месте.— Благоприятно пребывание в стойкости; благоприятно для возведения князей. (II) Шестерка вторая. В трудности, в нерешительности четверка коней тянет в разные стороны! — (Если бы) не разбойник, (то был бы) брак. Но девушка стойко не принимает его. Через десяток лет примет. (III) Шестерка третья. Выйдешь на оленя без ловчего — лишь (попусту) войдешь в лес.— Благородный человек предвидит события: не лучше ли оставить (начатое дело, ибо его) продолжение приведет к сожалению. (IV) Шестерка четвертая. Четверка коней тянет в разные стороны! Добивайся брака.— В дальнейшем счастье. Ничего неблагоприятного. (V) Девятка пятая. Трудно ее милостям.— В малом — стойкость к счастью, в великом — стойкость к несчастью. (VI) Наверху шестерка. Четверка коней тянет в разные стороны! Слезы до крови — льются сплошным потоком.

(№ 4) Мэн. Недоразвитость.

Свершение. Не я ищущий юношей; юноши ищут меня. По первому гаданию — возвещу; повторное и третье — смутит. Раз смутит — не возвещу. Благоприятна стойкость.

(I) В начале шестерка. Развитие недоразвитого.— Благоприятно для применения казней над людьми, для освобождения колодок на руках и ногах, ибо продолжение (их несвободы) приведет к сожалению. (II) Девятка вторая. Приятие недоразвитых — к счастью; взятие жены — к счастью. Сын управляет всем домом. (III) Шестерка третья. Незачем брать жену. (Она) увидит богача и не соблюдет себя.— Ничего благоприятного. (IV) Шестерка четвертая. Стеснение от недоразвитости.— Сожаление. (V) Ше-

стерка пятая. Недоразвитость юноши.— Счастье. (VI) Наверху девятка. Удар по недоразвитости.— Не благоприятствует (тому, чтобы) быть разбойником; благоприятствует (тому, чтобы) справиться с разбойником.

(№ 5) Суй. Необходимость ждать.

Обладателю правды — изначальное свершение. Стойкость — к счастью. Благоприятен брод через великую реку.

(I) В начале девятка. Ожидание на окраине.— Благоприятно применение постоянства. Хулы не будет. (II) Девятка вторая. Ожидание на (прибрежном) песке.— Предстоят незначительные разговоры. В конце концов — счастье. (III) Девятка третья. Ожидание в тине.— Близится приход разбойников. (IV) Шестерка четвертая. Ожидание в крови.— Выйди из пещеры. (V) Девятка пятая. Ожидание за вином и яствами.— Стойкость к счастью. (VI) Наверху шестерка. Войдешь в пещеру, и будет приход трех неторопливых гостей.— Отнесись к ним с уважением, и в конце концов будет счастье.

(№ 6) Сун. Тяжба.

Обладателю правды — препятствие. С трепетом блюди середину — к счастью. Крайность — к несчастью. Благоприятно свидание с великим человеком. Не благоприятен брод через великую реку.

(I) В начале шестерка. Не навеки будет то, в чем усердствуешь.— Будут незначительные разговоры, а в конце концов — счастье. (II) Девятка вторая. Не одолеешь в тягбе.— Поверни — и беги. Триста дворов — население твоего города — не (накликнет) беды. (III) Шестерка третья. Кормись от обретенного встарь.— Будь стойким в опасности — в конце концов будет счастье. Пожалуй, следуй за царем в (его) делах. Без того, чтобы совершать (самому). (IV) Девятка четвертая. Не одолеешь в тягбе. (Если) опять подчинишься приказу, (то положение) изменится.— Будь спокоен в стойкости — будет счастье. (V) Девятка пятая. Тяжба.— Изначальное счастье. (VI) Наверху девятка. Быть может, будешь пожалован парадным поясом, (но) до конца утреннего приема (тебе) трижды порвут его.

(№ 7) Ши. Войско.

Стойкость. Возмужалому человеку — счастье. Хулы не будет.

(I) В начале шестерка. Выводи войско, руководясь законом.— (А если) не так, (то хотя бы оно и было) хорошим — будет несчастье. (II) Девятка вторая. Пребывание в войске.— Счастье. Хулы не будет. Царь трижды пожалует приказы. (III) Шестерка третья. В войске, быть может, воз трупов.— Несчастье. (IV) Шестерка четвертая. Войско отступает на постоянные квартиры.— Хулы не будет. (V) Шестерка пятая. На поле есть дичь. Благоприятно сдержат слово: хулы не будет. Старшему сыну вести войска. Младшему сыну — воз трупов. Стойкость — к несчастью. (VI) Наверху шестерка. Великий государь владеет судьбами, начинает династию и наследует (своему) дому.— Ничтожному человеку — не действовать.

(№ 8) Би. Приближение.

Счастье. Вникни в гадание. Изначальная вечная стойкость. Хулы не будет. Не лучше ли сразу прийти? Опоздавшему — несчастье.

(I) В начале шестерка. Обладание правдой — приближайся к нему.— Хулы не будет. Обладание правдой — наполненные кувшина: в конце концов наступает.— Будет счастье и для других. (II) Шестерка вторая. Приближайся к нему изнутри.— Стойкость — к счастью. (III) Шестерка третья. Приближайся к нему — злодей. (IV) Шестерка четвертая. Внешне приближайся к нему.— Стойкость — к счастью. (V) Девятка пятая. Явленное приближение. Царю (на охоте) надо ставить загонщиков (лишь с (трех) сторон) и отпускать дичь, которая уходит вперед.— (Если) не ставить ограничений горожанам, (то будет) счастье. (VI) Наверху шестерка. Приближение к нему — лишено главного.— Несчастье.

(№ 9) Сяо чу. Воспитание малым.

Свершение. Плотные тучи — и нет дождя; (они) — с нашей западной окраины.

(I) В начале девятка. Возврат исходит из Пути.— Какая может быть в этом хула? — Счастье. (II) Девятка вторая. Привлечение к возврату.— Счастье. (III) Девятка третья. У телеги выпали спицы.— Муж и жена отворачивают взгляды. (IV) Шестерка четвертая. Обладай правдой. От кровопролития уходи, из страшного выходи.— Хулы не будет. (V) Девятка пятая. Обладай правдой — (она) объединяет! — Разбогатеешь от своих соседей. (VI) Наверху

девятка. Уже идет дождь. Уже (найденно подобающее) место. Еще удастся собрать (скарб).— Стойкость жены — опасна. Луна почти в полнолунии.— Благородному человеку — подход — к несчастью.

(№ 10) Ли. Наступление.

(Наступи на) хвост тигра; если не укусит тебя — свершение.

(I) В начале девятка. Первичное наступление.— В выступлении хулы не будет. (II) Девятка вторая. Наступай по пути — ровно-равно.— Отшельнику стойкость — к счастью. (III) Шестерка третья. И кривой может видеть, и хромой может наступать. (Но если) наступишь на хвост тигра (так, что он) укусит тебя, (то будет) несчастье. Воин (все же) действует ради великого государя. (IV) Девятка четвертая. Наступишь на хвост тигра.— Ху-ху! (вскрикнешь от страха, но) в конце концов будет счастье. (V) Девятка пятая. Решительное наступление.— Будь стойким в опасности. (VI) Наверху девятка. Рассматривай (прежние) поступки, исследуй лучшее (в них).— При их повторении — изначальное счастье.

(№ 11) Тай. Расцвет.

Малое отходит, великое приходит. Счастье, развитие.

(I) В начале девятка. (Когда) рвут тростник, (другие) стебли (тянутся за ним), так как он (растет) пучком.— Поход — к счастью. (II) Девятка вторая. Охвати и окраины. Надо всплыть на реке. Не оставляй дальних, (ибо личной) дружбе — конец. Обретешь награду за целеустремленные действия. (III) Девятка третья. Нет глади, (которая осталась бы) без вывоин; нет ухода без возвращения.— В трудностях будь стойким — хулы не будет. Не печалься о своей правде.— В пище будет благополучие. (IV) Шестерка четвертая. Стремительный полет.— Не разбогатеешь из-за своих соседей. Нет запретов в силу правдивости. (V) Шестерка пятая. Государь И отправлял невесту, и от этого была благословенность.— Изначальное счастье. (VI) Наверху шестерка. Городской вал опять (обрушится) в ров.— Не действуй войском. В своем городе изъявляй (свою) волю. Стойкость — к сожалению.

(№ 12) Пи. Упадок.

Негодные люди упадка не благоприятствуют стойкости. Не благоприятна благородному человеку стойкость.

Великое отходит, малое приходит.

(I) В начале шестерка. (Когда) рвут тростник, (другие) стебли (тянутся за ним), так как он (растет) пучком.— Стойкость — к счастью. Развитие. (II) Шестерка вторая. Охвати примыкающих (к тебе).— Ничтожным людям — счастье. Великому человеку — упадок. (И дальнейшее) развитие (этого). (III) Шестерка третья. (Будешь) охвачен стыдом. (IV) Девятка четвертая. Будет веление свыше — хулы не будет.— Во всех, кто с тобою, проявится благословение (неба). (V) Девятка пятая. Останови упадок.— Великому человеку — счастье. Да погибнет, да погибнет (упадок)! (И это укрепи, точно) привяжи к буйно растущей шелковице. (VI) Наверху девятка. Низвержение упадка.— Сначала упадок, (а) потом веселье.

(№ 13) Тун жэнь. Родня.

(Родня) на полях. Свершение. Благоприятна благородному человеку стойкость. Благоприятен брод через великую реку.

(I) В начале девятка. Родня в воротах.— Хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Родня в храме предков.— Сожалеие. (III) Девятка третья. Спрячь оружие в зарослях и поднимись на их высокое взгорье. И через три года не поднимется (оружие). (IV) Девятка четвертая. Поднимутся на самый вал и не смогут напасть.— Счастье. (V) Девятка пятая. Родня сначала (издает) крики и вопли, а потом смеется. Большие войска, одолевая друг друга, встречаются. (VI) Наверху девятка. Родня в пригороде.— Раскаяния не будет.

(№ 14) Да ю. Обладание великим.

Изначальное свершение.

(I) В начале девятка. Нет связи с вредным.— Не то чтоб была хула. (но если) потрудишься, то хулы не будет. (II) Девятка вторая. Большая колесница — для грузов.— Есть, куда выступить. Хулы не будет. (III) Девятка третья. Князю надо проникнуть к сыну неба.— (В таком случае) ничтожные люди не смогут одолеть (его). (IV) Девятка четвертая. (Если) не будет у тебя роскоши, хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Такая правдивость. (В ней будешь) связан (со всеми, будешь) силен.— Счастье. (VI) Наверху девятка. От неба благословение этому.— Счастье. Ничего неблагоприятного.

(№ 15) Цянь. Смирение.

Свершение. Благородному человеку — обладать законченностью.

(I) В начале шестерка. Смиранный из смиренных благородный человек.— Надо переходить вброд через большую реку. Счастье. (II) Шестерка вторая. Провозгласи смирение.— Стойкость — к счастью. (III) Девятка третья. Трудись над смирением.— Благородному человеку — обладать законченностью.— Счастье. (IV) Шестерка четвертая. Ничего неблагоприятного. Возвись смирение. (V) Шестерка пятая. Не разбогатеешь из-за своих соседей.— Благоприятно и нужно наступать и нападать.— Ничего неблагоприятного. (VI) Наверху шестерка. Провозгласи смирение.— Благоприятно, и нужно двинуть войско в карательные походы на города и страны.

(№ 16) Юй. Вольность.

Благоприятно возведению князей и движению войск.

(I) В начале шестерка. (Если) провозгласишь вольность — (будет) несчастье. (II) Шестерка вторая. Будь крепче камня, но не до конца дня.— Стойкость — к счастью. (III) Шестерка третья. Засмотришься на вольность — (будет) раскаяние. Опоздаешь — будет раскаяние. (IV) Девятка четвертая. Исходя из вольности, многое будет достигнуто.— Не сомневайся. Друзья (соберутся вокруг тебя, как) волосы вокруг шпильки. (V) Шестерка пятая. Стойкость — к болезни. (В) постоянстве не умрешь. (VI) Наверху шестерка. Померкнувшая вольность. Совершаемое минует.— Хулы не будет. (№ 17) Суй. Последование.

Изначальное свершение: благоприятна стойкость. Хулы не будет.

(I) В начале девятка. В службе будет перемещение. Стойкость — к счастью.— (Если и), выйдя из ворот, будешь связан (с правильным для тебя, то) будешь иметь успех. (II) Шестерка вторая. Сблизись с малыми детьми — потеряешь возмужалых людей. (III) Шестерка третья. Сблизись с возмужалыми людьми — потеряешь малых детей.— В последовании будешь добиваться и достигнешь.— Благоприятно пребывание в стойкости. (IV) Девятка четвертая. (Если) в последовании и захватишь что-нибудь, (то) стойкость — к несчастью. (Если) будешь обладать правдой и будешь на (верном) пути, (то) тем самым будет ясность— Какая может быть хула? (V)

Девятка пятая. Правдивость по отношению к прекрасному.— Счастье. (VI) Наверху шестерка. То, что взято,— сблизься с ним; и то, что следует (за тобою),— свяжись с ним.— Царю надо проникнуть к западной горе.

(№ 18) ䷆ Гу. (Исправление) порчи.

Изначальное свершение. Благоприятен брод через великую реку. (Будь бдителен) за три дня до начала и три дня после начала.

(I) В начале шестерка. Исправление испорченного отцом.— Если есть сын, то покойному хулы не будет. (Хотя и) опасно, (но) в конце концов — счастье. (II) Девятка вторая. Исправление испорченного матерью.— Невозможна стойкость. (III) Девятка третья. Исправление испорченного отцом. Будет небольшое раскаяние. Не будет большой хулы. (IV) Шестерка четвертая. Свободное отношение к испорченному отцом.— Выступив, увидишь сожаление. (V) Шестерка пятая. Исправление испорченного отцом.— Необходимо хвала. (VI) Наверху девятка. Не служи ни царю, ни князю.— Возвеличь и прославь свое дело.

(№ 19) ䷆ Линь. Посещение.

Изначальное свершение; благоприятна стойкость. Когда настанет восьмая луна, будет несчастье.

(I) В начале девятка. Всеобщее посещение.— Стойкость — к счастью. (II) Девятка вторая. Всеобщее посещение.— Счастье, ничего неблагоприятного. (III) Шестерка третья. Услаждающее посещение.— Ничего благоприятного. Но когда обеспокоишься этим, хулы не будет. (IV) Шестерка четвертая. Достигающее посещение.— Хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Познанное посещение. Подобающее великому государю.— Счастье. (VI) Наверху шестерка. Искреннее посещение.— Счастье. Хулы не будет. (№ 20) ䷆ Гуань. Созерцание.

Умыв руки, не приноси жертв; владея правдой, будь нелицеприятен и строг.

(I) В начале шестерка. Юношеское созерцание.— Ничтожному человеку — хулы не будет; благородному человеку — сожаление. (II) Шестерка вторая. Созерцание сквозь (щель).— Благоприятна стойкость женщины. (III) Шестерка третья. Созерцай продвижение и отступление нашей жизни. (IV) Шестерка четвертая. Созерцай блеск страны.— Благоприятно тому, чтобы быть принятым

как гость у царя. (V) Девятка пятая. Созерцай нашу жизнь.— Благородному человеку хулы не будет. (VI) Наверху девятка. Созерцай их (других людей) жизнь.— Благородному человеку хулы не будет.

(№ 21) ䷆ Ши хо. Стиснутые зубы.

Свершение. Благоприятству-ет (тому, чтобы) применять тюрьмы.

(I) В начале девятка. (Когда) надевают колодки, гибнут пальцы на ногах.— Хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Вырви брюшину; уничтожь нос.— Хулы не будет. (III) Шестерка третья. Вырвешь окостеневшее мясо, (но) встретишь яд.— Небольшое сожаление. Хулы не будет. (IV) Девятка четвертая. Вырвешь мясо, присохшее к кости. Получишь металлическую стрелу.— Благоприятна стойкость в затруднениях. Счастье. (V) Шестерка пятая. Вырвешь засохшее мясо. Получишь желтое золото.— Будешь стойким в опасности — хулы не будет. (VI) Наверху девятка. Возложишь колодку (на шею) и уничтожишь уши.— Несчастье. (№ 22) ䷆ Би. Убранство.

Свершение. Малому благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале девятка. Украсишь эти пальцы ног. Оставь колесницу и иди пешком. (II) Шестерка вторая. Укрась эту бороду и усы. (III) Девятка третья. Разубранность! Разукрашенность! — Вечная стойкость — к счастью. (IV) Шестерка четвертая. Разубранность! Белизна! Белый конь — точно летит! — (Если бы) не разбойник, (то был бы) брак. (V) Шестерка пятая. Убранство в саду на холме. Связка парчи (для подарка) — низкого сорта.— Сожаление, (но) в конце концов — счастье. (VI) Наверху девятка. Белое убранство.— Хулы не будет. (№ 23) ䷆ Бо. Разрушение.

Неблагоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале шестерка. У ложа разрушены ножки.— Пренебрежение. Стойкость — к несчастью. (II) Шестерка вторая. У ложа разрушены перекладины. Пренебрежение. Стойкость — к несчастью. (III) Шестерка третья. Разрушат его.— Хулы не будет. (IV) Шестерка четвертая. У ложа разрушена обивка.— Несчастье. (V) Шестерка пятая. Рыбная ловля. Через придворных женщин — милость.— Ничего неблагоприятного. (VI) Наверху девятка. Огромный плод не съеден.— Благородный человек

получит воз; у ничтожного человека разрушится жилье.

(№ 24) ☰☷ Фу. Возврат.

Свершение. Выходу и входу не будет вреда. Друзья придут — хулы не будет. Обрато вернешься на свой путь. Через семь дней — возврат. Благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале девятка. Возвращение не издалека.— (Дело) не будет доведено до раскаяния. Изначальное счастье. (II) Шестерка вторая. Прекрасное возвращение.— Счастье. (III) Шестерка третья. Постепенное возвращение.— Опасность, но хулы не будет. (IV) Шестерка четвертая. Верное движение. Самостоятельное возвращение. (V) Шестерка пятая. Полноценное возвращение.— Раскаяния не будет. (VI) Наверху шестерка. Заблуждающееся возвращение.— Несчастье. Будут стихийные бедствия и беды, (вызванные самим человеком. Если) применить действие войском, (то) в конце концов будет великое поражение. Для государя такой страны — несчастье. Даже до десяти лет нельзя предпринимать карательные походы.

(№ 25) ☰☷ У ван. Беспорочность.

Изначальное свершение; благоприятна стойкость. У того, кто не прав, будет (им самим вызванная) беда. Ему не благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале девятка. Беспорочное выступление.— Счастье. (II) Шестерка вторая. Если, и не запахав поле, соберешь урожай, и не разработав (в первый год) поле, (в третий год) используешь его, то будет благоприятно иметь, куда выступить. (III) Шестерка третья. Беспорочному — стихийное бедствие. Он, может быть, привяжет (своего) быка, (а) прохожий завладеет (им). Для (него), живущего в (этом) городе, — стихийное бедствие. (IV) Девятка четвертая. (Если) сможешь быть стойким, хулы не будет. (V) Девятка пятая. Болезнь беспорочного.— Не принимай лекарств. Будет радость. (VI) Наверху девятка.— Беспорочность уходит.— Будет беда (по своей вине).— Ничего благоприятного.

(№ 26) ☰☷ Да чу. Воспитание великим.

Благоприятна стойкость. Кормись не (только от своего) дома — счастье. Благоприятен брод через великую реку.

(I) В начале девятка. Будет опасность.— Благоприятно остановить (свою

деятельность). (II) Девятка вторая. У воза выпали спицы. (III) Девятка третья. Погоня на хорошем коне.— Благоприятна в трудности стойкость. И вот, (если будешь) упражняться в (применении) боевых колесниц, (то) благоприятно иметь, куда выступить. (IV) Шестерка четвертая. Защитная доска (от рогов) теленка.— Изначальное счастье. (V) Шестерка пятая. Клыки выхолощенного вепря.— Счастье. (VI) Наверху девятка. Какие могут быть дороги на небе? — Свершение. (№ 27) ☰☷ И. Питание.

Стойкость — к счастью. Созерцай скулы: (они) сами добывают (то, что) наполняет рот.

(I) В начале девятка. Ты забросишь свою волшебную черепаху, (на которой гадают), и, смотря на мое (добро), раскроешь рот (от алчности).— Несчастье. (II) Шестерка вторая. Питание навыворот: отклонишься от основы, (чтобы) питаться на (песчаном) холме.— Поход — к несчастью. (III) Шестерка третья. Сбившееся питание.— Стойкость — к несчастью. Десять лет не действуй. Ничего благоприятного. (IV) Шестерка четвертая. Питание навыворот.— Счастье. Тигр смотрит, вперяясь в упор, его желание — погнаться вслед. Хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Отклонишься от основы. (Но если) пребудешь в стойкости — счастье.— Невозможен брод через великую реку. (VI) Наверху девятка. Исходи из питания.— (Хотя и) опасно, (но будет) счастье.— Благоприятен брод через великую реку.

(№ 28) ☰☷ Да го. Переразвитие великого.

Стропила прогибаются. Благоприятно иметь, куда выступить. Свершение.

(I) В начале шестерка. Для подстилки пользуйся белым камышом.— Хулы не будет. (II) Девятка вторая. На иссохшем тополе вырастают почки. Старый человек получает эту девушку в жены.— Ничего неблагоприятного. (III) Девятка третья. Стропила прогибаются.— Несчастье. (IV) Девятка четвертая. Стропила великолепны.— Счастье. (А если) что-нибудь другое, (то будет) сожаление. (V) Девятка пятая. На иссохшем тополе вырастают цветы. Старая женщина получает этого служилого мужа.— Хулы не будет, хвалы не будет. (VI) Наверху шестерка. При переходе вброд (зайдешь так глубоко, что) исчезнет темя.— Несчастье. Хулы не будет.

(№ 29) Си кань. Двойная бездна. Обладателю правды — только в сердце свершение. Действия будут одобрены.

(I) В начале шестерка. Двойная бездна. Войдешь в пещеру в бездне. — Несчастье. (II) Девятка вторая. В бездне есть опасность. — Добываясь, кое-что обретешь. (III) Шестерка третья. Придешь иль уйдешь — (будет) бездна за бездной. (Пусть и) опасно, (но) все же есть поддержка. Войдешь в пещеру в бездне. — Не действуй. (IV) Шестерка четвертая. (Всего) кружка вина и чаша (еды), и в придачу нужен (лишь) глиняный кувшин. Принятие обязательств через окно. — В конце концов хулы не будет. (V) Девятка пятая. Бездна не наполняется. Когда уже выровняешь (ее) — хулы не будет. (VI) Наверху шестерка. Для связывания нужен канат и аркан. Заключение в чаше терновника. — И в три года (ничего) не обретешь. Несчастье.

(№ 30) Ли. Сияние.

Благоприятна стойкость. Свершение. Разводить коров — к счастью.

(I) В начале девятка. Путаница поступков. — Но (если) отнесешься к ним серьезно, хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Желтое сияние. — Изначальное счастье. (III) Девятка третья. Сияние солнечного заката. Если не песня под постукивание по глиняному кувшину, то вздохи глубокого старца. — Несчастье. (IV) Девятка четвертая. Внезапно наступает это! Сгорание, отмирание, отвержение! (V) Шестерка пятая. Выступившие слезы (льются) потоком. (Но будут сочувственные) вздохи близких. — Счастье. (VI) Наверху девятка. Царю надо выступить в карательный поход. Будет радость. (Ему надо) казнить главарей и переловить тех, кто не предан ему. — Хулы не будет.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

(№ 31) Сянь. Взаимодействие.

Свершение; благоприятна стойкость. Брать жену — к счастью.

(I) В начале шестерка. Взаимодействие. (Оно касается лишь) твоего большого пальца на ноге. (II) Шестерка вторая. Взаимодействие. (Оно касается лишь) твоих голений. — Несчастье. (Но если) пребудешь (на месте, то будет) счастье. (III) Девятка третья. Взаимодействие. (Оно касается лишь) твоих бедер.

Держись того, за кем следуешь. — Выступление приведет к сожалению. (IV) Девятка четвертая. Стойкость к счастью. Раскаяние исчезнет. Непрерывное общение. Друзья последуют за твоими мыслями. (V) Девятка пятая. Взаимодействие. (Оно касается лишь) твоей спины. — Раскаяния не будет. (VI) Наверху шестерка. Взаимодействие. (Оно касается лишь) твоих скул, щек и языка.

(№ 32) Хэн. Постоянство.

Свершение. Хулы не будет. Благоприятна стойкость. Благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале шестерка. Углубление в постоянство. — Стойкость — к несчастью. Ничего благоприятного. (II) Девятка вторая. Раскаяние исчезнет. (III) Девятка третья. Не будешь постоянным в своих достоинствах, (а), может быть, попадешь с ними в неловкое положение. Стойкость — к сожалению. (IV) Девятка четвертая. На поле нет дичи. (V) Шестерка пятая. Будешь постоянным в своих достоинствах. Стойкость. Для жены — счастье. Для мужа — несчастье. (VI) Наверху шестерка. Нарушенное постоянство. — Несчастье.

(№ 33) Дунь. Бегство.

Свершение. Малому — благоприятна стойкость.

(I) В начале шестерка. При бегстве — хвост в опасности. — Не надо, чтобы предстояло куда-нибудь выступить. (II) Шестерка вторая. (Чтоб) удержать его (бегущего), нужна кожа желтого быка. — (Тогда) никто не сможет его освободить. (III) Девятка третья. Связанному беглецу будет болезнь и опасность. Держащему слуг и служанок — счастье. (IV) Девятка четвертая. Хорошее бегство. — Благородному человеку — счастье. Ничтожному человеку — нет. (V) Девятка пятая. Счастлирое бегство. — Стойкость — к счастью. (VI) Наверху девятка. Летящее бегство. — Ничего неблагоприятного.

(№ 34) Да чжуан. Мощь великого.

Благоприятна стойкость.

(I) В начале девятка. Мощь в пальцах ног. — Поход — к несчастью, обладай правдой. (II) Девятка вторая. Стойкость — к счастью. (III) Девятка третья. Ничтожному человеку придется быть мощным; благородному человеку придется погибнуть. — Стойкость — опасна. Когда козел бодает изгородь, (в ней) застревают его рога. (IV) Девятка четвертая.

Стойкость — к счастью, раскаяние исчезнет. Изгородь пробита, (в ней) не застрянешь. Мошь — в осях большой колесницы. (V) Шестерка пятая. Утрадишь козла (даже) в легких (обстоятельствах).— Раскаяния не будет. (VI) Наверху шестерка. Козел бодает изгородь — не может отступить, не может продвинуться.— Ничего благоприятного. (Но если будет) трудно, то (будет и) счастье. (№ 35) Цзинь. Восход.

Сиятельному князю надо жаловать коней в великом обилии и в круговороте дня трижды принимать (подданных).

(I) В начале шестерка. В выдвижении и в отступлении! — (Если пребудешь в) стойкости, (будет) счастье. Не будет правды. (Но если отнесешься к этому) невозмутимо, (то) хулы не будет. (II) Шестерка вторая. В выдвижении и в подавленности! — (Если пребудешь в) стойкости, (будет) счастье. Получишь такое великое благополучие от матери твоего царя. (III) Шестерка третья. Доверие многих.— Раскаяние исчезнет. (IV) Девятка четвертая. (Если) выдвинешься, как хомяк, (то) стойкость (будет) опасна. (V) Шестерка пятая. Раскаяние исчезнет. Не принимай близко к сердцу ни потерю, ни обретение.— Выступление — к счастью, ничего неблагоприятного. (VI) Наверху девятка. Выставляя свои рога лишь для того, чтобы покарать (свой) город.— (Положение) опасно, (но оно) — к счастью: хулы не будет. Стойкость — к сожалению.

(№ 36) Мин и. Поражение света.

Благоприятна в трудности стойкость.

(I) В начале девятка. Поражение света: у него в полете опускаются крылья. Благородный человек в пути по три дня не ест, (но ему) есть, куда выступить, (и его) господин будет говорить (о нем). (II) Шестерка вторая. Поражение света: он поражен в левое бедро. Нужна поддержка, мощная, (как) конь.— Счастье. (III) Девятка третья. Свет поражен на южной охоте. (Но будет) обретена его большая голова. Нельзя болеть о стойкости. (IV) Шестерка четвертая. Вонзится в левую (часть) живота. Сохранишь чувство поражения света, когда выйдешь из ворот и двора. (V) Шестерка пятая. Поражение света (вождя) Цзи-цзи.— Благоприятна стойкость. (VI) Наверху шестерка. Не просветишься, (а) померк-

нешь. Сначала поднимаешься на небо, (а) потом погрузишься в землю.

(№ 37) Цзя жэнь. Домашние.

Благоприятна женщине стойкость.

(I) В начале девятка. Замкнись и заведи (свой) дом.— Раскаяние исчезнет. (II) Шестерка вторая. (Ей) не за кем следовать, (а дело ее) в том, чтобы сосредоточиться на продовольствии.— Стойкость — к счастью. (III) Девятка третья. (Когда среди) домашних суровые окрики, (будет) раскаяние в опасной строгости, (но будет и) счастье. (Когда же) жена и дети болтают и хохочут, в конце концов (будет) сожаление. (IV) Шестерка четвертая. Обогащение дома.— Великое счастье. (V) Девятка пятая. Царь приближается к обладателю семьи. Не принимай (этого) близко к сердцу.— Счастье. (VI) Наверху девятка. В обладании правдой — сила.— В конце концов — счастье.

(№ 38) Куй. Разлад.

В незначительных делах — счастье.

(I) В начале девятка. Раскаяние исчезнет. (Когда) утратишь коня, не гонись за ним: (он и) сам вернется. Увидишь злого человека — хулы не будет. (II) Девятка вторая. Встретишься с господином в закоулке — хулы не будет. (III) Шестерка третья. Увидишь, что воз оттягивают вспять и его быка задерживают. У человека обрезаны волосы и нос. Не (в твоей) власти начало, (но в твоей) власти конец. (IV) Девятка четвертая. Разлад и одиночество. (Если) встретишь великого мужа (и если) связь (с ним будет) правдива, (то — хотя это и) опасное (положение), хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Раскаяние исчезнет. Этот (твой) сообщник прокусит кожу. Если выступишь — какая же может быть хула? (VI) Наверху девятка. Разлад и одиночество. Увидишь свинью, покрытую грязью, (увидишь, что) бесы наполняют всю колесницу. Сперва натянешь лук (против этого, а) потом отложишь его в сторону. (Если бы) не разбойник, (был бы) брак. (Если), выступая, встретишь дождь, то (будет) счастье.

(№ 39) Цзянь. Препятствие.

Благоприятен юго-запад, не благоприятен северо-восток. Благоприятно свидание с великим человеком. Стойкость — к счастью.

(I) В начале шестерка. Уйдешь — (будут) препятствия. Придешь — (будет) хвала. (II) Шестерка вторая. Царскому слуге — препятствие за препятствием. (Это) не из-за него самого. (III) Девятка третья. Уйдешь — (будут) препятствия. Придешь — вернешься (на правый путь). (IV) Шестерка четвертая. Уйдешь — (будут) препятствия. Придешь — (будет) связь (с близкими людьми). (V) Девятка пятая. Великие препятствия. Друзья придут. (VI) Наверху шестерка. Уйдешь — (будут) препятствия. Придешь — (будешь) велик. — Счастье. Благоприятно свидание с великим человеком.

(№ 40) ☰ Цзе. Разрешение.

Благоприятен юго-запад. (Если) некуда выступить, (то когда) оно (разрешение) наступит — опять (будет) счастье. (Если же) есть куда выступить, (то уже) заранее (предуготовано) счастье.

(I) В начале шестерка. Хулы не будет. (II) Девятка вторая. На охоте добудешь трех лисиц. Обретешь желтую стрелу. — Стойкость — к счастью. (III) Шестерка третья. Носильщик — а едет (на другом. Сам) привлечешь приход разбойников. — Стойкость — к сожалению. (IV) Девятка четвертая. Разреши (пути на) твоих больших пальцах на ногах. — Друг придет, и в нем (будет) правда. (V) Шестерка пятая. Благородный человек — лишь (для него) есть разрешение. — Счастье. (Он) обладает правдивостью по отношению к ничтожным людям. (VI) Наверху шестерка. Князю надо стрелять в ястреба на высокой стене. — (Когда он) добудет его, не будет (ничего) неблагоприятного.

(№ 41) ☰ Сунь. Убыль.

Обладателю правды — изначальное счастье — хулы не будет. Возможна стойкость. Благоприятно иметь, куда выступить. Что нужно (для жертвоприношения? И) двух (вместо восьми) чаш достаточно для жертвоприношения.

(I) В начале девятка. Прекрати (свои) дела и скорее выступай. — Хулы не будет. Разобравшись (в деле), убавь то, (что должно быть убавлено). (II) Девятка вторая. Благоприятна стойкость. — Поход — к несчастью. Приумножь то, что не убавляешь. (III) Шестерка третья. Если идет трое, то (они) убудут на одного человека; (если) идет один человек, то (он) найдет своего друга. (IV) Шестерка чет-

вертая. Убавь свою торопливость. Но даже если и будешь спешить — будет веселье. — Хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Можно и приумножить то, (в чем недостаток). Черепаха — оракул (ценою в) десять связок (монет. От его указаний) невозможно отклониться. — Изначальное счастье. (VI) Наверху девятка. Приумножь то, что не убавляешь. — Хулы не будет. Стойкость — к счастью. Благоприятно иметь куда выступить. Обретешь (столько) подданных, (что уже) не будет (самостоятельных) домов.

(№ 42) ☰ И. Приумножение.

Благоприятно иметь, куда выступить. Благоприятен брод через великую реку.

(I) В начале девятка. Благоприятствует необходимости вершить великие дела. Изначальное счастье. — Хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Можно и приумножить то, (в чем недостаток). Черепаха — оракул (ценою в) десять связок (монет. От его указаний) невозможно отклониться. Вечная стойкость — к счастью. Царю надо (проникнуть) с жертвами к богам. — Счастье. (III) Шестерка третья. Если приумножить это, то с необходимостью (накличешь) несчастья делу. Хулы не будет. Обладая правдой, пойдешь верным путем, заявишь (об этом) князю и поступишь (по его) мановению. (IV) Шестерка четвертая. (Если), идя верным путем, заявишь (об этом) князю, (то) за (тобою) пойдут. Благоприятствует необходимости, создав (себе) поддержку, перенести столицу. (V) Девятка пятая. Обладая правдой, благодетельствуешь сердца (людей, но) не спрашивай (их об этом). — Изначальное счастье. Обладание правдой благодетельствует (и) твои собственные достоинства. (VI) Наверху девятка. Ничто не приумножит это, (а), пожалуй, разобьет это. В воспитании сердец не будь косным. (Иначе) — несчастье.

(№ 43) ☰ Гуай. Выход.

Поднимешься до царского двора. Правдиво возглашай. (А если и) будет опасность, (то) говори от своего города. Не благоприятно братья за оружие. Благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале девятка. Мощь в передней (части) пальцев на ногах. (Если) выступишь, (то) не победишь. — Будет хула. (II) Девятка вторая. Опасливо возглашай. В сумерках и ночью будет (действие) оружия. — Не бойся. (III) Девятка

третья. Мощь в скулах. — Будет несчастье, (но) благородный человек решается на выход. (Он) одиноко идет и встречает дождь. Если (он и) промокнет, (то) будет досадно, (но) — хулы не будет. (IV) Девятка четвертая. (У кого на) ягодицах нет мышц, тот идет с большим трудом. (Пусть лучше его) тянут, (как) барана. Раскаяние исчезнет. — (Если) услышишь речи — не верь. (V) Девятка пятая. Холм, (поросший) бурьяном. Решись на выход. — Действующему неуклонно — хулы не будет. (VI) Наверху шестерка. — Безгласность. — В конце концов будет несчастье.

(№ 44) ☰☷ Гоу. Перечение.

У женщины — сила. Не показано, (чтобы) брать жену.

(I) В начале шестерка. Привяжи к металлическому тормозу. Стойкость — к счастью. (Если будешь) куда-нибудь выступать, встретишь несчастье. (Но) тощая свинья вправду (будет) рваться с привязи. (II) Девятка вторая. В охалке есть рыба. — Хулы не будет. Не благоприятно быть гостем. (III) Девятка третья. (У кого на) ягодицах нет мышц, тот идет с большим трудом. — Опасно, (но) большой хулы не будет. (IV) Девятка четвертая. В охалке нет рыбы. — Восставать — к несчастью. (V) Девятка пятая. Ивой покрыты дыни. Затаи (свой) блеск. — И будет (тебе) ниспослано от неба. (VI) Наверху девятка. Перечение — это рога. — Сожаление, (но) хулы не будет.

(№ 45) ☰☷ Цуй. Воссоединение.

Свершение. Царь подходит к обладателям храма (то есть к духам предков). Благоприятно свидание с великим человеком. Свершение. Благоприятна стойкость. Необходимо великое жертвоприношение. (Тогда) — счастье. Благоприятно иметь, куда выступить.

(I) В начале шестерка. (Если) отдаешь правдой, (но) не до конца, то (может быть) как растерянность, так и воссоединение. Тогда воскликнешь, и все сразу соберутся, и будет смех. — Не бойся. (Если) отправишься, хулы не будет. (II) Шестерка вторая. (Дашь себя) увлечь — (и будет) счастье, и хулы не будет. Будь правдив, тогда благоприятно принести (даже малую) жертву. (III) Шестерка третья. Воссоединение — и вздох! Ничего благоприятного. (Если) выступишь, хулы не будет, (а будет лишь) небольшое сожаление. (IV) Девятка четвертая. Великое счастье. Хулы не будет.

(V) Девятка пятая. Воссоединение (у того, кто) занимает престол. Хулы не будет. (Если все же) нет правды, (то будь от) начала и веки стойким, (тогда) раскаяние исчезнет. (VI) Наверху шестерка. Жалобы и стоны, и слезы до насморка. Хулы не будет.

(№ 46) ☰☷ Шэн. Подъем.

Изначальное свершение.

Благоприятно свидание с великим человеком. Не скорби. Поход на юг — к счастью.

(I) В начале шестерка. Как подобает, поднимайся. — Великое счастье. (II) Девятка вторая. Будь правдив, тогда благоприятно принести (даже малую) жертву. Хулы не будет. (III) Девятка третья. Поднимешься в пустой город. (IV) Шестерка четвертая. Царю надо проникнуть к горе Ци. — Счастье, хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Стойкость — к счастью. Подъем на ступени. (VI) Наверху шестерка. Скрывающийся из виду подъем. — (Будет) благоприятен (он) от непрерывной стойкости.

(№ 47) ☰☷ Кунь. Истошение.

Свершение. Стойкость. Великому человеку — счастье. Хулы не будет. Будут речи, (но они) не верны.

(I) В начале шестерка. Свидание затруднено на пне. Войдешь в сумрачную долину. Три года не (будешь ничего) видеть. (II) Девятка вторая. Затруднения с вином и с пищей. Внезапно придет (человек в) алом переднике. — Благоприятствует необходимости приносить жертвы. Поход — к несчастью. Хулы не будет. (III) Шестерка третья. Преткнешься о камень и (будешь) держаться на терниях и шипах. Войдешь в свой терем и не увидишь своей жены. — Несчастье. (IV) Девятка четвертая. Приход медлителен. Затруднишься из-за металлической повозки. — Сожаление. (Но дело) доведешь до конца. (V) Девятка пятая. (Казня), отрежут нос и ноги. Будет трудность от (человека в) красном переднике. Но вот понемногу наступит радость. — Благоприятствует необходимости (возносить) жертвы и моления. (VI) Наверху шестерка. (Будет) затруднение в запутанных зарослях; в неустойчивости воскликнешь: «Движение — к раскаянию». И будет раскаяние. — Но поход — к счастью.

(№ 48) ☰☷ Цзин. Колодец.

Меняют города, (но) не меняют колодец. (Ничего) не утратишь,

(но ничего и) не обретешь. Уйдешь и придешь, (но) колодец (останется) колодцем. (Если) почти достигнешь (воды), но еще не хватит веревки для колодца, (и если) разобьешь свою бадью, — несчастье.

(I) В начале шестерка. В колодце — ил, (им) не питаешься. При запущенном колодце не будет живности. (II) Девятка вторая. (Вода в) колодце падает, просвечивают рыбы (на дне). Бадья же ветхая, (и она) течет. (III) Девятка третья. Колодец очищен, (но из него) не питаешься. В этом скорбь моей души: (ведь) можно (было бы) черпать (из него). Если бы) царь (был) просвещен, (то) все получили (бы) свое благополучие. (IV) Шестерка четвертая. Колодец облицован черепицей. — Хулы не будет. (V) Девятка пятая. Колодец чист, (как) холодный ключ. (Из него) питаешься. (VI) Наверху шестерка. Из колодца берут (воду), не закрывай его. Обладающему правдой — изначальное счастье.

(№ 49) ☵ Гэ. Смена.

(Если до) последнего дня будешь (полон) правды, (то будет) изначальное свершение, благоприятная стойкость. Раскаяние исчезнет.

(I) В начале девятка. Для защиты примени кожу желтого быка. (II) Шестерка вторая. (Лишь по) окончании дня (производи) смену. — Поход — к счастью. Хулы не будет. (III) Девятка третья. Поход — к несчастью. Стойкость — опасна. Речь трижды коснется смены (и лишь тогда) будет правда. (IV) Девятка четвертая. Раскаяние исчезнет. Обладая правдой, изменишь судьбу. — Счастье. (V) Девятка пятая. Великий человек подвижен, (как) тигр. И до гадания (он уже) обладает правдой. (VI) Наверху шестерка. Благородный человек подвижен, (как) барс, и у ничтожных людей меняются лица. — Поход к несчастью. Стойкость пребывания на месте — к счастью.

(№ 50) ☵ Дин. Жертвенник.

Изначальное счастье. Свершение.

(I) В начале шестерка. Жертвенник опрокинут вверх ногами. Благоприятствует изгнанию упадка. Наложницу берут ради ее потомства. — Хулы не будет. (II) Девятка вторая. Жертвенник наполнен. У моих противников нужда. (Но до) меня (им) не достигнуть. — Счастье. (III) Девятка третья. Ушки жертвенника изменены. В этом действии (будут) препятствия.

Жиром фазана не питаешься. Как только (будет) дождь, (так он и) иссякнет. — Раскаяние. (Но) в конце концов — счастье. (IV) Девятка четвертая. У жертвенника подломилась нога. Опрокинуты жертвы князей, и снаружи он выпачкан. — Несчастье. (V) Шестерка пятая. У жертвенника желтые ушки и золотая дужка. — Благоприятна стойкость. (VI) Наверху девятка. У жертвенника яшмовая дужка. — Великое счастье. Ничего неблагоприятного.

(№ 51) ☳ Чжэнь. Молния.

Свершение. Молния приходит, (и воскликнешь испуганно): о! о! (а потом) засмеешься: ха-ха! Молния и пугает за сотни верст, (но она) не приведет к утрате (и) ложки жертвенного вина.

(I) В начале девятка. Молния приходит, (и воскликнешь испуганно): о! о! (а) потом засмеешься: ха-ха! Счастье. (II) Шестерка вторая. (Когда) молния приходит, (она) опасна. (Ты можешь) сто тысяч (раз) утратить (свои) богатства, (но) поднимаешься на девятую высоту. — Не гонись. (Через) семь дней (и так) обретешь. (III) Шестерка третья. От молнии растеряешься. (Но, как) молния, действуй — и не (вызовешь) беды. (IV) Девятка четвертая. Молния попадает в ил. (V) Шестерка пятая. Молния отходит и приходит. Опасно. Хотя бы и в стотысячный (раз) пришла, не утратишь умения действовать. (VI) Наверху шестерка. От молнии потеряешь самообладание (и будешь) пугливо озираться вокруг. — Поход — к несчастью. (Если) молния (еще) не касается тебя самого, (а лишь) твоих соседей, — хулы не будет. — (Даже по поводу) брака будут толки.

(№ 52) ☲ Гэнь. Сосредоточенность.

(Сосредоточишься на) своей спине. Не воспримешь своего тела. Проходя по своему двору, не заметишь своих людей. Хулы не будет.

(I) В начале шестерка. Сосредоточенность в своих пальцах ног. — Хулы не будет. Благоприятна вечная стойкость. (II) Шестерка вторая. Сосредоточенность в своих икрах. Не спасешь того, за кем следуешь: его сердце невесело. (III) Девятка третья. Остановка в своих бедрах. (Они) отходят от своей поясницы. Ужас опасности охватывает душу. (IV) Шестерка четвертая. Сосредоточенность в своем туловище. — Хулы не будет. (V) Шестерка пятая. Остановка в своих ску-

лах. В речах пусть будет последовательность, и раскаяние исчезнет. (VI) Наверху девятка. Укрепи сосредоточенность.— Счастье.

(№ 53) ☰ Цзянь. Течение.

Женщина уходит (к мужу).

Счастье. Благоприятна стойкость.

(I) В начале шестерка. Лебедь приближается к берегу. Малому ребенку (страшна) опасность. Будут толки.— Хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Лебедь приближается к скале. В питье и в пище — уравновешенность.— Счастье. (III) Девятка третья. Лебедь приближается к суше. Муж уйдет в поход (и) не вернется. Жена забеременеет, (но) не выносит. Несчастье.— Благоприятно — справиться с разбойниками. (IV) Шестерка четвертая. Лебедь приближается к дереву. Может быть, (он и) достигнет своего сука.— Хулы не будет. (V) Девятка пятая. Лебедь приближается к холму. Женщина три года не беременеет. В конце концов ничто ее не одолевает.— Счастье. (VI) Наверху девятка. Лебедь приближается к суше. Его перья могут быть применены в обрядах.— Счастье.

(№ 54) ☱ Гуй мэй. Невеста.

(В) походе — несчастье.

Ничего благоприятного.

(I) В начале девятка. (Если) отправляют невесту, (то) — с сестрицей. (Они — как) хромой, который может наступать.— Поход — к счастью. (II) Девятка вторая. (И) кривой может видеть. Благоприятна стойкость отшельника. (III) Шестерка третья. (Если) отправляют невесту, (то) — со служанками. (Если, не приняв, ее) отправляют назад, (то) — с сестрицей. (IV) Девятка четвертая. (Если в) отправлении невесты будет упущен срок, (то) попозже (ее) отправят.— Будет время. (V) Шестерка пятая. Государь И отправлял невесту. (Но) ее государев наряд не сравнится с блеском наряда ее сестрицы. Луна почти в полнолунии.— Счастье. (VI) Наверху шестерка. Женщина подносит корзинку, (но она) не наполнена. Мужчина закалывает барана, (но) крови нет.— Ничего благоприятного.

(№ 55) ☱ Фэн. Изобилие.

Свершение. Царь приближается к нему. Не беспокойся. Надо солнцу быть в середине (своего пути).

(I) В начале девятка. Встретишь подобного тебе хозяина. Даже если (ты)

равен (с ним), хулы не будет. (Если) отправишься, будет награда. (II) Шестерка вторая. Сделаешь обильными свои занавеси (так, что) среди дня увидишь Большую Медведицу. (Если) отправишься, попадешь под сомнение и ненависть. (Если) обладаешь правдой, будь открыт.— Счастье. (III) Девятка третья. Сделаешь обильным свой полог (так, что) среди дня увидишь (неяркую полярную звезду) Алькор. Сломаешь свой правый локоть.— Хулы не будет. (IV) Девятка четвертая. Сделаешь обильными свои занавеси (так, что) среди дня увидишь Большую Медведицу. Встретишь равного тебе хозяина.— Счастье. (V) Шестерка пятая. Придешь с блеском. Будет поддержка и хвала.— Счастье. (VI) Наверху шестерка. Сделаешь обильным свое жилище. Сделаешь занавеси в своем доме. Взглянешь на свою дверь, и в тиши не будет никого. Три года никого не будешь видеть.— Несчастье.

(№ 56) ☱ Люй. Странствие.

Малому — развитие. В странствии стойкость — к счастью.

(I) В начале шестерка. (Если) в странствии (будешь) труслив в мелочах, то благодаря этому накличешь на себя стихийное бедствие. (II) Шестерка вторая. В странствии восстановишь порядок. За пазуху положишь свое состояние и обретешь стойкость слуг-рабов. (III) Девятка третья. В странствии спалишь этот порядок. Утратишь своих слуг-рабов. Стойкость опасна. (IV) Девятка четвертая. В странствии пребудешь на месте. Обретешь свои денежные средства (на странствие. Но в) собственной душе нет успокоения. (V) Шестерка пятая. Выстрелишь в фазана, и одна стрела погибнет. (Но) в конце концов благодаря этому (будешь) похвален свьюе. (VI) Наверху девятка. Птицам спалили их гнезда. Странник сначала смеется, (а) потом (издает) крики и вопли. Утрадишь быка на площади.— Несчастье.

(№ 57) ☱ Сюнь. Проникновение.

Малому — развитие. Благоприятно иметь, куда выступить. Благоприятно свидание с великим человеком.

(I) В начале шестерка. (В) продвижении и отступлении благоприятна стойкость воина. (II) Девятка вторая. Проникновение находится ниже ложа. Применение писцов и волхвов (вызовет) смущение.— Счастье. Хулы не будет.

(III) Девятка третья. Многократное проникновение. — Сожаление. (IV) Шестерка четвертая. Раскаяние исчезнет. На охоте добудешь трюакое. (V) Девятка пятая. Стойкость — к счастью. Раскаяние исчезнет. Ничего неблагоприятного. Завершишь и то, что не начато (тобою. Но обдумай это дело) и за три дня, и через три дня. — Счастье. (VI) Наверху девятка. Проникновение находится ниже ложа. Утрадишь свои денежные средства (на странствие). — Стойкость — к несчастью. (№ 58) Дуй. Радость.

Свершение. Благоприятна стойкость.

(I) В начале девятка. Радость — от согласия. — Счастье. (II) Девятка вторая. Радость — от правды. — Счастье. Раскаяние исчезнет. (III) Шестерка третья. Радость — от прихода. — Несчастье. (IV) Девятка четвертая. Радость — от договоренности. (Но) еще нет равенства. (Если же) стороны поспешат, будет веселье. (V) Девятка пятая. (Если) оправдаешь разорителей, (это) будет опасно. (VI) Наверху шестерка. Влекущая радость. (№ 59) Хуань. Раздробление.

Свершение. Царь приближается к обладателям храма. Благоприятен брод через великую реку. Благоприятна стойкость.

(I) В начале шестерка. Необходимо спасение. Лошадь сильна. — Счастье. (II) Девятка вторая. При раздроблении беги к своей опоре. — Раскаяние исчезнет. (III) Шестерка третья. Раздробишь свое тело. — Раскаяния не будет. (IV) Шестерка четвертая. Раздробишь свое стадо. — Изначальное счастье. Раздробишь свой холм. (Это) не то, о чем думают варвары. (V) Девятка пятая. При раздроблении выступит пот (от) своих громких воплей. При раздроблении, (как) царь, живи. — Хулы не будет. (VI) Наверху девятка. При раздроблении твоя кровь уйдет. Удались, выйди — и хулы не будет.

(№ 60) Цзе. Ограничение.

Свершение. Горе ограничено. (Оно) не может быть стойким.

(I) В начале девятка. Не выйдешь из внутреннего двора. — Хулы не будет. (II) Девятка вторая. Не выйдешь из внешнего двора. — Несчастье. (III) Шестерка третья. (Если) не (будешь)

ограничиваться, то (будет, о чем) вздыхать. — Хулы не будет. (IV) Шестерка четвертая. Успокоишься в ограничении. — Свершение. (V) Девятка пятая. Сладкое ограничение. — Счастье. (Если) отправишься, будет награда. (VI) Наверху шестерка. Горькое ограничение. — Стойкость — к несчастью. Раскаяние исчезнет.

(№ 61) Чжун фу. Внутренняя правда.

(Даже) вепрям и рыбам — счастье. Благоприятен брод через великую реку. Благоприятна стойкость.

(I) В начале девятка. (Если будет) соразмерность, (то будет) счастье. (Если отвлечешься) к другому — будет неспокойно. (II) Девятка вторая. Кричащий журавль находится в тени. Его птенцы вторят ему. У меня есть хороший кубок, я разделяю его с тобой. (III) Шестерка третья. Обретишь противника. То забудешь в барабан, то прекратишь, то заплачешь, то запоешь. (IV) Шестерка четвертая. Луна почти в полнолунии. Пара коней погибнет. — Хулы не будет. (V) Девятка пятая. Обладай правдой — (она) объединит. — Хулы не будет. (VI) Наверху девятка. Голоса пернатых поднимаются в небо. — Стойкость — к несчастью.

(№ 62) Сяо го. Переразвитие малого.

Свершение; благоприятна стойкость. Возможны дела малых; не возможны дела великих. От летящей птицы остается (лишь) голос (ее). Не следует подниматься, следует опускаться. (Тогда будет) великое счастье.

(I) В начале шестерка. Летящая птица, и потому — несчастье. (II) Шестерка вторая. Пройдешь мимо своего праотца и встретишь свою праматерь, не дойдешь до своего государя и встретишь его слугу. — Хулы не будет. (III) Девятка третья. (Если), проходя мимо, не защитишься, (то) кто-нибудь сзади нападет на тебя. — Несчастье. (IV) Девятка четвертая. Хулы не будет. (Если) не пройдешь мимо, (то) встретишься. Отправление — опасно. Необходимы запреты. Не действуй (с) вечной стойкостью. (V) Шестерка пятая. Плотные тучи — и нет дождя; (они) — с нашей западной окраины. Князь выстрелит и попадет в того, кто в пещере. (VI) Наверху шестерка. Не встретишься и пройдешь мимо. Летящая птица уда-

лится.— Несчастье. Это называется стихийным бедствием и бедой.

(№ 63) ☰ Цзи цзи. Уже конец.

Свершение. Малому — благоприятна стойкость. В начале — счастье; в конце — беспорядок.

(I) В начале девятка. Затормозишь свои колеса — подмочишь свой хвост.— Хулы не будет. (II) Шестерка вторая. Женщина утратит свой занавес (на колеснице). Не гонись. (Через) семь дней обретишь. (III) Девятка третья. Высокий предок напал на страну бесов и в три года победил ее. Ничтожествам — не действовать. (IV) Шестерка четвертая. Промокнешь. (Ибо) платье в лохмотьях. Запрет до конца дня. (V) Девятка пятая. Бык, убитый у восточных соседей, не сравнится с небольшой жертвой западных соседей. (Если будешь) правдив, поистине получишь свое благополучие. (VI) Наверху шестерка. Промочишь голову.— Ужасная опасность.

(№ 64) ☰ Вэй цзи. Еще не конец.

Свершение. Молодой лис почти переправился, (но) вымочил свой хвост — ничего благоприятного.

(I) В начале шестерка. Подмочишь свой хвост.— Сожаление. (II) Девятка вторая. Затормози свои колеса.— Стойкость — к счастью. (III) Шестерка третья. Еще не конец.— Поход — к несчастью. Благоприятен брод через великую реку. (IV) Девятка четвертая. Стойкость — к счастью. Раскаяние исчезает. (При) потрясении надо напасть на страну бесов, (и через) три года будет похвала от великого царства. (V) Шестерка пятая. Стойкость — к счастью. Раскаяния не будет. (Если в) блеске благородного человека будет правда, (то будет) счастье. (VI) Наверху девятка. Обладай правдой, когда пьешь вино. Хулы не будет. (Если) помочишь голову, (то, даже) обладая правдой, потеряешь эту (правду).

*Перевод Ю. К. Щуцкого;
сверка с оригиналом,
исправление и редактирование
А. И. Кобзева*

СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ «КНИГИ ПЕРЕМЕН» В КИТАЕ И ЯПОНИИ

Как известно, в современном Китае еще большую роль играют пережитки

феодалного строя, поэтому неудивительно, что «Книга перемен» продолжает существовать там не только в качестве объекта филологии и истории, но и в качестве гадательного и философского текста. Еще в 1911 г. В. М. Алексеев мог достать у уличного гадалея тот текст, по которому до нашего времени производятся мантические операции¹. Это не подлинный текст «Книги перемен», а лишь список гексаграмм с приложением витиеватых изречений неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом Старец Дикий Журавль. Издана она в 1892 г. и представляет собой дешевый ксилограф, полный ошибок. Однако она — несомненное свидетельство того, что «Книга перемен» в современном Китае изучается не только в среде филологов (таких, как Юй Юнлян, Ху Ши² и др.).

Присутствует «Книга перемен» и в эпиграфике, например в надписях на монетовидных амулетах, как любезно сообщил мне В. М. Алексеев. Эти надписи — чаще всего изображения триграмм, иногда сопровождаемые изображениями драконов, циклических животных или знака инь-ян. Встречаются и надписи вроде «Гадаю на восьми триграммах «Книги перемен»», «Гадаю по «Книге перемен» и проникаю к духам». На обороте — обычные благопожелательные надписи.

Техника гадания уличных гадалелей упрощена до предела. Вместо классического отсчета 50 стеблей тысячелистника гадалец просто встряхивает бамбуковой кружкой, в которой свободно лежат 64 палочки, пронумерованные от 1 до 64. Выпавшая первой палочка механически указывает гадающему номер гексаграммы³. В такой гадании, собственно, уже утрачен основной смысл мантического использования «Книги перемен», которое по своему замыслу должно указывать сам переход, превращение одной гексаграммы в другую — «изображение» смен жизненных ситуаций⁴.

Наряду с этим чисто мантическим применением «Книги перемен» в Китае до последнего времени существовало и ее этико-мистическое использование как «книги мудрости». Оно было сосредоточено в мистическом братстве «Дао-дэ сюэ-шэ» («Научное общество морали») в Пекине. К нему, как указал Руссель, принадлежал и Р. Вильгельм, чей перевод «Книги перемен»⁵ отражает ее интерпре-

тацию в этом братстве, недавно, по слухам, закрытом китайским правительством.

В Японии мы видим почти то же, что и в Китае. Наряду с университетским научным исследованием памятника существует и гадание по «Книге перемен». В 1928 г. на улицах японских городов (Токио, Осака, Киото, Кобэ и др.) мне приходилось много раз видеть вывески профессиональных гадателей. Тогда же мне удалось достать «Лекции» Охата Дзюся¹ — своего рода учебник гадания по «Книге перемен», построенный на подлинном ее тексте (каноне, «Туань чжуани» и обеих «Сян чжуанях»), в отличие от китайской гадательной книжки Старца Дикого Журавля. Мне приходилось слышать от совершенно интеллигентного японца (преподавателя высшей школы!) признание правильности предсказаний «Книги перемен» и видеть его серьезное отношение к гаданию. Это совсем не удивит нас, если вспомнить, что само японское правительство всячески поддерживает ицзинизм, тратя немалые средства на содержание целого штата придворных гадателей, так называемых оммёка, и, по свидетельству Р. Вильгельма, в затруднительных дипломатических казусах прибегая к гаданию по «Книге перемен». Живучесть «Книги перемен» в Японии особенно подтверждается тем, что существует целый ряд японских «синологов», которые изо всех сил занимаются ее

интерпретацией во славу царствующего дома или борются с «крамолой» содер-жащейся в ней гексаграммы № 49 Гэ (Смена), по-видимому, неприятно напо-минающей этим монархистам о «гэ-мин» (по-китайски) — «революции»⁷.

В Китае же идеология Чан Кайши делает на наших глазах резкий пово-рот назад, к националистически пони-маемому и переосмысляемому прошлому⁸. Чан Кайши, еще несколько лет тому на-зад категорически отрицавший Конфуция, в 1934 г. уже соперничал с другими генералами в жертвоприношениях в храме Конфуция. А правительство Северного Китая восстанавливает школьное изуче-ние конфуцианской литературы, отменен-ное несколько лет тому назад.

До тех пор пока Китай и Япония будут оставаться буржуазными странами с пережитками феодализма, «Книга пере-мен» в них будет существовать так же, как существовала до сих пор. По ней будут гадать и кули, и дипломаты, ее будут так же противопоставлять Гераклиту Эфесскому как ни чем не уступающую творениям великого грека свою национальную реликвию. Когда же падет существующий строй в этих стра-нах, тогда и к «Книге перемен» будет установлено правильное отношение — как к весьма крупному памятнику прошлого, а не именно прошлого, а не жи-вой современности с ее борьбой и дви-жением вперед⁹.

Примечания

¹ Из путешествия по Китаю в 1907 г. В. М. Алексеев вынес следующее впечатление: «Видел мальчугана девяти лет, читавшего «И цзин». Такое не часто бывает!» (В. М. Алексеев. В старом Китае. — М., 1958. — С. 216).

² Юй Юн-лян. И гуа — яо-цы ды ши-дай цзи ци цзо-чжэ (Эпоха и автор афоризмов при гексаграммах и чертах «/Канона/ перемен») // Го-ли чжун-ян янь-цзю-юань. Ли-ши юй-янь янь-цзю-со цзи-кань. — Т. I. — Тетр. I. — Пекин, 1928. — С. 29—47; Hu Shih. The Development of the Logical Method in Ancient China. — Shanghai, 1928. — P. 28—45.

³ Ср. описание В. М. Алексеевым аналогичного гадания в храме медицинских божеств: «Перед богом — чаши с гадательными жребиями-палочками, носящими номера серий и порядка. Гадающий становится на колени перед божницей, молится про себя, затем выгрывает чашу и вынимает палочку-жребий. Монах или слуга при храме смотрит в книгу, где выписано все, что положено будто бы духом каждому жребию, в том числе и лекарственные рецепты, и читает это гадающему. Впрочем, если при храме имеются отпечатанные экземпляры оракула, то за некую мзду всякий может купить его, чтобы читать прорицания дома» (В. М. Алексеев. В старом Китае. — С. 85—86).

⁴ Подобная оценка данной техники гадания неточна. Важнейшее для «Чжоу и» понятие перемен отнюдь не сводится к мантической идее трансформации одной гексаграммы в другую при выпадении того или иного количества «старых» (изменяющихся) черт, оно гораздо шире. Кроме того, и в этой технике гадания выпадение даже одной «старой» черты вовсе не обязательно, то есть конечным результатом, как и при «уличном» способе, может быть получение единственной гексаграммы. В комментируемом суждении Ю. К. Щуцкого

проявился его общий негативизм по отношению к мантико-практической стороне «Чжоу и», которой он решительно предпочитал философско-теоретическую сторону.

⁵ I Ging, Das Buch der Wandlungen. Aus dem Chinesischen verdeutscht und erläutert von Richard Wilhelm.— Jena, 1924.— 2 Bde.

⁶ Охата Дзюсай. Дзицурэй каудан Эки-гаку коги (Лекции о науке [гадания по «Канону】 перемен» с практическими примерами и жизненными решениями).— Токио, 1926.

⁷ О терминах «гэ» и «гэ-мин» подробно см.: А. И. Кобзев. Понятийно-теоретические основы конфуцианской социальной утопии // Китайские социальные утопии.— М., 1987.— С. 61—71; А. А. Крушинский. Смысл выражения «гэ-мин» в современных политических текстах // Он же. Творчество Янь Фу и проблема перевода.— М., 1989.— С. 86—71.

⁸ Несколькими годами позже Чан Кайши (1887—1975) писал: «Пять тысяч лет назад китайская нация создала самое себя на Азиатском материке. Другие государства, основанные пять тысяч лет назад, ныне сохранились лишь в исторических упоминаниях».— Цит. по: Г. Д. Сухарчук. Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в.— М., 1983.— С. 78. Там же.— С. 76—110. См. об общей идейной позиции этого лидера гоминьдана; В. Б. Воронцов. Судьба китайского Бонапарта.— М., 1989.

⁹ Как теперь хорошо известно, данное пророчество Ю. К. Щуцкого оправдалось лишь частично — в маоцздуновской КНР. Современное отношение к «Чжоу и» и в Китае, и в Японии, и на Западе, и даже в СССР далеко от того, что автор назвал «правильным», хотя вполне вероятно, что так высказаться ему пришлось лишь в силу понятных исторических обстоятельств.

Примечания А. И. Кобзева.

СИС: социум, информация, статистика

Активизируется борьба с коррупцией

В минувшем году органами Прокуратуры КНР расследовалось почти 117 тыс. дел, связанных с хищением и взяточничеством, что в 1,5 с лишним раза превышает уровень предыдущего года. В результате конфисковано более 480 млн юаней. В ряде провинций и городов созданы специальные управления по борьбе с коррупцией и взяточничеством. Эффективной оказалась беспрецедентная мера Верховного суда и Прокуратуры, объявивших о смягчении наказания для провинившихся чиновников, которые явились с повинной.

Новый рекорд японцев

Абсолютный рекорд по количеству выпитого спиртного установили японцы, выпив в минувшем году 8,7 млрд. л спиртного и превысив показатель предыдущего года на 310 млн. л. Иными словами, на каждого взрослого жителя Страны восходящего солнца (закон разрешает здесь употребление спиртных напитков с 20-летнего возраста) пришлось в среднем по 9,3 л.

Однако это не означает, что японцы стали более склонны к алкоголизму. Рост потребления спиртных напитков вызван в первую очередь не социальными, а экономическими факторами. Из упомянутых 8,7 млрд. л 70 % приходится на долю пива, а оно в прошлом году стало несколько дешевле. Кроме того, большую роль сыграла и жесткая конкуренция между компаниями — производителями, наводнившими рынок новыми сортами превосходного пива. Их главное оружие в «пивной войне» — реклама — оказалось весьма эффективным: число опорожненных японцами бутылок, банок и кружек с пивом увеличилось за год на 5,6 %.

Ю. БУГАЕВ, МФБИ

3. Удары открытой ладонью

Сжатый кулак обычно предвещает драку. Целесообразнее нанести удар открытой ладонью, чем кулаком. Преимущества: удар получается сильнее при наименьшей вероятности пораниться самому; открытой ладонью можно достичь намного больше уязвимых мест на теле противника, нежели сжатым кулаком; к тому же в конфликтной ситуации удары открытой ладонью не распространены: навязывая свою манеру боя, вы диктуете ход поединка.

Для более слабого, обороняющегося от нападения агрессивного верзилы открытая рука дает наибольшую эффективность при меньшей затрате сил.

Поупражняйтесь в нанесении легких ударов ребром ладони по любой ровной твердой поверхности — крышке стола, сиденью стула, табуретке и т. п. — в поисках правильного угла удара. Ладонь не особенно напрягайте, держите чашечкой, пальцы вместе, чуть-чуть согнуты. Большой палец прижат к внутренней стороне ладони. Используйте мягкие части свободной руки при отработке ударов и блоков ребром ладони, запястьем или костяшками пальцев.

Постукивая по столу, другим твердым плоскостям, убедитесь, что удар начинает получаться. Постепенно наращивайте силу тренировочных ударов до тех пор, пока вы можете ударить очень сильно без ощущения боли в бьющей ладони. Эффективный удар открытой ладонью не требует создания каких-либо особых условий для руки. В зависимости от обстоятельств размах может быть большим и совсем отсутствовать, однако во всех случаях удар должен быть быстрым, резким, с концентрацией усилия в момент соприкосновения с противником, в этот момент рука застывает в жесткой конструкции «рука-меч», «рука-копье» и т. п.

Рис. 7. Удар сбоку вниз по мышцам основания шеи.

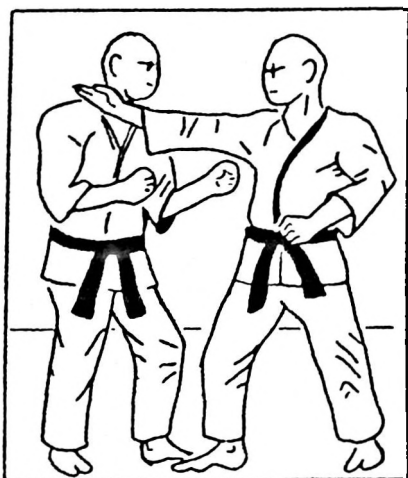
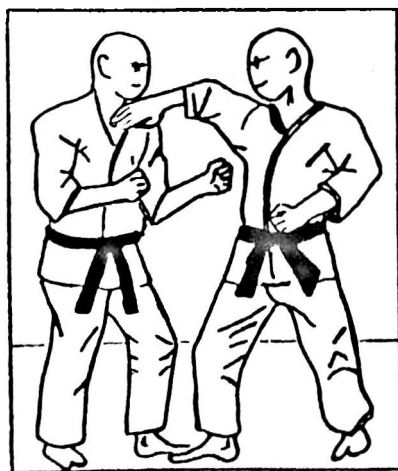

Рис. 8. Удар вверх под подбородок.

На рисунках представлено лишь несколько примеров ударов открытой ладонью из необъятного множества наиболее распространенных в каратэ ударов (рис. 7—14). Удары ребром ладони могут наноситься вверх, вниз, по диагонали, окружности, отмашкой назад. Тренируясь с партнером, вначале отработайте чувство дистанции; описывая рукой траекторию будущего удара, едва касаясь партнера в конечной точке пути руки. Совершенно необязательно причинять боль или наносить травму в процессе овладения техникой ударов.

Рис. 9. Удар по диагонали вниз по переносице.

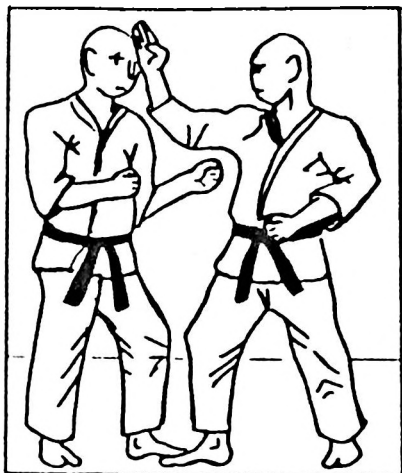

Рис. 10. Удар по диагонали в солнечное сплетение.

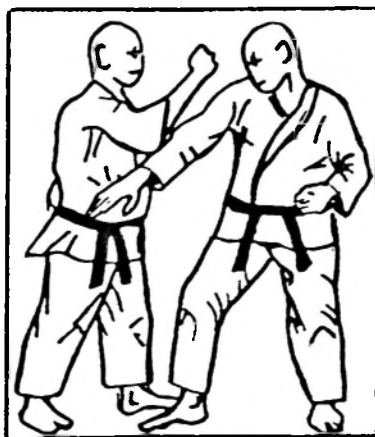

Рис. 11. Удар поперек туловища сверху вниз ребром ладони.

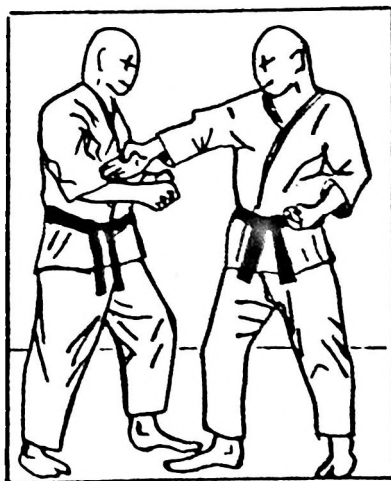
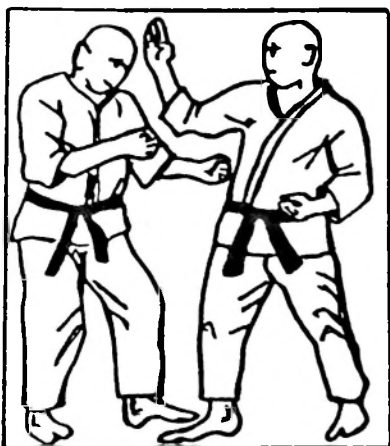

Рис. 12. При ударах ребром ладони в верхнюю половину туловища рука движется сверху прямо вниз или с внешней стороны по дуге внутрь. Вначале это покажется неудобным и будет выглядеть неуклюже со стороны. Однако со временем вы убедитесь, что это наиболее подходит для контрудара после верхнего блока или бокового (отражения удара сверху, прямого или «маваси» по дуге сбоку).

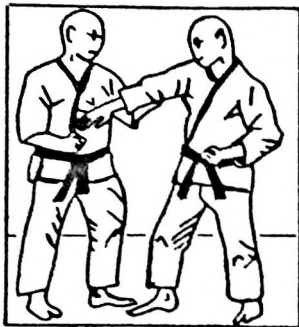

Рис. 13. Удары ребром ладони в бок наносят обратным движением руки (изнутри наружу, распрямляя из согнутого в локте положения). Это движение применяется при ударах по шее, плавающим ребрам, в висок.

Рис. 14. Удар в лицо (основание носа, подбородок и т. п.) наносится основанием открытой напряженной ладони, пальцы поджаты. Резкий, ослепляющий удар.

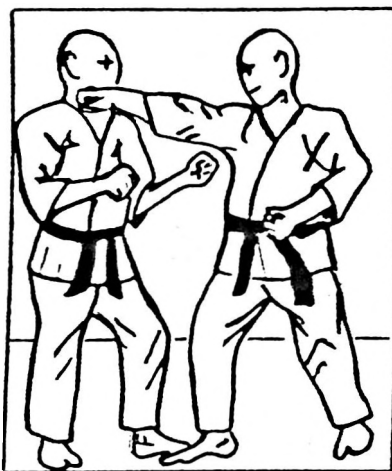
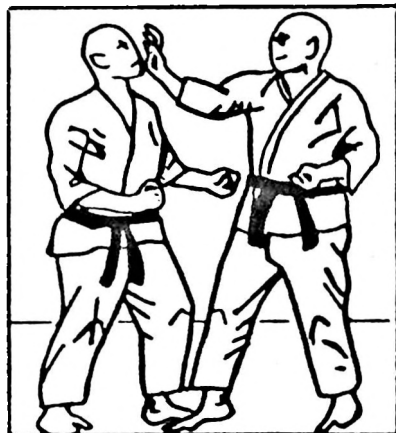

Рис. 15. Ладонь, запястье и предплечье держать напряженно, но не жестко. Удар наносится двумя большими суставами, ладонь смотрит вниз. Это прямой удар в среднюю или верхнюю часть тела.

Рис. 16. Удар двумя выдвинутыми суставами, подобно указанному на рис. 17, где выдвинут лишь средний сустав.

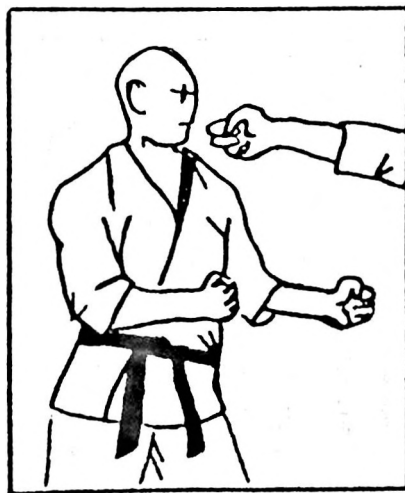

Рис. 17

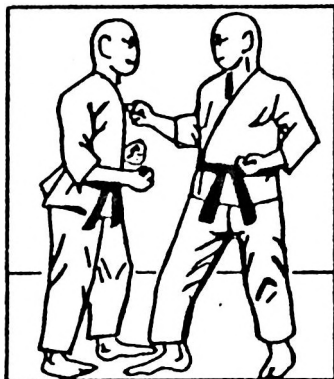

Рис. 18

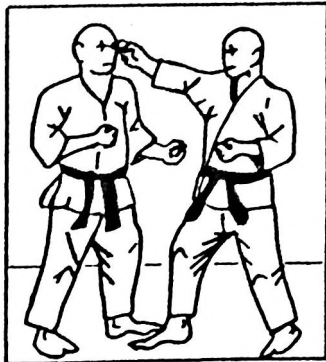
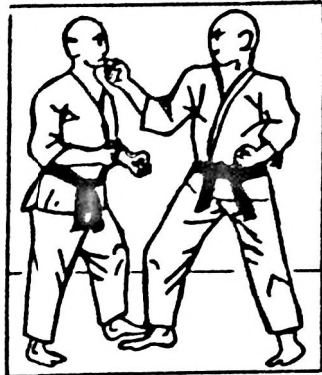

Рис. 19

С помощью напряженного выдвинутого центрального сустава можно наносить как сильные, так и небольшой силы удары. Вообще-то наиболее эффективны удары выдвинутым суставом в мягкие участки тела и в особо чувствительные места — так называемые болевые точки. Для выполнения удара сожмите ладонь в кулак обычным способом (начиная с мизинца поочередно все пальцы, за исключением большого). Выдвиньте центральный сустав и прижмите большим пальцем остальные. Прямой удар, даже сильный, не повредит выдвинутый сустав: если удар придется на твердую поверхность, сустав уходит в кулак, оставаясь неповрежденным. Полезно поупражняться в ударах выдвинутым суставом по груше, мешку с песком, доске с плотной накладкой.

На следующем занятии познакомимся с распространенной разновидностью ударов рукой — колющими ударами пальцами.

Словарик каратиста

21. кэн — кулак	32. сютто — рука-нож, ребро ладони
22. сэйкэн — кулак спереди	33. хайто — внутреннее ребро ладони.
23. татэ-кэн — вертикальный кулак	34. какуто — внешняя сторона запястья
24. ура-кэн — перевернутый кулак	35. тэйсё — внутренняя сторона запястья
25. рикэн — верх кулака	36. сэйрюто — нижнее утолщение запястья
26. тэцуи — низ вертикального кулака	37. кэйто — утолщение большого пальца (куриная головка)
27. эмпи — локоть	38. коко — «пасть тигра»
28. удэ — предплечье	39. нуки-тэ — «пронзающая рука», рукокопье
29. хиццуи — колено	40. хайсоку — подъем
30. тэйсоку — подошва	41. какато — пятка
31. сокуто — внешнее ребро стопы	42. коси — подушечки подошвы

Японская кухня: экзотика и рациональность

С. МАРКАРЬЯН,
Э. МОЛОДЯКОВА

Японская кулинария, являясь, как и у любой другой нации, неотъемлемым компонентом культуры народа, разительно отличается не только от европейской, но и от китайской. Ее особенность прежде всего в глубочайшем уважении к первоначальному внешнему виду продуктов и натуральному содержанию блюд. Очевидно, в немалой степени это связано с японской национальной религией синто, для которой характерно поклонение природе. В глубокой древности на алтари японских богов — *ками* — возлагались лишь лучшие дары полей, гор и морей: наисвежайшая рыба, спелые фрукты, сверкающий белизной рис, то есть то, что создано самой природой, к чему еще не прикасалась рука кулинара.

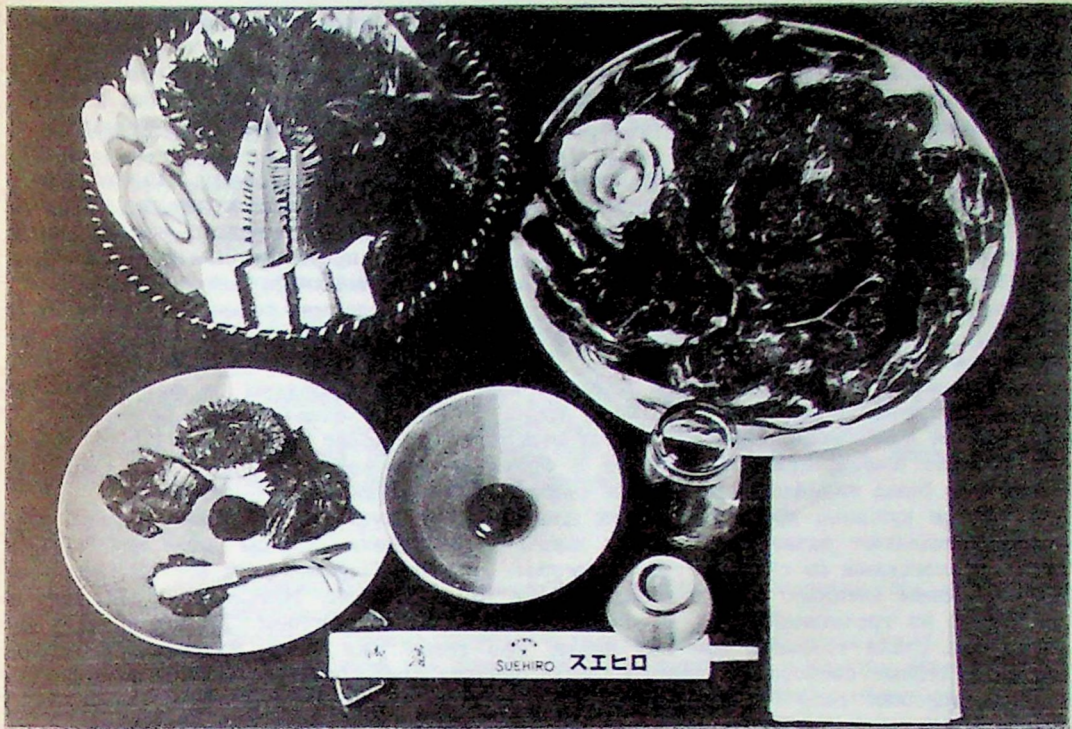
Близость японцев к природе отражается в простоте и сбалансированности используемых продуктов. Японские повара стремятся сохранить первоначальный вкус и внешний вид пищи с тем, чтобы рыба или овощи в приготовленном виде оставались самими собой. Если китайская еда, замечает известный исследователь японской культуры Ф. Мараини, — это приобщение к человеческому искусству (Как получается этот необыкновенный соус? Чем были эти странные шарики в первоначальном виде?), если западная еда — это приобщение к человеческой власти (Побольше! Поплотнее!..), то японская еда — это приобщение к природе (Корень есть корень, лист есть лист, а количество отмерено так, чтобы избежать пресыщения и тем самым возможного чувства отвращения).

В последние два-три десятилетия в рационе японцев появились и стали играть все большую роль продукты европейского типа — хлеб, макароны, бисквиты, колбасы, сосиски, ветчина, шоколад, мороженое и т. д. Но тем не менее традиционным блюдам национальной кухни, основой которых по-прежнему являются рис, рыба и другие продукты моря, овощи, японцы отдают предпочтение.

Рис. Человеку, незнакомому с жизнью японцев, трудно даже представить, насколько многообразно его потребление в стране. Японцы едят рис практически с любым блюдом, как европейские народы хлеб. Его варят в чистом виде (без масла, соли, специй). А сварить его надо так, чтобы каждую рисинку можно было взять палочками. Рис входит компонентом в различные блюда национальной кухни. Из него готовят самые разнообразные кондитерские изделия, напитки и приправы.

Вторым незаменимым компонентом питания японцев являются рыба и морепродукты, которые употребляются в пищу уже второе тысячелетие. Большим спросом пользуются тунец, горбуша, морской лещ, креветки, кальмары, осьминоги, моллюски, каракатицы, трепанги, а также устрицы, крабы, морские водоросли. Из них готовится огромное количество блюд, в том числе не известных нам. Например, своеобразной чертой японской кухни является употребление сырой рыбы. Для европейца совершенно немыслимым кажется блюдо *сасими* — кусочки сырой рыбы разных сортов, разложенные на большой тарелке в различных цветовых комбинациях; их едят с хреном, соевым соусом и японской горчицей. Поистине визитной карточкой не только рыбных блюд, но и всей японской кухни является другое кушанье с сырой рыбой — *суси*. Видов суси очень много, но основа их — кусочки рыбы, положенные на колобки из вареного риса.

В Японии рыбу едят отваренную в соевом соусе, жаренную на противне, на открытом огне, обжаренную в масле, в виде колбасы, сушеную. Например, сушеные рыбы хлопья (*кацуобуси*), которые можно хранить в течение нескольких лет, служат наряду с морской капустой базовым продуктом для приготовления бульонов — *даси*. Примечательно, что *кацуобуси* подчас продают в больших коробках, в дорогой красочной упаковке, ибо они считаются очень хорошим и престижным подарком.

И нельзя представить себе японскую кухню без овощей. Причем это не только всем известные помидоры, огурцы, морковь, шпинат, перец, петрушка, сельдерей, лук и т. д., но и всяческая другая зелень, малоизвестная европейцам, но обладающая благоприятными для пищеварения свойствами. В частности, в пищу идут лепестки хризантемы, корни лотоса, побеги бамбука, разнообразные виды не известных нам бобов, самые различные сорта редьки, редиса, ямса, гобо (съедобный корень лопуха), а также специфические японские овощи — *коньяку*, *мицуба*, *васаби*. Обилие овощей на японском столе отражается даже в названии овощных магазинов — *яоя*, где «*яо*» означает число 800, а «*я*» — лавка.

Наряду со свежими, японцы едят разного рода соленые и маринованные, а также сушеные овощи. Широко распространено, например, употребление острых и соленых маринованных маленьких слив — *умэбоси*. Они идут не только как приправа к пресным блюдам, типа отварного риса, но и используются вместо соли в ряде блюд.

В рационе питания японцев существенную часть составляют морские «овощи» — разнообразные водоросли. Еще задолго до появления земледелия жители прибрежных районов занимались сбором этих питательных «овощей». Казалось бы, такие дары моря вряд ли могут вызвать аппетит, но на самом деле хорошо приготовленные высококачественные морские водоросли не только обладают нежным вкусом, но и помогают оттенить вкус других продуктов, не говоря уже о том, что служат прекрасным украшением различных блюд. В Японии эти «овощи» из моря не менее популярны, чем с огорода. Из них приготавливают салаты, супы, тушеные блюда. Едят их так же, как и обычные овощи: и в маринованном, и в сушеном виде.

В японской кулинарии используется много грибов. большей частью это специально выращенные виды, например *сиитаке*, которые культивируются в стране уже не одно столетие, а в настоящее время широко употребляются в Европе и США.

Еще одной отличительной чертой японской кухни является употребление значительного количества сои. Из нее готовятся самые разнообразные продукты. Среди них — аналоги мяса, рыбы, хлеба, кондитерских изделий и традиционные, широко распространенные и любимые японцами *тофу* (соевый творог), *абура-агэ* (прожаренный тофу),

мисо (соевая паста), *сёу* (соевый соус). Без соевых продуктов просто невозможно представить многие блюда японской кухни.

В течение веков мясо животных японцы в пищу практически не употребляли, так как это запрещалось буддийской религией. Очевидно, поэтому среди рецептов японской кухни можно встретить большое число блюд из мяса птицы и сравнительно мало — из говядины и свинины.

Очень высоко в японской кухне ценится соответствие блюд сезону. Подчас это не менее важно, чем само приготовление пищи. Каждое блюдо готовится именно в лучшую для него пору. Имеется в виду то время года, когда продукт обладает самыми высокими вкусовыми качествами. Но не только это. Сезонность проявляется также в украшении блюд символами того или иного времени года. Например, летом в душные и жаркие дни белоснежная холодная лапша в обрамлении красных свежих листьев периллы не только манит прохладой, но и возбуждает аппетит. Осенью кушанья декорируются красными листочками клена, сосновыми иглами, лепестками хризантемы, а отдельные продукты, например морковь или редька, нарезают в форме тех же листочков клена. Зимой в природе мало ярких красок и соответственно более скромно выглядят и подаваемые кушанья. Но от этого они не менее вкусны. Большой частью это горячие блюда, приготавливаемые в большой глубокой сковороде или кастрюле. Такой тип блюд называется *набэ рёри* (*набэ* — «кастрюля», *рёри* — «еда»).

Типовые кушанья вроде *набэ рёри* для японской кухни весьма характерны. Они часто определяют названия того или иного ресторанчика. Улицы японских городов пестрят вывесками со словами «удон», «соба», «рамэн». Переводчики все их переводят одним словом «лапша», но эти блюда далеко не одинаковы. Например, *соба* готовится из гречишной муки, а *удон* и *рамэн* — из пшеничной. Лапшу из гречихи в Японии стали готовить 400 лет назад, ибо тогда уже были известны питательные и целебные свойства гречихи. С ними связана традиция приготовления *тосикоси соба*, (дословно: *соба* — в конце года) — одного из обязательных новогодних блюд. Считалось, что эта еда обеспечит здоровье в предстоящем году. *Соба* и *удон* весьма просты в приготовлении и поэтому испокон века считаются удобной пищей во время путешествий или когда человек очень спешит, поэтому эти блюда связывают с «едой на ходу».

В большинстве случаев из *соба* и *удон* делают еще одно типовое блюдо — *домбури* (дословно: большая фарфоровая миска). В такую миску закладывают горячие *соба*, *удон* или *рамэн*, а сверху могут быть добавлены самые разнообразные ингредиенты.

В последние годы, когда во всех цивилизованных странах органы здравоохранения рекомендуют употреблять в пищу поменьше животных жиров, продуктов, содержащих холестерин, сахар и соль, а побольше продуктов, содержащих клетчатку, японская кухня, отвечающая этим рекомендациям, привлекает к себе всеобщее внимание в разных странах. У многих она ассоциируется с понятием правильного питания. Действительно, японская кулинария весьма благоприятно воздействует на здоровье человека. Этому способствует не только использование большого количества натуральных продуктов, но и сбалансированное и умеренное их потребление. Важной отличительной чертой японской кухни является оптимальность количества продуктов и их соотношения между собой. И нет ничего удивительного в том, что повседневная японская пища начинает пользоваться все возрастающей популярностью за рубежом. В частности, в США, где в широких масштабах пропагандируется здоровая структура питания, активно рекламируется и японская кухня. Растет популярность *суси*, *мисо*, *тофу* и *соба*. Входят в моду и способы приготовления японских блюд.

На первый взгляд японские блюда могут показаться экзотическими и требующими особых продуктов. Однако предлагаемые рецепты вполне можно использовать и в наших условиях, заменив некоторые компоненты. Например, вместо используемого для приготовления ряда блюд и соусов сладкого *сакэ* (*мирин*) предлагается взять десертное вино, вместо *сакэ* — водку.

Вот некоторые рецепты японской кухни, которые, на наш взгляд, соответствуют традиционным европейским вкусам:

Свинина с бобами и рисом

400 г свинины, 1 долька чеснока, 2,5 чашки красных бобов, 3 чашки вареного риса, петрушка, соль, перец (на 4 порции).

Замочить на ночь бобы. Варить их до готовности. Нарезать кубиками свинину, хорошо обжарить до образования корочки золотистого цвета, снять с огня. Отлить со сковороды половину вытопившегося жира, добавить в мясо тертый чеснок и жарить 2—3 минуты. Затем смешать с готовыми бобами, рисом и мелко нарезанной петрушкой, посолить и поперчить по вкусу.

Говяжья печень с луком на вертеле

250 г говяжьей или телячьей печени, 2 столовые ложки вина, 2 столовые ложки соевого соуса, 12 небольших луковиц, 1 яйцо, растительное масло (на 6 порций).

Нарезать печеньку ломтиками, положить в миску, полить вином и соусом. Хорошо перемешать и оставить на 20 минут. Проварить луковицы в течение 5 минут, откинуть на дуршлаг. Нанизать кусочки печени и лука на шампур, обмакнуть в яйцо, обвалить в панировочных сухарях и жарить, пока не зарумянятся.

Окунь в гриле

3 небольших окуня, имбирь, соль, соевый соус, лимонный сок, небольшая сладкая редька (на 2 порции).

Обработать рыбу. Посолить с обеих сторон и оставить на два часа, затем смыть соль и обсушить. Надеть на два шампура так, чтобы они перекрестились у хвостов. Насадить кусочки редьки на плавники, посыпать солью и обжарить в гриле с обеих сторон. По готовности осторожно вытащить шампуры, чтобы не повредить внешний вид рыбы. Украсить имбирем. Смешать в равных долях лимонный сок и соевый соус и подать как приправу.

Домбури с курицей

250 г свежих или сухих грибов, 6 столовых ложек сладкого вина, 6 столовых ложек водки, 6 столовых ложек соевого соуса, 4 столовые ложки сахара, 0,28 л бульона, 260 г куриного мяса, 250 г репчатого лука, 6 чашек вареного риса, 6 яиц, 2 пластинки сушеных водорослей (на 6 порций).

Свежие грибы промыть, просушить, нарезать тонкими дольками. Сухие грибы замочить на 15 минут и обработать так же. В кастрюлю влить вино и водку, прокипятить в течение 2 минут, добавить соевый соус, сахар и бульон. Затем заложить кусочки мелко нарезанного куриного мяса, грибы и нарезанный колечками лук. Тушить на медленном огне до готовности мяса. Приправы добавлять по вкусу.

Разложить горячий рис по чашкам (типа пиал). Взять порцию куриного мяса с грибами, залить яйцом и подогреть на небольшой сковороде. Затем положить в чашку с рисом. Пластинки водорослей нагреть над огнем и крошить в чашки. Готовое блюдо накрыть крышкой. Так приготовить каждую порцию.

Курица с овощами в бульоне

1 лист морской капусты, 400 г куриного мяса, 12 очищенных креветок, среднего размера, 200 г рыбного филе, 200 г свежих устриц, соевый соус, 2 стебля лука батун или порея, 1 кочан китайской капусты, свежие или сухие грибы, 2 пучка шпината, сок из 1 лимона или кислого мандарина

Вымыть лист морской капусты и закрыть им дно глубокой большой сковороды. Наполнить ее почти наполовину холодной водой, закрыть крышкой и довести до кипения. Затем вынуть морскую капусту, заложить нарезанное небольшими кусочками куриное мясо и креветки и проварить их. Добавить рыбу и другие ингредиенты в зависимости от

срока их варки (шпинат кладется в последнюю очередь). Готовое блюдо едят прямо из сковороды, вынимая содержимое палочками, при этом каждый раз обмакивают в приправу из лимона и соевого соуса, по желанию разбавленную отваром. Ингредиенты этого блюда могут меняться по вкусу. Например, используют куриный бульон вместо отвара морской капусты, разные соусы и пр.

Лапша в бульоне

250 г лапши, 3 стакана воды, несколько листов морской капусты, 1/4 стакана хлопьев из скумбрии (не обязательно), 1/4 чайной ложки соли, 3—4 шт. сушеных грибов, лук батун, 1 морковь средней величины, 3 столовые ложки соевого соуса, 2 столовые ложки десертного вина, тертый свежий имбирь или щепотка перца (на 2 порции).

Лапшу отварить и откинуть на дуршлаг. Отварить в глубокой сковороде морскую капусту и быстро вынуть (ее потом можно использовать для других целей). Добавить для аромата хлопья скумбрии и снять бульон с огня. Через 1—2 минуты процедить бульон, чтобы удалить рыбные хлопья. Если нет рыбных хлопьев, можно использовать воду, в которой замачивались грибы. Посолить. Кроме указанных, можно использовать любые другие мелко нарезанные овощи и варить их 10—15 минут до готовности. Добавить соевый соус, десертное вино и еще прокипятить в течение 1—2 минут.

Лапшу разложить по тарелкам, залить горячим бульоном, посыпать сверху мелко нарезанным луком, тертым имбирем и маленькими кусочками перца и т. д. В готовое блюдо можно добавить по сезону и другие ингредиенты, например мелко нарезанную зелень, отварную морковь или зеленые бобы, жареный тофу и т. п. Рекомендуется остатки бульона в тарелке не доедать, ибо он соленый, хотя и вкусный.

Морепродукты и овощи в кляре

500 г рыбы и морепродуктов (рыбное филе, креветки, кальмары), 1 баклажан, 2—3 моркови, 1—2 стручка сладкого перца, 10 шт. стручковой фасоли, корешок сельдерея, 6—7 грибов, 1—2 луковицы. Тесто: пшеничная мука — 150—200 г, 1 яйцо; на стакан муки — 0,8—0,9 стакана холодной воды. Соус: 0,7 стакана воды, 3—4 столовые ложки десертного вина, 3 столовые ложки соевого соуса, немного имбиря и редьки средней величины (на 6 порций).

Рыбное филе нарезать полосками толщиной в палец, креветки и кальмары очистить, нарезать и сделать на них два-три надреза, овощи очистить и нарезать кусочками. Для приготовления теста муку просеять сквозь сито, всыпать в холодную воду, предварительно смешанную с яйцом. Тесто должно быть жидкое и не сильно вымешанное. Налить в кастрюлю растительное масло (чем больше, тем лучше) и нагреть до температуры 180°, обмакнуть приготовленные продукты в тесто и класть в кастрюлю ближе к стенкам. Компоненты жарить по очереди в течение 2—3 минут. Для приготовления соуса в стакане воды размешать соевый соус (1/3 стакана), десертное вино (1/8 стакана) и вскипятить. Соус остудить, добавить предварительно натертые редьку и имбирь. Обжаренные рыбу и овощи обмакивать в соус.

Говядина и овощи в бульоне

800 г говядины, 200 г грибов, 300 г жареного соевого творога, 300 г лука батун или зеленого, 200 г китайской капусты, 200 г сиратаки (лапши из съедобного горня коньяку), 200 г репчатого лука, 6 яиц (на 4 порции).

Свежую говядину нарезать тонкими широкими ломтиками; отварить сиратаки и нарезать на кусочки примерно по 10 см, тофу нарезать кусочками по 5—6 см, свежие грибы промыть, листья капусты обварить в воде и свернуть в трубочку, дольками нарезать репчатый лук. Все компоненты блюда обварить в глубокой сковороде в бульоне из морской капусты с добавлением соевого соуса, сахара и десертного вина. Вместо отваривания в бульоне все ингредиенты можно обжарить в предварительно растопленном жире. При еде готовые продукты обмакивать в слегка взбитом сыром яйце.

Курица в вине

1 небольшая курица, 0,12 литра соевого соуса, 0,12 литра вина, 1 столовая ложка свеженатертого имбиря, 2 столовые ложки сахара, 2 чайные ложки перца.

Налить вино и соевый соус на сковороду, добавить сахар, имбирь и перец, все хорошо перемешать. Добавить нарезанное небольшими квадратиками куриное мясо, а соус довести до кипения и кипятить 15 минут. Мясо нанизать на шампур. Окунуть в соус и положить в гриль. Жарить до готовности, часто поливая соусом.

Салат из красной фасоли с лапшой

1 стакан вареной красной фасоли, 2 стакана сухой лапши, $\frac{1}{2}$ чайной ложки соли, 10 стаканов воды, $\frac{1}{2}$ стакана мелко нарезанного лука батуна, $\frac{1}{3}$ стакана нарезанной петрушки, $\frac{3}{4}$ стакана тонко нарезанного сельдерея, $\frac{3}{4}$ стакана зеленого перца, нарезанного кубиками. Приправа: две-три столовые ложки густого мисо (перебродившая масса соевых бобов), 2 столовые ложки лимонного сока, 4—5 столовых ложек воды, щепотка тертого чеснока (или эстрагона) (на 4—6 порций).

В соленую кипящую воду постепенно, чтобы не прерывать кипение, закладывать лапшу и варить 7—10 минут, затем быстро вынуть и промыть холодной водой. Пока лапша варится, подготовить овощи. Смешать все ингредиенты для приправы, в готовую лапшу добавить овощи и приправу. Сверху посыпать петрушкой.

Рыбная похлебка

6 стаканов воды, несколько листов морской капусты, 100 г рыбного филе, 1 столовая ложка растительного масла, 1 головка лука, 1 стебель сельдерея, 1 морковь, 1 картофелина, 4 столовые ложки муки, $\frac{3}{4}$ чайной ложки соли, щепотка перца, 2 чайные ложки соевого соуса и петрушка для украшения (на 4—5 порций).

Приготовить бульон из морской капусты на среднем огне, не закрывая кастрюлю. Капусту вынуть. На медленном огне приготовить на сковороде соте измельченного лука. Добавить мелко нарезанные сельдерей и морковь, кубики картошки, щепотку соли и тушить еще минут пять. Посыпать мукой и размешать. Добавить полпорции бульона и, помешивая, довести все до кипения. Содержимое сковороды вылить в оставшуюся половину бульона и добавить $\frac{3}{4}$ чайной ложки соли. Варить на медленном огне 20 минут. Разрезать рыбу на кусочки по 2 см и положить в суп. Одновременно положить туда перец и влить соевый соус, затем варить еще 5 минут. Можно, кроме того, добавить щепотку чеснока или эстрагона. Блюдо подается в горячем виде, сверху посыпается мелко нарезанной петрушкой.

Жареная треска с маринадом

400 г трески, 1 большой помидор, 1 луковица, $\frac{1}{2}$ лимона, 1 столовая ложка имбирного сока, 1 белок, 1 стакан уксуса, 6 столовых ложек сахара, 3 столовые ложки десертного вина, $\frac{1}{2}$ чайной ложки соли (на 3—4 порции).

Нарезать кубиками филе трески, посолить, залить вином и имбирным соком и оставить на 30 минут. Очистить и порезать помидор. Нарезанный кольцами лук посолить, промыть и промыть. Порезать лимон. Приготовить маринад из уксуса, вина, сахара и соли. Промокнуть рыбу бумажной салфеткой для удаления лишней жидкости, обвалить в картофельной муке и смазать белком, смешанным с водой. Обжарить рыбу в масле. Готовую рыбу сложить в глубокую тарелку, сверху положить лук, помидор, лимон и залить маринадом.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Японские советологи о перспективах перестройки

Л. АРЕШИДЗЕ

Программа перевода экономики СССР на режим регулируемого рыночного типа вызывает острейшие дебаты как в самом советском обществе, так и в политических, научных, деловых кругах зарубежных стран. Возможно ли в принципе создание «планово-рыночного» механизма хозяйствования, каково соотношение плановых и рыночных начал в смешанной экономике, какую цену придется заплатить обществу за ломку жестко централизованной экономической модели? На эти и подобные вопросы ответы даются самые разные, порой взаимоисключающие. Пожалуй, ясно одно, как подчеркивал академик Л. Абалкин, балансирование на двух несовместимых структурах — административно-командной и рыночной — далее не может быть терпимым. К этому выводу приходит и ряд видных японских советологов, в многочисленных исследованиях обосновывающие свои, зачастую довольно своеобразные оценки характера и перспектив экономической реформы в СССР. Наиболее интересные, на наш взгляд, работы приведены в начале библиографического списка.

* * *

В академических кругах японских советологов, а также среди политиков и предпринимателей поддерживается большой интерес к процессам, происходящим в Советском Союзе, к их последствиям для будущего самой Японии. Закономерно поэтому, что в последнее

время по этим проблемам здесь опубликовано немало монографий и разного рода аналитических материалов¹. Внимание японских специалистов к теоретическим и практическим аспектам процесса модернизации в Советском Союзе предопределено рядом соображений.

Прежде всего желанием определить степень потенциальной опасности для Японии проводимого в СССР эксперимента по переходу от модели административного социализма, которая существовала в этой стране на протяжении длительного исторического периода, к рыночному социализму. Такой переход, по мнению, например, профессора Токийского университета Сигэки Хакамада, совпадающему с оценками подавляющего большинства японских советологов, должен неминуемо сопровождаться глубокими структурными деформациями в политической, экономической и идеологической областях, которые наряду с положительными могут иметь негативные последствия². СССР — ближайший сосед Японии в азиатско-тихоокеанском регионе, численность его населения составляет около 300 млн. человек; он обладает мощным ракетно-ядерным потенциалом и является военной сверхдержавой. Любые просчеты советского руководства в определении стратегии и тактики перехода, возможностей реализовать потенциал «обновления» на пользу стабилизации и процветания страны могут привести к непредсказуемым последствиям и прежде всего — к резкому снижению жизненного уровня большинства населения. В Японии не исключают, что в этих условиях резко возрастут масштабы эмиграции из СССР в промышленно развитые страны Запада, более стабильные и более обеспеченные в социальном отношении. Даже в относительно благоприятный для СССР период 60—70-х годов его покинуло более 1 млн. человек, тогда как всего из социалистических стран к концу 80-х годов выехало на Запад более 20 млн. человек. Уже сегодня японские власти вынуждены затрачивать немалые средства на поиск и депортацию нелегальных эмигрантов из социалистических стран Азии, прибывающих в Японию под видом так называе-

Арешидзе Лиана Георгиевна, к. фил. н., японовед, старший редактор Библиотеки иностранной литературы СССР.

ных «беженцев». Японское правительство создает для них на средства государственного бюджета специальные лагеря, обеспечивает питанием, медицинским обслуживанием и т. п. В случае углубления кризиса процессы массового исхода населения из социалистических стран могут выйти из-под контроля властей, и тогда Япония должна будет разрабатывать меры по регулированию потоков беженцев. Такие меры в конце 80-х годов разрабатывались администрацией Соединенных Штатов, в ряде стран Западной Европы и даже правительством Австралии.

С другой стороны, в Японии испытывают тревогу и неуверенность в отношении неизменности внешнеполитического курса советского руководства в будущем, когда в результате возможного нарастания кризисных процессов внутри страны, а также усиления центробежных тенденций в Организации Варшавского Договора и Совете Экономической Взаимопомощи, СССР может вновь вернуться на путь закрытого общества, автаркии, тоталитаризма со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными для Японии последствиями³.

Токийский советолог Тадао Моримото обращает внимание на то, что опыт пяти лет «перестройки» в СССР, попытки советского руководства выйти из глубокого структурного кризиса, повысить степень «привлекательности» социализма для большинства населения не дали ожидаемых результатов. Выбранные методы отхода от административной модели социализма с помощью рыночных регуляторов, подчеркивает ученый, способствовали лишь разбалансированию экономической структуры, снизили и без того невысокий жизненный уровень, стимулировали падение авторитета КПСС как правящей партии⁴. Решение советского правительства в конце 80-х годов вновь временно вернуться для стабилизации положения к усилению централизованного планирования и административного регулирования экономикой встретило сопротивление и критику не только со стороны окрепшей за годы перестройки политической оппозиции внутри страны в лице разного рода неформальных организаций, но и той части советского общества, которая верила в возможности рыночной экономики вывести страну на путь обновления, и уже успела получить от этого немалые для себя выгоды,

с которыми не хотела расставаться. Позиции этих групп внутри страны укреплялись, в том числе благодаря динамично развивающимся процессам в восточноевропейских социалистических странах, где были проведены радикальные преобразования в экономике и политической структуре общества, введены рыночные регуляторы и многопартийная система, осуществлен демонтаж системы административного социализма.

Японские советологи основное внимание обращают на анализ проблем неподготовленности современного советского общества, его экономической, социальной и политической структуры к переходу на «рыночный социализм», а также на вопросы несовместимости социалистических и несоциалистических ценностей в развитии одного и того же государства.

Многие японские специалисты по Советскому Союзу, по теории и практике социализма приходят к выводу о том, что советская государственная экономическая и политическая системы не готовы к радикальным преобразованиям рыночного типа, а любое ускорение перехода к этой модели развития, искусственное подталкивание «сверху» приводит лишь к еще большим деструкциям и углубляет кризис. Основные причины неподготовленности СССР к «перестройке» на рыночную модель развития видятся японским советологам в следующем⁵.

Во-первых, в Советском Союзе, по их мнению, отсутствуют политические, экономические и идеологические предпосылки для передачи власти в руки «советской буржуазии», предпринимательских кругов, которые на практике взяли бы за строительство «рыночного социализма». Нынешнее советское руководство, основу которого составляют представители коммунистической партии, не в состоянии в силу своего мировоззрения и опыта работы в условиях административного социализма переключиться на деятельность в нетрадиционных для них условиях рынка. КПСС не готова добровольно уступить власть советскому предпринимательству, которое со своей стороны не доверяет компартии и хочет иметь своих представителей во главе политического руководства страны. Очевидно, что руководству компартии непросто пойти на удовлетворение тре-

бования советского предпринимательства в отношении денационализации общенародной собственности, передачи в частные руки земли, недр, воды, лесов, средств производства, банков, торговли, коммунальных и иных предприятий. В то же время формирование подлинно рыночных отношений не может быть эффективно реализовано без выполнения этих условий.

Во-вторых, экономический механизм в СССР отлажен на работу в системе централизованного планирования, предполагающего руководство центра, защиту общенародной, а не частной собственности, плановое ведение хозяйства. В то же время переход на рыночные отношения предполагает передачу предприятий либо в частные руки, либо в групповую собственность трудового коллектива. Но еще Ленин писал, что для социализма смерти подобно растворение общенародной собственности в коллективной, ибо последнее просто ведет к реставрации капитализма и отмиранию социализма. Советское руководство, по оценкам японских советологов, пока не готово ни полностью демонтировать социалистический фундамент в СССР, ни отказаться от контроля за общенародной собственностью, ни целиком передать в руки предприятий, перешедших в групповую собственность, механизмы формирования цен, объемов производства готовой продукции. С другой стороны, сохранение контроля по этим направлениям со стороны государства не позволяет предприятиям стать самостоятельными хозяйственными единицами в рыночном смысле этого слова и в итоге ведет к нарушению политики рыночных отношений в экономике.

В-третьих, рыночные отношения немислимы без развертывания подлинной конкурентной борьбы. Однако к такого рода борьбе СССР пока еще практически не готов. Конкурентная борьба предполагает в первую очередь широкое процветание группового и индивидуального эгоизма товаропроизводителей в ущерб примата общественных интересов. Попытки искусственно насаждать очаги индивидуальной собственности в виде поощрения кооперативов, разного рода смешанных предприятий и т. д. в СССР во второй половине 80-х годов показали, что в условиях тотального дефицита на основные виды потребительских товаров, сырье, энергию и т. д. невозможно

практически осуществить конкуренцию ни между кооперативами, ни между ними, с одной стороны, и государственными предприятиями, с другой.

Обострение конкуренции между отдельными товаропроизводителями в условиях СССР сопровождается огромными потерями для общества. Любое проявление собственных интересов отдельных предприятий, коллективов незамедлительно негативно сказывается на работе всего экономического механизма страны, нарушает устоявшиеся кооперационные связи, ускоряет вползание в хронический кризис. Конкурентная борьба на Западе, отмечают японские специалисты, не ведет к подобного рода деструктивным последствиям просто потому, что все основные предприятия находятся в частной собственности, а государственная собственность лишь помогает частной слаженно, гармонично функционировать. В СССР конкуренция между предприятиями, переданными в частное или в групповое пользование, с одной стороны, и государственными предприятиями, с другой, не создает благоприятных условий для состязательности именно потому, что эти две отличные по характеру собственности группы предприятий поставлены в совершенно разные экономические условия по материально-техническому снабжению, обеспеченности кадрами, финансовой базой, налоговыми льготами и т. п.

Кроме того, советская экономическая и политическая система не может позволить, чтобы по законам конкурентной борьбы предприятия, находящиеся в групповой или частной собственности, встали бы на путь производственных секретов в целях получения своей доли сверхприбыли, занимались бы промышленным шпионажем у государственных предприятий с целью получения для себя той дорогостоящей зарубежной информации, которой располагают крупные государственные предприятия благодаря помощи различных специальных служб, наконец, советская общественность просто не позволит, чтобы негосударственные предприятия в погоне за прибылью шли на обман покупателя в отношении качества готовой продукции. Вместе с тем все это также элементы конкурентной борьбы, без которой невозможны подлинные рыночные отношения, дающие экономический эффект, а не разрушающие основы экономического механизма.

Наконец, по мнению японских советологов, СССР не готов к переходу на новые формы хозяйствования и производственных отношений еще и потому, что рыночная модель предполагает не только жесткую конкурентную борьбу в экономике, но еще более жесткую конкуренцию на политической сфере. КПСС пока еще не имеет возможности преодолеть открытое сопротивление оппозиционных сил на выборах — общенациональных и местных, и гарантировать себе прочные позиции в руководстве страны, республики, области, города. Чтобы сделать это, КПСС должна была бы в первую очередь проводить политику, гарантирующую повышение реального уровня жизни основной массы населения, однако именно это и представляет для коммунистической партии наибольшую трудность. Попытки привлечь рыночные методы регулирования для стабилизации экономического положения и насыщения потребительского рынка в 80-е годы не дали ожидаемых положительных результатов. Напротив, они вызвали широкое общественное недовольство деятельностью «теневой экономики», для которой в процессе перестройки создались весьма благоприятные условия. Сегодня, по мнению японских исследователей, как никогда ранее в истории страны, КПСС не пользуется авторитетом в широких кругах советской общественности: справа ее критикуют за развал системы административного социализма, который при некотором усовершенствовании мог бы стабильно развиваться и поддерживать определенный жизненный уровень трудящихся, слева — за нерешительность и медлительность перехода на рыночную модель развития.

Для КПСС вырисовывается перспектива расщедоточения партии по «национальным квартирам», на повестке дня — усиление борьбы с неформальными организациями, с внутривнутрипартийной оппозицией, уже сегодня часть коммунистов выходит из рядов партии. В этих новых для КПСС условиях, на фоне усиливающихся тенденций политического плюрализма в других социалистических странах руководство партии не может рискнуть пойти на обострение конкурентной борьбы за власть, что объективно предполагает перестройка и «обновление» социализма на путях перехода к рыночной модели. Отсутствие единства в са-

мой КПСС — серьезное препятствие на пути модернизации СССР в целом. Ускорение введения рыночных отношений лишь подталкивает часть общества в СССР к требованиям об отстранении КПСС от власти, как политической силы, мешающей подлинной, по их мнению, перестройке, то есть перехода к рыночной, несоциалистической модели развития.

Таким образом, ни в середине 80-х годов, когда только был провозглашен курс на перестройку, ни тем более в конце первого этапа перестройки на рубеже 80-90-х годов СССР реально не был готов отказаться от старой административной модели социалистического развития и перейти на новую модель рыночного хозяйства. В этой связи японские советологи задаются вопросом — насколько вообще оправданы расчеты советского руководства на возможность такого перехода в будущем, не стоят ли за декларациями о «переходе на рыночную модель социализма» обыкновенные стратегические расчеты выиграть время, перегруппировать силы и вернуться на путь укрепления административного социализма, который при всех своих ставших очевидными и для советского руководства недостатках и слабостях имеет все же объективно ряд решающих преимуществ — он позволяет сохранить централизованное, федеративное государственное образование, политически возглавляемое коммунистической партией, обеспечивает и, что более важно, гарантирует сохранение КПСС у власти, каким бы нападкам и критике она ни подвергалась, поддерживает высокий уровень обороноспособности страны, сохраняет за СССР статус сверхдержавы? Решение всех этих и других задач развития СССР намного усложняется, если вообще не становится невозможным, при перестройке на рыночную экономику с преобладанием децентрализации, демополизации, плюрализма и конкурентной борьбой⁶.

Японские советологи разделяют беспокойство советского руководства за судьбу страны в XXI веке и понимают значение того факта, что СССР, остро нуждаясь в обновлении своей социально-экономической и политической системы, не может вместе с тем подобрать правильно пути дальнейшего развития, ибо, с одной стороны, не хочет отказываться от социалистических ценностей как та-

ковых, тогда как, с другой — хочет укрепить социализм с использованием элементов свободного предпринимательства. В 80-е годы стало ясно, считают японские ученые, что административная модель социализма в СССР доказала свою историческую несостоятельность, так как страна серьезно отстала от других промышленно развитых государств мира по использованию достижений научно-технического прогресса, по уровню жизненных стандартов, по разработке новых видов и технологий вооружений. СССР проиграл «холодную войну» Западу, не выдержал соревнование ни в экономическом, ни в идеологическом споре с капитализмом. В 80-е годы начался распад социалистической экономической системы, а также военного блока социалистических стран. Развивающиеся страны, не получая от СССР ни экономической, ни военной поддержки, стали также постепенно отходить от социалистической модели развития. СССР все больше чувствовал свою изоляцию в мировом сообществе и, как считают японские ученые, был поставлен перед необходимостью пойти на серьезные уступки Западу, по существу, во всех областях: экономической, политической, идеологической и стратегической с тем, чтобы выиграть время и нейтрализовать негативные тенденции в своем развитии⁷.

Вместе с тем политика уступок Западу по широкому спектру вопросов вооружений, идеологии, внешнеполитического мышления, хотя и позволяет советскому руководству выиграть историческое время, однако, сама по себе, в оценке японских специалистов, непродуктивна с точки зрения стабилизации и укрепления экономических и политических основ развития государства. Она — всего лишь вспомогательный инструмент в этом процессе, тогда как главное его содержание должен составлять правильный выбор модели перехода на новое качественное состояние советского общества.

Такаюки Накадзава, к примеру, подчеркивает, что курс на «перестройку» социализма с помощью встроенных стабилизаторов рыночной экономики, демократических политических институтов власти, дендеологизации внешней и внутренней политики — не продуман и не «обсчитан» экономически во всех своих деталях. Такой курс — чрезвычайно затратен по своей сути и по своему ис-

полнению, он предполагает коренную ломку всех структур одновременно и потому просто «не по карману» СССР. Опыт первых пяти лет «перестройки» наглядно показал, по его мнению, что стоит и во что обходится в реальной действительности шароухание из одной крайности в другую, какими потерями оборачивается для общества утрата стимулов к производительному и честному труду, к национальному единству, к сплочению всех сил для будущего развития, которые худо-бедно поддерживались системой административного социализма⁸.

По мнению видного советолога Т. Моримото, для СССР существуют только две перспективы прогресса — либо укреплять ту социально-экономическую и политическую структуру, которая уже существовала в стране на протяжении многих десятилетий, но делать это не с помощью рыночных методов, а опираясь на усовершенствованные социалистические методы, либо «отказавшись от социализма» (как это сделали в Польше и Венгрии), не теряя времени, перейти на путь рыночной модели хозяйствования и соответствующей ей политической структуры общества. Балансирование (а пока советское руководство проводит именно такой курс) между этими двумя противоположными по своей природе общественными полюсами вряд ли в будущем выведет СССР в положение мировой державы. Скорее всего, заключает Т. Моримото, это будет способствовать ускоренной деградации советского общества со всеми негативными для мирового сообщества последствиями⁹.

Что же дает японским советологам основание предполагать, что идеи о возможности использовать «методы и приемы рыночной модели развития Запада» в целях укрепления или обновления социализма в СССР несостоятельны в своей основе.

Прежде всего, внимание обращается на теоретическую несовместимость, разнонаправленность конечных целей общественного производства при социализме и капитализме, практически исключаящих использование и заимствование методов управления организации производства друг у друга. Социалистические структуры ориентированы на более или менее равномерное и по возможности справедливое распределение произведенных в обществе материальных и социальных благ среди всех его чле-

нов. Капиталистическая рыночная экономика, напротив, заранее настроена на неравномерное распределение таких благ в обществе¹⁰.

Далее. Различны и методы достижения стратегических целей развития. Если равномерное распределение материальных ценностей при социализме опирается в первую очередь на государственное планирование производства и потребления, государственное материально-техническое снабжение, централизованное распределение государственных бюджетных дотаций, то для рыночной экономики основой функционирования хозяйственного механизма является свободный поиск на рынке и средств производства, и сырья, и энергии, а также поиск и рынка сбыта готовой продукции. При социализме предприятия находятся под защитой государства и в идеале должны быть озабочены лишь повышением качественных характеристик производимой продукции. При капитализме — предприятия действуют на рынке на свой страх и риск, ведут острейшую конкурентную борьбу за выживание. Сочетание этих двух различных форм массовой производственной деятельности ограничивает и даже исключает использование сильных сторон каждой из двух социально-экономических систем и оттого — непродуктивно. Это наглядно видно на примере ограниченных возможностей использования в системе административного социализма такого мощного рычага повышения производительности труда в рыночной модели, как материальное стимулирование. Стоило кооперативам СССР повысить уровень зарплаты своим работникам в 2—3 раза по отношению к государственным предприятиям, как последние оказались в трудном положении с удержанием рабочих и служащих от перехода в кооперативы или к занятиям индивидуальной трудовой деятельностью. Сочетание даже в пределах короткого временного отрезка двух различных подходов к повышению заинтересованности работника в трудовой деятельности — сугубо рыночного (высокая заработная плата) и государственно-социалистического (низкая заработная плата) обернулось для общества в целом непродуктивной растратой общественного потенциала.

С другой стороны, по мнению Момо Иида, предприятия, перешедшие на прин-

ципы рыночной экономики, но остающиеся в социалистическом государстве, видят свою главную производственную задачу в повышении любыми средствами сверхприбыли для последующего ее перераспределения среди производителей. Государственные же предприятия в своей производственной деятельности руководствуются не столько задачами увеличения прибыли, сколько удовлетворением общественных потребностей в том или ином виде продукции. И в этом случае разные цели конечной трудовой деятельности не только плохо стыкуются в одном хозяйственном механизме, но и фактически не работают на повышение уровня экономического развития, так как действуют в разных направлениях¹¹.

По-разному формируется и отношение к собственности, что также объективно предопределено различным характером ценностных категорий двух противоположных социально-экономических и политических систем, неконвертируемых и в этой области. Социалистическая формация предполагает сохранение и упрочение в первую очередь общенародной формы собственности, рыночная модель развития — напротив, всячески оберегает и приумножает частную форму собственности, а следовательно, объективно заинтересована в размывании государственной и в возможно более быстрой передаче ее в руки других собственников. Проблема, следовательно, состоит в том, что в условиях многообразия форм собственности в СССР «неповоротливый» государственный сектор может оказаться «в хвосте» у предприятий, переданных в групповую, кооперативную или даже частную собственность. Расчет на здоровую конкуренцию в будущем между ними просто приведет к медленному отмиранию общенародной собственности, которая, растворяясь в полугосударственной, получающей, не только не окрепнет и создаст прочный фундамент «обновленного» социализма в СССР, как на это рассчитывает советское руководство, но, скорее всего, деградирует, не выдержав соперничества с более мобильными, более венчурными предприятиями негосударственной собственности. Процесс умирания основ социализма будет сопровождаться обострением всех накопившихся внутренних противоречий, межнациональной враждой, страданием и неудобствами для основ-

ной массы трудящихся. Сочетание общенародной и частной по своей сути негосударственной формы собственности, за исключением сельского хозяйства, не привело в послевоенной практике развития восточноевропейских социалистических стран к положительным результатам. Экономическое и политическое положение таких стран, как Югославия, Венгрия, Польша, где конвергенция форм собственности началась еще в 50—60-е годы, не стало стабильным, а жизненный уровень населения этих стран не идет по качественному наполнению в сопоставление со странами, развивающимися по чисто рыночной, а не смешанной модели развития.

«Анклавы» несоциалистической по своей природе формы собственности в организме централизованного социалистического государства способны, как рассуждают японские советологи, таким образом, лишь усилить нестабильность государственной системы, расшатать ее основы, способствовать росту социально-экономической напряженности, подталкивать общество к государственному перевороту для стабилизации положения. Размывание общенародной собственности, ее искусственная конвергенция с иными, несоциалистическими, формами собственности несет в себе большой потенциал возможных преобразований политической надстройки в обществе.

При переходе на рыночные отношения в одном социалистическом государственном организме плохо стыкуются государственное централизованное планирование и процессы децентрализации управления. Оставаясь в рамках социалистической модели развития, государство может гарантировать стабильность и сбалансированность развития лишь при условии централизованного планирования. Любое делегирование этих функций на самостоятельные предприятия, передача им прав формирования объемов выпускаемой продукции, ее цены, номенклатуры ведут к утрате сильных сторон государственного планирования, вводят дестабилизирующие элементы в процессы производства и распределения. В западных странах в условиях рыночной модели хозяйствования роль государственного планирования по своей сути совершенно иная, чем при социализме,— оно выступает как координирующее начало в механизме спроса и предложения, тогда как правительство, государствен-

ные учреждения не имеют ни права, ни желания, ни возможностей вмешиваться в конкретную производственную деятельность отдельных предприятий. Но в социалистической стране при сочетании государственного централизованного планирования и производственной самостоятельности предприятий последние могут либо прислушиваться, либо не прислушиваться к директивам Центра.

Стало быть, заключают японские специалисты, двойственное положение отдельных предприятий, когда, с одной стороны, в государстве сохраняется централизованное планирование, а с другой — предоставляется производственная самостоятельность предприятия по рыночной модели развития,— неминуемо приводит к серьезному нарушению производственных пропорций, кооперационных связей, вносит хаос в функционирование всего экономического механизма как единого целого в системе социалистического государства.

Затруднительно, по мнению Сигэки Хакамада, представить себе совместимость социалистических и рыночных принципов ведения хозяйственной деятельности и в вопросах социальной защищенности граждан социалистического государства¹². Основные конституционные права граждан социалистических стран опираются не столько на те или иные статьи Конституции, сколько прежде всего на социально-экономическую природу социализма — а именно, на общенародную собственность, которая распределяется равномерно на всех граждан, гарантируя им равные возможности с точки зрения права на труд, на жилье, на получение материальных и других благ. Иное дело — права граждан при переходе на рыночную экономику. Никакая Конституция не в состоянии гарантировать в условиях действия механизма спроса и предложения на рынке рабочей силы равные права на труд, на отдых, на бесплатное медицинское и социальное обслуживание и т. п. По законам рынка рабочие могут быть уволены как только в этом появится экономический смысл для владельца предприятия. Само предприятие может обанкротиться и тогда рабочие уже не смогут апеллировать к своим основным конституционным правам. Даже социалистическое по форме государство в условиях перехода на рыночные отношения не сможет оказать дав-

ление на руководителей предприятий, находящихся в групповой или индивидуальной собственности, поскольку юридически оно, государство, не может вмешиваться в экономическую деятельность самостоятельных производственных единиц, функционирующих по законам рыночной экономики. Переход на самофинансирование предполагает и качественно новые подходы к защите конституционных прав граждан, в соответствии с которыми государство по существу делегирует социальную защиту трудящимся руководству и профсоюзам самостоятельных в экономическом отношении предприятий. В этих условиях государство как бы снимает с себя обязанность по соблюдению основных конституционных обязательств и перекладывает их на предприятия, находящиеся в групповой или частной собственности. В итоге при переходе на рыночные формы хозяйствования социальная защищенность части общества ставится в прямую зависимость от возможностей предприятий взять на себя бремя расходов в этой области. Но такой подход противоречит сути социалистического государства, которое в отличие от рыночного типа государственного устройства декларирует именно соблюдение конституционных обязательств перед гражданами в отношении их основных гражданских прав.

Несовместимо, по мнению японских ученых, с переходом экономики на рыночные отношения и сохранение у власти политической партии, которая, в силу своей программы и идеологических установок, призвана защищать ценности, прямо противоположные рыночным. Коммунистическая партия как политический лидер социалистического государства опирается в своей политической деятельности на общенародную собственность, на государственное централизованное управление и планирование, на марксистско-ленинскую идеологию. Рыночная модель государственного устройства, напротив, исключает марксизм как государственную идеологию, несовместима с консолидирующей ролью коммунистической партии в обществе, с монополией одной партии на власть. Она, рыночная модель, предполагает децентрализацию политической власти одной партии и выдвижение на политическую сцену разных сил, защищающих интересы разных собственников —

групповых или частных. Кроме того, она опирается на борьбу между ними за получение политических и экономических привилегий.

Стало быть, если для социалистического государства объективно оправдано сохранение у власти одной коммунистической партии, выражающей интересы общенародной собственности, то есть интересы всего общества, выступающей от имени государства как единого целостного организма, то при переходе на рыночные отношения, то есть при распылении интересов между различными собственниками и разными общественными силами, сохранение у власти одной партии не может быть логически оправдано и длиться долго, и она, эта партия, должна будет рано или поздно уступить место другим политическим партиям. Политическая жизнь в условиях смешанной экономики определяется экономическим весом тех или иных слоев общества, их реальными возможностями обеспечить для себя более привилегированные позиции в механизме власти. Многопартийность — неотъемлемая черта рыночной модели государственного устройства. Сохранение у власти одной коммунистической партии при переходе к рыночной экономике — ни теоретически, ни практически не согласуется с условиями рыночной модели развития.

Таким образом, провозглашая курс на перестройку административного социализма в направлении «гуманного демократического социализма», руководство Советского Союза, по мнению ряда японских советологов, допускает грубейшую стратегическую ошибку, принимая решения заимствовать для укрепления основ социализма экономические, политические и идеологические методы и средства противоположной общественной формации — рыночного капитализма. Такой курс, считает, в частности, Тацуо Канэда, не может привести к укреплению и стабилизации социалистического государства просто в силу формационной несовместимости социалистических и рыночных методов государственного устройства¹³. Лидерам социалистических стран, включая СССР, в случае, разумеется, сохранения приверженности социалистическим идеалам и ценностям (а не желая реставрировать капитализм), надлежало бы, по мнению японских советологов, не столько опираться в своей практической деятельности на ме-

ханическое перенесение элементов западной цивилизации, политической культуры, экономических и политических институтов управления в чужеродную социалистическую среду, а разрабатывать свои собственные, оригинальные, социалистические по природе методы укрепления и совершенствования социализма. Только такой путь может гарантировать мировому сообществу отсутствие в ближайшем будущем серьезных глобальных по своим масштабам социальных катаклизмов.

Для японской стороны понимание существа происходящих в мировом социализме процессов, их прогнозирование, продиктованно не просто академическим интересом. Речь идет о разработке долгосрочной политики в отношении социалистических стран, о том, поддерживать или, напротив, препятствовать перестроечным процессам, подталкивающим, по мнению авторитетной части японских политологов, эти страны к катастрофе, которая повлечет за собой и дестабилизацию обстановки в мире.

На первый взгляд Япония, как член западного сообщества стран, должна быть заинтересована в поддержке экономическими и политическими средствами процессов модернизации в СССР в направлении перехода к рыночным отношениям, сближения с западными ценностями и структурами в политической, экономической и идеологической областях. На это долгие послевоенные годы и была направлена, по существу, вся дипломатия Запада.

Однако во влиятельных кругах японского общества имеются опасения, что ускорение процессов модернизации СССР и других социалистических стран по модели западной экономики и государственного устройства может обернуться не благом, а трагедией для всего человечества. Поэтому Япония не спешит с оказанием «помощи» советскому руководству в проведении реформ, которые повлекли бы за собой непредсказуемые последствия. Попытки советского руководства разработать антикризисную программу с использованием западной экономической помощи, политической поддержки, а главное — с применением рыночных методов регулирования экономики, — не вызывают оптимизма в правящих кругах Японии. Более того, анализ советологической литературы, изданной в Японии, позволяет сделать вывод о том, что японцы видят реальные

пути стабилизации положения в СССР и других социалистических странах не в модернизации по «капиталистическим» рецептам и образцам, а в первую очередь на путях укрепления государственного централизованного планирования, государственного регулирования финансовой системы, а также с помощью масштабных капиталовложений в социальную сферу¹⁴. Именно такими методами, заимствованными в свое время у социализма, то есть на путях резкого усиления государственного вмешательства в экономику и масштабного централизованного увеличения расходов на социальные нужды, по рекомендациям Кейнса, в период «великой депрессии» 1929—1933 гг. правительства ведущих стран Запада вывели свои страны из структурного кризиса.

Для японской стороны выглядят странными попытки советского руководства преодолеть глубокий кризис, действуя в прямо противоположном направлении — в направлении децентрализации управления, демонаполизации производства, деидеологизации общества, распыления общенародной собственности. Серьезные ошибки СССР во второй половине 80-х годов при разработке антикризисных мероприятий, противоречивость и непоследовательность в принятии решений побуждают японское руководство принимать безотлагательные меры по укреплению собственной обороны, по углублению союзнических отношений с Соединенными Штатами и странами НАТО. Япония, как подчеркивает, в частности, ведущий японский советолог профессор Хирочи Кимура, и в будущем не откажется от политики «сдерживания СССР», ибо понимает, что с окончанием периода «холодной войны» в системе международных отношений наступает длительный период «холодного мира». Советская сторона, по его мнению, не допустит утраты статуса сверхдержавы, будет препятствовать усилению центробежных тенденций в системе Организации Варшавского Договора и Советской экономической взаимопомощи и при этом будет наращивать и укреплять собственный оборонный потенциал в новых условиях самоизоляции.

Япония, делая вывод японские ученые, будет внимательно следить за процессами, происходящими в СССР, за любыми переменами в его внешней и внутренней политике и приветствовать

только те из них, которые направлены на стабилизацию как внутреннего, так и международного положения этой страны. Интересам Японии отвечает все то, что связано с устойчивыми отношениями в системе Восток — Запад, которые возможны лишь в условиях продуманной внутренней политики советского руководства. Япония, безусловно, выступает за ослабление своего потенциального стратегического противника на Дальнем Востоке в лице Советского Союза, однако, только до такой степени, при которой «слабость военной сверхдержавы» не сможет перерасти и трансформироваться в новое качество — в укрепленные диктатуры, тоталитаризма, в возникновение кризисных ситуаций регионального или мирового масштаба.

- Сигэки Хакамада. Сорэн гокай-о току 25-но сикаку = 25 ошибочных представлений об СССР. — Токио, 1987.
- Хироси Кимура. Сорэн-о ёму 50-но пойнто = 50 вопросов по Советскому Союзу. — Токио, 1988.
- Тадао Моримото. Сорэн-ни цуйтэ, пэрэсаторойка-ва «Дайни-но какумэй»-то нару ка = Станет ли перестройка «второй революцией» в Советском Союзе. — Токио, 1988.
- Такаяюки Накадзава. Сорэн-но синсэнряку-о ёму = Читая новую стратегию СССР. — Токио, 1986.
- Хиромитэратани. Горубатёфу Сорэн-но ябо = Честолобивые притязания СССР в эпоху Горбачева. — Токио, 1987.
- Пэрэсаторойка-ва има, Рэнни-но юмэ, Горубатёфу-то гэндзицу = Перестройка сегодня, ленинская мечта, осуществляемая Горбачевым... — Токио, 1988.
- Масанори Сасэ, Хироси Кимура. Горубатёфу какумэй = Революция Горбачева. — Токио, 1988.
- Тору Сага. Сорэн сякай-ва кавару ка = Меняется ли советское общество. — Токио, 1988.
- Киёси Уэно. Собито синдзидзэ = Положение в СССР. — Токио, 1988.
- Кадзую Огава. Пэрэсаторойка-но кэйдзайгаку, Горубатёфу какумэй ва сэйко суру ка = Перестройка с точки зрения экономической науки, будет ли успех у перестройки Горбачева. — Токио, 1988.
- Садаёси Оцу. Гэндай Сорэн-но родо сидзэ = Рынок рабочей силы в СССР. — Токио, 1988.
- Есио Такаянаги. Мосукува-кара кита сунпай = Шпион из Москвы. — Токио, 1987.
- Хиромитэратани. Сорэн-ва юмигаэру ка = Произойдет ли воскрешение Советского Союза. — Токио, 1987.
- Минэо Накадзима. Горубатёфу Сорэн-но ёмиката = Способ понимания СССР периода Горбачева. — Токио, 1987.
- Сутаринсюги-но тэкоку = Преодоление сталинизма. — Токио, 1987.
- Акио Кимура. Сорэн кэсанто сёкитё = Генеральный секретарь ЦК КПСС. — Токио, 1987.
- Хирокадзу Курода. Сорэн-но дзирэнма = Советская дилемма. — Токио, 1987.
- Кадзуро Умэдзу. Сорэнкэн-но боэки сёся = Торговая фирма СССР. — Токио, 1988.
- Сигэру Кидо, Такаяюки Ито. Тоо гэндайяси = Новейшая история Восточной Европы. — Токио, 1987.
- Такэо Таниока, Страшевнич Л. Тоо синдзидзэ = Новая ситуация в Восточной Европе. Социально-политические проблемы социалистических стран. — Токио, 1982.
- Есихиро Дзибьки. Тоо-но сякай = Восточноевропейское общество. — Токио, 1987.

¹ По теории перестройки см., например, Юдзуру Таниути. Гэндай сякайсюги-о кангаэру, Росия какумэй кара ХХI сэйки-э = О современном социализме. От русской революции в ХХI век. — Токио, 1988.

Синдзо Кондзуми. Марукусу сико годзюэн = 50 лет спустя после смерти Маркса. — Токио, 1987.

Момо Иида. Има Марукусу-га омосироу = Сегодня Маркс — интересен. — Токио, 1988.

Хироси Кикунани. Снхонсюги ка, сякайсюги ка = Капитализм или социализм? — Токио, 1987.

Ютака Огасавара. Гэндай тэйкокусюги рон, Сорэн то марукусусюги = Теория современного империализма, СССР и марксизм. — Токио, 1987.

Токутаро Мураками. Тодзай-но тайрицу-о коэтэ = Преодолевая противостояние Востока и Запада). — Токио, 1985.

По практике перестройки и будущему развитию социалистических стран:

Наоаки Уэно. Сорэн хокай то дайсан какумэй, Горубатёфу-но снпай, соно ато = Развал Советского Союза и третья революция, ошибка Горбачева и что за ней следует. — Токио, 1988.

Наоки Комуро. Собитэ тэйкоку-но хокай = Развал советской империи. — Токио, 1988.

Яцухиро Накагава. Горубатёфу-но Нихон боряку = Заговор Горбачева в отношении Японии. — Токио, 1988.

Наотика Икута. Сорэн снряку 1980-х нэн = Агрессия со стороны СССР в 198... году. — Токио, 1987.

Итиро Нагагути. Юдэйдзин то Курэмурин = Евреи и Кремль. — Токио, 1987.

* * *

² Сигэки Хакамада. Сорэн гокай-о току 25-но сикаку. — Токио, 1987. — С. 167—170.

³ Кимура Хироси. Сорэн-о ёму 50-но пойнто. — Токио, 1988. — С. 85—86.

⁴ Тадао Моримото. Сорэн-ни цуйтэ. Пэрэсуторойка ва дайни-но какумэй то нару ка. — Токио, 1988. — С. 3—5.

⁵ См. подробнее: Юдзуру Танипути. Гэндай сякайсюги-о кангаэру. Росия какумэй кара ХХI сэки-э. — Токио, 1988. Хироси Кикунэми. Сихонсюги ка, сякайсюги ка. — Токио, 1987; Наоки Уэно. Сорэн хокай то дайсан какумэй, Горубатёфу-но сиппай, соно ато. — Токио, 1988; Наоки Комура. Собизто тэйкоку-но хокай. — Токио, 1988.

⁶ Тадао Моримото. Сорэн-ни цуйтэ. — С. 491—493.

⁷ Наоки Уэно. Сорэн хокай то дайсан какумэй. — С. 2—3.

⁸ Такаюки Накадзава. Сорэн-но синсэрику-о ёму. — Токио, 1986. — С. 4.

⁹ Тадао Моримото. Сорэн-ни цуйтэ. — С. 492.

¹⁰ Хироси Кикунэми. Сихонсюги ка, сякайсюги ка. — Токио, 1988. — С. 3.

¹¹ Момо Иида. Има марукусу га омосирой. — Токио, 1988. — С. 6—7.

¹² Сигэки Хакамада. Сорэн гокай-но 25 но сикаку. — С. 169.

¹³ Тацуо Канэда. Ногё пэрэсуторойка то Сорэн-но кохо. — Токио, 1990. — С. 212—214; Кадзуо Огава. Пэрэсуторойка-но кэйдзайгаку Горубатёфу какумэй ва сэйко суру ка. — Токио, 1988. — С. 5—7.

¹⁴ См.: Кадзуо Огава. Пэрэсуторойка-но кэйдзайгаку Горубатёфу какумэй ва сэйко суру ка. — С. 115—118.

¹⁵ Хироси Кимура. Сорэн-о ёму 50-но пойнто. — Токио, 1988. — С. 79—80.

Размышления по поводу «Судьбы китайского Бонапарта»

Г. СУХАРЧУК

В конце 1989 г. в Политиздате вышла книга доктора исторических наук В. Воронцова «Судьба китайского Бонапарта» — политическая биография Чан Кайши, президента Китайской республики в 1927—1975 гг. Выход в свет такой книги — неординарное явление в советском востоковедении. Прежде всего, подобный жанр достаточно редок для нашей исторической литературы. И уж совсем необычайный случай — биография с общепринятой точки зрения «отрицательной» личности.

С самого начала хочется отметить одну особенность данного исследования. Автор этой политической биографии диктатора, рассчитанной на широкого читателя, отчетливо представляет себе крайнюю ограниченность знаний о Востоке, и о Китае особенно, даже наиболее любознательной части нашего общества. Например,

пишущему эти строки, к сожалению, не раз приходилось сталкиваться с яростно отстаиваемой точкой зрения наших интеллектуалов, которая складывалась у них на основе их «китайских знаний». И не дай бог (а такое бывало не раз), если знаток еще был облечен немалой властью!

Поэтому, думается, В. Воронцов совершенно прав, когда по мере изложения фактов жизни Чан Кайши набрасывает сравнительно широкую картину условий и обычаев, среди которых жили и живут его герои, воссоздавая социальную-нравственную среду бытописания. Это одно из самых существенных достоинств настоящего сочинения.

Герой повествования представляется в единственно верной системе координат: конкретная история конкретной страны и общества — такова абсцисса; индивидуальные черты данной личности — ордината этой системы: характер процессов в Китае «во многом определялся спецификой исторической традиции...», в деятельности Чан Кайши не могли не проявиться черты, которые... свойственны... диктаторам других стран и эпох» (с. 3). Вот параметры этой личности, говоря в самом общем виде.

Автор не бесстрастный наблюдатель событий. Он с самого начала определенно заявляет и о своем отношении к такому явлению, как бонапартизм, на какой бы почве он ни возникал, и к явно малосимпатичной личности носителя характерных

черт его. Такие люди вступают в общественно-политическое движение вовсе не ради «отвлеченных идеалов» — добра, справедливости и вообще чего бы то ни было. Они добиваются столь греющей их душу власти — вот их единственный и неизменный идеал. Эта всепоглощающая жажда возвышения и власти — доминанта их личного характера и соответственно архибережного отношения к собственной личности, особенно собственной безопасности. Ценность мира для них — это их собственная самооценочность. Этим определяется, разумеется, и их отношение к окружающим. Для них всегда хорош и всегда прав тот, кто сейчас сильнее и от кого сейчас зависит их карьера и благополучие. Ирония или, может быть, коварство истории, постоянно повторяющееся, состоит в том, что их феноменальная приспособляемость к обстоятельствам делает малоуспешной задачу «раннего диагноза» подобной личности. А те переломные полосы истории, в которых лишь возможна их активная деятельность, когда все сдвигается со своих привычных мест, обстановка общей нестабильности, как правило, делают малоубедительными и недейственными именно личностные оценки. Их заменяют или они совмещаются с оценками иных, массовых явлений, а не отдельных людей и героев.

Постоянно перемежая рассказ о Чан Кайши как личности характеристиками эпохи, описанием обычаев и ситуаций бурного времени его жизни, автор добивается органической цельности общего и частного, Истории и человека в ней.

Чем дальше, тем, естественно, все больше рассказ о «китайском Бонапарте» переплетается с историей партии Гоминьдан. Однако, и это также немалое достоинство работы, автор умело отделяет историю партии Сунь Ятсена, особенно в период жизни подлинного вождя китайской революции, от жизнеописания, а также и карьероописания своего героя. Эти два потока до определенного момента даже вовсе не сливаются в один.

Следует отметить также, что автор умеет кратко схватить картину события, суть умонастроений, характер группировки, состав правительства и т. п. Это встречается многократно на страницах книги. Хорошо ложится сочетание научно-исторического объективного анализа с личностными характеристиками и личностными мотивами поведенческих влиятельных фигур. Создается реальная и полная картина вза-

имопереплетения и взаимовлияния объективных и субъективных факторов события, движения, наконец, истории. Или, говоря иначе, наглядно и конкретно демонстрируется «роль масс и личности в истории». Очевидно, что такого рода стиль жанра политического портрета является и наиболее рациональным, и позволяющим ввести в рассказ живые эмоциональные краски, которых так мало в нашей научной и даже научно-популярной исторической литературе (от которого мы начисто отвыкли за десятилетия унылого вульгарного экономизма в наших исторических сочинениях).

Точно так же уместно и ярко воссоздается обстановка в Китае того времени: безнравственная роскошь меньшинства на одном полюсе, и море безысходного отчаяния и скотской нищеты на другом.

Картина хищничества наглого капитализма в колониях не просто вызывает неприятие и обиду. Она постоянно унижала человеческое достоинство масс. Капитализм, освобожденный от всякой тени сентиментальности, обрядовости, обычаев и предрассудков патриархального устройства предыдущих форм общественного строя, выступал как самый безнравственный строй, как вершина строя чистогана (вспомним знаменитый «Город желтого дьявола» М. Горького). И этого невозможно было терпеть! Вот почему Шанхай генерировал мощные волны антиимпериалистического протеста во всех направлениях (даже при относительно больших заработках шанхайских рабочих по сравнению с доходами китайских трудящихся где-нибудь в «глубинке»): он был язвой на нравственном конфуцианско-буддийском теле Китая, страны древней культуры.

Приближалось успешное завершение Северного похода, и Чан Кайши стал расстреливать коммунистов. Тем самым он платил по векселям своим патронам — чжэцзянским банкирам — и одновременно убирал всякое потенциально активное сопротивление на пути антинародного единовластия. «Путь наживы, рвачества, хищений, спекуляций, на котором Чан Кайши шел рука об руку с ведущими представителями шанхайского подпольного мира (имеется в виду преступный мир.— Г. С.), стал дорогой предательства, по своей сути, идей Сунь Ятсена», — отмечает автор (с. 81—82). И это — своевременное напоминание сегодня, когда стараются идеализировать Чан Кайши и

правый Гоминьдан. Нелишне заметить, что в такой обстановке капитализм, которому объективно расчищал дорогу Чан Кайши и Северный поход, не мог не восприниматься широкими слоями китайского общества как враждебный народу, чудовишно безнравственный строй, завязанный на яхшании с «заморскими дьяволами».

Окончен Северный поход. Автор подводит итог установления власти Гоминьдана со столицей в Нанкине следующими словами: «Милитаристские клики разрывали многотрадную страну, в задавленных тисками помещичьего гнета крестьянских селениях свирепствовал голод. Но даже не обладающий политическим чутьем наблюдатель не мог не заметить, как в Китае накапливался тот горячий материал, который должен был в конце концов привести к революционному взрыву. Социальная напряженность способствовала созданию благоприятной обстановки для возникновения центров повстанческой борьбы крестьян, партизанских баз» (с. 93).

В то же время теперь, после установления власти Гоминьдана как признанного центрального правительства, со всей остротой встает вопрос о пути реализации идей Сунь Ятсена, под знаменем которого совершалось объединение страны. Естественно, Чан Кайши прилагал много энергии, демонстрируя свою преданность этим идеям. На наш взгляд, при всей своей противоречивости он был предан идеям покойного вождя. Здесь рецензент, пожалуй, расходится с установившейся в нашей историографии точкой зрения.

Вопрос в том, как он понимал эти идеи. И было ли его понимание ближе к их сути, нежели понимание КПК. Если обратиться к ленинской характеристике Сунь Ятсена как самого последовательного буржуазного революционера, то, очевидно, Чан понимал «идеи» ближе к Суню, чем его оппоненты. Однако, утверждая это, следует избегать и той категоричности, которая заключена в ленинской характеристике Сунь Ятсена.

Далее автор воссоздает историческую панораму объединенного Китая, справедливо и своевременно указывает на «в большей мере символический характер» единства страны. Оно скорее «отражало политическую тенденцию того времени» (с. 104). Таково было объединение под эгидой Чан Кайши. Чан Кайши, как и Ван Цзинвэй, придерживался принципа: «Сначала умиротворение внутренних вра-

гов (то есть разгром армий КПК.— Г. С.), а затем сопротивление внешним (японцам.— Г. С.)». Немалый вклад в поддержание подобной ситуации вносят империалисты — откровенный оплот всякой реакции в Китае. Так было, в частности, во время Кантонской коммуны, когда и англичане, и американцы, и японские корабли на Чжуцзяне прикрывали милитаристские удары по восставшим рабочим города своим огнем (об этом не стоит забывать). А какой суеверный страх перед «рукой Москвы»: разгром советского консульства в Гуанчжоу (следствие КНР после победы революции 1949 г. специально занималось расследованием расстрелов советских дипломатов).

Перед неуклонно нарастающей японской угрозой, несшей гибель китайскому национальному существованию, Чан Кайши, однако, не задумываясь, делает выбор: «сначала уничтожение внутреннего врага», то есть китайских коммунистов, чтобы потом заняться «спасением нации». Этот нелегкий выбор он сделал, записав в своем дневнике: «С началом японской агрессии в Китае началась вторая мировая война» (с. 110). Эти слова относятся к 1931 г., к японской агрессии на Северо-Востоке Китая — в Маньчжурии. Очевиден расчет диктатора: в «начавшуюся» мировую войну, разумеется, втянутся державы. И пусть они разбираются между собой. И гоминьдановский режим, руководимый Чан Кайши, продолжал делать уступки японской агрессии с единственной целью сохраниться любой ценой. Такого рода политика перед лицом нарастающей иностранной агрессии, вероятно, по большому счету была ошибочной. Возможно, если бы он бросился со всей решимостью на немедленный отпор японцам, страна сплотилась бы вокруг него, а коммунисты утратили бы во многом свою притягательность как партия национального сопротивления.

Однако было бы неверно сводить проблему выбора — отпор японской агрессии или уступка агрессору ради уничтожения «внутреннего врага» — коммунистов — к субъективному фактору, хотя последним и не следует пренебрегать. Глубокий кризис держал страну в тисках. Уже с начала 30-х годов, отмечает автор, гоминьдановский режим «показал полную беспомощность» в деле преобразования прежней административной системы.

В то же время армии милитаристов, объединенные под гоминьдановским фла-

гом, не жаждали стычек с японцами, сберегая свои силы. Это был прообраз поведения китайских армий в грядущей японо-китайской войне сопротивления.

Все эти факторы в совокупности, а также оцененный как большой успех опыт создания нацистской диктатуры в Германии, приводят диктатора к мысли, с одной стороны, возбуждая патриотический подъем и дух самопожертвования, сплотить Гоминьдан для борьбы... с КПК (с. 123). Для этой, в частности, цели он создает по нацистскому образцу, но, так сказать, с учетом китайской специфики движение «За новую жизнь» (март 1932 г.). С другой — искусно балансирует между различными силами в собственном, весьма пестром лагере.

Кризис назревал и углублялся с возрастающей быстротой. Становилось все труднее сдерживать негодующий напор со стороны всех слоев общества (исключая бюрократическую верхушку, разумеется), требовавших прекращения гражданской войны и организации решительного отпора японской агрессии. В монографии показана сложная картина борьбы вокруг известного «Сианьского инцидента», в котором переплелись интересы как внутренних, так и международных сил. Эта сложная и драматическая борьба, описанная со знанием дела, показала, как взаимосвязан наш мир был тогда, еще более 50 лет назад.

Касаясь Сианьских событий, хотелось обратить особое внимание на два момента, отмеченные автором. Стоит задуматься над тем, что Чжан Сюэлян и Ян Хучэн не собирались убивать своего сианьского пленника. В то же время среди его соратников в Нанкине зрел заговор против своего руководителя (военный министр Хэ Инцин и др.). Это замечание ярко характеризует человеческую пустоту вокруг диктатора, предопределяющую его судьбу. Оно, очевидно, может быть отнесено не только к Чан Кайши, а возможно, и к Муссолини, и к Сталину, и к Гитлеру, и к другим деятелям подобного рода. И второе. Характеристика, данная Чан Кайши американским послом в Китае Джонсоном в связи с Сианьскими событиями: «Он был одиноким, холодным, жестоким человеком, у которого не было друзей; он не способен оказывать кому-либо доверие; его ненавидели те, кто усматривал у него наличие амбициозных устремлений к диктатуре. Несмотря на это, Чан Кайши получал их

поддержку, поскольку они не видели в Китае человека, равноценного ему по способности внушать верноподданнические чувства. Когда Чжан Сюэлян захватил Чан Кайши, он декларировал призыв, который должен был быть популярным (требование прекратить гражданскую войну и решительно встать на путь отражения японской агрессии.— Г. С.)... Народ, однако, не слушал его; люди отвернулись от него и назвали Чжан Сюэляна предателем. А почему? Да, я думаю, что это произошло потому, что действия Чжана, пленившего Чан Кайши, сделали внезапно Чан Кайши символом того, чего хочет китайский народ больше всего, конкретно: единства» (с. 156).

Автор умело подводит к мысли о том, что, несмотря на постоянное стремление умиротворить японцев уступками (пока он не покончил с КПК), Чан Кайши был вынужден в связи с инцидентом у моста у Лутоуцяо предъявить им требование признать свою ответственность за этот инцидент, столь сильно было народное возмущение наглостью агрессора.

Он постоянно вел своего рода «брестскую политику» навыворот по отношению к японцам ради уничтожения главного своего врага — КПК. Но японцы со своей точки зрения также были поставлены в вынужденное положение, так как в конечном счете, как они были убеждены, Чан однозначно делал ставку на США. Таким образом, сочувствуя ликвидации КПК, они «не могли откладывать удара» по Китаю.

21 августа 1937 г. был заключен советско-китайский договор о ненападении. С этого момента советская помощь надолго стала «важнейшим подспорьем для Китая в его борьбе», — справедливо указывает автор. В то время как англо-американцы, интересы которых в Китае и на Дальнем Востоке в целом подвергались прямой угрозе, вовсе не спешили на помощь Китаю и даже, наоборот, потворствовали агрессору, не прерывая, а то и наращивая поставки Японии стратегического сырья и материалов.

Очевидно, здесь проявилась разность в оценках ситуации. Китайский лидер как региональный политик, говоря современным языком, рассчитывал, что для англо-американцев утрата Китая в пользу их дальневосточного соперника явится неприемлемой ценой риска. А англо-американцы как глобалисты ориентировались на более отдаленную перспективу, рассчитывая попустительством японцам в конце

концов натравить их на СССР. То есть если для Чан Кайши бревном в глаза были «свои» коммунисты — КПК и освобожденные районы, то для «демократий» — СССР и ВКП(б) как главный штаб и главная пружина мирового коммунизма. В этом разница подходов в оценке китайской ситуации (с. 172).

Имея в виду высказанное, неизбежным стал рост популярности КПК во всех слоях китайского общества с началом войны сопротивления. Эта популярность быстро росла и в силу позиции КПК в войне, и в силу советского фактора, особенно в начальный период войны, когда СССР был фактически единственным донором реальной помощи Китаю. Произошло то, чего, очевидно, больше всего боялся Чан Кайши. Но даже это, по-видимому, роковое обстоятельство не могло послужить достаточным уроком для диктатора: когда армии милитаристов стали участвовать в сражениях с японцами, сообщает автор, Чан Кайши воспользовался этим, «чтобы ослабить военно-политические позиции своих потенциальных соперников» (с. 164).

А теперь рассмотрим одно обстоятельство, которое выходит за непосредственные рамки и биографии нашего героя, и даже такого события, как разгоравшийся пожар японо-китайской войны, однако с ней все же связанное.

Я имею в виду прежде всего бойню, устроенную японской военщиной в тогдашней китайской столице Нанкине. Японцы истребили в городе, ворвавшись в него 13 декабря 1937 г., 300 тыс. человек. Ну, чем не Хиросима! Странно устроен человек: потребовалась Хиросима, чтобы сегодняшние японцы хоть как-то почувствовали меру собственных зверских преступлений перед китайским народом, который же никогда не резал и не топтал их. Возник «комплекс вины» перед матерью японской культуры — Китаем. Продолжая эту мысль, нелишне вспомнить, может быть, самую варварскую, если не самую преступную, бомбардировку английской авиацией немецкого города Дрезден, объявленного открытым и никак не защищенного с воздуха, в котором не было никаких военных объектов, на исходе войны. И это делалось только потому, что надо было немцев (каких немцев?) проучить за их зверства при бомбежках Лондона и Ковентри, а заодно, очевидно, не грех разрушить то, что все равно отойдет в советскую зону оккупации Гер-

мании... Нет, я вовсе не собираюсь оправдывать американские атомные преступления в Хиросиме и Нагасаки. Я только хочу сказать, что они родились «не на пустом месте». Но это так, между прочим, и назидание тем, кто и поныне склонен видеть единственно в «другой стороне» причины «нежелательных пертурбаций»...

Много места в монографии о Чан Кайши, и, по-моему, справедливо, уделено упорной деятельности героя по скорейшему, прямо-таки срочному вовлечению в войну на Дальнем Востоке США и европейских демократий — Англии и до известной поры и Франции. Так, японцы высадили десант (10 февраля 1939 г.) на остров Хайнань. Китайская реакция: если удастся подбить англичан и французов к совместному выступлению против Японии, японская агрессия в Азии может быть остановлена. Эта постановка вопроса казалась весьма реальной, так как рост японской экспансии ставил под угрозу систему деловых связей между США, Англией и Китаем.

Автор живо показывает, как переплетаются методы «большой политики», личной дипломатии и «просто человеческих контактов» при проведении того или иного внешнеполитического акта. В этом отношении весьма значительна была роль Сун Мэйлин, а также ее сестер. Интересно показано и то, как Чунцин — военная столица Китая — подталкивал Вашингтон связаться в драку на Дальнем Востоке, срывать «Дальневосточный Мюнхен».

9 декабря 1941 г., то есть на следующий день после бомбардировки Перл-Харбора, Чунцин «официально объявил войну» Японии. А до того с обеих сторон два с половиной года длился «инцидент» у Лугоуцзя! Другими словами, Чан Кайши до тех пор, так сказать, комбинировал и, в частности, таким путем давил на США и Англию. Отныне гоминьдановский лидер делает ставку на использование ситуации для маневрирования между воюющими сторонами (США и Японией).

Вообще же автор непропорционально много внимания и соответственно страниц своей монографии отводит изложению непосредственно истории определенного периода. Например, ходу боевых действий, характеристике жестов и решений союзников, описанию социальной ситуации, политического и экономического положения в Китае в целом и в отдельных его районах, международной дипломатии определенного времени. Разумеется, излагая

политическую биографию лидера, возглавляющего страну и государство, обо всем этом необходимо говорить, ибо без общеполитического и исторического фона порой просто невозможно оценить и роль героя историко-биографического сочинения. Однако, как представляется, все такие описания и отступления должны быть все же отступлениями и не превращаться в самостоятельные, пусть оригинально написанные, сюжеты, какими они порой выглядят. И тогда трудно отделить политическую биографию от политической истории страны и невольно тем самым переоценивается и сама личность, стоящая по необходимости в центре изложения, или складывается «литературный культ личности».

В нашей литературе 40—50-х годов о японо-китайской войне 1937—1945 гг. писалось практически как о войне сопротивления китайского народа агрессии японских милитаристов. И если брать эту войну в целом, с ее влиянием на китайский народ, страданиями, которые он вынес на своих плечах, и жертвами, которые принес на алтарь свободы отечества (10 млн. убитых, 11 млн. раненых), то такой подход не только имеет свой резон, но и выявляет главную тенденцию в истории Китая того времени.

Но было и другое измерение этих военных лет. Это комбинации, которые строили вокруг и в связи с войной политические деятели, преследуя не одни лишь цели сокрушения противника, но и, так сказать, обустройство наиболее благоприятной для себя инфраструктуры как военной, так и послевоенной позиций. В этом направлении Чан Кайши, пожалуй, прилагал куда больше усилий, нежели в ведении войны с общим врагом теперь уже Объединенных Наций. И если с этих позиций поставить вопрос о том, в чьих все-таки руках была инициатива и в делах планирования боевых операций, и взаимного выполнения союзнических обязательств, то, очевидно, наш герой не так уж редко вел на китайском театре, а также вокруг него за собой англо-американских союзников (особенно последних).

Вообще китайско-американские связи во время второй мировой войны и роль в них семейства Чан Кайши представляют собой немало поучительного для историка, и можно порадоваться за автора, который сумел выявить их весьма объемно на столь малой печатной площади. Трудно отделаться от мысли, что аме-

риканские политики, хорошо представляя с некоторых пор, а в 1943 г. определенно, что поражение держав оси — вопрос времени и фактически предreshен, рассчитывали на послевоенную слабую китайскую армию, которая не могла бы им, как и немощная центральная власть, ею распоряжавшаяся, помешать не считаться с Китаем в установлении ими послевоенного миропорядка. Они просчитались в своей «блестящей» стратегии лишь в том, что пренебрегли таким малозначительным, с их точки зрения, обстоятельством, как жизнеспособность КПК и боеспособность ее частей. Желая избежать возможного блока после войны гоминьдановского Китая и СССР, они получили «кошмар» в виде монолита из СССР и КНР. Последующий распад этого монолита просто никем всерьез не прогнозировался. Только Д. Барнет в 1981 г. констатировал предопределенность его, то есть объяснил, почему, с его точки зрения, он должен был развалиться и развалился.

Так почему же серьезные политики считали «монолит» монолитом? Потому что идеологический растрвор, которым, как полагали, он был скреплен (и только им!) был бесконечно прочен. На самом деле монолит скреплялся нуждой, острой нуждой, или взаимным интересом Китая, в первую, и СССР во вторую очередь во взаимном выживании. Это, возможно, не до конца было ясно даже вождям обеих держав, для которых идеология отождествлялась с собственными амбициями, претензиями на мировое лидерство. Гораздо теснее, очевидно, интересы переплетались с идеологической ориентированностью на востоке Европы. Но и здесь по мере сужения соотношения материальных факторов внутри союза последний все более обнаруживал, что его подлинной основой в конечном счете остается национальный интерес, понимаемый как или принимаемый за идейный.

В то же время интересно отметить, что американцы, безоговорочно отрицательно воспринимая коммунистов, по принципиальным соображениям оказали поддержку Чан Кайши в 1945 г., очевидно, делая выбор «из двух зол» в пользу «меньшего зла». Поскольку, с их точки зрения, гоминьдановский режим был недемократическим, вероятно, считалось, что его таковым все же удастся сделать. Во всяком случае, он противостоял Москве. И все же новый посол генерал

Маршалл был недоволен стремлением Чан Кайши сорвать диалог с КПК (только что, 26 декабря 1946 г. в Москве прошла встреча министров иностранных дел союзников). Чан Кайши же оценил итоги конференции — рекомендации о прекращении гражданской войны в Китае и демократизации страны путем привлечения в правительство «прогрессивных элементов» — как «оскорбление достоинства и суверенитета китайской нации». Как это ни парадоксально звучит, мы сегодня должны признать, что он в этом формально прав, поскольку судьба Китая решалась без участия его официальных представителей (как когда-то на Версальской конференции).

Линия же миссии Маршалла на мир в Китае и нежелательность гражданской войны в нашей печати как-то в свое время игнорировалась и подчеркивалась лишь одна ее сторона — США выступают на стороне Гоминьдана, США поддерживают Гоминьдан. Таким образом выходило, что США за гражданскую войну в Китае. Чжоу Эньлай, встретившись с Маршаллом, замечает автор, обвинил его в двойственной политике (так оно и было, и здесь дело в расстановке акцентов!). Интересна, кстати, чисто американская самоуверенность Маршалла. 4 марта 1946 г. он говорил Янь Сишаню, что хотел бы посредничать между Гоминьданом и КПК и уверен в своей способности урегулировать конфликты между националистами и коммунистами.

Американская оценка чанкайшистского режима в период его успехов в гражданской войне летом 1947 г. говорит о сдержанном доверии к Чану, о том, что, сев с ним в одну лодку, американцы вынуждены с ним плыть, что они, по сути дела заложники его, как и заложники своей близорукой антикоммунистической политики. И в который раз американский представитель, на этот раз генерал Ведемейер, замечает автор, взял на себя «непосильное бремя изменить сознание милитаристов, провинциальных и уездных вельмож, массы чиновников гоминьдановского аппарата» (с. 279).

В результате победы народной революции на континенте Китая гоминьдановский режим смог сохраниться лишь на Тайване. И на многие размышления наводит картина деятельности Гоминьдана на острове и его взаимодействия со своим американским союзником и покровителем.

После 1962 г., отмечает автор, Чан Кайши оставил идею высадки на материк, наступила эра «экономической безопасности», то есть развития Тайваня. Режим на острове «стал объектом послевоенной социальной стратегии США» (с. 317), являющейся реакцией на революционные изменения в мире.

В монографии по необходимости об этой стратегии говорится довольно бегло, но следует заметить, что она оказалась весьма успешной. Можно, не опасаясь преувеличения, сказать также, что Тайвань был одним из наиболее значительных регионов, где она дала второе дыхание современному капитализму как мировой системе. В этой связи обращает внимание отрицательная оценка рабочей политики Гоминьдана, который в 60—70-х годах, «используя социальную демагогию», вовлек в свои ряды «значительное число» представителей различных слоев. А осуществление ряда социальных программ повысило в партии процент рабочих (с. 323). В том-то и дело. Очевидно, не столько «социальная демагогия», хотя и она тоже, но успехи развития Тайваня — вот толчок к росту Гоминьдана в новых условиях, конечно же, и при соответствующей политической атмосфере.

* * *

«Судьба старшего Чан Кайши оказалась тесно связана с милитаристскими кликами, с тайными шанхайскими обществами, с прогнившей гоминьдановской бюрократией, которой вынесла свой вердикт революция 1949 г. Политический курс китайского Бонапарта... полностью обанкротился. В условиях рождения нового Китая, в муках освобождавшегося от тяжелого феодального прошлого, планы Чан Кайши и его гвардии, настаивавшей на использовании силы для объединения с материком, выглядели фантазией оторванных от политических реалий авантюристов» (с. 333). «Возведением моста доверия через Тайваньский пролив китайские руководители надеются претворить на практике концепцию единого Китая. Они выражают надежду, что новые лидеры Гоминьдана внесут вклад в мирное объединение родины» (с. 334). Сегодня, когда династия Чанов принадлежит лишь истории, эти слова — суть выражение чаяний народа по обеим сторонам Тайваньского пролива.

Тэнко — смена курса

В. ГРИНЮК

История распространения марксистского учения в Японии сопровождалась драматическими событиями. Основным носителем марксизма в стране с момента своего основания в июле 1922 г. явилась коммунистическая партия (КПЯ), которая по этой причине сразу же стала объектом жестоких репрессий со стороны властей. Для подрыва КПЯ военно-полицейский режим засылал в нее провокаторов. Арестованных коммунистов подвергали изощренным пыткам. В тюремных застенках умерли от физического истощения, были замучены или убиты многие выдающиеся деятели партии — С. Итикава, Г. Кокурё, Э. Норо, С. Уэда, К. Кавасаки, Ё. Кавани, Ё. Ивата, пролетарский писатель Т. Кобаяси. Многим японским коммунистам пришлось вынести долгие годы тюремного заключения. Стойко перенесли пытки и лишения тюремной жизни, но не капитулировали видные деятели коммунистического движения К. Токуда, К. Миямото (ныне Председатель КПЯ), Ё. Сига, Д. Куроки, Ц. Такэнака, К. Мацумото и другие коммунисты.

Вместе с тем в 20-е годы в политической обиход в Японии вошло слово «тэнко» («смена курса»), означающее отход ряда лиц от прогрессивных, в том числе и марксистских идей в своих убеждениях. По мере усиления репрессий правящего режима против КПЯ и других демократических организаций наименее стойкие их члены отказывались от дальнейшей борьбы, а некоторые даже переходили в лагерь реакции.

Хронологический ряд случаев политического отступничества бывших членов Компартии Японии начинается с эпизода выхода из КПЯ в марте 1924 г. К. Акамацу¹. Этот человек был в составе руководства КПЯ при ее создании. Покинув компартию, он нападал на нее и проповедовал шовинистические идеи «научного японизма». В своем соглашательстве с военно-фашистским режимом Акамацу дошел до утверждений,

будто захват Маньчжурии императорской армией осуществлен в целях построения социализма в Японии.

Случаи ренегатства членов компартии участились после массовых арестов японских коммунистов 15 марта 1928 г. и 16 апреля 1929 г. Задержанный полицией 15 марта 1928 г. редактор и издатель партийного журнала «Марксизм» С. Мидзуно в тюрьме полностью подчинился властям и заявил о поддержке императорской системы. Выйдя из заключения в 1933 г., он организовал «рабочую группу КПЯ», которая добивалась роспуска партии.

Наибольший вред Компартии Японии нанесло предательство членов ЦК КПЯ С. Набэяма и М. Сано, арестованных в 1929 г. В середине 1933 г. они опубликовали письмо к членам партии, содержавшее грубые нападки на Коминтерн и КПЯ, которую обвиняли в «мелкобуржуазном перерождении».

Как отмечается в издании ЦК Компартии Японии «60 лет КПЯ», «предательство Сано, Набэяма и других лиц, являвшихся членами высшего руководства партии, при том что эффект этого поступка усиливался угрозами и посулами властей, а также масштабной политической пропагандой прессы, стало поводом для широкого распространения в партии и за ее пределами настроений и тенденций пораженчества. Немало лиц из числа находившихся в тюрьмах членов КПЯ поддались варварским репрессиям властей и объявили о своем отходе от революционного движения. Среди этих «сменивших курс» были не только люди, которые, подобно Сано и Набэяма, восхваляли императорскую систему и агрессивную войну и скатились на позиции их активных пособников. Эта группа включала и лиц, которые в силу недостаточной классовой зрелости и против собственной воли заявили об отказе от революционного движения. Ясно, однако, что независимо от причин и мотивов это была капитуляция перед абсолютистским императорским режимом и недопустимое ренегатство в отношении партии и революционного движения. Люди из числа заявивших в то время о «смене курса», которые позднее выступили с серьезной самокритикой своей ошибки, после выхода из тюрем включались в деятель-

ность по восстановлению партии и революционного движения или после военного поражения Японии вернулись в ряды КПЯ»².

Типичный пример вынужденного отказа члена компартии от коммунистической деятельности, вырванного полицией в результате пыток — история Т. Мураяма, прогрессивного театрального деятеля, члена Компартии Японии с мая 1931 г. После ареста в апреле 1932 г. в период длившегося более полутора лет следствия он подвергался пыткам, и тем не менее на судебном процессе, несмотря на давление судей, не отрекся от марксизма, хотя и вышел из КПЯ. На суде он заявил: «Считаю марксизм верным учением, но, будучи человеком искусства, в дальнейшем не намерен принимать участия в политической деятельности»³. Получив приговор — два года каторжных работ с отсрочкой исполнения на три года, — он вышел из тюрьмы и вскоре включился в деятельность по созданию ассоциации прогрессивных деятелей театра взамен разгромленного властями Японского союза пролетарских театров. В 1940 г. он вновь был арестован как прогрессивный театральный деятель, и на новом судебном процессе заявил: «Думаю, что в целом марксизм — верное учение. Однако я начал сомневаться в правильности его некоторых моментов, хотя сейчас не могу конкретно указать такие моменты. Тем не менее буду и впредь участвовать в движении за прогрессивное искусство, служащее добру»⁴. В результате Т. Мураяма был приговорен к двум годам каторжных работ с отсрочкой исполнения приговора на пять лет. В своеобразной исповеди Т. Мураяма, приведенной, как и цитируемое выше заявление, в исследовании японских ученых «Смена курса», Т. Мураяма подчеркивает вынужденный и во многом номинальный характер своих заявлений об отступничестве.

Следует иметь в виду, что если первоначально полицейские и судебные власти, склоняя членов КПЯ к отступничеству, довольствовались только их обещаниями прекратить практическую коммунистическую деятельность, то после предательства С. Набэяма и М. Сано в 1933 г. они требовали от арестованных коммунистов подтверждения «смены курса» в идеологии. В частности, от интеллигентов они домогались опубликования развернутых заявлений об от-

казе от коммунистических идей⁵.

Многие арестованные члены компартии, вынужденные под угрозами отказываться от своих убеждений, переживали тяжелую психологическую драму. Так, активист КПЯ М. Кобаяси, арестованный 15 марта 1928 г., в заключении получил нервное заболевание и пытался покончить жизнь самоубийством. Случаи отступления, капитуляции перед классовым врагом, а то и перехода в лагерь противника известны коммунистическим и прогрессивным движениям в любой стране. Особенность этого явления в Японии в период до 1945 г. заключалась в его массовом характере. По некоторым сведениям, из нескольких тысяч последователей коммунистических идей, арестованных японской тайной полицией в 30-е годы, более половины заявили о своем отходе от коммунистического движения⁶.

Вероятно, одну из причин этого явления следует видеть в жестоких пытках, применявшихся японскими жандармами против коммунистов. Как отмечается в исследовании «Смена курса», в то время отказ от своих убеждений или сохранение их во многом «зависели не от силы приверженности идее, а от того, мог ли человек вынести пытки, когда ему под ногти загоняли тонкие бамбуковые пластины или закачивали в нос через шланг воду... Это был вопрос плоти и вопрос нервов»⁷.

Но это лишь один аспект проблемы «тэнко». «Смена курса» в довоенные годы руководством страны использовалась для укрепления императорской системы. Болезненный для личности отказ от убеждений в неравной борьбе с тюремщиками скрашивался убеждением арестованным самого себя в оправданности императорской системы, в соответствии ее целей интересам японского народа. И даже те из числа «сменивших курс» марксистов, которые впоследствии доказали свою преданность коммунистическим идеалам и были восстановлены в рядах КПЯ, в момент подписания заявления об отказе от борьбы против императорской системы считали свою позицию правильной⁸.

По существу, это было проявлением конформизма не только в отношении властей, но и в отношении общества. На моральное состояние японских коммунистов в 30-е годы отрицательно действовало сознание изоляции КПЯ от масс, и в особенности отсутствие поддержки со сторо-

ны населения выдвинутому компартией лозунгу ликвидации императорской системы¹. К тому же, как отмечает известный прогрессивный ученый Ё. Кодзай, императорская система имела внешне надклассовый характер, поэтому человеку, входившему в компартию, но отступившему от ее курса и выразившему поддержку трону, не приходилось объявлять о переходе с позиций пролетариата на позиции буржуазии¹¹. Это облегчало самообман ренегатов.

Рассматривая проблемы «смены курса», следует иметь в виду и своеобразную гибкость японских властей в отношении оппозиции в довоенные годы. С одной стороны, правительство в этот период последовательно ужесточало законодательные меры против участников коммунистического и демократического движения. Принятый 21 апреля 1925 г. полицейский закон «Об охране общественного порядка» предусматривал наказание до 10 лет каторжных работ за любые идеи или действия, направленные против императорского строя и буржуазно-помещичьих порядков. В 1928 г. на основании специального императорского указа в этот закон было внесено изменение: в качестве максимального наказания вместо 10 лет каторги вводилась смертная казнь или пожизненное заключение. Японские жандармы снискали мрачную славу мастеров изощренных пыток. Как уже говорилось, многие японские коммунисты были замучены в застенках. В то же время смертные приговоры в отношении коммунистов как правило, не выносились. В юридических кругах Японии были влиятельные чиновники, которые выступали против применения смертной казни за политические преступления, считавшие необходимым прежде всего добиваться «смены курса»¹¹. По их инициативе в 20—40-е годы была создана и отработана система социальной реабилитации бывших политических преступников. В 1926 г. высокопоставленный чиновник министерства юстиции Т. Мияяги и тюремный священник Е. Фудзии для содействия исправлению лиц, которые были осуждены и получили приговор с отсрочкой его исполнения, учредили Императорское общество возрождения. Основатели Общества стремились создать в нем «атмосферу семьи, взаимопомощи» между должностными лицами и подопечными. Характерно, что в руководство Общества в качестве заместителя председателя, ведавшего финан-

сами, вошел представитель деловых кругов — президент электрической компании «Дайдо дэирёку» Д. Масуда¹².

С декабря 1931 г. Императорское общество возрождения, как указывает в монографии «Люди периода «смены курса» М. Кобаяси, стало оказывать покровительство и «сменившим курс», в том числе лицам, ожидавшим предъявления судебного иска, людям, получившим приговор с отсрочкой его исполнения, а также отбывавшим наказание. Общество организовывало передачи заключенным, содействовало обвиняемым во время суда, добиваясь благоприятного исхода процесса, помогало освобожденным из заключения при устройстве на работу. В 1934 г. в Императорском обществе возрождения был специально учрежден идеологический отдел, занимавшийся исключительно бывшими участниками революционного и демократического движения.

После того как Общество занялось идейной «перековкой» бывших марксистов, оно стало пользоваться особым вниманием и заботой правящих кругов. В конце 1933 г. императорская семья направила Обществу крупный денежный дар. Эти средства были использованы для покупки фермы с земельными угодьями, на которой стали трудиться «сменившие курс».

В 1934 г. акционерная компания «Мицубиси госи» передала министерству юстиции денежные пожертвования специально для перевоспитания и социальной защиты людей, совершивших отступничество в идеологии. На эти средства министерство юстиции в 1935 г. создало исследовательский институт «Пансионат великой сыновней любви» («Дайкодзюку») с библиотекой, насчитывавшей около 20 тыс. книг и документов. В том же году был организован также Институт народной идеологии. В обоих учреждениях исследователи вели ренегаты из числа бывших марксистов.

Императорское общество возрождения активно действовало и среди отступников от революционных идей из числа рабочих. В идеологическом отделе Общества в 1936 г. был образован отдел рабочих-металлистов, объединявший несколько сот человек. Отдел помогал «сменившим курс» в устройстве на работу, в приобретении новой профессии. Предпринимательские круги, министерство юстиции и управление полиции оказывали подотделу всяческую поддержку. Ес-

тественно, что его попечительская и учебно-производственная деятельность сочеталась с активной идеологической работой рабочих, с воспитанием их в духе преданности императору, а следовательно, и режиму на антикоммунистической основе.

В 1938 г. на базе подотдела рабочих-металлистов была учреждена организация «Дом трудящихся». Его основатель М. Кобаяси свидетельствует, что наряду с повышением технического уровня рабочих цели «Домов трудящихся» заключались в воспитании «морально здоровых трудящихся», в содействии трудовому «служению отечеству».

Работа Императорского общества возрождения имела конкретную цель: привлечение ренегатов из числа бывших деятелей революционного движения на сторону военно-фашистского режима. «Великодушные», «терпимые» правящих кругов Японии в отношении «сменивших курс» в конечном итоге обеспечивали полное духовное подчинение бывших оппозиционеров.

Наиболее явно эта направленность системы социальной реабилитации бывших политических преступников проявлялась в деятельности «Пансионата великой сыновней любви», существовавшего в 1935—1938 гг., а также Института народной идеологии, функционировавшего с 1935 по 1945 г. В обращении Института к читателям в связи с выпуском в августе 1935 г. первого номера журнала «Возрождение», в частности, говорилось: «Несмотря на то что в прошедшие годы эры Сёва коммунизм допускал многие ошибки, он оказывал большое влияние на идеологические круги в Японии, а люди, занимавшиеся коммунистическим движением, побуждаемые страстью спасения человечества, посвящали движению всю жизнь. Думая об этом, мы горячо желаем, чтобы эти люди обрели подлинное сознание представителей японского народа, добивались самосовершенствования и еще раз сосредоточили все свои силы на том, чтобы самоотверженно служить национальному развитию и таким образом проявить искренность перед государством»¹⁴.

Несколько десятков исследователей, группировавшихся вокруг Института народной идеологии, разрабатывали шовинистическую концепцию «научного японизма», теоретически обосновывали необходимость агрессивной японской военщины

против Китая и создания марионеточного государства Маньчжоу-Го, изучали методы строительства экономики, способной обслуживать агрессивную войну и т. д. Эта организация ренегатов не ограничивала свое сотрудничество с правящими кругами предоставлением им необходимых теоретических разработок и пропагандой шовинизма. Несколько сотрудников института были привлечены на работу в Компанию маньчжурской железной дороги и в другие учреждения, а Я. Хонда получил назначение в генштаб императорской армии¹⁵.

В целом представляя сложное идеологическое и политическое явление, «смена курса» в Японии в период до 1945 г. имела в качестве необходимой составляющей прямое давление со стороны властей. В большинстве случаев она получала среди интеллигенции (включая и самих отступников) отрицательную оценку как ренегатство.

Случаи «тэнко», отказа от прогрессивных убеждений наблюдаются и в послевоенной Японии. На процесс идеологический, «смена курса» имеет место среди интеллигенции. Мотивы, причины и обстоятельства перехода с прогрессивных на консервативные позиции в этот период другие, нежели до 1945 г.¹⁶.

В результате роспуска японской армии и полиции, проведения политических преобразований буржуазно-демократического плана в первые годы после разгрома японского милитаризма обстановка в стране коренным образом изменилась. Правящие круги во многом утратили возможность применять меры прямого физического давления на членов восстановленных Коммунистической и Социалистической партий Японии и на деятелей демократического движения. Как отмечается в коллективном исследовании японских ученых «Смена курса», опубликованном в 1962 г., «в этот период в качестве непосредственных причин отхода людей от левых сил наряду с насилием со стороны полиции и «чисткой красных»¹⁷... выступали также организованная средствами массовой информации пропаганда социального мира, уговоры в семьях в пользу следования «радующему образу жизни», убеждения со стороны администрации компаний о желательности возвращения к жизни по принципам здравомыслящего служащего»¹⁸. По мнению японского политолога С. Фудзита, «смена курса» в после-

военный период стала более «свободной» и обрела форму не столько «подчинения властям», сколько «выхода из тупика», «утраты иллюзий», «краха», либо результата «повышения теоретического уровня»¹⁹.

Рассматривая вопрос «смены курса» японских интеллигентов в послевоенный период, следует учитывать ту обстановку, в которой складывались их политические взгляды. Демократизация политической жизни Японии начиная с 1945 г., развертывание деятельности восстановленных КПЯ и СПЯ обусловили довольно широкое распространение среди интеллигенции идей социализма. Веру в исторический прогресс, в правоту марксизма вызвали видимые успехи Советского Союза — главной силы антигитлеровской коалиции, одержавшей победу над фашизмом и милитаризмом, а также формирование мировой социалистической системы и особенно образование в 1949 г. Китайской Народной Республики.

В то же время обстановка в коммунистическом и демократическом движении в Японии в послевоенный период была непростой. В 1950—1951 гг. КПЯ переживала раскол, в 1950—1953 гг. в ходе осуществления ошибочного «военного курса» проявились левацкий авантюризм и сектантство, из-за которых компартия оказалась изолированной от масс. В этой ситуации часть членов КПЯ, разочаровавшись в линии компартии, вышла из нее.

Типичным примером отхода от коммунистического движения в сложной обстановке раскола внутри КПЯ, а также под прессом жизненных обстоятельств (а по сути — из-за давления со стороны существующей общественно-политической системы) является «смена курса» А. Оно, председателя комитета самоуправления педагогического факультета Токийского государственного университета. Член КПЯ с 1948 г., А. Оно принимал активное участие в демократическом студенческом движении, и в частности в борьбе против объявленной американской оккупационной администрацией и японским правительством в 1950 г. «чистки красных» в японских вузах.

Отчисление в 1950 г. из университета, после которого А. Оно испытывал серьезные материальные трудности, и исключение из КПЯ (студенческий активист принадлежал к группировке «интернационалистов», противостоявшей «основному течению» в Компартии Японии) подтолкнули его к отказу от коммунистической

деятельности и от марксистской идеологии. А. Оно посвятил себя журналистской работе в специализированных изданиях по вопросам модернизации оборудования, рационализации и механизации в различных отраслях экономики. Его кредо — в том, что и «вне классового противостояния существует много положительного для каждого, составляющего плюс для всего народа; следовательно, не нужно ни хвалить, ни осуждать тех людей, которые с увлечением работают ради этих полезных усовершенствований»²⁰.

Состоявшаяся летом 1955 г. VI Национальная конференция КПЯ подвергла критике упомянутые выше ошибки компартии и наметила пути их исправления. Но выявившиеся недостатки в деятельности партии вызвали брожение в среде прогрессивной интеллигенции.

В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС был подвергнут критике культ личности И. Сталина. КПСС предприняла усилия для критической переоценки своей деятельности. «Были сделаны попытки сломать утвердившиеся в 30—40-х годах командно-бюрократические методы управления, придать социализму больший динамизм, подчеркнуть гуманистические идеалы и ценности, возродить творческий дух в теории и практике»²¹. Подобные процессы начались и в других коммунистических и рабочих партиях. Но проходили они сложно, выявляли противоречия, в некоторых случаях приводили к кризисным ситуациям.

В июне 1956 г. в польском городе Познань вспыхнули массовые беспорядки, столкновения населения с полицией, вызвавшие жертвы. В октябре 1956 г. произошли известные венгерские события. Эти явления были восприняты японской интеллигенцией очень болезненно, отмечают историки²².

«В такой обстановке, — говорится в исследовании японских ученых-марксистов Т. Каваками и С. Ямасина «Троцкизм», — возникли колебания и среди той части интеллигентов, которые до тех пор сотрудничали с марксистами-ленинцами и составляли вместе с ними единый фронт: стал обсуждаться вопрос о необходимости пересмотра марксизма-ленинизма, вошла в моду критика марксизма. В кругах интеллигенции вдруг вызвали всеобщее внимание «теория массового общества», «современная полито-

логия» и другие буржуазные теории... На марксизм-ленинизм обрушился концентрированный огонь»²³.

На волне призывов к критике сталинизма и к пересмотру марксизма активизировались японские троцкисты. В январе 1957 г. была организована Японская лига троцкистов, начал издаваться ее журнал «IV Интернационал». В 1958 г. руководство Всеяпонской федерации органов студенческого самоуправления (Дзэнгакурэн) — в своем большинстве члены КПЯ из числа студентов — перешло на позиции троцкизма. С этого времени до 1964 г. Дзэнгакурэн проводила линию, враждебную КПЯ.

С выступлениями студентов, организованными Дзэнгакурэн, были связаны самые драматичные эпизоды всенародной борьбы японцев в 1959—1960 гг. против японо-американского договора безопасности. Однако в ходе этих выступлений руководители студенческого союза отказывались от сотрудничества с КПЯ, проявляли экстремизм. Поражение прогрессивных сил Японии в борьбе против японо-американского договора безопасности повергло студенческих лидеров в состояние уныния, вызвало в их среде апатию. Впоследствии многие из них отошли от демократического движения, от марксизма, некоторые стали убежденными сторонниками буржуазной общественно-политической системы.

В статье Т. Татибана о борьбе против договора безопасности указывается, что председатель ЦИК Дзэнгакурэн в 1956—1960 гг. К. Кародзи с 1962 г. прекратил какую бы то ни было политическую деятельность и занялся предпринимательством. Генеральный секретарь леворадикальной организации студентов Союз коммунистов С. Сима и ответственный секретарь этой же организации К. Икута также отошли от политического движения. Закончив аспирантуру при экономическом факультете Токийского университета в 1964 г., К. Икута был направлен на учебу в Пенсильванский университет в США, где позднее погиб. Во время учебы он разочаровался в марксизме, считая, что «в теории кредита и в теории финансов, составляющих суть политэкономии, марксизм бесплоден и бесполезен». На учебу в США в Гарвардский университет был направлен и бывший заве-

дующий организационным отделом Дзэнгакурэн М. Аоки. Он, как и упомянутый выше К. Икута, в своих взглядах перешел от политэкономии К. Маркса к буржуазной «политэкономии нового времени»²⁴. Бывший заместитель председателя ЦИК Дзэнгакурэн С. Нисибэ также занялся изучением данной теории. В настоящее время этот экономист, являясь профессором Токийского государственного университета, входит в круг популярных в Японии публицистов, выступающих с либерально-буржуазных позиций²⁵.

Таким образом, многие молодые японские интеллигенты встретились с противоречием между убедительностью, моральной силой марксистского учения, с одной стороны, и сложностью осуществления этого учения в сегодняшнем мире, в организационных рамках существующего коммунистического движения. Они столкнулись с трудноразрешимыми проблемами в жизни реального социализма и новыми явлениями современного капитализма, которые к тому же не получали адекватного толкования в марксистской науке, отстававшей в развитии. И они решали для себя это противоречие переходом на буржуазные идеологические позиции. В это время среди молодых японских интеллигентов стала довольно распространенной следующая схема поэтапной смены политических позиций: выход из Компартии Японии — поиск в организационных рамках группировок, стоящих вне КПЯ, концепции социализма, свободного от сталинизма и отличающегося от программных установок компартии — отказ от политической деятельности — принятие либерально-буржуазных идей.

Пессимистический взгляд этой группы интеллигенции на возможности социалистического развития общества выпукло отражает следующее образное высказывание одного из бывших активистов студенческого движения, «сменившего курс»: «Перед нами — широкая река. В давние времена жил человек, который предполагал, что на ее противоположном берегу расположен другой, прекрасный мир. Это был Маркс... Все желающие могут нырнуть в воду и плыть к противоположному берегу.

Многие люди прыгнули в воду. Некоторые из них верили в существование другого мира, другие наполовину сомневались...

Но река оказалась широкой, и сколько ни плыви — до другого берега не добраться. Несколько человек из числа пловших выбились из сил и утонули. Тогда руководители заметили песчаную мель, тянущуюся к противоположному берегу, по которой можно дойти до другого берега. Это компартия...

А я перевернулся на спину и стал просто держаться на плаву. Я даже не плыл, а просто лежал на воде и любовался голубым небом. Оказалось, что это лучше всего. Потому что другого берега реки не существует, на самом деле там море. И все плывущие должны в нем погибнуть»²⁶.

К критическому пересмотру марксистских воззрений (а точнее, тех постулатов, которые были приняты в то время в марксистской науке) подталкивало японских интеллигентов в 60-е годы и в целом успешное развитие японского буржуазного общества, в частности долговременная высокая экономическая конъюнктура в Японии. За 60—70 годы среднегодовые темпы развития японской экономики составили 11 %. Номинальная заработная плата в Японии на средних и крупных предприятиях за пятилетие с 1965 по 1970 г. почти удвоилась. В результате к 1970 г. по размерам заработной платы Япония обогнала Италию и достигла уровня Франции. В течение 10—15 лет широкие круги японского населения почувствовали значительное улучшение условий жизни. При этом партии рабочего класса Японии не располагали конструктивными экономическими программами, которые были бы достаточно конкретны и могли бы быть противопоставлены политике правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии. А «пока политический курс прогрессивных партий, ставящих своей целью социализм, сводится просто к принципам и лозунгам, консервативные партии временами без всяких изменений перехватывают эти принципы и лозунги», — констатируют японские политологи²⁷.

Во второй половине 60-х годов в Японии вновь активизировались студенческие выступления. Учащаяся молодежь требовала улучшения условий жизни и учебы, боролась против повышения платы за занятия в вузах, выражала протест против войны во Вьетнаме и пособничества японского правительства американской агрессии в этой стране. Кон-

фликт между студентами и администрацией Токийского государственного университета, продолжавшийся с конца 1967 до января 1969 г., вылился в сражения студентов с полицией. Основными действующими лицами в этом конфликте, представлявшем открытый вызов студенчества японскому истеблишменту, были «независимые радикалы». Их взгляды отличались, с одной стороны, критическим подходом к капиталистической действительности, недовольством положением «рабочих науки», которых «без устали погоняют», а с другой — нигилизмом в отношении существующих политических партий и организаций.

В первой половине 1969 г. массовые выступления студентов отмечались во многих вузах Японии, в июле этого года была образована национальная федерация общеуниверситетских советов борьбы. Активная и, казалось бы, бескомпромиссная борьба многих тысяч студентов, в ходе которой применялась тактика «баррикадных боев», не привела в конечном счете к заметному росту политической оппозиции среди японской интеллигенции. Большинство участников выступлений в вузах в 1967—1969 гг. благополучно интегрировались в японское буржуазное общество.

В чем причина такого развития событий? Что произошло с реальной энергией молодых японских интеллигентов, которая была первоначально направлена против капиталистических устоев?

Японские журналисты и ученые, которым автор задавал этот вопрос, отвечали, что бывшие оппозиционеры из числа молодых интеллигентов, отказавшись от бунтарства, взамен получали возможность довольно полно выражать себя, реализовать свои способности в различных областях жизни динамично развивающегося японского общества.

Это подтверждают, например, материалы книги публициста С. Камата «Следы честлюбивых помыслов», в которой собраны интервью с несколькими десятками выпускников экономического факультета Токийского государственного университета, закончивших его в 1970 г. Многие из них принимали активное участие в университетских выступлениях 1967—1969 гг., а сегодня с увлечением трудятся в государственных учреждениях и частных компаниях, удовлетворены творческим характером своей работы, горды причастностью к развитию информатики, про-

мышленности, строительства, финансовой сферы, внешней торговли Японии. Характерно, что они не считают себя ренегатами, не видят противоречия между своими поступками двадцатилетней давности, направленными против истэблишмента, и нынешней жизнью. «Во время сражений в Токийском университете мы боролись сами с собой, — считает служащий министерства внешней торговли и промышленности М. Миямото. — ...Бывшие члены общеуниверситетских советов борьбы сегодня старательно трудятся на многих предприятиях. Это продолжение их прежней деятельности. Думаю, что мы никакие не «сменившие курс», как о нас говорят в обществе»²⁸. Это заявление, и многие другие факты говорят о том, что в послевоенный период, особенно в 70—80-е годы, понятие «смена курса» все в большей мере теряло в японском общественном мнении свою остроту. Люди, сменившие свои идеологические воззрения, сегодня склонны называть себя «ренегатами» лишь в кавычках.

Мы уже отмечали своеобразную гибкость правящих кругов Японии в отношении политической оппозиции в период до 1945 г. Что касается подхода деловых кругов, правительства и правящей ЛДП к оппозиции и радикальной интеллигенции в послевоенный период, то он вызывает ассоциации с популярным в Японии видом самообороны «айкидо», где обороняющийся использует кинетическую энергию нападающего. Суть политики японской буржуазии в отношении оппонентов из среды интеллигенции в том, чтобы не обострять конфронтацию, а вовлекать их в существующую систему и использовать их энергию и способности для ее совершенствования.

Так, в условиях широкого размаха демократического студенческого движения в 50—60-е годы власти наказывали студенческих активистов, несколько сот студентов были исключены из вузов или временно отстранены от занятий. Вместе с тем еще в 1952 г. министр просвещения С. Аmano рекомендовал «не преувеличивать опасность и стремиться избегать такого положения вещей, когда люди из-за бунтарства, носящего временный характер, до конца жизни лишаются возможности восстановить свои позиции в качестве членов общества»²⁹. В японской прессе в середине 60-х годов отмечались нередкие случаи использования предпринимателями бывших активистов студенческого дви-

жения с их знаниями и организаторскими навыками в деле контроля над рабочими³⁰.

Японские компании охотно принимали на работу активных участников массовых студенческих выступлений 1967—1968 гг. Летом 1968 г. в японской печати появилось много объявлений, приглашавших на службу «упрямых мужчин», «агрессивных студентов», не удовлетворенных существующим положением вещей. Объявления были рассчитаны на студенческих лидеров, выявившихся во время университетских волнений. Большинство компаний, которые рекрутировали вчерашних активистов, — это торговые фирмы, подбиравшие для себя «агрессивных студентов», чтобы сделать из них торговых агентов.

В то же время и правящая ЛДП использует в своих «мозговых трестах» ученых и деятелей культуры, имеющих в своем послужном списке исследования в области марксистской теории или деятельность в демократических организациях, то есть «сменивших курс» интеллигентов, притом людей разных поколений. Вот лишь два примера. Литератор А. Асано во время учебы на юридическом факультете Токийского университета во второй половине 20-х годов принимал участие в движении пролетарской литературы, был кандидатом в члены ЦК КПЯ. В 30-е годы он совершил «смену курса», отказался от марксизма. В 1984 г. почетный профессор университета Риссё А. Асано входил в состав Комитета по делам свободы и прав человека, который является «мозговым трестом» ЛДП, объединяющим консервативных ученых и деятелей культуры. Эта организация объявила своей задачей «разоблачение фактов подавления свободы коммунистами»³¹. К. Кояма, занимавший в 1956—1958 гг. пост председателя ЦИК Дзэнгакурэн, в 1958 г. стал организатором группы студентов — членов КПЯ, выступивших против компартии с троцкистских позиций. Позднее он выехал в США, где в Гарвардском университете изучал проблемы футурологии³². В 1984 г. профессор университета Гакусюин К. Кояма был членом планового комитета Японского совета культуры — еще одного «мозгового треста» ЛДП — и принадлежал к числу наиболее приближенных советников премьер-министра Я. Накасонэ. Он известен как один из главных вдохновителей правой тенденции в японской прессе³³.

Но, вероятно, было бы ошибкой сводить причины «смены курса» японскими

интеллигентами к карьеристским мотивам ренегатов (хотя нельзя исключать и наличие среди «сменивших курс» циничных приспособленцев). В последние 15—20 лет в японском обществе стала явственной тенденция поправки, и «смена курса» в среде интеллигенции по существу представляет собой ее идеологический механизм. А если мы признаем «возможности саморазвития капитализма, который смог ассимилировать достижения научно-технической революции и сформировать такие общественно-экономические структуры, которые обеспечили его жизнеспособность», надо, вероятно, признать и способность современного капитализма вести борьбу за умы людей, быть убедительным в области идеологии.

Думается, что определенные успехи японской буржуазии в борьбе за умы и души интеллигенции в этот период объяснялись и трудностями в международном коммунистическом движении, проблемами в развитии стран социализма — такими, как конфронтация между КПСС и КПК, обострение межгосударственных отношений между СССР и КНР, срыв реформ «пражской весны» 1968 г. насильственной акцией государств — участников Варшавского Договора, ведение советскими войсками военных действий в Афганистане в 1979—1989 гг. и другими ошибками, допущенными во внешней и внутренней политике СССР в период застоя.

Но «смену курса» японских интеллигентов, интеграцию их в государственный аппарат, в науку, сферу образования и в экономику Японии в наше время можно рассматривать и в другом ракурсе: это и канал «приобщения» правящих кругов страны к идеям демократии и социализма, к марксистской теории, обретения ими своего рода «марксистской образованности». Конечно, представители японской буржуазии, как и «сменившие курс» интеллигенты (нередко эти две категории совпадают), сегодня воспринимают марксизм главным образом как объект критики и как «преодоленную» идеологию. Тем не менее кое-что из марксистской теории остается в их сознании — скажем, диалектический способ мышления или теория отчуждения. И учет существования социалистической альтернативы в развитии общества влияет на политику правящих кругов Японии, придает ей такое измерение, которое усиливает жизнеспособность японского капитализма и в то же время

существенно видоизменяет его. Ведь как отмечается в тезисах «Социальный прогресс в современном мире», опубликованных в журнале «Коммунист», «неизбежно соревнование двух типов ответов, которые будут давать эти общественные системы на вопросы, поставленные жизнью. А в соревновании выигрывает тот, кто использует и лучшие находки конкурента, тот же, кто пренебрегает лучшим опытом, обречен на проигрыш. Практически это означает взаимовлияние систем»³⁴. А японские правящие круги как раз отличаются открытостью к восприятию опыта других стран, в том числе и социалистических.

Наконец, еще одно соображение. Рассматривая явление «тэнко» в среде японской интеллигенции, в частности в период после второй мировой войны, мы во многих случаях имели дело с отказом от такой модели социализма, которая была серьезно деформирована сталинизмом. Но эта модель сегодня глубоко переосмысливается и подвергается глубокой критике и в Советском Союзе, и в других странах социализма. Перестройка в СССР, кардинальное изменение обстановки в странах Восточной Европы, безусловно, придадут социализму «второе дыхание». Не исключено, что в будущем может возникнуть основа для возвращения части «сменивших курс» на позиции поддержки в той или иной форме социализма.

Японский миллиардер, руководитель одной из крупнейших в Японии торговых фирм «Сэйбу» С. Цуцуми выступает активным поборником культурных связей Японии с СССР и ведет большую работу по пропаганде советского искусства в Японии. В ноябре прошлого года он заявил в интервью газете «Известия», что, по его мнению, сегодня «усилия Советского Союза направлены на создание нового социализма. Это очень серьезный вызов и прошлому, и всему миру»³⁵.

Его слова для нас особенно интересны, ведь С. Цуцуми в молодости принимал участие в демократическом движении, входил в руководство Дзэнгакурэн. Он — один из «сменивших курс» японских интеллигентов.

¹ См.: Тэнко=Смена курса.— Токио, 1962.— Т. 3.— С. 508—509.

² Нихон кэсанто рокудзюнэн=60 лет КПЯ.— Токио, 1982.— С. 71—72.

³ Тэнко=Смена курса.— Т. 2.— С. 1—2.

⁴ Там же.— С. 2.

- ⁵ См.: Кобаяси М. Тэнко ки-но хито-бито=Люди периода «смены курса». — Токио, 1987. — С. 276.
- ⁶ См.: там же. — С. 255.
- ⁷ Тэнко=Смена курса. — Т. 3. — С. 436.
- ⁸ См.: там же. — С. 433.
- ⁹ См.: Кобаяси М. — Указ. соч. — С. 257.
- ¹⁰ См.: Тэнко=Смена курса. — Т. 3. — С. 426—427.
- ¹¹ См.: Кобаяси М. — Указ. соч. — С. 273.
- ¹² См. там же. — С. 28—29.
- ¹³ См. там же. — С. 29, 120, 122, 123, 235.
- ¹⁴ Цит. по: Кобаяси М. — Указ. соч. — С. 127.
- ¹⁵ См.: там же. — С. 142, 146—147.
- ¹⁶ Японские исследователи в качестве частного случая «смены курса» рассматривают факты отказа многих японцев, в особенности государственных служащих, от ультра националистических взглядов под давлением американской оккупационной администрации в ходе мероприятий по устраниению основ милитаризма в Японии в 1945—1949 гг. (См.: Тэнко=Смена курса — Т. 3. — С. 30—31). В данной статье этот вопрос не рассматривается.
- ¹⁷ Массовые увольнения коммунистов и сочувствующих им лиц, предпринятые в Японии в 1950 г. по указанию американской оккупационной администрации.
- ¹⁸ Тэнко=Смена курса. — Т. 3. — С. 2.
- ¹⁹ См. там же. — С. 7.
- ²⁰ См. там же. — С. 320.
- ²¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестрой-

ка: революция продолжается. — М., 1987. — С. 27—28.

²² См.: Дэнгакурэн какуха = Все фракции Дэнгакурэн. — Токио, 1970. — С. 161.

²³ Каваками Т., Ямасина С. Троцкизм = Туроцукидзуму. — Токио, 1969. — С. 68—69.

²⁴ См.: Татибана Т. Рокудзюэн ампо но коэй то хихан = Слава и трагедия героев борьбы 1960 г. против договора безопасности / Асахи дзянару. — 1969. — 2 сентября. — С. 246—245.

²⁵ См.: Нисибэ С. Хихан сурү сэйсин = Дух критики. — Токио, 1987.

²⁶ Татибана Т. Указ. соч. — С. 253.

²⁷ Тэнко = Смена курса. — Т. 3. — С. 323.

²⁸ Камата С. Ябо но косэки = Следы честолюбивых помыслов. — Токио, 1989. — С. 123—133.

²⁹ Номура Х. Сэйфу. Дзиминто но дайгаку сэйсаку = Политика правительства и ЛДП в отношении университетов. — Токио, 1969. — С. 311—312.

³⁰ См.: Тюо корон. — 1965. — Сентябрь. — С. 91.

³¹ Аоки С. Такаха тисикидзин = Интеллигенты «ястребы». — Токио, 1984. — С. 196, 199.

³² См.: Акахата. — 1974. — 28 апреля.

³³ См.: Аоки С. Указ. соч. — С. 78.

³⁴ Коммунист. — 1988. — № 7. — С. 85—86.

³⁵ Известия. — 1989. — 6 ноября.

КВЖД и развитие Маньчжурии

В. КУЗНЕЦОВ

Одним из значительнейших событий в политической и экономической жизни Дальнего Востока на рубеже XIX—XX вв. явилось подписание 3 июня (22 мая) 1896 г. оборонительного договора между Китаем и Россией.

В советской историографии этого события доминирует односторонний акцент на том, что это соглашение дало или, вернее, что оно в перспективе сулило правительству России. Интересен также вопрос, что реально получил сам Китай в

результате этого соглашения в политическом и экономическом отношении.

Прежде всего, он обретал гарантии выступления России на его стороне в случае агрессии Японии. «Всякое нападение Японии на территорию Китая... — гласила ст. 1, — будет рассматриваться как повод к немедленному применению настоящего договора»¹. Материализовать политическую идею русско-китайского союза была призвана ст. 4 договора, которая гласила: «Чтобы облегчить доступ русским сухопутным войскам в угрожаемые пункты и для обеспечения их съестными припасами, китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайские провинции Амурскую (Хэйлунцзян. — В. К.) и Гириинскую в направлении на Владивосток. Соединение этой железной дороги не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории или покушению на верховные права императора китайского»².

Кузнецов Вячеслав Семенович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ АН СССР.

Строительство упомянутой железной дороги, получившей название Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), рассматривалось видными представителями китайской общественности как важный фактор укрепления дружбы между Россией и Китаем. В 1905 г. известный китайский публицист Чжан Чинтун писал: «С постройкой Великой Сибирской железной дороги и Маньчжурской ветви ее (КВЖД.— В. К.) Россия приблизилась к нам больше, чем вдвое, сравнительно с другими западными державами, и надо было твердо надеяться, что с этих пор взаимные отношения двух великих народов станут еще лучше»².

Денежных расходов на строительство КВЖД правительство Китая не несло. Дорога была сооружена за счет российской казны, то есть за счет русского налогоплательщика³, и в масштабах цен того времени обошлась ему в громадную сумму — 400 млн. рублей. То, что постройка дороги требовала от русской казны больших затрат, признавали и тогдашние китайские власти. Начальник города Пинжоу писал сяньсинскому фудутуну 2 сентября 1900 г., что Россия затратила на постройку Китайско-Восточной железной дороги «громадные суммы»³. Известная часть этой суммы пошла непосредственно на оплату труда китайских рабочих, занятых на строительстве КВЖД, что не только обеспечило источник существования им и их семьям, но и способствовала оживлению товарно-денежных отношений в провинциях собственно Китая. «Десятки миллионов рублей, которые ушли в карман кули, нанятых на строительные работы, были, несомненно, унесены ими по большей части в южные провинции, откуда они в основном пришли...»⁴

Русская администрация строительства принимала практические меры к тому, чтобы оградить китайца-чернорабочего от безграничного произвола подрядчика. В Китае ко времени начала прокладки КВЖД не существовало закона, который обеспечивал бы рабочего и его семью в случае увечья или смерти, если даже несчастие было вызвано неоспоримой виной нанимателя. По установленным же на строительстве правилам, о каждом увечном рабочем, попавшем в железнодорожную больницу, докладывалось главному инженеру, который по соглашению с местным китайским начальством определял размер пособия пострадавшему или,

в случае смертельного исхода, его семье⁷. Кроме того, для охраны интересов рабочих согласно приказу главного инженера при выдаче денег артели немедленно извещались о размерах причитающихся с подрядчика сумм выплаты. В тех случаях, когда подрядчик не производил добросовестного расчета или скрывался, с рабочими расплачивалась дорога, причем причитающиеся суммы выдавались выбранными самими рабочими представителями⁸.

С самых первых дней строительства дороги во избежание нежелательных эксцессов, русская администрация придерживалась уважительного отношения к духовному складу и традициям местного населения. Так, еще в 1897 г. командам, сопровождавшим изыскательские партии, инструкцией предписывалось «обращаться с жителями кротко и ласково, с уважением относиться к их святыням и особенно к могилам покойников, которые свято почитаются китайцами». Священный для маньчжуров Мукден не перерезывался дорогой, но был ею обойден, что повлекло за собой удлинение дороги и соответственно ее удорожание⁹.

Прокладка КВЖД и связанное с ней появление города Харбина имели громадное влияние на экономическое развитие и собственно Китая. «Китайско-Восточная железная дорога была быстро построена русскими в течение 1897—1901 гг., и обе линии, с востока на запад и южная, были открыты для движения к 1903 г. Строительство этой железной дороги привлекло многих рабочих и торговцев в Северную Маньчжурию, которые были готовы стать землевладельцами и земледельцами. Экономическое строительство Харбина русскими также имело стимулирующий эффект»¹⁰.

До постройки КВЖД Северная Маньчжурия была почти пустынной страной. Эта окраина Китайской империи была весьма мало связана с заселенным Китаем и представлялась оттуда «пустым северным пространством», как ее образно называли сами китайцы еще в 20-х годах нашего столетия. Дорога, прорезав эти пустыни и соединив Маньчжурию с морскими портами и Внутренним Китаем, сослужила Китаю исключительно ценную службу. КВЖД имела кардинальное значение для колонизации Северной Маньчжурии. Она в полном смысле подарила китайскому крестьянству эту богатую окраину. Без нее заселение Маньчжурии

китайцами затянулось бы на многие годы.

Железнодорожное строительство дало толчок развитию производительных сил Маньчжурии, одним из показателей чего явился рост ее экспортных возможностей. «Темпы роста экспорта были значительно ускорены после 1907 года, когда КВЖД и ЮМЖД были полностью введены в действие и был открыт порт Дальний»¹¹.

Сам город Харбин, ныне крупнейший центр Северо-Восточного Китая, обязан своему появлению постройке КВЖД. В этой связи уместно привести и суждения авторов, которых нет оснований заподозрить в русофильстве: «Но величайшим подвигом, совершенным русскими, следом за постройкой дороги, для пользы Северной Маньчжурии было основание огромного города»¹².

Нынешний Харбин впечатляет своей зеленью. Почин озеленению города в 1924 г. положили члены русской общины, которые создали Маньчжурское сельскохозяйственное общество и Общество изучения Маньчжурского края. В 1924 г. эти общества заложили в Харбине ботанический сад. Администрация КВЖД принимала и другие крупные экологические мероприятия.

С функционированием КВЖД в Маньчжурии появляются начала современного здравоохранения. В 1910 г. русскими властями в Харбине была открыта бесплатная амбулатория, которую посещали и китайцы. Администрация КВЖД уделяла большое внимание ветеринарно-санитарному состоянию Харбина и его окрестностей. С мая 1923 г. начала функционировать ветеринарно-санитарная станция КВЖД. Ее персоналу приходилось работать в нелегких условиях прежде всего из-за отсутствия понимания китайскими властями необходимости санитарных мероприятий¹³.

Администрация КВЖД и русские врачи приложили максимум усилий к искоренению стародавних очагов такого опасного заболевания, как чума. Когда в 1899 г. в Инкоу на юге Маньчжурии вспыхнула эпидемия чумы, Общество КВЖД сразу же выделило для борьбы с ней 25 тыс. лян серебра как единовременное пособие и обязалось ассигновать по 8 тыс. лян серебра ежемесячно. Правление Общества КВЖД не ограничилось лишь выделением средств. Оно направило в Китай врачей и медикаменты. Об этом были поставлены в известность китайские власти. Англий-

ский поверенный в делах усомнился в подлинности этого известия и счел необходимым лично явиться для проверки в Цзунлиямынь (внешнеполитическое ведомство) и узнав, что КВЖД дает деньги для борьбы с чумой среди китайского населения, тоже выразил в общих выражениях готовность помочь Китаю в деле борьбы с эпидемией. Однако эти обещания остались одними словами¹⁴.

В 1910 г. в Маньчжурии вспыхнула очередная эпидемия чумы. Для борьбы с ней управляющий КВЖД специально выделил железнодорожных участковых и больничных врачей, организовал специальное Противочумное бюро. Даотай Го благодарил русские власти за готовность идти рука об руку с китайскими в деле борьбы с общим врагом и выразил надежду, что общими усилиями удастся скорее прекратить развившуюся эпидемию чумы¹⁵. В этой полной опасности борьбе отдали свои жизни русские медики Лебедева, Беляев, Мамонтов, Менье.

Октябрьская революция открыла новую эру в отношениях между Россией и Китаем. 31 мая 1924 г. было подписано советско-китайское соглашение об установлении дипломатических отношений и принципах советско-китайских отношений. КВЖД перешла в совместное управление представителей обоих государств. Это принципиально новое положение проявилось в конкретных делах. Последовательно осуществлялся принцип паритета между китайскими и русскими служащими и рабочими. На 1 января 1924 г. китайцы составляли около 34 % служащих дороги, на 1 октября 1926 г. — 43 %¹⁶.

Благодаря участию в управлении дорогой представителей Страны Советов открылись новые благоприятные возможности для удовлетворения социальных и культурно-бытовых нужд китайского населения. Рабочие-китайцы, занятые на КВЖД, были полностью уравнены в правах с русскими как в отношении квартирного довольствия¹⁷, так и в отношении размера поденных плат¹⁸, для них был установлен 8-часовой рабочий день¹⁹. В распорядке работ на КВЖД учитывались особые интересы рабочих и служащих китайской национальности. Приказом № 295 от 28 декабря 1925 г. в течение 1926 г. были объявлены следующие праздничные дни на КВЖД: Национальный праздник Китайской Республики, весенний праздник Чуныцзе, летний празд-

ник Сяцзе или Дуаньянцзе, осенний праздник Чжунцюцзе, День рождения Конфуция²⁰.

Новая администрация дороги в первые же дни своей деятельности обратила внимание на ненормальность жилищных условий китайских рабочих, ютившихся в фанзах-конурах, расположенных весьма скученно и являвшихся очагами всевозможных заразных заболеваний²¹. В 1924 г. был разработан и осуществлялся план строительства жилья для мастеровых и рабочих китайской национальности Главных мастерских²².

В начале 1925 г. по инициативе управляющего КВЖД А. Н. Иванова был поднят вопрос об учреждении на средства железной дороги особой Центральной библиотеки. 3 октября 1925 г. состоялось торжественное открытие Центральной русско-китайской железнодорожной библиотеки. Китайский отдел располагал специальным штатом служащих. В помещении библиотеки имелись абонементный и читальный залы для китайского отдела. Пополнению книжных фондов русского и китайского отделов уделялось равное внимание²³. Деятельность Центральной библиотеки КВЖД получила высокую оценку за рубежом. Японский ученый Кимакура в статье в одном из японских журналов назвал Центральную библиотеку КВЖД «самой благоустроенной в Маньчжурии»²⁴.

Усилиями советской администрации дороги для китайского населения открылись новые, дотоле невиданные возможности в деле образования. За счет средств дороги строилась и содержалась сеть школ и училищ для детей служащих и рабочих китайской национальности, причем советская администрация воспринимала это как свое кровное дело. Совет управления дорогой выделял значительные средства на обеспечение китайских школ мебелью и школьными принадлежностями, на оборудовании там физических и химических кабинетов²⁵. В 1926 г. по сравнению с 1925 г. расходы по статье «личный состав школ» увеличились по русским школам — на 20 %, по китайским — на 74 %, что служит убедительным свидетельством стремления администрации КВЖД форсировать дело просвещения китайского населения. Примечательно, что стоимость содержания одного русского ученика в школе 1-й ступени в 1926 г. составляла 69 руб. 87 коп., а китайского — 77 руб. 53 коп., в школе

II-й ступени соответственно 137 руб. 70 коп. и 272 руб. 25 коп.²⁶ Кроме того, правление КВЖД регулярно предоставляло в каникулярное время проездные льготы (50 % стоимости билета) китайским учащимся и преподавателям.

Следует особо отметить и такое принципиальной важности обстоятельство: школы дороги для детей китайской национальности функционировали согласно существовавшим правилам министерства народного просвещения Китайской Республики, что давало полную возможность воспитывать и обучать детей в духе своей страны.

При советской администрации КВЖД открыла для многих китайцев возможность получить рабочую специальность, стать квалифицированными специалистами. Для китайских граждан были открыты и двери высших учебных заведений, созданных правлением КВЖД. В 1926/27 учебном году в Русско-китайском политехническом институте четвертую часть студентов составляли китайцы²⁷.

Именно благодаря инициативе советской администрации КВЖД в Северо-Восточном Китае получила развитие современная система здравоохранения. В 1928 г. правление дороги предоставило служащим китайского профсоюза, оклады которых не превышали 1800 рублей в год, право получения бесплатной медицинской помощи во всех лечебных учреждениях КВЖД. Эта помощь распространялась и на членов их семей²⁸. В 1928 г. Врачебно-санитарная часть КВЖД организовала климатический курорт «Эхо» на берегу реки Муданьцзин, и уже в первой партии курортников половину составляли рабочие-китайцы²⁹. Наравне с русскими китайцы посылались и на заграничные курорты³⁰. В 1928 г. Врачебно-санитарная часть КВЖД приступила к организации врачебно-санитарного надзора за учащимися как школ КВЖД, так и китайских школ.

КВЖД являлась чисто коммерческим предприятием. Тем не менее ее администрация проявляла заботу о многих тысячах терпевших нужду китайцев, стремившихся найти заработок в Маньчжурии. Учитывая, что часть рабочих, ехавших на заработки, после длительного пути из провинций Центрального Китая в Северную Маньчжурию была не в состоянии оплатить свой проезд даже по IV классу, в 1925 г. Управление дороги ввело специальный пониженный тариф на пере-

возку в теплушках от Чанчуня до Харбина и до станций Южной линии³¹. Администрация дороги в лице советского управляющего специально выделяла деньги на оказание помощи китайцам-переселенцам. В местах расселения китайских переселенцев на средства КВЖД прокладывались грунтовые дороги³². В 1927—1928 гг. правление дороги ввело льготный тариф на хлебные грузы для жителей китайских провинций, пострадавших от наводнения и неурожая³³.

Деятельность членов русской общины и администрации Китайско-Восточной железной дороги способствовала подъему производительных сил Маньчжурии, распространению здесь новых сельскохозяйственных культур.

Характерен пример с производством льна. Эта культура была в Китае практически неизвестна. Правление КВЖД и ее соответствующие учреждения использовали самый широкий арсенал средств морального и материального порядка, чтобы форсировать разведение льна и его обработку в Северной Маньчжурии.

В деле пропаганды льноводства, особенно среди китайцев, сыграл весьма видную роль Земельный отдел КВЖД. Благодаря его стараниям в 1925 г. была организована китайская инициативная группа по развитию льноводства в Северной Маньчжурии³⁴. В 1927 г. правление КВЖД выделило кредит в 60 тыс. рублей на развитие в Северной Маньчжурии льноводства и обработки льна. В свою очередь Коммерческая служба КВЖД с целью стимулировать расширение посевов льна в Северной Маньчжурии понизила тариф на перевозку льнотресты со станций КВЖД в Харбин³⁵, одновременно закупала волокно у крестьян по высоким ценам. Кроме того, дорога организовала опытные станции, прокатные пункты, раздавала семена. Все это вместе взятое способствовало расширению посевной площади льна в Северной Маньчжурии.

Благодаря инициативе советских членов администрации дороги в Маньчжурии получили распространение новые приемы агро- и зоотехники, внедряются новые сельскохозяйственные орудия труда.

Еще в 1923 г. агрономическая служба Земельного отдела КВЖД организовала три опытных поля — в Эхо, Харбине и Аньда. Харбинское опытное поле сыграло важную роль как показательное учреждение. Китайские земледельцы усиленно посещали поле и, ознакомившись

с усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями, часто пользовались представляемым им опытным полем инвентарем. Эховское опытное поле распространяло среди китайцев опробованные сорта кукурузы³⁶. Чтобы сделать земледельческую технику доступной как можно большему числу китайских крестьян, Зоотехническая станция Земельного отдела КВЖД в 1923 г. приступила к организации прокатных пунктов сельскохозяйственных машин и орудий. Эти пункты принесли существенную помощь китайскому населению, совершенно лишенному сельскохозяйственного инвентаря³⁷.

Земельный отдел КВЖД явился и пионером тракторной запашки в Северной Маньчжурии. Весной 1927 г. в район станции Бухэду им был послан для опытной работы трактор «Интернационал»³⁸.

Правление КВЖД стремилось также стимулировать предпринимательскую деятельность китайцев. Ее сдерживала, в частности, нехватка у них оборотных средств. И тут администрация КВЖД пошла навстречу предпринимателю. С 24 февраля 1925 г. на КВЖД возобновилась прерванная мировой войной выдача ссуд под хлебные грузы, сложенные на станциях дороги³⁹. Быстрая оценка груза и немедленная после нее выдача ссуды были сразу учтены как китайскими фирмами, пользовавшимися ссудами в китайских банках, так и самими банками. Первые без промедления уяснили всю выгодность получения ссуд у КВЖД, вторые — во избежание потери своих клиентов — понизили процентные ставки по ссудам. В 1926 г. был расширен перечень товаров, под которые выдавались ссуды. Введение новых правил было весьма одобрительно встречено и китайскими коммерсантами⁴⁰.

Следует особо сказать о том, сколько много дала железная дорога для монгольского населения Маньчжурии. В 1923 г. возникло Хулунбуирское монгольское кооперативное товарищество. Оно ставило своей главной целью улучшение благосостояния монгольских кочевых племен, а также содействие их духовному развитию⁴¹. Администрация КВЖД выделила кооперативу ссуду для организации транспорта. Администрация КВЖД проявила заботу о развитии транспортной системы в монгольских кочевьях, способствовала на более выгодных для монго-

лов условиях сбыту животноводческой продукции.

КВЖД не только сыграла огромную роль в развитии производительных сил Маньчжурии, но и совершила подлинный переворот в культурном облике этого края. С. Сато, представитель Корейских железных дорог, участник международного совещания по вопросу транспорта в Харбине, писал, что его «больше всего поразило то, что КВЖД оказала огромное влияние на весь уклад края. Можно сказать, что КВЖД принесла с собой европейскую цивилизацию. Стоит только посмотреть на города, поселки, станции, курорты и вообще весь район, примыкающий к КВЖД, чтобы убедиться в этом. Заслуга дороги в том, что ее руководители уделяют большое внимание культурным учреждениям, многие из которых носят краевой масштаб. В частности, надо отметить хорошо устроенные школы, библиотеки, курорты и т. д.»⁴².

Китайско-Восточная железная дорога, спроектированная русскими специалистами и построенная на деньги российского налогоплательщика, послужила фактором экономического и культурного подъема Северо-Восточного Китая. И это далеко не все. «Общеизвестность превосходных достижений КВЖД уже в целом очевидна. Однако КВЖД не только улучшила пути сообщения, развила сельское хозяйство и торговлю, но и осуществила культурное сближение Китая с внешним миром, движение мировой науки и техники»⁴³.

ние, будто КВЖД строилась на средства, полученные с Китая в счет контрибуции (Li Jiang. Harbin-Metropolis of the Far North.— China reconstructs.— 1989.— Vol. 29.— № 3.— P. 61.

⁵ Нилус Е. Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896—1923.— Харбин, 1923.— Т. 1.— С. 193.

⁶ Economic history of Manchuria compiled in commemoration of the decennial of the Bank of Chosen, Seoul, Chosen. 1920.— P. 34.

⁷ Нилус Е. Х. Указ. соч.— С. 183.

⁸ Там же.

⁹ Там же.— С. 186, 184.

¹⁰ Sun Kungtu. C. The economic development of Manchuria in the first half of the twentieth century.— Cambridge, Mass. 1969.— P. 19.

¹¹ Kang Chao. The economic development of Manchuria: The rise of a frontier economy.— Ann Arbor, 1982.— P. 10.

¹² Economic history of Manchuria... — P. 35.

¹³ Филадельфов С. Ветеринарно-санитарная станция КВЖД // Экономический бюллетень.— Харбин, 1925.— № 14.— С. 10.

¹⁴ Нилус Е. Х. Указ. соч.— С. 176.

¹⁵ Богуцкий В. М. Эпидемия чумы в г. Харбине и его окрестностях в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги 1910—1911.— Харбин, 1911.— Ч. 1.— С. 175, 183, 237; Ч. 2.— С. 5.

¹⁶ Работа КВЖД за два года (3 октября 1924 г.— 3 октября 1926 г.) // Экономический бюллетень.— 1926.— № 41.— С. 6.

¹⁷ Экономический бюллетень.— 1925.— № 7.— С. 14.

¹⁸ Работа КВЖД за два года...— С. 6.

¹⁹ Лынообделочный завод Кит. Вост. жел. дор. // Экономический бюллетень.— 1929.— № 3.— С. 10.

²⁰ Экономический бюллетень.— 1926.— № 3—4.— С. 22.

²¹ Строительные работы Китайской Восточной железной дороги. // Экономический бюллетень.— 1925.— № 38—39.— С. 10.

²² Экономический бюллетень.— 1927.— № 20.— С. 17.

²³ Там же.— 1928.— № 26.— С. 5.

²⁴ Цит. по: Сквирский Ф. Б. Центральная библиотека КВЖД // Вестник Маньчжурии.— 1930.— № 3.— С. 36.

²⁵ Экономический бюллетень.— 1927.— № 48.— С. 12; Экономический бюллетень.— 1928.— № 3—4.— С. 16.

²⁶ Филиппович К. Советские и китайские школы на КВЖД // Вестник Маньчжурии.— Харбин, 1926.— № 5.— С. 32, 38.

²⁷ В Русско-китайском политехническом институте // Экономический бюллетень.— 1926.— № 43.— С. 5.

¹ Mac Murray. Treaties and agreements with and concerning China.— Washington, 1921.— Vol. 1.— P. 81; Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925).— М., 1927.— С. 105.

² Гримм Э. Д. Указ. соч.— С. 105.

³ Лян Цичао. Ли Хунжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет.— СПб., 1905.— С. XII.

⁴ Документы внешней политики СССР.— М., 1963.— Т. 7.— С. 342. Без каких-либо доказательств О. Е. Непомнин утверждает, что КВЖД строилась на иностранные займы, возмещать которые надлежало китайскому налогоплательщику (Непомнин О. Е. Социально-экономическая история Китая 1894—1914.— М., 1980.— С. 77—78). Столь же произвольно утвержде-

- ²⁸ Экономический бюллетень.— 1928.— № 3—4.— С. 16.
- ²⁹ Курорт «Эхо» // Экономический бюллетень.— 1928.— № 27.— С. 6.
- ³⁰ Бочков Г. Д. Бесплатное санаторно-курортное лечение транспортников КВЖД // Вестник Маньчжурии.— Харбин.— 1927.— № 10.— С. 10.
- ³¹ К. Я. К перевозке рабочих с юга // Экономический бюллетень.— 1925.— № 9.— С. 11.
- ³² Экономический бюллетень.— 1928.— № 16.— С. 10.
- ³³ Там же.— 1927.— № 19.— С. 14; 1928.— № 2.— С. 17.
- ³⁴ Льноводство в Северной Маньчжурии // Экономический бюллетень.— 1926.— № 40.— С. 8.
- ³⁵ Кормазов А. В. Лен в Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии.— 1927.— № 4.— С. 43.
- ³⁶ Работа агрономической организации Земельного Отдела Китайской Восточной железной дороги // Вестник Маньчжурии.— 1928.— № 6.— С. 51, 52.

³⁷ Прокатные пункты сельскохозяйственных машин и орудий // Экономический бюллетень.— 1926.— № 17.— С. 6.

³⁸ Горбун М. Н. Тракторные распахивания целинных земель в районе Китайско-Восточной железной дороги // Экономический бюллетень.— 1929.— № 6.— С. 5.

³⁹ Маракулин В. Ссудные операции на КВЖД // Экономический бюллетень.— 1925.— № 8.— С. 7.

⁴⁰ Экономический бюллетень.— 1925.— № 10.— С. 17; Маракулин В. Ссудные операции на КВЖД // Экономический бюллетень.— 1926.— № 51.— С. 10.

⁴¹ Кормазов В. Хулунбуирское монгольское кооперативное товарищество «Монгол-Наирам» // Экономический бюллетень.— 1926.— № 27—28.— С. 8.

⁴² Китайская Восточная железная дорога в оценке представителей железных дорог Китая, Японии, Кореи и СССР // Экономический бюллетень.— 1929.— № 22.— С. 2.

⁴³ Е Гуйнянь. Хуавэнь Дунте цзюэ.— Б. м.— б. г.— С. 27.

Цай Юаньпэй — борец за демократические свободы

Н. БОРЕВСКАЯ

На изломах эпох, как на разломе земной коры, явственно проступают разноокрашенные слои общества, из недр которого исторгаются фигуры яркие, неординарные. Сколько их было в Китае на рубеже XIX—XX вв. и позже — в 10—20-е годы! Лидеров, уверенных, что только они знают, как освободить страну от чужеземного закабаления, вернуть ей былую мощь, сделать ее сильной, а народ счастливым. Вперед, к капитализму, и мы встанем в ряды современной цивилизации — вот смысл позиции одних. Сохраним нетронутой нашу великую цивилизацию, западная культура и идеология несут лишь разложение — убеждали другие. Как знакомы эти голоса! И все же история доказывает правоту тех, кто черпает из общей сокровищницы мировой цивилизации то лучшее,

то вечное, что движет мир вперед. Только взаимообогащение культур, «кооперация» всех цивилизаций ведут человечество и каждый народ в отдельности к лучшей жизни. И вспомнит он с благодарностью тех своих сынов, которые, подобно пчелам, собирают мед на цветах других цивилизаций, чтобы обогатить свой улей. Таким был Цай Юаньпэй, со дня смерти которого прошло полвека.

Каким сильным должно было быть брожение в китайском обществе, чтобы молодой китаец 1868 г. рождения, легко и успешно продвигавшийся по ступенькам традиционной карьеры (по мере сдачи государственных экзаменов на знание истории и конфуцианских канонов он получал все более высокие чиновничьи звания), вдруг резко изменил свою жизнь. Что подтолкнуло его к такому решительному шагу? Несомненно, основной мотив — провал предложенных либеральной интеллигенцией реформ периода Ста дней 1898 г., разочарование в возможностях реальных перемен в обществе при маньчжурском монархическом правлении. Вероятно, дополнительным толчком послужило чтение переведенной в то время Янь Фу «Эволюции и этики» Т. Гексли.

Эволюционные идеи английского философа всколыхнули умы прогрессивной

Боревская Нина Ефимовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

китайской интеллигенции. Причины неудачи реформ Цай видел в том, что «прежде не воспитали людей реформаторского мышления, мечтали с помощью горстки отнять власть, сломить консерваторов»¹. Чтобы изменить страну нужно поколение по-новому мыслящих людей, а чтобы их воспитать требуется новая система образования — так думал на рубеже веков не один Цай Юаньпэй. Подхватив знамя вынужденных бежать из страны после провала реформ Кан Ювэя, Лян Цичао, казненного Тань Сытуна, он возвращается в родные места в Шаосин и становится инспектором школы, где и начинает свою педагогическую просветительскую деятельность. И начинает ее символически — в учебном заведении нового западного образца, несколько десятков которых появилось в Китае в те годы.

Когда впервые проявился гордый нрав и бескомпромиссность этого удивительного человека? Тогда, когда он пожертвовал выгодной карьерой в Академии Ханьлин, или когда, проработав всего год, ушел из школы в знак протеста против засилья консерваторов, засевавших в попечительском совете? Так или иначе, вся деятельность Цай Юаньпэя отмечена непримиримостью, крайней неуживчивостью с любыми реакционерами и консерваторами, что не давало ему возможности длительно сосуществовать с ними ни на одном посту.

Не более года продержался он преподавателем и в Наньянском колледже в Шанхае, но как воздействовал он на своих учеников, проповедуя идеи демократии, равенства женщин. Недаром его внимательный слушатель тех лет Хуан Яньпэй стал впоследствии выдающимся педагогом-просветителем. Идея «республики в чистом виде» и соответствующая ей республиканская система образования — вот кредо Цай Юаньпэя. Он так и остался демократом-республиканцем по своим убеждениям, не перейдя ни на сторону революционеров, ни в лагерь консерваторов. И это несмотря на то, что его фигуру в разные периоды можно увидеть то рядом с Чжан Бинлинем, поддерживавшим принципы «национализма», но являвшимся противником «демократизма»², то рядом с Сунь Ятсеном, который в 1912 г. специально вызывает его из-за границы, чтобы посоветоваться по вопросу о разрыве с Юань Шикаем, то с Ли Шицзэном и У Юйчжаном (впослед-

ствии коммунистом) — его деятельными друзьями и помощниками в налаживании китайско-французского педагогического сотрудничества. А в Пекинском университете он сотрудничает бок о бок с революционными демократами Лу Синем, Чэнь Дусю, Ху Ши (ревностным проповедником американского прагматизма, который был весьма чужд Цай Юаньпэю).

Остается удивляться бескомпромиссности и энергичности натуры Цай Юаньпэя. Покинув в 1902 г. Наньянскую школу в знак поддержки революционных выступлений учащихся, он вместе с ушедшей из школы молодежью организует и возглавляет Патриотическое научное общество, а специально для девушек — Патриотический женский колледж.

Так бурно начатая общественная деятельность прервалась неожиданно, но надолго. В 1907 г. Цай Юаньпэю представился случай, отказаться от которого было для него немислимо — поехать работать и учиться в Европу. Здесь начинается длительное и продуктивное изучение и впитывание лучшего и передового, что дали европейское Возрождение, Просвещение, Французская революция. Около 15 лет провел в общей сложности Цай Юаньпэй в Европе, на непродолжительное время возвращаясь на Родину, но в эти относительно краткие периоды он пытался впрыснуть в обновляющуюся кровь Китая идеи гуманизма и свободомыслия, которые так высоко ценил.

В библиотеках Лейпцигского университета он вгрызается в труды по философии, литературе, эстетике, психологии, зачитывается Кантом. Нет, в отличие от китайских правителей тех лет не мощь немецкой военной машины вызывает восхищение Цай Юаньпэя, а взлеты немецкого духа. Ведь в этот период в Германии блистали имена таких педагогов-реформаторов, как Кершенштайнер, Наторп, Фёрстер, Будде, Рейн, Гаудиг, с их идеями трудового и эстетического воспитания, педагогики, обращенной к детям.

Как только маньчжурская династия была сброшена, Цай Юаньпэй немедленно возвращается на Родину и после установления в 1912 г. республики активно включается в создание республиканской системы образования. Заняв, опять же менее, чем на год, пост министра просвещения, Цай Юаньпэй оставил след в истории современной китайской педагогики, подготовив, как оценивают его и

спустя 70 лет, «первый в истории китайской педагогики целостный курс буржуазно-демократического образования»³. Он был сформулирован в программных статьях: «Мнение о курсе в образовании», «О новом образовании».

В основе его рассуждений лежало любимое им дуалистическое учение Канта о непознаваемом мире субстанции и познаваемом мире явлений: «Мир явлений — это есть политика, поэтому она и ставит целью сиюминутное счастье, а мир «вещей в себе» — это религия, поэтому она призывает отделиться от радостей сиюминутной жизни»⁴. Иначе говоря, первое — это материальный мир человека, он может быть познан на опыте, а второе — это мир ирреального, мир вне времени и пространства, непознаваемый эмпирически. Отсюда практический вывод о том, что в образовании есть два пласта: один — подчиняющийся политике, другой — возвышающийся над ней. К первому относится военно-спортивная подготовка, утилитарное (практическое) воспитание⁵, гражданское идеологическое воспитание. Вне политики же должны стоять такие виды воспитания, как «мировоззренческое», а вот связующим звеном между ними станет эстетическое воспитание.

Мировоззренческое воспитание — это собственно работа духа, самосовершенствование, постижение вечных гуманистических истин, с помощью которых каждый должен стараться преодолеть пропасть между «я» и людьми, погоню за счастьем — то есть те преграды, которые стоят на пути к познанию «мира вещей». Иными словами, это был призыв не довольствуясь материальными благами, преходящими политическими ценностями, побуждать воспитанников искать вечные истины, гармонию. Подчеркнуть именно эту мысль Цай Юаньпэя представляется очень важным.

Великая заслуга Цай Юаньпэя в том, что он впервые поставил вопрос о замене конфуцианского воспитания эстетическим, рассматривал его как составную часть образования. Роль эстетического воспитания он видел в том, что оно «воспитывает чувства, вырабатывает привычку к возвышенному и чистому, под влиянием чего все эгоистические и недобрые чувства постепенно исчезают»⁶.

Идеи Цай Юаньпэя об эстетическом воспитании развивали положения Кан Ювэя, Лян Цичао, Ван Говэя. Роль эсте-

тического воспитания представлялась Цай Юаньпэю многофункциональной, а именно, помимо содействия нравственному совершенствованию, оно просвещает и политически, ибо побуждает изменять мир к лучшему. Вот почему он писал: «Воспитывая гуманизм, вносишь вклад в науку и искусство»⁷, считая, что художественное воспитание, развивая творческие силы, препятствует механическому подражанию.

В работе «Мнение о новом образовании» он сформулировал давно лелеемую цель школы: «воспитание совершенной человеческой личности». Он создал, что формирование личности означает развитие ее индивидуальности и социальных инстинктов, они взаимооборуются и взаимодействуют — в этом и есть суть нового образования. А политические партии, писал он в 1922 г., «заинтересованы лишь в выработке социальных инстинктов, убивают индивидуальность»⁸.

После свержения монархии Цай Юаньпэя дал фактически новое толкование моральному воспитанию подрастающего поколения, понимая под ним воспитание духа гражданственности.

В результате реформы 1912 г. в Китае по настоянию Цай Юаньпэя в средних школах вместо конфуцианской этики ввели в программы школ курс «граждановедения», задуманный как ознакомление учащихся с политическим, экономическим и правовым положением гражданина в обществе. Курс, естественно, был составлен так, чтобы воспитывать лояльных граждан, тем не менее надо учитывать, что в зависимости от своих взглядов разные китайские педагоги вкладывали в это понятие широкий спектр понятий. Вспомним, что важнейшими компонентами теории «гражданского воспитания» Г. Кершенштайнера, оказавшего немалое влияние на Цай Юаньпэя, были такие качества личности как профессиональные навыки и любовь к труду. По настоянию Цай Юаньпэя «верность императору» как одна из официальных задач системы образования была отвергнута из-за «несовместимости с демократическими принципами». Этот выдающийся педагог-теоретик писал: «Что такое гражданская добродетель? Французская революция продемонстрировала, что это свобода, равенство, братство»⁹.

Изучение европейской культуры XIX в. с ее просветительскими и гуманистическими тенденциями не могло в конце кон-

цов не оказать поддержки в борьбе за гуманизм лучшим представителям китайской интеллигенции — будь то философы, писатели, деятели просвещения. Традиционную китайскую школу нельзя было высвободить из пут схоластики и догматизма, не раскрепостив личность ребенка, а к этому можно было прийти, только обратив социально-политическую и философскую мысль от традиционного воспитания человека как части общины (семьи, государства) — к пробуждению личности. В области китайской педагогики это совершил Цай Юаньпэй. Простудировав в бытность свою в Германии немецкую педагогическую литературу, вдохновившись идеями социалистов-утопистов Оуэна и Фурье, Цай Юаньпэй, в отличие от многих буржуазных либералов в результате поражения Синхайской революции отказавшихся от поисков истины на Западе и ставших рьяными защитниками конфуцианства, предложил фактически европейскую систему всестороннего развития личности.

Цай Юаньпэй, сравнивая методики образования, считал, что разница между новым буржуазным образованием и старым, феодальным, в том, дает ли образование людям возможность свободного развития личности. Старое — сковывает, не учитывает индивидуальности, калечит ее. (Образно он писал: «Как плотник строгает из дерева фигурки зверей и птиц или как дрессировщик обучает плясать зверушек в цирке».) А новое образование учитывает внутреннее развитие личности: познает ее законы и помогает ей развиваться, «учитель, как опытный садовник, сухие растения поливает, слабые поддерживает, замерзшие отогревает, истощенные подкармливает». Поэтому он был против такого образования, которое сковывает индивидуальность. Его девиз звучал так: «Уважать природу, развивать личность», — он особенно ценил эвристические методы обучения, пропагандировал самостоятельность в учебе. Обучить ребенка — это не то же, что наполнять до краев водой сосуд, писал Цай Юаньпэй, главное — возбудить в нем потребность учиться, интерес к учебе.

Программа Цай Юаньпэя органично соединила мечты реформаторов, оплодотворенные передовыми идеями Запада.

Высказывания Цай Юаньпэя прозвучали резко даже в период буржуазно-парламентской «весны» 1912 г., сотрудничество при правительстве Юань Шикая не со-

стоялось. Цай Юаньпэй покидает пост министра и в сентябре уезжает в Германию, а оттуда в Мекку свободомыслящей китайской интеллигенции того времени — Францию, с которой отныне будет связано много лет и деяний Цай Юаньпэя. Создание вместе с Ли Шицзэном, У Юйчаном и другими Общества совмещения работы и учебы, Китайско-французского и Французско-китайского университетов привело к тому, что к 1920 г. во Франции трудилось и обучалось 2 тыс. молодых китайцев, последующий вклад которых в китайскую революцию хорошо известен.

Сразу после смерти Юань Шикая, Цай Юаньпэйю шлют телеграмму во Францию, в которой его уведомляют о назначении ректором Пекинского университета. И снова готовый к преобразованиям Цай Юаньпэй едет на Родину.

Трудно вообразить себе развернувшееся с 1916 г. движение за «новую культуру» без Цай Юаньпэя. Поражает, как сумел он менее, чем за два года, превратить Пекинский университет — это консервативное учебное заведение с преподавателями, сохранившимися еще с дореспубликанских времен, — в светоч вольнолюбивой мысли. 4 мая 1919 г. указавший путь к свободе и независимости страны. Конечно, очень важны его чисто педагогические новации, подготовившие отчасти новую реформу образования 1922 г. — сочетание учебы с научными изысканиями, введение системы баллов и факультативов, демократизация управления (избрание для руководства университетом демократическим путем совещательного комитета из преподавателей), чтение лекций на разговорном языке «байхуа», первый прием в университет девушек. И все же не это, пожалуй, главное. Самое главное — это широта взглядов, терпимость Цай Юаньпэя, вскормленные идеалами Французской революции.

Цай Юаньпэй понимал, что подлинную убежденность не воспитать вдалбливанием одной концепции, изоляцией от иных подходов — при соприкосновении с другими теориями подобная убежденность может не выстоять. Только широкое знакомство с различными теориями, самостоятельно сделанный выбор дают твердую веру. Он считал необходимым представить будущей интеллектуальной элите страны возможность познакомиться с философскими учениями разных направлений, как китайскими так и европейскими, послушать лекции профессоров, придерживающихся

различных политических взглядов. Он пригласил на работу в университет Лу Синя, Чэнь Дусю и Ли Дачжао, Цянь Сюаньтуна, Ли Сыгуана, Ху Ши, с 1919 по 1921 г. лекции в университете читал сам Дьюи. Цай Юаньпэй подчеркивал, что «свобода научной работы — это общий принцип свободы мысли, а что касается вузов, то это самое важное»¹⁰.

Однако противодействие и давление со стороны правительства были столь сильны, что с середины 1920 по 1927 г. Цай Юаньпэй почти все время вынужден был находиться вне пределов Родины. Он еще раз пытается воплотить свою постоянную мечту о свободе, на сей раз добиваясь независимости образования. В 1922 г. он возглавляет движение за «независимость образования», пишет его декларацию. Путь к достижению административной, финансовой независимости, свободы педагогической мысли Цай Юаньпэй видел в создании по примеру Франции независимых от правительства университетских округов. Он пытался осуществить эту идею, войдя в 1927 г. ненадолго в созданное Гоминьданом Нанкинское правительство. Нежизненность этой попытки стала очевидной очень скоро, и с 1928 г. Цай Юаньпэй возглавляет Центральную академию Китая, руководит научными исследованиями в стране. С 1931 г. он организует и направляет патриотическую деятельность по отпору японской агрессии, а после начала войны с Японией в 1937 г. уезжает в Гонконг, где после продолжительной болезни умирает в марте 1940 г.

Цай Юаньпэй в свое время писал: «Чтобы культура каждого народа внесла свой вклад в мировую цивилизацию, нужны два условия: собственная культура должна быть основой, а заимствования других культур должны питать ее»¹¹.

Великолепный знаток мировой культуры Цай Юаньпэй пополнил духовную сокровищницу своей страны не только конкретными философскими («Историей китайской этики», в частности) и педагогическими трудами, но и тем, что будил в китайском народе дух свободы и гуманизма.

Чжоу Эньлай хорошо сказал о нем: «Со времени свержения маньчжуров и до

начала войны с Японией все стремления Учителя были связаны с демократической революцией, с движения 4 мая до Лиги прав человека все действия Учителя были посвящены демократическим свободам»¹².

¹ Биографии китайских педагогов нового и новейшего времени.— Пекин, 1987.— С. 128 (на кит. яз.).

² В 1902 г. они вместе с группой единомышленников организуют революционное по духу Китайское педагогическое общество, а в 1904 г. Цай Юаньпэй вместе с Чжан Бинлинем и Тао Чэнчжаном возглавляет Союз освобождения, который уже в следующем году входит в Китайскую революционную лигу, возглавляемую Сунь Ятсеном, а Цай Юаньпэй становится ответственным секретарем Шанхайского отделения.

³ Биографии китайских педагогов...— С. 133.

⁴ Избранные статьи Цай Юаньпэя по эстетике.— Пекин, 1983.— С. 3 (на кит. яз.).

⁵ В практическое образование Цай Юаньпэй включил не только усвоение общеобразовательных знаний, но и определенную профессиональную подготовку. С одной стороны, Цай Юаньпэй был одним из первых, кто не только предложил курс практических знаний в школах, но и содействовал претворению его в жизнь (основы земледелия и коммерции вошли в программы средних школ согласно реформе 1912 г.; в дальнейшем он вместе с Хуан Яньпэем содействовал созданию Китайского общества профессионального образования). В то же время, в отличие от восторженных почитателей прагматизма, Цай Юаньпэй предупреждал о необходимости создавать профессиональное образование только на базе общеобразовательного, был противником разделения на естественный и гуманитарный циклы в школах, стойко отстаивал значимость теории.

⁶ Биография китайских педагогов...— С. 69.

⁷ Жэньминь цзяоюй.— 1987.— № 9.— С. 68.

⁸ Биографии китайских педагогов...— С. 143.

⁹ Избранные статьи Цай Юаньпэя по эстетике.— С. 2.

¹⁰ Биографии китайских педагогов...— С. 138.

¹¹ Там же.— С. 136.

¹² История современного образования в Китае.— Пекин, 1985.— С. 77 (на кит. яз.).

ПЕРЕД ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЕЗДКОЙ

И одна фраза поможет понять друг друга...

Редакция журнала открывает новую рубрику — «Перед зарубежной поездкой». В ней мы намерены публиковать материалы лингво-страноведческого характера, которые облегчили бы советским гражданам, выезжающим в Китай, Японию и другие страны региона, общение с местными жителями. Хозяева, как правило, снисходительно относятся к тому, что гости не знают местных обычаев. Но отношение к иностранцу меняется, если он покажет свои знания и проявит уважительное отношение к традициям народа. Подчас одно слово «здравствуйте» или другое приветствие, произнесенное на языке собеседника, создает атмосферу доверия в разговоре.

Редакция будет очень признательна, если наши читатели выскажут в письмах свои пожелания по форме и содержанию материалов этой рубрики. Для нас также очень важно получить конкретные личные примеры из практики зарубежных поездок — какие возникли затруднения, курьезные случаи — и советы как их избежать.

* * *

С. НЕВЕРОВ

«С чего начать», — задумался я, дав согласие вести раздел Японии в рубрике «Перед зарубежной поездкой». Япония и японцы сейчас, как говорится, на слуху. И это понятно. Достижения Японии в послевоенный период в экономике, социальной жизни и на международной арене, высококачественная продукция японской промышленности, завоевавшая рынки мира, в еще большей степени, чем прежде, способствовали популярности Японии и стремлению расширить свои познания о ней как в нашей стране, так и во всем мире.

Возрос поток наших соотечественников, направляющихся в Японию на основе деловых и торговых связей, культурного и научного обмена, в качестве туристов. С большим интересом они знакомятся с искусством приезжающих к нам японских художественных коллективов — театра Кабуки, театра кукол, фольклорных ансамблей, с выставками японского искусства. Вниманием москвичей и гостей столицы пользовалась даже проходившая несколько лет тому назад в Государственном музее искусств народов Востока выставка японской иероглифической каллиграфии.

Связи нашей страны с Японией имеют длительную историю. Они восходят к концу XVII и началу XVIII в. когда русские неоднократно оказывали помощь японским мореплавателям, терпевшим кораблекрушения у берегов Камчатки, Курильских и Алеутских островов, снабжали их продуктами, одеждой, давали приют. Один из этих моряков по имени Дэмбэй был доставлен в Москву и в 1702 г. принят Петром I. Тогда же началось и знакомство русских с японским языком. В 1705 г. по указанию Петра I при Петербургской мореходной математической школе была основана первая в России школа японского языка. Первым учителем в ней стал упомянутый Дэмбэй. В те же времена при аналогичных обстоятельствах попадали в Россию и привлекались для обучения русских японскому языку и другие соотечественники Дэмбэя.

Последующая история взаимоотношений нашей страны с Японией на протяжении столетий развивалась по разному. Были в ней и трудные времена, но взаимный интерес оставался неизменен. Начавшееся при Петре I изучение японского языка и Японии успешно развивалось с присущими русской науке глубиной и основательностью. Отечественное

японоведение связано с именами таких всемирно известных ученых, как И. Д. Касаткин (архиепископ Николай Японский), И. А. Гошкевич, Д. А. Позднеев, Е. Д. Поливанов, Н. А. Невский, Н. И. Конрад, К. М. Попов, и пользуется заслуженным авторитетом в мировом японоведении и востоковедении.

С другой стороны, и Япония в разные времена по разным причинам неизменно стремилась к расширению своих знаний о России и русских. Это стремление органично связано с японским национальным характером и традициями японской культуры, для которых во все времена характерными были, с одной стороны, приверженность законам предков и древним традициям, а с другой — активность в восприятии нового. Японская культура обладает особенным свойством очень быстро схватывать культурные достижения и научные знания других народов, в первую очередь, как свидетельствует история, своих ближайших соседей, и вводить их в свой обиход с последующим преобразованием. Японцам присуще особое искусство отобрать в других культурах то, что представляет для них интерес на каждом конкретном этапе исторического развития. Так было с заимствованием буддизма и достижений Кореи и Китая начиная с III в., так было с заимствованиями из стран Европы в конце XIX в. так обстоит дело и сейчас.

Все заимствованное японцы осмыслиют и используют по-своему, стремясь максимально усовершенствовать. В этом они следуют древнему изречению «Гарю: — тэнсэй» — «Нарисовав дракона, не забудь поставить последнюю точку в его зрачок». Оно родилось из китайской легенды о том, что некий художник должен был нарисовать на стене императорского дворца устрашающую картину дракона, но это ему никак не удавалось — дракон не выглядел страшным. И только, когда в момент творческого вдохновения художник поставил маленькую, но столь необходимую точку в глазу дракона, картина внезапно заиграла всеми красками, и цель была достигнута.

Эту точку японцы со свойственными им трудолюбием и отмеченными многими исследователями аккуратностью, расчетливостью, привычкой к кропотливому труду ставят на всех заимствованиях — от духовных ценностей до закупленных за границей патентов и технологий. Есть все основания считать, что эта черта характера японцев в немалой степени обусловила и нынешнее экономическое процветание Японии.

Активность и возможности Японии в изучении других стран и деятельность японцев в разных странах мира отчетливо видны из следующего статистического сопоставления. В 1987 г. количество японцев, посетивших разные страны мира и соответственно количество приезжавших из этих стран в Японию было следующим:

Страна	Число выезжавших в нее японцев	Число посетивших Японию из данной страны
США	2 128 481	550 261
Южная Корея	893 596	216 355
Франция	611 796	37 185
ФРГ	588 615	53 543
Италия	384 837	20 880
Швейцария	369 130	15 841
Канада	311 448	58 286
Великобритания	297 200	148 302
Австралия	215 562	42 891
Индия	46 355	27 442
СССР	—	9 496

Как видно, число путешествующих по разным странам японцев в 3—4, а в иных случаях и более, чем в 10 раз больше посетителей Японии из других стран, что, помимо всего прочего, лишний раз подчеркивает экономические возможности и достижения Японии.

Конечно, наш обмен людьми с Японией еще очень мал, но он быстро растет. Не случайно в русском языке привычными становятся не только такие японские слова, как *кимоно*, *самурай*, *гейша*, но и *Кабуки*, *каратэ*, *дзюдо*, *айкидо*, *бонсай*, *икэбана* и даже вошедший теперь уже и в мировую социологию термин «*нэмаваси*» (букв.— «обкапывание корней») — спе-

цифически японский способ принятия решений в управлении производством, в социальной и политической жизни. Он заимствован из японского искусства садоводства, где издревле, чтобы безболезненно пересадить дерево, сначала вырывают вокруг него канавку, обрезают мелкие корни, и оставляли так на некоторое время. А когда дерево привыкало к экстремальным условиям, переносили на новую почву, где оно быстро приживалось.

Подобно этому прежде, чем принять какое-то решение, его подробнейшим образом обсуждают в каждом подразделении, например какого-либо предприятия — в транспортном, финансовом, производственном, торговом, рекламном и т. д. отделах, ставя перед каждым отделом соответствующую задачу. И только завершив полный круг, получив исчерпывающий ответ о возможностях каждого подразделения, принимают решение, например, о производстве нового вида продукции или о принятии нового постановления, указа, правила и т. д., если речь идет о социальной жизни. К этому времени каждое подразделение уже четко представляет свою задачу и возможности, и проблема в целом решается быстро и эффективно.

Нужно сказать, что с этой аккуратностью, стремлением к точности, высокой ответственностью связано и отношение японца к слову. Многие европейцы и американцы сетуют на то, что, например, в деловых переговорах от японца очень трудно добиться определенного ответа. С неизменной «японской» улыбкой он слушает собеседника, кивает головой и говорит «хай» — «да». Но это «да» на деле означает лишь то, что японец воспринял и понял информацию собеседника, а отнюдь не означает согласия, как обычно понимают это представители другой культуры, что часто служит источником недоразумений.

Учитывая свидетельства многих японских и зарубежных исследователей японской истории, культуры, литературы, есть основания считать, что японской культуре общения исторически свойственно особо ответственное отношение к слову. Слово произносилось и давалось с трудом, но будучи дано, выполнялось неукоснительно. Невыполнение данного слова строго осуждалось и могло привести к ритуальному самоубийству — *сэппуку*, более известному в европейской литературе как *харакори*. Слово не должно бросаться на ветер. Особое бережное отношение к нему и немногословность японцев в общении отражены в излюбленных в Японии изречениях: «*Фугэн-дзикко*» — «Не слова, а дела»; «*Исин-дэнсин*» — «Чувствовать душой», «Передавать душой», то есть интуитивно понимать то, что подразумевается собеседником и не выражено в словах. Лаконичность выражения возводится в ранг искусства, ярко проявляясь в емких и выразительных японских стихах «*вака*», размером 5—7—5—7—7 слогов и еще более кратких «*хайку*» (5—7—5 слогов), довольно широко известных по переводам на русский язык и ценимыми нашими любителями поэзии. «Многоречивость не в характере нашего народа» — замечает известный японский писатель Танидзаки Дзюнъитиро. Эту же мысль подтверждают и многие японские и зарубежные филологи.

Японскому национальному характеру и национальной культуре свойственны и другие, зачастую удивляющие европейцев черты. С некоторой долей преувеличения можно сказать, что японцу свойственно особое, по сравнению с европейским, видение мира. Привычные нам предметы и явления японец часто видит под другим углом, раскрывая подчас неожиданные для нас их грани и поражая оригинальностью выражения мысли.

Это хорошо видно на примере японских пословиц и поговорок, выражающих обычные широко известные и привычные и другим народам мира ситуации.

Вот некоторые из них: в том случае, когда русский говорит «Тише едешь, дальше будешь», японец говорит «*Исогаба маварэ*» (букв.: «Если спешишь, поезжай в объезд»).

Всяк кулик свое болото хвалит — *Сумэба мияко* (букв.: Где живешь там и столица).

У семи нянек дитя без глаза — *Сэндо: ооку-ситэ фунэ яма-ни нобору* (букв.: Если кормчих много, судно окажется на суше).

Плясать под чью-либо дудку — *О-сакибо: о кацугу* (букв.: Нести на своих плечах чей-либо паланкин).

Яблоко от яблони недалеко падает — *Киэру-но ко-ва каэру* (букв.: Головастик все равно лягушка).

Метать бисер перед свиньями — *Ума-но мими-ни нэмбуцу* (букв.: Буддийская сутра в ухо лошади).

Как с гуся вода — *Каэру-но цура-ни мидзу* (букв.: Вода на лягушку).

Как снег на голову — *Нэмими-ни мидзу* (букв.: Вода в ухо снящему).

Как две капли воды — *Ури фугацу* (букв.: Как две дыни).

Взялся за гуж, не говори, что не дюж — *Норикакагга фунэ* (букв.: Если сел в лодку, надо отчаливать).

Примеры эти в какой-то степени демонстрируют свою систему ценностей, приоритетов и реалий, свойственных миру японца и связанных с самобытной культурой и историей Японии, со свойственными японцам, как они сами говорят, особыми чертами характера «изолированного островного государства» — «*симагуни кандзэ:*».

Все это, конечно, отражено и в языке и создает довольно устойчивое мнение, своего рода миф о его трудности. Такой взгляд на японский язык усугубляется и наличием иероглифики в японском письме, и довольно сложной системой японского письма в целом, где наряду с иероглифами, используется и слоговая азбука одновременно в двух вариантах начертания.

Тем не менее, японский язык, разумеется, вполне доступен для изучения, как и всякий другой язык, а некоторая сложность образов, способов выражения мысли и письма компенсируется сравнительно простой и ясной грамматической системой, простотой фонетики и орфоэпии. Повседневное же деловое общение с представителями других стран, если оно происходит на японском языке, по своим способам выражения и этикета в современной Японии, можно сказать, в значительной мере европеизировано и серьезных затруднений не представляет. Таким образом, все изложенное выше следует просто принять во внимание для некоторого общего представления о национально-культурных особенностях и характере японцев.

Данная и последующие публикации под этой рубрикой ставят сугубо практические цели — помочь нашим соотечественникам, оказавшимся в Японии, в их общении с японцами и исходит из того, что даже минимальное знание обычаев страны и несколько простейших фраз могут создать благоприятную почву и формируют общий тон контактов и взаимопонимания. Поэтому, не боясь и не преувеличивая трудностей, смело вперед к познанию Японии и японского языка, памятуя, что и одна уместно произнесенная фраза может растопить лед недоверия и расположить к вам собеседника.

При таком сугубо утилитарном подходе, разумеется, нет речи о глубоком и серьезном изучении японского языка, хотя это не исключается в дальнейшем для тех, кто поставит перед собой такую цель. Тем не менее некоторых сведений по фонетике, особенностей произношения, письма и простейших правил синтаксиса коснуться необходимо.

Звуковой состав японского языка в письме передается знаками японской слоговой азбуки, которая существует в двух шрифтовых вариантах — округлом, более приспособленном для рукописи (это «*хирагана*», знаки которой возникли из скорописных начертаний иероглифов) и угловатом (это «*катакана*», знаки которой представляют собой части иероглифов). Обе разновидности японской азбуки были созданы путем графического сокращения и преобразования китайских иероглифов в знаки алфавита. Что же касается самих иероглифов, то это такие знаки, которые обозначают не отдельный звук, а сочетание звуков, имеющее какое-либо значение. Чаще всего иероглиф обозначает либо целое слово, либо один из компонентов сложного слова. В современном японском тексте главными видами письменных знаков являются знаки слоговой азбуки хираганы и иероглифы. Реже используются знаки катаканы.

Данная публикация не ставит целью изучение японского письма и потому все японские тексты будут даваться в русской транскрипции. Тем не менее приводим для справки обе азбуки.

Традиционно в Японии алфавит называется «*годзюон*» — «пятьдесят знаков» (фактически их было 51), но в 1946 г. некоторые омофонные знаки (типа русских «ять» и «е») были исключены, и теперь азбука содержит 46 знаков.

Звуковой состав японского языка в русской транскрипции может быть представлен в виде таблицы (См. стр. 212).

Как уже упоминалось, японская азбука слоговая, 8 слогообразующих гласных и 7 согласных. Гласные употребляются и самостоятельно, а согласные только в паре с гласной, образуя соответствующие ряды (исключение сонорный «Н»). Слоги с начальными согласными «Н», «М», «Р» не имеют вариантов, а с «К», «С», «Т», «Х» образуют параллельные ряды-варианты с соответствующим начальным звонким согласным: «ГА», «ДЗА», «ДА», «БА». Последний ряд с «Х» образует и третий вариант с начальным «П». Для удобства

И одна фраза поможет понять друг друга...

あ а	か ка	さ са	た та	な на	は ха	ま ма	や я	ら ра	わ ва	ん н
い и	き ки	し си	ち ти	に ни	ひ хи	み ми		り ри		
う у	く ку	す су	つ цу	ぬ ну	ふ фу	む му	ゆ ю	る ру		
え э	け кэ	せ сэ	て тэ	ね нэ	へ хэ	め мэ		れ рэ		
お о	こ ко	そ со	と то	の но	ほ хо	も мо	よ ё	ろ ро	を о	

ア а	カ ка	サ са	タ та	ナ на	ハ ха	マ ма	ヤ я	ラ ра	ワ ва	ン н
イ и	キ ки	シ си	チ ти	ニ ни	ヒ хи	ミ ми		リ ри		
ウ у	ク ку	ス су	ツ цу	ヌ ну	フ фу	ム му	ユ ю	ル ру		
エ э	ケ кэ	セ сэ	テ тэ	ネ нэ	ヘ хэ	メ мэ		レ рэ		
オ о	コ ко	ソ со	ト то	ノ но	ホ хо	モ мо	ヨ ё	ロ ро	ヲ о	

слоги сведены нами в таблицу, где по горизонтали приведены гласные, а по вертикали согласные, а на пересечении строк и вертикальных колонок даны образуемые слоги. Жирной рамкой обведены те из них, которые имеют при написании один знак или знак с добавлением диакритического знака, обозначающего слог с начальным звонким согласным (знак "ё") или с начальным «П» (знак "п"). Слоги вне рамки пишутся двумя знаками, причем второй знак пишется несколько меньшего размера.

Таблица приведена для того, чтобы легче было ориентироваться в звучании японской речи. Не удивляйтесь, что в таблице есть два «О». Написание в оригинале у них разное, а звучание одинаковое.

	К		С		Т		Х			М	Р
	основной ряд	ряд с нач. звонким	основной ряд	ряд с нач. звонким	основной ряд	ряд с нач. звонким	основной ряд	ряд с нач. звонким	ряд с нач. "П"	основной ряд	основной ряд
А	КА	ГА	СА	ДА	ТА	ДА	НА	БА	ПА	МА	РА
И	КИ	ГИ	СИ	ДИ	ТИ	ДИ	НИ	БИ	ПИ	МИ	РИ
У	КУ	ГУ	СУ	ДУ	ТУ	ДУ	НУ	БУ	ПУ	МУ	РУ
Э	КЭ	ГЭ	СЭ	ДЭ	ТЭ	ДЭ	НЭ	БЭ	ПЭ	МЭ	РЭ
О	КО	ГО	СО	ДО	ТО	ДО	НО	БО	ПО	МО	РО
Я	КЯ	ГЯ	СЯ	ДЯ	ТЯ	ДЯ	НЯ	БЯ	ПЯ	МЯ	РЯ
Ю	КЮ	ГЮ	СЮ	ДЮ	ТЮ	ДЮ	НЮ	БЮ	ПЮ	МЮ	РЮ
Ё	КЁ	ГЁ	СЁ	ДЁ	ТЁ	ДЁ	НЁ	БЁ	ПЁ	МЁ	РЁ
	ВА										
	О										
	Н										

Важно помнить, что японский язык требует очень четкого произношения гласных. Особенно строго нужно следить за произношением долгих гласных. Мы будем обозначать в транскрипции долготу гласных двоеточием справа. Например, «КО:» следует произносить «коо».

Примечание 1. Озвончение согласного «С» сопровождается его аффрикатизацией — возникает звонкий согласный «ДЗ». Помните, что двумя буквами здесь обозначается один звук.

Примечание 2. Озвончение начального согласного ряда «Т» дает слоги «ДА», «ДЗИ» (а не «ДИ»!), «ДЗУ» (а не «ДУ»!), «ДЭ», «ДО». Слоги «ДЗИ» и «ДЗУ» произносятся так же, как озвонченные слоги «СИ» и «СУ».

Примечание 3. При произношении японских слов в русской транскрипции следует иметь в виду, что японское ударение (так называемое музыкальное) по своей природе отличается от русского. Для облегчения задачи освоения его в японских словах в транскрипции представляется знак ударения, обычно принятый в русском тексте, но нужно помнить, что обозначенный им ударный слог не следует произносить энергично, как в русском, а значительно мягче. Он должен лишь чуть выделяться среди окружающих его безударных слогов.

Коротко о построении высказывания в японском языке. Есть три основные правила японского синтаксиса:

1. Подлежащее предшествует сказуемому, которое занимает место в конце предложения.

2. Определение (в частности и придаточное определительное предложение) предшествует определяемому.

3. Дополнения и обстоятельства предшествуют сказуемому. Таким образом, например, русское предложение: «Недавно я посмотрел фильм о жизни японских рыбаков, который был снят в Японии в прошлом году» согласно японскому порядку слов приняло бы следующий вид: «Я недавно снятый (в) прошлом году в Японии японских рыбаков жизнь о фильм посмотрел».

Каждому начинающему изучать язык хочется сразу почувствовать его звучание. Вот несколько фраз для разговора о знании и изучении языков:

Жаль, что я не знаю японского языка	<i>Ватакуси-ва нихонго-га дэкинакутэ дзаннын дэс</i>
Говорите ли вы ...?	<i>Аната-ва ...-о о-ханаси-ни нари-мас ка</i>
по-английски	<i>эйго</i>
по-французски	<i>фурансуго</i>
по-немецки	<i>доицуго</i>
Да, немного говорю	<i>Ээ, сукоси ханасимас</i>
Нет, не говорю	<i>Иизэ, ханасэмасэн</i>
Я изучаю японский язык	<i>Ватакуси-ва нихонго-о бэнкё:-ситэ имас</i>
Я плохо говорю по-японски	<i>Нихонго-га ёку ханасэмасэн</i>
Я делаю ошибки в произношении	<i>Ватакуси-ва хацуон-о ёку мати-гаэмас</i>
Как это называется по-японски?	<i>Корэ-ва нихонго-дэ нан то имас ка</i>
Я не знаю этого слова	<i>Коно танго-га вакаримасэн</i>
Что он сказал (она сказала)?	<i>Карэ (каноэдзё)-ва нан то игта но дэс ка</i>
Вы меня понимаете?	<i>Ватакуси-но иу кого-га о-вакарини наримас ка</i>
Я не понимаю	<i>Иизэ, вакаримасэн</i>
Повторите, пожалуйста	<i>Мо: итидо иттэ кудасай</i>
Говорите, пожалуйста. медленнее	<i>Мо: сукоси юккуру иттэ кудасай</i>
Пригласите, пожалуйста, переводчика	<i>Цу: яку-сан-о ёндэ кудасай</i>

(Продолжение следует)

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Из истории тайных союзов

Цай Шаоцин. История тайных союзов Китая в новое время — Чжунго цзиньдай хуэйданши яньцзю.— Пекин, 1987.— 459 с. (кит. яз.)

Изучение тайных обществ в Китае, да и во всем мире насчитывает не одно десятилетие. За это время накоплена богатая литература, высказано немало точек зрения по основным проблемам истории этих организаций. Наибольшее внимание исследователи уделяли тайным обществам типа «хуэйдан» (тайным союзам), которые отличались от другого типа тайных обществ — религиозных сект (цзяомэнь) — основным назначением, организационной структурой, идеологией, характером взаимоотношений между членами, содержанием и формами повседневной деятельности. Именно хуэйданы в период новой истории Китая оказались наиболее многочисленными и социально активными, а на предсиньхайский период приходится «пик» их политической активности.

За последние годы в изучении тайных союзов в КНР намечились как количественные, так и качественные сдвиги. Расширился круг исследователей, объединенных ныне во «Всекитайское общество изучения тайных союзов», существенно увеличилось количество публикаций, увеличилось число обсуждаемых проблем. Весьма важным качественным сдвигом является расширение источниковой базы исследований в результате введения в научный оборот материалов центральных и местных архивов. Возрос удельный вес конкретно-исторических работ регионального характера, ибо в центре внимания историков оказались наиболее известные союзы отдельных провинций.

Изменился и сам подход к объекту исследования. Если прежде тайные общества рассматривались главным образом как особая социальная сила массовой народной оппозиции, как участники политических движений периода Синьхайской революции, то в настоящее время китайские историки считают их важным компонентом социально-политической структуры китайского общества, специфическим явлением общественно-политической жизни последнего.

Подобный подход повлек за собой расширение проблематики исследований за счет включения в нее таких вопросов, как типология союзов, социальные причины их появления и количественного роста, как эволюция хуэйданов в новое время и их историческая судьба в новейшее.

Крупным достижением историографии КНР является уточнение и пересмотр некоторых концепций конца 50-х — начала 60-х годов, по которым в те годы велась острая и бурная дискуссия. Это касается проблем характера и назначения союзов, социального состава и роли в общественно-политической жизни страны.

Уровень разработки всего комплекса проблем тайных союзов, последние достижения китайской историографии в этой области наиболее полно отразились в рецензируемой книге, которая является результатом многолетней работы ее автора. Цай Шаоцин не только использовал широкий круг источников, прежде всего архивные материалы, но и учел многие концепции и взгляды своих коллег, высказав при этом, что особенно важно, собственное мнение по спорным вопросам.

Учитывая многообразие суждений о самом понятии «тайное общество», о правомерности включения в него тех или иных неформальных организаций, Цай Шаоцин предложил свое толкование. К тайным обществам он относит лишь те организации, которые «занимались либо религиозной, либо социальной, либо политической деятельностью, имели тайные цели и засекреченные ритуалы, находились в оппозиции к правительству» (с. 2).

Данная точка зрения отчасти корреспондируется с известной в литературе концепцией деления тайных обществ на две крупные системы — тайные союзы и религиозные секты¹. Отмечая организационные и идеологические различия между ними, несхожесть социальных составов², Цай Шаоцин вместе с тем не исключает смешанности в ряде случаев основных характеристик, отмечает отсутствие четких граней между этими двумя системами, а также наличие процесса взаимного влияния и воздействия друг на друга, что порождает эволюционные изменения, то есть превращения одного типа организаций в другой. Поэтому автор с некоторой долей сомнения относится к концепции деления тайных обществ на две резко обособленные системы, полагая, что данный вопрос нуждается в более тщательной и всесторонней проработке.

В постановке и решении проблемы типологии тайных союзов, а именно одной из систем, Цай Шаоцин более категоричен. В выдвинутой им концепции деления хуэйданов на две крупные группы — сельские и городские — за основу классификации, как это явствует из самих названий, взят критерий территориальности. Исходя из места распро-

странения и деятельности союзов, он показывает различия в социальном составе, организационной структуре и социальных функциях сельских и городских организаций.

Согласно концепции автора книги, сельские хуэйданов состояли из разорившихся крестьян и иных деревенских люмпенов (с. 22), а городские — из перебравшихся в город тех же разорившихся крестьян, люмпенов, наемных работников, мелких торговцев (лоточников, разносчиков), транспортников (лодочников, моряков, портовых рабочих и т. д.), а также солдат расформированных правительственных войск (с. 14).

Водоразделом между сельскими и городскими союзами, по мнению Цай Шаоцина, являлись также отличительные особенности их социальных функций. Так, в деревне главным в деятельности тайных союзов было обеспечение своих членов продовольствием, что достигалось путем изъятия последнего различными способами (в том числе и насильственными) у богачей. Источником существования сельских хуэйданов была и разного рода противозаконная деятельность — контрабанда, мошенничество, воровство, азартные игры и т. д. Городские союзы ко всему этому занимались еще и трудоустройством своих членов.

Отмеченные Цай Шаоцином различия, на наш взгляд, не носят сущностного характера, а отражают лишь конкретные формы и виды самозащитных функций хуэйданов. И в городе, и в деревне союзы объединяли социально незащищенные и обездоленные слои и группы населения, их основная функция заключалась в организации для своих членов различных видов помощи с целью физического выживания.

Основываясь на различиях в социальном составе и функциях, автор книги выявляет у городских хуэйданов по сравнению с сельскими особые черты, а именно наличие более разветвленной системы организации (существование филиалов в различных районах страны), более сложной системы секретности (тайный язык и другие формы паролей), а также делает вывод о более паразитическом характере городских организаций, об их реакционности (с. 28). Эти особенности, как нам представляется, связаны не столько с типологией союзов, сколько с их эволюцией, особенно на рубеже XIX—XX вв.

Разработанная Цай Шаоцином типология союзов не согласуется с мнением большинства китайских ученых о принадлежности хуэйданов к городским организациям, которые действовали на территории административных и торговых центров, портов, пристаней, а также прилегающих к ним деревень.

В целом же ввиду неразработанности проблемы типологии в мировой литературе сама ее постановка является большой заслугой автора книги, а ее решение, несмотря на некоторые вызывающие сомнения положения, достойна внимания. С нашей точки

зрения, данная проблема нуждается в дальнейшей разработке.

Несомненным достоинством книги является также рассмотрение вопроса характера тайных союзов, который Цай Шаоцин крайне логично связал с проблемой происхождения двух крупнейших организаций — «Союза Неба и Земли» («Тяньдихуэй») и «Общества Старшего брата» («Гэлаохуэй»).

О конкретном историческом периоде создания этих организаций среди китайских исследователей всегда существовали и ныне существуют различные точки зрения. Традиционная концепция создания «Тяньдихуэй» и «Гэлаохуэй» во второй половине XVII в., то есть в период активного сопротивления китайского народа династии Цин, весьма убедительно опровергается Цай Шаоцином. Ссылаясь на архивные материалы, автор монографии доказывает, что первая из названных организаций появилась во второй половине XVIII в., а вторая — в начале XIX в., когда антицинская оппозиция уже распалась, а политика первых маньчжурских императоров привела к политической стабильности общества. Вопрос о свержении цинской династии и восстановлении минской уже не стоял. Отсюда делается вывод, что возникшие в это время тайные общества изначально не были антиманьчжурскими.

Причину создания этих организаций и их дальнейший количественный рост автор видит в обострении не национальных (маньчжурокитайских), а социальных противоречий. Последние являлись следствием двух причин — демографического взрыва и концентрации земель в руках крупных землевладельцев. Именно эти причины повлекли за собой разорение крестьян, нехватку продовольствия, рост люмпенского слоя, миграцию больших масс населения. Выбитые из прежних производственных, земляческих, родственных связей разорившиеся труженики стремились восполнить их путем создания организаций взаимопомощи и социальной защиты. Такими организациями и становились тайные союзы.

В своей комплексной и обобщающей работе Цай Шаоцин, естественно, не мог игнорировать проблему роли тайных союзов в новой истории Китая. И хотя это относительно изученная в литературе проблема, автор внес свой вклад в ее дальнейшую разработку.

В исторических трудах содержится немало свидетельств активного участия хуэйданов в массовой стихийной борьбе, в революционном движении, в Синьхайской революции. Цай Шаоцин не только выявил дополнительные факты этого участия, но и дал им свою интерпретацию. Прежде всего заслуживают внимания оценки автора, касающиеся форм участия хуэйданов в восстании «Армии независимости» 1900 г. под руководством Тан Цайчана.

Прежнее негативное отношение большинства китайских историков к сотрудничеству тайных союзов с реформаторами сменилось

позитивным. Более того, Цай Шаоцин считает, что участие тайных союзов в восстании Тан Цайчана явилось прологом их последующей совместной с революционерами борьбы против династии (с. 263). Именно в период подготовки восстания, как показано в книге, сложились конкретные формы связей оппозиционной Цинам китайской интеллигенции с низами общества.

Автор подчеркивает, что формы и методы сотрудничества с хуэйданами и у реформаторов, и у революционеров были идентичными. Это относится к способам привлечения членов тайных союзов к совместной борьбе¹, к методам объединения разобщенных мелких организаций путем создания на их основе новых², к попыткам изменения традиционных целей и лозунгов хуэйданов³. В результате Тан Цайчану удалось собрать значительное число членов тайных союзов для участия в восстании. Основная, боеспособная часть «Армии независимости», по мнению автора книги, состояла из хуэйданов (с. 281).

Сотрудничество реформаторов с тайными союзами, как показывает Цай Шаоцин, отличалось теми же слабостями и недостатками, которые были свойственны союзу революционеров с хуэйданами накануне и в период Синьхайской революции. Эти слабости заключались в контактах исключительно с руководящей верхушкой союзов, в стремлении использовать боевую силу хуэйданов, в невозможности преодолеть организационную разобщенность последних, в частичном несопадении целей и лозунгов борьбы⁴.

Важной составной частью проблемы исторической роли хуэйданов, их влияния на социально-политические процессы в стране является уточнение соотношения позитивных и негативных аспектов их деятельности. До недавнего времени историки КНР акцентировали внимание на первом из них. Работа Цай Шаоцина в значительной мере ликвидирует данный перекоз, притом, что особенно важно, позитивное и негативное дано во взаимобусловленности и взаимопереплетении. Скажем, инициаторскую, мобилизующую, а во многих случаях и руководящую роль тайных союзов в массовых движениях автор книги объясняет социально-психологическими особенностями их членов. Оторванность от производственной деятельности, мобильность, разрыв связей с официальным обществом, враждебность по отношению к нему порождали ту относительную «легкость», с которой члены союзов сами втягивались в массовые движения и побуждали народ к активным действиям. Они становились инициаторами, пропандистами и руководителями выступлений. «Возбуждали и подстрекали народ», — писали чиновники. Однако те же самые свойства хуэйданов, отягощенные противоречивостью и двойственностью их моральных принципов (помощь и поддержка своих членов, агрессивность ко всем остальным), порождали, особенно

во время восстаний, слепую ненависть, разрушительность и жестокость по отношению к мирному населению.

Проблема исторической роли хуэйданов, особенно в периоды обострения социально-экономических и политических кризисов, тесно связана с проблемой их эволюции. В мировой историографии господствует мнение, согласно которому развитие тайных союзов до Синьхайской революции шло как бы «по восходящей». Хуэйданы набирали силу, постепенно политизировались, участвовали в свержении династии. Поэтому в целом в их деятельности преобладали позитивные моменты. После же 1911 г. начался процесс деградации союзов, превращения их в откровенно бандитские и мафиозные организации.

Эту несколько упрощенную периодизацию Цай Шаоцин заменяет более детальной и разработанной. Эволюцию хуэйданов он показывает на протяжении всего периода новой истории, начиная с момента их возникновения. Предложенные им семь этапов развития тайных союзов сопровождаются соответствующими характеристиками⁵. Примечательно, что постсиньхайский период он характеризует как время разрыва союза революционеров с хуэйданами, конфронтации между бывшими «соратниками», как время роспуска и подавления хуэйданов новой революционной властью.

В целом исследование Цай Шаоцина, построенное по проблемно-хронологическому принципу, затрагивает и решает, хотя и с разной степенью убедительности, довольно обширный круг проблем, многие из которых до сих пор вызывают споры среди ученых. Сделан еще один шаг в сторону понимания тайных союзов как своеобразного явления социально-экономической и политической жизни китайского общества конца XVIII — начала XX вв.

Вместе с тем книга Цай Шаоцина при всей своей значимости не снимает с повестки дня дальнейшее изучение тайных союзов в конкретно-историческом аспекте, а также решение таких проблем, как типология хуэйданов, региональные отличия социального состава союзов, социально-психологические особенности разных категорий люмпенского слоя, эволюция хуэйданов в новейшее время.

*А. С. КОСТЯЕВА,
кандидат исторических наук*

¹ Секты строились по принципу религиозных общин, хуэйданы по типу объединенный побратимов (названных «кровных» братьев). Целью первых являлось осуществление на земле в отдаленном будущем основных постулатов религиозного учения. Цель вторых заключалась в повседневном оказании своим членам различных видов помощи и социальной защиты.

² По мнению Цай Шаоцина, секты в основном состояли из крестьян, а хуэйданы — из люмпенов. Во главе первых стояли монахи, служащие ямыней, во главе вторых — главным образом солдаты расформированных правительственных армий.

³ В основном практиковались две формы вербовки: 1) распространение среди членов тайных обществ выпущенных реформаторами специальных билетов «Общества независимости», которые давали право обладателю получить одновременную денежную сумму и гарантировали иные виды помощи; 2) «внедрение» в правительственные войска через членов тайных союзов, служивших в армии.

⁴ Создание на базе мелких организаций более крупного, единого союза с усложненной структурой руководящего органа, в состав которого входили видные реформаторы и занимали там высшие посты.

⁵ В связи с активным участием хуэйданов в антииностранных движениях конца XIX в. реформаторы стремились переориентировать хуэйданов на борьбу против правительства Шиси, заменить их лозунг «Смерть иностранцам» на лозунг «Спасем народ, защитим страну» (с. 278).

⁶ В период подготовки восстания «Армии независимости» часть хуэйданов сохраняла лозунг «Смерть иностранцам», что не совпало с программой Тан Цайчана. Накануне Синьхайской революции не все тайные союзы приняли республиканские лозунги революционеров. Многие выступали против цинской династии с целью восстановления на троне китайского императора.

⁷ 1) 1761—1795 гг. — период зарождения крупнейшего союза «Тяньдихуэй»; 2) 1796—1840 гг. — период активного развития «Тяньдихуэя» и появление ряда аналогичных организаций; 3) 1840—1874 гг. — период подъема активной и массовой борьбы хуэйданов; 4) 1874—1894 гг. период активной деятельности «Гэлаохуэя», главного участника антимиссионерских восстаний 90-х годов XIX в.; 5) 1894—1911 гг. — период участия тайных союзов в политической борьбе, в революционном движении, становление сотрудничества революционеров с хуэйданами; 6) 1912—1921 гг. — период разрыва союза революционеров с хуэйданами, период конфронтации между ними, роспуска и подавления тайных союзов новой революционной властью; 7) 1921—1949 гг. — период установления связи КПК с тайными обществами.

Новый юридический ежегодник

Юридический ежегодник Китая 1987 г. — Пекин: Фалюй Чубаньшэ, 1987. — 915 с. (на кит. яз.)

Юридический ежегодник Китая 1988 г. — Пекин: Фалюй Чубаньшэ, 1989. — 880 с. (на кит. яз.)

В конце 1987 г. китайским Юридическим издательством выпущен «Юридический ежегодник Китая 1987 г.», представляющий собой новое справочное издание, которое будет выходить в свет регулярно — второй ежегодник вышел в 1989 г. Первый ежегодник вместил в себя материалы за 1979—1986 гг., то есть первых семи лет после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, открывшего процесс восстановления нормальной деятельности политико-юридических органов, правовых научных учреждений и обществ, высших юридических учебных заведений КНР. В ежегоднике наряду с авторскими статьями помещены нормативные акты, тексты международных договоров и материалы судебной статистики. В конце ежегодника дана хронология основных событий в законодательстве страны,

в работе политико-юридических органов и правовой науке КНР. К ежегоднику прилагаются перечни руководителей высших и центральных политико-юридических учреждений страны, списки членов Комиссии по выработке Основного закона Сянгана (Гонконга), членов внешнеторговой, морской и государственной промышленно-правовой арбитражных комиссий, списки руководителей и членов правлений наиболее важных организаций юристов-практиков и ученых-правоведов. Приведены также краткие сведения о некоторых международных юридических организациях и учреждениях — об Ассоциации юристов стран Азии и Тихого океана, Интерполе, Международном суде, Комиссии по международному праву ООН и т. д.

В основном разделе — «Состояние правового строительства Китая» — помещены статьи о законодательной деятельности Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и его Постоянного комитета (ПК ВСНП) с приложением ознакомительной заметки о Комиссии по правовой работе ПК ВСНП, о деятельности Государственного совета КНР по выработке административно-правовых актов с приложением ознакомительной заметки о Правом управлении (бюро) Государственного совета, о деятельности местных собраний народных представителей и их постоянных комитетов по выработке местных установлений, о выработке положений об автономии и отдельно действующих положений районов национальной автономии. Вслед за обзором нормотворче-

ской деятельности органов государственной власти в разделе помещены статьи об организации и работе судебных органов и (отдельно) военных судов, органов прокуратуры и военных прокуратур, органов общественной безопасности и войск вооруженной народной полиции, органов государственной безопасности, юстиции, арбитража (к статье о последних приложены негосударственные нормативные акты, регулирующие организацию и деятельность различных видов арбитражных органов). Раздел завершают материалы о правовой пропаганде в КНР.

Следующие за первым несколько разделов ежегодника (2—5) содержат в основном нормативный материал — действующая Конституция КНР 1982 г. и законы, сначала принятые в 1986 г., затем в своеобразной ретроспективе опубликованы тексты всех законов 1979—1985 гг. В ежегоднике опубликованы доклад Пэн Чжэня о проекте конституции и доклады о других наиболее важных законопроектах.

Вслед за законами опубликованы административно-правовые акты Государственного совета, принятые в 1986 г. Акты классифицированы по разделам: реформа экономической системы, общественная безопасность, гражданская администрация, финансы и т. д. За ними в изложении приведены тексты важнейших актов, принятых на уровне центральных административных органов — министерств и государственных комитетов. Кроме того, приведен перечень важнейших административно-правовых актов КНР 1949—1985 гг., также составленный по отраслевому принципу.

В ежегоднике опубликован ряд местных установлений (в Китае они называются местными законоположениями), принятых в 1986 г. Это первая их публикация в центральном издании. Всего таких установлений, принятых органами власти провинциального уровня, публикуется в ежегоднике 27. Среди них, например, Положение о контроле за качеством промышленных товаров города Пекина, Положение об управлении финансами волостей и поселков провинции Хэбэй, Положение об охране культурных ценностей провинции Хунань, Положение о порядке управления ирригационными работами провинции Цзянси и т. д.

За местными установлениями следуют тексты положений об автономии районов национальной автономии и их отдельно действующих положений, которыми вносятся отдельные изменения в государственное законодательство. В ежегоднике положений об автономии четыре, одно из которых — корейского национального автономного округа Яньбянь — было принято в 1985 г., а все остальные (два автономно-окружных и одно автономно-уездное) — в 1986 г. Большинство публикуемых в ежегоднике отдельно действующих положений приспособляют к местной обстановке Закон о браке КНР,

в частности в положениях ряда автономных районов снижен возраст вступающих в брак по сравнению с установленным в общегосударственном законе.

Нормативные документы содержатся и в следующем разделе сборника (6), который посвящен вопросам административно-территориального деления. В нем помещены несколько нормативных актов 1981—1985 гг. по этим вопросам. В разделе помещены также статья об административно-территориальном делении КНР, таблица такого деления и перечень административно-территориальных единиц уездно-районного и вышестоящего уровня по провинциям, городам центрального подчинения и автономным районам.

Нормативные материалы содержатся также в некоторых последующих разделах сборника (например, 9), где опубликована важная подборка документов по вопросам юстиции — это указания, постановления, резолюции, уведомления и другие важные для судебной практики документы Верховного народного суда, а также совместные документы нескольких центральных органов, например Совместное уведомление Верховного народного суда, Верховной народной прокуратуры, Министерства общественной безопасности, Министерства юстиции о некоторых вопросах участия адвокатов в судебных процессах. Вместе с тем публикуется ряд документов (в том числе и действующих в опытным порядке) Верховной народной прокуратуры, министерств юстиции, гражданской администрации, общественной безопасности.

Один из разделов сборника (7) целиком отведен документам, касающимся будущего статуса Сянган (Гонконга). Там помещены китайско-британские документы по Сянгану, а также существовавший в то время проект Основного закона Сянганского особого административного района КНР (в январе 1989 г. после обсуждения в Сянгане выработан новый проект Основного закона.— Л. Г.), статья о комиссии по выработке этого закона и ее деятельности.

Далее в ежегоднике помещен перечень наиболее важных двусторонних соглашений КНР, заключенных в 1950—1986 гг., и многосторонних соглашений, в которых участвует Китай, начиная с Метрической конвенции 1975 г. до соглашений, к которым КНР присоединилась в 1986 г. В приложении к разделу дано краткое ознакомление с международными соглашениями, к которым Китай присоединился в 1985—1986 гг.

В разделе 10 ежегодника собраны важнейшие доклады и выступления по вопросам правового строительства, в том числе несколько докладов и статей Пэн Чжэня, занимавшего в 1983—1988 гг. пост Председателя Постоянного комитета ВСНП. Опубликованы доклады на IV сессии ВСНП шестого созыва (1986) о работе ПК ВСНП, Верхов-

ного народного суда, Верховной народной прокуратуры, отдельные выступления по правовым вопросам на заседаниях ПК ВСНП в 1986 г., некоторые выступления на Всекитайских совещаниях по вопросам правовой пропаганды в 1985—1986 гг. В разделе помещены также другие доклады и статьи по вопросам права и правовой пропаганды, в том числе и специальная статья по вопросам пропагандистской деятельности органов общественной безопасности.

В ежегоднике содержатся краткие заметки состоявшихся в 1986 г. двадцати двух рабочих совещаний по вопросам работы политико-юридических органов (Всекитайское совещание по политико-юридической работе, Всекитайское совещание председателей судов, Всекитайское совещание главных прокуроров провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, Всекитайское совещание начальников департаментов (управлений юстиции и др.) и тридцати семи научных совещаний и конференций по вопросам правовой науки. Среди последних и конференции, связанные с юбилейными датами (например, Конференция по правовым идеям Дун Биу в связи со столетием со дня его рождения), и ежегодные собрания научных обществ (например, ежегодное собрание научного общества по гражданскому и хозяйственному праву), и региональные или межпровинциальные совещания (например, исследовательское совещание провинций Ляонин, Хубэй и Хэйлунцзян по вопросам хозяйственной преступности), и научные конференции отдельных учреждений и организаций (например, первая научная конференция Политико-юридической школы Министерства юстиции КНР), и международные симпозиумы (например, Китайско-американский симпозиум по вопросам преступности несовершеннолетних), и т. п.

Специальный раздел сборника (12) освещает развитие правовых наук Китая. Этот раздел открывает общая статья о новом развитии китайского правоведения, и далее следуют статьи по отдельным его отраслям, а именно по истории права, истории правовой идеологии (в СССР эта отрасль называется историей политических учений.— Л. Г.), конституционному праву, административному праву, гражданскому праву, хозяйственному праву, трудовому праву, семейному праву, уголовному праву, исправительно-трудовому праву, гражданскому процессу, уголовному процессу, международному праву.

Далее в ежегоднике даны основные сведения, характеризующие общественные организации юристов и научные общества, высшие юридические учебные заведения и научно-исследовательские учреждения, юридические периодические издания и издательства.

Общественным организациям и научным обществам посвящено пятнадцать статей,

в том числе Всекитайской ассоциации адвокатов, Всекитайской ассоциации журналистов по юридическим вопросам, Китайскому обществу правоведения, Научному обществу истории китайского права, Китайскому обществу по истории зарубежного права, Китайскому научному обществу по исследованию преступности несовершеннолетних, Китайскому научному обществу трудового права и другим.

Рекордным в ежегоднике является количество статей, посвященных юридическим высшим учебным заведениям, их 86, в том числе о Политико-юридическом университете Китая, Университете народной общественной безопасности Китая, Университете народной полиции Китая, юридическом факультете Пекинского университета, юридическом факультете Центрального института национальностей. Помещенные в ежегоднике данные свидетельствуют о широком развитии юридического образования в стране: учебные заведения и факультеты юридического или политико-юридического профиля имеются во всех административно-территориальных единицах центрального подчинения КНР. Только в Пекине действует 16 таких учебных заведений, включая юридический факультет Университета по радио и телевидению. В большинстве провинций юридическое образование представлено юридическими факультетами в местных университетах, институтах политико-юридических кадров, учебных заведениях системы Министерства общественной безопасности, в других специальных учебных заведениях (экономических, по подготовке управленческих кадров, национальностей и других) тоже функционируют юридические факультеты. Кроме того, в стране функционирует несколько политико-юридических институтов, созданных еще в 50-е годы, например Восточнокитайский в Шанхае, Центрально-Южный в Ухани, Юго-Западный в Чэнду, Северо-Западный в Сиани.

63 статьи раздела посвящены деятельности научно-исследовательских учреждений в области права. Главным научным центром является Институт правовых наук Академии общественных наук Китая, которому посвящена центральная статья раздела. Ряд статей знакомит с деятельностью институтов или кабинетов правовых наук провинций и местных академий общественных наук, в частности с кабинетом политических и правовых наук АОН провинции Хэбэй, Институтом хозяйственного права АОН провинции Ляонин, Институтом правовых наук провинции Хэйлунцзян, Институтом правовых наук Шанхайской АОН и др. Большинство статей посвящено отраслевым научным центрам при университетах (Научно-исследовательский институт международного права Дипломатического университета, Институт правоведения Народного университета Китая, Институт зарубежного права Политико-юридического университета Китая) или ведомственным ин-

ститутам (Научно-технический институт по уголовным делам Министерства общественной безопасности КНР, институты профилактики преступности, судебной статистики Министерства юстиции, научно-исследовательский кабинет по вопросам труда и трудового права Министерства труда и кадров).

В ежегоднике приведены все юридические периодические издания. Отдельные статьи посвящены издательствам, выпускающим юридическую литературу. Среди журналов, в частности, представлены «Ведомости ПК ВСНП» КНР и «Ведомости Верховного народного суда» КНР, ведомственные журналы «Народная юстиция», «Народная прокуратура», «Народная общественная безопасность», научные журналы «Правоведение Китая», «Правовые исследования», «Правовое строительство», «Правовое обозрение», «Журнал правоведения» и др., всего помещены сведения о 63 журналах; юридические газеты — «Китайская правовая газета», «Газета народной общественной безопасности», «Газета народной полиции». Кроме того, дан перечень 48 юридических газет, издаваемых на местах. Среди издательства, выпускающих юридическую литературу, отмечены специальными статьями юридическое издательство, Массовое издательство, Издательство Политико-юридического университета, Издательство Народного университета общественной безопасности Китая.

Содержание первого «Юридического ежегодника Китая» свидетельствует о больших успехах законодательного строительства КНР в 80-е годы, всестороннем развитии правовых наук и юридического образования в стране, широкой популяризации правовых знаний среди работников государственных органов и общественных организаций, а также среди населения страны. Материалы сборника дают представление об успешном преодолении в Китае пагубных явлений правового нигилизма, бывшего одним из знамен «культурной революции», которая была вахханалией произвола и беззакония.

Вышедший в 1989 г. «Юридический ежегодник Китая 1988 г.» по схеме в основном повторяет предшественника, однако есть существенные различия. Во-первых, ежегодник 1988 г. построен в большей части на материалах одного года — 1987-го, — что позволило осветить события юридической жизни страны более подробно; во-вторых, в ежегодник 1988 г. введены новые разделы — о характерных судебных делах, дающих более объемное представление о деятельности народной юстиции, чем статистические материалы (они тоже присутствуют, как и в первом ежегоднике), и об упорядочении законодательства (перечни отмененных актов); в-третьих, некоторые разделы сведены в один: например, вместо отдельных разделов о юридических учебных заведениях, научно-исследовательских учреждениях, издательствах и периодических изданиях во вто-

ром ежегоднике единый раздел (15). Общее количество разделов сократилось с 19 до 17.

Новым моментом в первом разделе правового строительства, освещающем вопросы правового строительства, являются статьи о проведении в жизнь важнейших законов КНР, в том числе Закона о хозяйственном договоре, Закона о патентах, Закона о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом и других (всего десять статей). Отдельными статьями освещается строительство систем, предусмотренных законодательством в области налогообложения, цен, управления иностранной валютой, таможенного дела, мер и весов, лесного хозяйства, охраны памятников культуры, военной службы. Представляет интерес опубликованный в этом же разделе план разработки законов и постановлений Государственного совета на 1987 г. с указанием, каким министерствам, комитетам или ведомствам была поручена разработка проектов. Например, проект уже принятого в конце 1989 г. Закона об организации комитетов городского населения вырабатывался Министерством гражданской администрации, проект Закона о печати — Главным управлением по делам издательства и печати и т. д.

Среди вновь образованных (в 1987 г.) юридических факультетов высших учебных заведений упомянуты факультет международного экономического права Университета внешней торговли и факультеты хозяйственного права Пекинского финансового института и Пекинского торгового института. Помещены также статьи об Институте правовых наук Тяньцзиньской академии общественных наук, Институте правоведения Университета имени Сунь Ятсена в Гуанчжоу и двух научно-исследовательских центрах Министерства общественной безопасности. В качестве нового издательства юридического профиля представлено издательство «Народный суд», печатный орган Верховного народного суда КНР, среди новых журналов — «Хозяйство и право» («Цзинци юй фалюй»), издаваемый в центре провинции Хэбэй Шицзячжуане.

Юридические ежегодники являются ценным источником для исследований правовой политики КПК и КНР, организации и деятельности законодательных и других политико-юридических органов великого социалистического государства, правотворчества народного Китая, развития там правовой науки и юридического образования. Эти исследования дают богатый материал для сравнений происходящих в КНР общественных процессов с аналогичными процессами в СССР и других социалистических странах, вооружают нас ценным опытом, составляющим часть сокровищницы общего опыта мирового социализма.

*Л. ГУДОШНИКОВ,
доктор юридических наук, профессор*

Теоретическая грамматика китайского языка

В. И. Горелов. Теоретическая грамматика китайского языка. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». — М.: Просвещение, 1989. — 318 с.

Выход в свет «Теоретической грамматики китайского языка» — важное событие в советском китаеведении. Эта книга является составной частью серии написанных В. И. Гореловым монографий по грамматике, стилистике и лексикологии китайского языка. Академик В. В. Виноградов отмечал, что «составление грамматики любого языка сопряжено с величайшими трудностями — теоретическими и практическими». Китайский язык тем более не составляет исключения, т. к. при составлении его грамматики автор сталкивается с проблемами, не известными исследователям других языков.

Книга начинается с описания природы слова в китайском языке. Грамматические свойства китайского слова определяются его семантической, количественной, структурной и морфологической характеристиками. С количественной точки зрения слова китайского языка могут быть односложными первичными лексическими единицами или многосложными словами, вторичными лексическими единицами, которые обладают более широкими возможностями синтаксического употребления.

Очень важно также толкование словоизменительных форм. «Формами слова, — пишет В. И. Горелов — принято называть те изменения одного и того же слова, которые, не меняя основное вещественное значение, обозначая одно и то же понятие, присовокупляют к слову добавочные значения, присутствие частным грамматическим категориям. Формы слова, таким образом, имеют грамматическое значение» (с. 22). В китайском языке существуют два способа образования форм слова — синтаксический, с помощью специальных морфем, и аналитический, с помощью служебных слов.

Изложение проблемы частей речи в китайском языке В. И. Горелов начинает с констатации того, что «многие исследователи грамматики китайского языка, занимаясь построением системы частей речи, постоянно убеждаются, что границы между китайскими словами существуют, но эти границы относительны и не всегда достаточно определены. Поэтому части речи представляют собой не очень четкую и стройную систему». Однако он все же считает, что «наличие час-

тей речи в современном китайском языке у большинства ученых не вызывает сомнения» (с. 25).

Употребление одного и того же слова в разных грамматических функциях называется транспозицией, которая была описана Ш. Балли на примере европейских языков. В. И. Горелов различает морфологическую транспозицию, которая образуется с помощью «изменения лексико-морфологического окружения» слова, и синтаксическую транспозицию, которая не сопровождается изменением этого окружения. Для китайского языка наиболее характерным процессом является именно синтаксическая транспозиция.

С учетом этих сложностей построения системы частей речи в китайском языке В. И. Горелов предлагает три критерия, по которым китайское слово может быть отнесено к определенному лексико-грамматическому классу. «Наиболее существенным критерием следует считать обобщенно-категориальное значение лексической единицы» (с. 29). Важным также представляется автору синтаксический критерий, то есть способность слова функционировать в качестве одного или нескольких членов предложения, его сочетаемость со знаменательными словами других классов или служебными словами. В тех случаях, когда слово обладает словоизменительными формами, последние служат морфологическими критериями выявления грамматической природы слова.

Деление слов китайского языка на знаменательные и служебные известно уже в китайской традиционной филологии, существовали даже словари служебных слов. Современные лингвисты проводят это разграничение на основании явных признаков. В грамматике Люй Шусяна и Чжу Дэси к числу служебных слов относятся такие лексико-грамматические категории, как местоимение, наречие, числительное, к знаменательным — имена, глаголы, прилагательные. Местоимения и собственно наречия не транспонируются в другие части речи, а числительное может быть транспонировано лишь в специальных условиях. К проблеме основного деления слов на знаменательные и служебные В. И. Горелов подошел с точки зрения их референции: знаменательные слова обозначают предметы и признаки, служебные слова обозначают связи и отношения между знаменательными словами. Формально знаменательные слова выполняют функции тех или иных членов предложения, служебные слова в этой роли не выступают.

В отличие от знаменательных слов, подразделяющихся на части речи, служебные слова китайского языка в грамматической системе В. И. Горелова делятся на частицы речи (с. 67). Основные классы служебных слов современного китайского литературного языка — это предлоги, послелоги, союзы, частицы, классификаторы. Помимо них

В. И. Горелов различает также показатели членов предложения. Показателем подлежащего он называет частицу *чжэ*, показателем сказуемого — частицы *эр*, *лай*, *цюй*. Не возражая в принципе против такой характеристики этих частиц, все же хотелось бы отметить ярко выраженную принадлежность частиц *чжэ* и *эр* письменному стилю, а частиц *лай* и *цюй* разговорному. Показателями дополнения В. И. Горелов считает морфемы *ба* и *цзян*, показателями определения — морфемы *-ды* и *чжи* (только в письменной речи), показателями обстоятельства — *ди* и *дэ*.

К частицам речи примыкают специальные лексические элементы — знаменательные слова, которые употребляются в служебной функции. «Они образуют лексический слой, таящий в себе потенциальные возможности формирования новых союзов. Есть основания полагать, что в дальнейшем названные слова, подчиняясь общелингвистическим тенденциям образования служебных частей речи, получат более свободное употребление, расширят свои позиционные возможности и приобретут тем самым грамматические свойства, присущие союзам» (с. 91). К числу таких специальных лексических элементов относятся глаголы *дэн* («ждать»), *цзяо* («звать», «побуждать»), существительное *ши* («время») и т. п.

Основное место в грамматической системе китайского языка В. И. Горелов отводит синтаксису. Он пишет, что «можно с достаточным основанием говорить о том, что в китайском языке существует примат синтаксиса над морфологией» (с. 95). Основными средствами обозначения синтаксических связей и выражения синтаксических значений являются словопорядок, интонация, служебные слова, а также специальные лексические элементы. «Фиксированный порядок слов как одно из синтаксических средств играет важную роль в грамматическом строе китайского языка. Это объясняется тем, что в китайском языке члены предложения обычно выражаются неморфологизированными средствами и синтаксическая функция слова, а следовательно, и его классификация как члена предложения в значительной степени зависит от места, занимаемого словом в строе предложения. Словопорядок в китайском языке более грамматикализован, чем в русском языке. Гао Минкай особо отмечает, что в китайском языке многие синтаксические отношения и значения выражаются порядком слов» (с. 97). Основной порядок слов «подлежащее — сказуемое — дополнение» В. И. Горелов называет наиболее типичным.

Как представляется, на современном уровне исследований по фонетике китайского языка, свойства порядка слов следовало бы описывать в тесной связи с его просодией: каждое изменение основного порядка слов поддерживается паузой соответствующей длительности или определенным движением высоты основного тона, которые выступают в

этом случае наряду с порядком слов как равноправные средства выражения синтаксических отношений.

Элементарной единицей синтаксиса китайского языка является словосочетание, которое представляет собой «семантико-грамматическое единство, состоящее из двух и более знаменательных слов, между которыми существует подчинительная связь» (с. 100).

По числу знаменательных слов словосочетания делятся на простые и сложные. Простыми называются словосочетания, состоящие из двух слов, выражающих единое значение. Двучленные словосочетания создаются на основе единичной синтаксической связи: *май пяо* («купить билет»), *сюэси юйфа* («изучать грамматику») и т. п. Сложными называются словосочетания, состоящие из трех или более знаменательных слов: *сюэ сячи* («учиться играть в шахматы»), *гуйгун юйжэнь* («приписать заслуги другим»), *цого хао цихуй* («пустить удобный случай») и т. п.

Следующий уровень изучения синтаксиса — это предложение, основная синтаксическая единица китайского языка. «Предложение выражает относительно законченную мысль и имеет определенное грамматическое и интонационное оформление» (с. 111). Как структурная единица предложение в грамматической концепции В. И. Горелова представляет собой единицу языка, а как функциональная — единицу речи. Основным семантическим признаком предложения является его предикативность, которая представляет собой единство двух категорий — времени и модальности.

Простое предложение находится в центре системы синтаксиса китайского языка. «Член предложения — это функция структурного элемента (слова или номинального словосочетания) в составе предложения» (с. 120). Такое понимание члена предложения несколько отличается от определения конструктивной единицы синтаксиса в русском языке. «Синтаксемой названа минимальная, далее неделимая семантико-синтаксичная единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций¹. Определение В. И. Горелова отличается от приведенного выше определения Г. А. Золотовой отсутствием требования минимальности: членом предложения может быть синтаксическая единица, обладающая собственной грамматической структурой. В практическом плане это означает потребность в дополнительной ступени синтаксического анализа, в рамках которого анализируются синтаксические отношения внутри сложных членов предложения, поэтому в конечном счете процедура синтаксического анализа в синтаксической теории В. И. Горелова сводится к анализу синтаксических отношений на уровне неделимых

семантико-синтаксических единиц китайского языка.

В китайском языке имеется несколько синтаксических структур, интерпретация которых породила оживленную дискуссию между лингвистами. Это — простые предложения типа: вань дапола («чашка разбилась»), во цзинсин хуай («у меня память плохая»), гуйцзыли ши шу («в шкафу — книги»). По поводу каждого из этих типов предложения В. И. Горелов высказывает свое оригинальное мнение.

При синтаксическом анализе китайского языка В. И. Горелов предлагает выделять промежуточный уровень между простым и сложным предложением. Синтаксические единицы этого уровня он предлагает называть усложненными предложениями. Они могут быть предложениями с включенной частью, где один из членов выражен целым предложением, или предложениями с придаточной частью — так называется предикативная единица неполного состава, присоединяемая к предложению подчинительным союзом или каким-либо иным средством синтаксической связи (с. 176).

Сложное предложение — это синтаксическая единица, которая состоит из двух частей, образующих смысловое и структурное единство. Сложное предложение, под-

черкивает В. И. Горелов, — не группа предложений, а сложное синтаксическое единство. Исследованию этих предложений посвящен заключительный раздел грамматики китайского языка.

Выход в свет «Теоретической грамматики китайского языка» В. И. Горелова — значительное событие. В его новой книге нашли достаточно полное отражение наиболее существенные черты и особенности грамматической системы китайского языка, определяющие ее своеобразие. Многочисленные факты и явления грамматики приведены в достаточно стройную, непротиворечивую в своих основных чертах систему. Нет никакого сомнения в том, что «Теоретическая грамматика» В. И. Горелова послужит делу дальнейшего повышения уровня преподавания китайского языка в наших востоковедных учебных заведениях и станет стимулом для дальнейших исследований китайской грамматики.

М. СОФРОНОВ

¹ Г. А. Золотова. Синтаксический словарь, М., 1988. — С. 4.

СИС: социум, информация, статистика

Как влияет на здоровье «ламбада»!

Как вы относитесь к популярному ныне танцу «ламбада»? Если Вы поклонник этого танца и чрезмерно им увлекаетесь, то следует остерегаться неприятных последствий, которые могут проявиться через какое-то время, — к такому выводу пришли ученые Тайваня.

По мнению тайваньских медиков, близкий контакт молодых людей, танцующих под зажигательную бразильскую мелодию, вызывает интенсивный приток крови у мужчины и в итоге... фанатики этого танца могут страдать расстройством половых функций организма. Что же касается девушек, то «ламбада» может привести к ненормальной сексуальной потребности, предупреждают осторожные тайваньские доктора.

Читайте в следующем номере:

- «Шоковая терапия»: вьетнамский вариант
 - Анкета главного советника Сунь Ятсена
 - Дракон — древний символ Китая
 - Конец атамана Анненкова
 - Сокровища российской духовной миссии в Пекине
 - Трактат школы ушу: «Кулак восьми триграмм»
-

Дорогой читатель, напоминаем, что розничная продажа нашего журнала ограничена. Подписаться на него можно в любое время во всех отделениях связи.

Поправка в № 3 за 1990 г.

Стр. 184, последний абзац, следует читать:

...насчитывать три. Последнее положение, видимо, связано с распространением в Китае буддизма, принесшего с собой трансформированную теорию и практику индийской йоги. В ней большую роль играло учение о чакрах — «колесах», средоточиях праны, которых всего насчитывается семь. В нижней области *даньянь* узнается Свадхиштхана-чакра, в средней, — вместилище «дыхания»-ци — Манипура чакра, в верхней объединяются Аджна-чакра и Сахасрара-чакра. Иногда выделяют пять областей *даньянь*.

Технический редактор Т. Ерохова

Сдано в набор 31.05.90 г. Подписано в печать 11.07.90 г. А01405

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 14,0 Усл. кр.-отт. 28,4

Уч. издат. л. 24,57 Тираж 14 468 экз. Заказ 1142

Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли 119817. ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Государственного
142300, г. Че